

НОВЫЙ ЖЕЖ

1. 2002

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕВРЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ

■ **КАК ЗАПАДУ
ПОБЕДИТЬ
ТЕРРОР?**

■ **«ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ»
В НОВОМ
переводе**

■ **200 ЛЕТ ВМЕСТЕ
Каков же итог?**

■ **ТОРА И АРАБО-
ИЗРАИЛЬСКИЙ
КОНФЛИКТ**

■ **«КТО Я? КТО МЫ?»
Размышления
Главного раввина
Великобритании**

■ **«...Нам оставляют
пророки и гении
душ своих звучных
мотив!»
ВСПОМИНАЯ
МАРИЮ ЮДИНУ**

■ **ФЕНОМЕН
АНТИСЕМИТИЗМА
В НОВОМ
тысячелетии**

■ **КРАСНО-
КОРИЧНЕВЫЕ
В АМЕРИКЕ**

N E W C E N T U R E

INTERNATIONAL JEWISH MAGAZINE

НОВЫЙ ХЕХИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЕВРЕЙСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1

МОСКВА
2002

НОВЫЙ ВЕК

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЕВРЕЙСКИЙ
ЖУРНАЛ

Главный редактор

Иосиф Бегун

Редакционная коллегия

Шломо Громан

Валентин Оскоцкий

Николай Профирный

Семен Резник

Михаил Хейфец

Ирина Горюнова

Лев Утевский

Алла Юдина (Отв. секретарь)

Рисунки Алла Гордон
Дизайн и верстка Елена Апраксина
Корректура Татьяна Ваксман

ISBN 5-94527-003-2

Редакция:

Тел.: (095) 210-40-19

E-mail: alyud@ru.ru

Отпечатано в ООО

«Типография ПОЛИМАГ»

127247, Москва, Дмитровское шоссе, 107

Заказ № 346

**Первая страница
обложки**

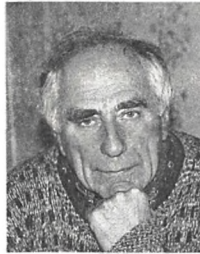
**«Монна Лиза
Галлилеи»**

Четвертая страница обложки

Мозаики из раскопок

древнего Циппори.

(Материал читайте на стр. 85)

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Мудрость древнего проповедника, что «нет ничего нового под солнцем» — не для нашего времени.

И уже начало нового века принесло тому еще одно доказательство: 11 сентября 2001 года «мир стал другим». Гибель тысяч людей в нью-йоркских небоскребах от рук террористов-самубийц перевернула все мыслимые представления о масштабах и возможностях сил зла. Новый международный еврейский журнал выходит в свет на драматическом переломе столетий, когда человеческой цивилизации грозит новый страшный враг — мировой терроризм.

Для чего и для кого этот журнал?

По своей весовой категории он принадлежит к разряду «толстых» общественно-политических и литературных журналов. На его страницах читатель найдет общественно-значимую публицистику аналитического характера и добротные литературные произведения.

Имя обязывает: на страницах журнала «Новый Век» должны найти место тревоги и надежды наступившего века, разумеется, в их еврейском контексте. Редакция предполагает знакомить читателей с основными проблемами современного еврейства, с богатствами духовной культуры еврейского народа, его литературой, искусством, героическим прошлым, великими именами... Еврейское государство, его достижения и проблемы, его безопасность — одна из ведущих тем журнала. Еще одна важнейшая тема — связь между народом Израиля и еврейством в странах диаспоры.

Сверхзадача журнала — вызвать у читателей, живущих в разных странах и на разных континентах, чувство сопричастности с Землей Израиля, помочь им проникнуться ее проблемами и болью, почувствовать величие еврейской истории.

Сегодня особо обострилась проблема выживания евреев как нации. С одной стороны, арабские режимы угрожают еврейскому государству физическим уничтожением.

С другой — существованию еврейства в странах диаспоры грозят высокие темпы ассимиляции.

Но нельзя быть пессимистами! Как показывает вся его 4000-летняя история, еврейский народ неизменно находил в себе силы для преодоления самых тяжелых испытаний. Библейские пророки и борцы варшавского гетто оставили один и тот же призыв своим потомкам: «еврейский народ будет жить!».

Иосиф Бегун

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ВОСТОК - ЗАПАД: МИР В БОРЬБЕ С ТЕРРОРОМ

Беньямин НЕТАНИЯГУ: как Западу победить террор.....	6
Эйтан ФИНКЕЛЬШТЕЙН. Исламский фундаментализм: корни и современность.....	11
Александр КЛЮГМАН. Израиль — полигон исламского террора.....	20
Шломо ГРОМАН. Демографический фактор ислама.....	23
Софья ВАСИЛЬЕВА. Россия и Израиль: исламский террор угрожает обоим.....	29

ИЗРАИЛЬ: ЕЩЕ ОДНА ВОЙНА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

Норман ПОДГОРЕЦ. Крах иллузий Осло.....	33
Джалал БАНА. Ненависть от первого лица. <i>Беседа с шейхом Раадом Салахом</i>	37
Джордж МИТЧЕЛЛ: «У этой проблемы нет военного решения».	40
<i>Комментарий депутата кнессета М. Нудельмана</i>	43
«Нацисты лучше израильтян». <i>Интервью посла Палестинской автономии</i>	45
Эстер ВАКСМАН. Борьба со злом требует участия всех.....	47
Марк ХЭЛПРИН. Израиль не может проиграть эту войну.....	48

ИЗРАИЛЬ: ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Валентин КОБЯКОВ. Юбилейное письмо верхогляда.....	52
Герц ФРАНК: «Снимаю не событие, а душу».....	64
Аркадий КРАСИЛЬЩИКОВ. Поселения. Тест на человечность.....	69
Шула КОПФ. Заповедь «возлюби ближнего» как общенациональная задача.....	82
Митч ПИЛЬЦЕР. Мозаика древнего Циппори.....	85

ЕВРЕЙСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Джонатан САКС. Кто я? Кто мы?.....	87
------------------------------------	----

ИЗРАИЛЬ И ДИАСПОРА

Эйтан ЛЕВИН. Евреи во времени и в пространстве.....	100
Дэвид БАЙЛЬ. Прикованы к Израилю.....	105
Наоми РАГЕН. Из Иерусалима, с солидарностью.....	109
Малком ХОНЛЕЙН. Для евреев мира Израиль — не просто еще одно государство.....	110

СРЕДИ НАРОДОВ МИРА

«200 лет вместе». Каков же итог?.....	112
Лев АННИНСКИЙ. Чему могут русские научиться у евреев?.....	112
Борис БЕРГЕЛЬСОН. 200 лет «стеснений и ограничений».....	124
Валентин ОСКОЦКИЙ. Еврейский вопрос по Солженицыну.....	128
Семен РЕЗНИК. Красно-коричневые в Америке.....	138
Песах АРОНСОН, Иосиф БЕГУН. Израиль — Россия: время дружить.....	149

СТАРАЯ-НОВАЯ НЕНАВИСТЬ

Реувен ШАБАТ. Антисемитизм образца третьего тысячелетия.....	153
Позор и уроки Дурбана. Раввин М. Мальхиор об антиизраильских тенденциях в современном мире.....	155
Марк ХАРАХ, Шломо ГРОМАН. Арабская школа ненависти.....	161
Протоиерей Александр БОРИСОВ. Отношение к народу Божию — вопрос судьбы нашего собственного народа.....	163

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

Песня песен. <i>Новый перевод Я. ЛАХА</i>	166
<i>Денис СОБОЛЕВ</i> . Авраам ибн Эзра как первый европейский еврей.....	184
<i>Лев УТЕВСКИЙ</i> . Тора и современность.....	189

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

<i>Лариса МИЛЛЕР</i> . Стихи.....	193
<i>Александр КРЮКОВ</i> . Израильские писатели об Израиле и израильтянах. <i>Эфраим КИШОН, Йосл БИРШТЕЙН, Эдгар КЕРЕТ, Меир ШАЛЕВ</i> в переводах <i>А. Крюкова</i>	197
<i>Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ</i> . Великие мастера музыки.....	207

МЕМОРИЯ

Вспоминая Марию Юдину. <i>Олег ЧЕРНИКОВ</i> . Руки Мадонны.....	219
<i>Яков НАЗАРОВ</i> . Личность.....	222
<i>Марина РАЙКИНА</i> . Максимов, он же Райкин.....	226

КНИЖНАЯ ПОЛКА

<i>Самсон МАДИЕВСКИЙ</i> . Сионизм без Сиона.....	232
<i>Азарий МЕССЕРЕР</i> . О рукописи, которая не сгорела.....	236
<i>Михаил ХЕЙФЕЦ</i> . 2000-летняя дискуссия.....	241

Summary

The «New Century», International Jewish Magazine in Russian publishes in Moscow but prepared in three «Jewish capitals» — Jerusalem, Moscow, New York. The main goal of this «thick» magazine is the presenting of the features and problems of the modern Jewry, living for the last more than fifty years in two different worlds: state of Israel and the Diaspora. The unity of these two parts of Jewish people is one of the modern Jewish issues. The magazine contains the special division to discuss this crucial issue.

Being the Jewish one the «New Century» Magazine could not be out of the global problem of the World itself — the problem of the Islamic terrorism. Numbers of articles are published being triggered by the tragic date of the Sept., 11, 2001. Among them the compilation of the former Prime Minister of Israel B. Netanyahu's speeches «How the West can overcome the Terror» and the article of an Israel journalist Sonia Vasilyeva «Russia and Israel: the Islamic terror threatens to both».

The Magazine covers the very wide specter of Jewish subjects, from the problem of Jewish settlements on the West Bank to the latest Solgenitzin's book about Jews in Russia, which involved Jewish and none-Jewish intellectuals in the strict discussions, from the critics of Oslo Peace process to the process of adaptation in Israel of the new repatriate, former well-known Soviet film producer, from the mass anti-Semitic education in Palestinian schools to the modern intellectual anti-Semitism in the United States.

The Jewish identity now is one of the burning themes of modern Jewish society in the Diaspora, so as in Israel. In this case the Magazine publishes a chapter «Who are we? Who am I?» from the book by Jonathan Sacks, the former Chief Rabbi of Great Britain. Among the great number of materials, dedicated to Jewish culture, there is a new Russian translation of the «Song of Songs» by Yakov Lach (Beer-Sheva).

The color pictorial mosaic floors from ancient Zippory are placed on the covers, showing the rich arts of Jewish society in Hellenistic and Roman times.

ВОСТОК—ЗАПАД : МИР В БОРЬБЕ С ТЕРРОРОМ

Новый век, на который уповали как на новую веку на пути взаимопонимания и объединения между странами и народами, вопреки различиям в идеологиях и религиях, обернулся началом по существу необъявленной войны: между Востоком (в лице воинствующих религиозных фундаменталистов) и Западом (в лице развитых демократических обществ). Некоторые аналитики уже объявили беспрецедентную по бесчеловечности авиационную атаку исламских террористов на нью-йоркские небоскребы 11 сентября 2001 года первым залпом Третьей мировой войны. Никто не может с полной уверенностью утверждать реальность подобных апокалиптических прогнозов, но вряд ли возможно однозначно отрицать и этот сценарий.

Надежды на то, что мировое противостояние двух непримиримых систем, смертельно опасное для самого существования человечества, больше никогда не повторится, обрели новую силу после краха тоталитарного советского режима. Известный политолог Фрэнсис Фукуяма поспешил даже провозгласить «конец истории» в том смысле, что отныне исчезнут войны, конфликты и вообще какие-либо драматические события. Увы, действительность опровергла эти пророчества еще до того, как успели высохнуть чернила на последней странице трактата, где они были написаны. Воинствующий исламский фундаментализм, радикальные режимы в Иране, Судане и некоторых других мусульманских странах показали себя как главный дестабилизирующий фактор мировой политики в начале XXI века.

Террор против «неверных» обрел в исламе форму религиозной доктрины в средневековые времена священной войны с христианским Западом. В наше время ее взяли на вооружение ваххабиты — сторонники фундаменталистского направления современного ислама. Гуманистические ценности западной демократии оказывают, по их мнению, разлагающее влияние на исламское общество, а потому... заслуживают уничтожения. Одним из проявлений такого рода священной войны ислама был террор ваххабитской группировки «Мусульманские братья» в Египте, целью которой было превращение этой страны в теократическое государство ислама. Жертвой исламских боевиков стал президент Анвар Садат, подписавший незадолго до этого мирное соглашение с Израилем. Фундаменталисты имеют свое теологическое обоснование для политического убийства: бунт против власти является долгом мусульманина в том случае, когда правитель «отошел от чистого ислама».

Все оправдано, что служит приближению «светлого» будущего. Человек западного общества или умеренный мусульманин и вообще все те, для кого человеческая жизнь — высшая ценность, не приемлют самоубийства, но воинствующие теологи джихада — священной войны с неверными — призывают идти на смерть за дело ислама и «гарантируют», что это прямая дорога рай. И этот призыв, как можно видеть, услышан многими...

Неверно утверждение о том, что эскалация арабского террора началась 11 сентября. Уже много лет тому назад — если говорить только о США — террористы пытались провести акции массового уничтожения гражданского населения. Следует вспомнить о попытках взрыва в 1993 году транспортных тоннелей в Нью-Йорке, через которые ежедневно проезжают сотни тысяч людей. В том же году удалось сорвать попытки взрыва в том же городе зданий ООН и Центра мировой торговли. В 1994 году служба безопасности предотвратила план взрыва на протяжении 48 часов 12 американских пассажирских самолетов, летевших с Дальнего Востока в США. Лишь теперь, когда террористам удалось их сатанинский план в самом чувствительном месте США, общественное мнение обратило на них серьезное внимание.

В современной геополитике понятия «далеко» уже не существует, и внезапно обнаружившаяся уязвимость крупнейшего в мире демократического государства обеспокоила и тех, кто живет далеко от Америки. К странам, страдающим от мусульманского террора, принадлежит и Россия, страна, также населенная «не-

верными» и уже в силу этого привлекающая к себе внимание вдохновителей исламского террора. Действия чеченских боевиков нередко напоминают почерк, хорошо известный, к несчастью, израильтянам. Как жертвы одной и той же системы террора, Израиль и Россия должны объединить свои усилия в борьбе за безопасность своих граждан.

История недавно ушедшего XX века, наполненного ожесточенными конфликтами, войнами, массовой гибелью людей, должна научить всех, кому дороги идеалы демократии и гуманизма, что одержать победу в борьбе с силами зла (представителями тотального зла в том веке — отнюдь не единственными — были немецкие нацисты) можно лишь в объединенной борьбе против него. Беспрецедентная — по крайней мере, для переживаемой нами эпохи — солидарная военная и политическая акция по разгрому террористов бен-Ладена в Афганистане, осуществленная коалицией крупнейших мировых держав, поддержанная большинством стран мира как на Западе, так и на Востоке, вселяет определенную надежду на будущее. Будущее, в котором на карту поставлена судьба мировой цивилизации, основанной на идеалах свободы и уважения прав человека.

БЕНЬЯМИН НЕТАНИЯГУ: КАК ЗАПАДУ ПОБЕДИТЬ ТЕРРОР

Сурово осужденный странами Запада в 1990-х годах и, казалось бы, похороненный на свалке истории, террор бушует вновь. Причем, если раньше его аренами становились второстепенные, с общепланетарной точки зрения, объекты — городские подземки в европейских столицах, автобусы и супермаркеты в Израиле, еврейские общинные центры в странах диаспоры, американские посольства в странах Африки, — то теперь террор нещадно уничтожил один из важнейших символов Америки и всего свободного мира — Центр мировой торговли в Нью-Йорке, еще несколько месяцев назад казавшийся незабываемым, как само мироздание.

Принципиальная особенность нынешнего террора — это отсутствие каких-либо сдерживающих начал, ограничений. Такой террор объявляет свою идеологию стоящей выше всех гуманистических принципов и общечеловеческих норм. Он отличается от таких типов партизанской войны, при которых подпольная организация не ставит перед собой задачу преднамеренно вызвать гибель гражданского населения. Этот тип террора характерен не только для мусульманских радикалов, но и

вообще для тоталитарных режимов.

Точечные меры борьбы с террором, успешно практиковавшиеся в 1960-х, 70-х, 80-х и даже 90-х годах, уже не пригодны. Переговоры об освобождении заложников, придирчивые проверки в аэропортах — это уже вчерашний день. Сегодняшние террористы убивают и бомбят свои цели без предупреждения, и все, что остается правоохранительным органам, — это расследовать злодеяния бандитов задним числом. Причем от непосредственных исполнителей показаний уже не получить: они сошли в могилу, предварительно совершив по наущению своих наставников «героический подвиг», ничего общего с жизнью не имеющий. Выследить и обезвредить каждого потенциального камикадзе невозможно. Но это не означает, что мы не в состоянии «вычислить» духовных лидеров, покровителей и спонсоров террора — и заблаговременно принять против них надлежащие меры.

Крестные отцы международного терроризма хорошо изучили психологию Запада и умело нащупывают его ахиллесову пяту. Террор для них — это метод управления обществом путем устрашения этого общества. По логике

террористов, напуганное общество должно надавить на правительство: или защити нас, или уйди в отставку. Напуганное общество, по замыслу террористов, должно утратить нравственные ориентиры и целиком следовать инстинкту выживания, даже ценой отказа от привычного образа жизни и демократических ценностей.

В отличие от всенародно избранного лидера, главарь террористической организации не подотчетен своему народу и принимает решения в одиночку. Сограждане для него — не более чем послушные солдаты, исполнители его воли. В тоталитарном обществе, в отличие от свободного, смена власти под давлением снизу невозможна — поэтому ареной своей деятельности террористы выбрали именно западный мир. Однако демократичность последнего не должна более нести в себе черты слабости и беспомощности перед лицом тирании, сверхзадача которой — уничтожение достижений социального прогресса и погружение всего мира в пучину средневековья.

К сожалению, недостаточное осознание Западом опасности международного террора позволило главарям последнего на протяжении многих лет накапливать средства в западных банках и создавать арсеналы смертоносного оружия, среди которого, по некоторым данным, имеются такие виды оружия массового уничтожения, как химическое и бактериологическое. При том, что финансовую и организационную базу международного терроризма предоставляют тоталитарные государства, на территории которых будущие боевики проходят идеологическую и военную подготовку, этими странами география террора не ограничивается.

Паразитируя на западных ценностях и технологиях, террористы создали разветвленную, по-своему совершенную структуру, в орбиту которой оказываются вовлечены и люди, не имеющие представления о ее схеме и назначении. Этому способствуют доверительность и открытость, традиционно присущие западному обществу, в отличие от закрытого за семью печатями восточного. Но главное оружие современного терроризма —

естественно, его сознательные, горячие адепты: мусульманские «шахиды», великомученики, индоктринированные готовностью пожертвовать собой во имя достижения поставленной цели — воцарения ислама на всей планете. Цели столь иррациональной, что средний западный человек не в состоянии втиснуть ее понимание в обыденные рамки.

На пути борьбы с террором нас поджидают немалые трудности: не только внешнего характера (идентификация объектов противника, определение их дислокации и принятие оперативных мер по их уничтожению), но и внутреннего.

Нет смысла распространяться о том, что Соединенные Штаты и другие свободные державы обладают более чем достаточными техническими средствами для того, чтобы дать отпор террористам. Речь ниже пойдет о проблемах, связанных со структурой западного сознания и со стереотипами, свойственными просвещенному обществу и рискующими парализовать его волю.

Одно из главных препятствий для целеустремленной борьбы Запада с террором — присущее его обитателям человеколюбие, ставящее подсознательный заслон на пути применения необходимых для этого средств. Культурный человек, воспитанный на идеалах гражданских свобод и гуманизма, инстинктивно отмежевывается от таких действий, которые способны составить угрозу мирному населению, даже при наличии косвенных доказательств того, что оно потворствует или даже содействует боевикам. Западная мораль рассматривает жизнь человека в качестве главенствующей ценности и не оправдывает убийство людей без суда и следствия. В этом и заключается ее уязвимость в рассматриваемом контексте.

Во время войны — антитеррористическая не исключение — возникают особые, не поддающиеся мирным шаблонам обстоятельства. Может ли идти речь о планомерной организации суда над головорезом, готовым через пять минут взорвать себя вместе с десятками окружающих ни в чем не повинных людей?

Современному просвещенному обществу необходимо уяснить, что следование законам мира в обстановке боевых действий — а именно так следует квалифицировать борьбу с террористами — не только неразумно, но и губительно. Это уже вопрос не чистой политики или престижа, а элементарного выживания. Как ни горько осознавать, именно гуманистический подход играет на руку воинствующим (в самом прямом смысле этого слова) антигуманистам.

За последние годы террористы поднаторели в демагогическом искусстве подведения рациональной базы под свои действия, которая может на словах носить привлекательный, даже прогрессивный характер, претендовать на симпатии и сочувствие определенных кругов на Западе. Программа-минимум террористов заключается в том, чтобы их «поняли»; тогда появляется шанс на выполнение программы-максимум — чтобы их одобрили.

Один из самых вредных подходов к рассмотрению проблемы террора — попытка идентификации политических целей, скрывающихся за действиями боевиков. Привыкшая к интеллектуальному, логическому анализу происходящего, западная цивилизация рискует оправдать те или иные насильственные действия неудовлетворенными национальными устремлениями тех, кто встал на путь насилия.

Распространенное заблуждение гласит: пойдя навстречу террористам и выполнив их условия, мы лишим их политической базы для продолжения своей деятельности. Однако это всего лишь иллюзия. Выжав путем шантажа даже малейшую уступку, террористы почерпнут в ней уверенность в правильности своей тактики и тотчас поставят себе новую, еще более далеко идущую цель.

Не менее опасно представление о том, что к террористическим действиям людей толкает нерешенность их социальных, экономических или иных проблем. Попробуйте себе представить цивилизованного человека, ограбившего банк и оправданного судом на основании того, что накануне он потерял работу!

Исламский террор не имеет себе равных по степени вандализма. В мире есть много примеров, когда те или иные народы боролись за свое освобождение, не прибегая при этом к сознательному истреблению мирного населения. Французское Сопротивление ненавидело нацистов, но французские партизаны не убивали жен эсэсовцев или их детей. Поэтому все попытки обосновать свои действия ссылками на борьбу за справедливое дело не стоят ни гроша. Когда террористы подобного типа приходят к власти, очень быстро выясняется, что все их призывы к свободе или борьбе за права человека — пустой набор лозунгов. Они моментально превращаются в отъявленных диктаторов и тиранов.

Главная цель Арафата и ему подобных — не собственно свобода, а власть. Лозунги, используемые ими, служат лишь прикрытием для стремления прорваться к власти, установить свою тиранию. И потому корень зла нынешнего террора — это особый, диктаторский тип мышления его организаторов, их безудержное стремление к власти, превалирующее над всеми человеческими нормами.

Ключевая цель террора — внушить обитателям Запада чувство незащищенности. Не подготовленное к такому развитию общество может решить, что борьба с террором бесперспективна, опустить руки и сдать свои позиции без боя. Убедительный исторический пример — многолетнее противостояние свободного мира коммунизму.

Еще лет двадцать назад мало кто на Западе верил, что эта некогда мощная тоталитарная идеология потерпит крах, тем более, в обозримом будущем. Но колосс обрушился. Теперь Запад норовит почивать на лаврах победы над коммунизмом, ошибочно полагая, что главная опасность позади. К несчастью, это не так. Пассивность в нынешней ситуации неуместна и опасна. На смену ей должна прийти сплоченность западного мира в борьбе с его смертельным тоталитарным врагом — международным терроризмом. В этой борьбе следует четко различать атакующих и защи-

щающихся, террористов и их жертв. Лицемерная пропаганда первых направлена на создание иллюзии симметрии между сторонами, добиваясь того, чтобы негодование внешних наблюдателей по поводу антитеррористических операций заглушило или хотя бы нейтрализовало справедливое возмущение их собственными злонамеренными действиями.

«Борись со злом вовремя, пока оно не разрослось до непреодолимых размеров», — писал в начале XX века один из лидеров еврейского национального возрождения Израэль Зангвиль. Этот девиз должны сегодня взять на вооружение политические деятели Запада: президенты и премьер-министры, конгрессмены и парламентарии. Не удушив террор сегодня, они позволят ему вскоре удушить их самих.

Однажды, в 1930-х годах, мир не прислушался к предупреждению Зангвиля. Чем это закончилось для шести миллионов его собратьев и для многих миллионов граждан других национальностей — известно всем.

Людам свойственно пленяться красивыми идеалами, не верить в худшее и видеть в происходящем только светлые черты, даже если они едва заметны на темном фоне. В 90-х годах нечто подобное происходило в Израиле. Уверовав в скорое урегулирование конфликта с палестинскими арабами, лидеры еврейского государства утратили бдительность и позволили вовлечь себя в авантюру Норвежских соглашений.

За несколько месяцев до своей трагической гибели подписавший их от имени израильского народа Ицхак Рабин почувствовал, что ситуация выходит за рамки прогнозируемого сценария, и несколько раз повторил мало кем замеченное в эйфорической обстановке заявление о том, что террор против Израиля вновь обретает черты стратегической угрозы. Отмахнувшись от этих пророческих слов, другие руководители партии Авода продолжали двигаться путем уступок, словно не обращая внимания на непрерывно усиливающийся террор. По наивности полагая, что агрессивная антисемитская риторика Ясира Арафата и других

деятелей Палестинской автономии предназначена лишь для «внутреннего пользователя», израильские лейбористы пост-рабинской эпохи не дали себе труд осознать, что слова Арафата во все не расходятся с делами.

Апофеоз абсурда наступил в июле 2000 года, когда тогдашний глава партии и правительства Эхуд Барак согласился отдать под контроль палестинских арабов не менее 95 процентов территории Иудеи и Самарии, а в обмен на недостающие до ста процентов участки, на которых сосредоточились крупнейшие поселенческие анклавы, отдать земли, входящие в «зеленую черту». Речь шла, по существу, о молниеносной реализации Норвежских соглашений, предусматривавших лишь постепенный отход Израиля к скорректированным границам 1967 года. Казалось, мечта жизни Ясира Арафата осуществляется. Но вместо того, чтобы поставить свою подпись под документом, он решил не довольствоваться малым и вынес на повестку дня вопрос о возвращении миллионов беженцев в их дома, вот уже более полувека находящиеся на суверенной территории Израиля. Для еврейского государства это было равнозначно самоубийству, и Кэмп-Дэвидские переговоры сорвались, сменившись интифадой.

Вернемся от израильского к более широкому, международному контексту. Вот лишь частичный перечень мер по борьбе с террором, которые может сегодня принять Запад.

1. Исключение всякой ситуации, при которой террористы получают за свои действия награду в виде территорий, денег или любую другую. Любые проблемы Запад готов обсуждать только за столом переговоров. Если же Восток к этому не готов и предпочитает вооруженный путь, то это неизбежно вызовет решительный отпор.

2. Введение санкций против тех, кто поставляет ядерные технологии государствам, поддерживающим террор. Среди последних следует выделить Иран, несмотря на протесты Израиля продолжающий получать от России средства для создания атомной бомбы. Однажды — в 70-х годах — Конгресс США с помо-

щью поправки Джексона-Вэника, ограничивавшей статус СССР в мировой торговле, заставил эту страну предоставить евреям свободу выезда. Подобные экономические шаги должны быть незамедлительно предприняты против КНДР и других стран, продающих террористическим режимам оружие массового уничтожения или его компоненты.

3. Наложение дипломатических, экономических и военных санкций на сами террористические государства. В отношении Ирака и Ливии эта мера себя оправдала; остается лишь расширить перечень режимов, проводящих насилье, включив в него, например, Сирию и Палестинскую автономию, до сих пор не примирившихся с существованием еврейского государства.

4. Замораживание банковских счетов и другой ценной собственности террористических организаций, размещенной на Западе и используемой ими для финансирования своих вооруженных операций против него же.

5. Координация разведывательной деятельности. Принципиальное новшество здесь состоит в том, что страны Запада должны отодвинуть на второй план свои хорошо понятные интересы национального масштаба и объединить усилия в борьбе с глобальной опасностью — международным террором.

6. Внесение корректив в законодательства демократических государств. Ликвидация уязвимых мест позволит им развязать себе руки для эффективной борьбы с террористами, умело использующими слабости западной цивилизации, ее моральную и юридическую неподготовленность к сложившейся в последнее время ситуации. Кон-

кретный пример: следует запретить сбор пожертвований в фонды, внешне носящие гуманитарную окраску, но де-факто обслуживающие террористические организации. Целесообразно также предоставить спецслужбам большую свободу действий в расследовании деятельности группировок, подозреваемых в терроризме, а также ужесточить ограничения на владение оружием.

7. Пересмотр иммиграционных законодательств. Эре бесконтрольных миграций, когда массы террористически настроенных выходцев с Востока беспрепятственно направляются на Запад и подрывают демократический строй изнутри, пора положить конец. Сказанное не означает, что некий человек может быть лишен права на жительство только на основании его национальности, однако тщательное изучение его биографии и целей въезда в демократическую страну совершенно необходимы.

8. Переход к активному преследованию террористов в любой точке земного шара и подготовка специальных подразделений по борьбе с террором.

Там, где путь мирных переговоров себя не оправдывает, приходится прибегать к силовым мерам. Энергичные действия США против подразделений «Талибана» в Афганистане продемонстрировали миру, что победить террор военным путем можно и необходимо. Дело за правительством Израиля.

Беньямин Нетаниягу — один из ведущих политических деятелей Израиля, в прошлом — лидер партии Ликуд и премьер-министр.

Материал подготовил Ш. Громан

Эйтан ФИНКЕЛЬШТЕЙН

ИСЛАМСКИЙ ФУНДАМЕНТАЛИЗМ: КОРНИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Уже давно «политический ислам» вышел за пределы мусульманского мира, став предметом тревожного внимания мировой общественности. Нет сомнения — то, что происходит внутри мусульманского сообщества, станет определяющим фактором мирового развития в XXI веке. Главное же, что там происходит, — это рост влияния воинствующего исламского фундаментализма. И хотя истоки исламского фундаментализма восходят к четырнадцативековому прошлому мусульманского мира, главная особенность воинствующего исламского фундаментализма — его устремленность в будущее.

Нужно отметить, что основоположники этого учения начинали либо как традиционные богословы, либо как люди, желающие очистить лично себя от скверны современной жизни. Однако в дальнейшем они оказались втянуты в водоворот общественной жизни ходом событий как в их собственных странах, так и на мировой арене.

Сегодня фундаменталисты добиваются политической власти с целью радикально изменить общественное устройство в своих странах, в мусульманском и в остальном мире. Во всяком случае, воздушная атака на США 11 сентября 2001 года не оставляет в этом сомнений. Причем большинство фундаменталистов видит в возврате к насилию, к средневековым методам борьбы лучший способ одолеть приверженцев западного образа жизни или просто умеренных прогрессистов.

Конечно, сторонников такой позиции в мусульманском мире меньшинство; тем не менее, число воинствующих фундаменталистов постоянно растет. Они уже сегодня представляют из себя серьезную угрозу светским правительствам в арабских странах. Исламский фундаментализм может оказать на арабский мир более глубокое влияние, нежели застаре-

лый конфликт с Израилем или «свежее» противоборство с Ираном. Правительства в Алжире и в Египте уже сегодня стоят перед открытым вызовом исламистов. Обстоятельства самого различного свойства стимулируют рост воинствующего фундаментализма и в других арабских странах. Одним словом, как говорит профессор Каирского университета Хасан Ханафи: «Ислам идет. Вопрос в том, какой это будет ислам — либеральный или фанатичный».

Ответ на этот вопрос важен не только для мусульман. Как подчеркивал советник индийского правительства по делам мусульманского населения Мухаммед Абхар, после прекращения холодной войны внутри мусульманского мира начали вызревать семена новой конфронтации с Западом. Повсюду в исламском мире, от Магриба до Пакистана, начинается борьба за новый мировой порядок. Исход этой борьбы предсказать невозможно, ибо исламский фундаментализм — явление куда более сложное, чем то, что можно было назвать возрождением ислама, возвратом к чистой вере и т.д.

Немногие верующие становятся бомбометателями-камикадзе. Большинство обращается к исламу в поисках ответа на фундаментальные вопросы бытия, а также в попытке решить проблемы, которые не помогли им решить политические и социальные структуры прокоммунистической или прозападной ориентации. Победное шествие воинствующего исламского фундаментализма связано с крахом надежд и разочарованием, которые переживают сегодня миллионы людей, живущих на обширных пространствах мусульманского мира. Фундаментализм поднимается из обломков разбитых вдребезги надежд и мертвых идеологий. Что и говорить, мусульманский мир «кушает» сегодня и то и другое.

Борьба исламских фундаменталистов не только вызывает беспорядки на Ближнем Востоке и в Северной Африке, она угрожает изменить баланс сил в мире, сложившийся после окончания холодной войны. Революционное, воинствующее крыло исламских фундаменталистов многим обязано войне в Афганистане. Именно она сплотила молодых борцов за дело ислама из разных стран, дала им боевой опыт, международные связи, уверенность в своих силах.

Хотя формально революционные исламистские группы были запрещены во многих арабских и мусульманских странах, а кое-где даже преследовались, умеренные и даже военные режимы этих стран негласно терпели, а то и поощряли подпольное исламистское движение, видя в нем противоядие местным левым и отнюдь не призрачной коммунистической угрозе. Те воинственные исламские группы, которые сосредоточивали свои усилия на борьбе с Израилем, поощрялись открыто. Так что не будет преувеличением сказать, что светские арабские режимы сами выпестовали тех, кто сегодня представляет для них смертельную опасность.

Парадокс заключается в том, что именно исламские фундаменталисты более, чем кто-либо другой, пожали плоды нового демократического климата, возникшего после крушения коммунизма и развала прокоммунистических групп в мусульманском мире. Именно фундаменталисты представляют сегодня единственную организованную оппозицию во многих арабских странах. Взять, к примеру, Алжир. В течение всех 30 лет правления промосковский режим подавлял и преследовал своих светских противников. Но вторгнуться в мечеть алжирские власти не решались. На практике они демонстрировали терпимость к религии, полагая, что это придает им легитимность в глазах значительной части населения. Когда же после падения советской империи алжирское руководство вынуждено было пойти на политическую и экономическую либерализацию, оно оказалось без союзников, но зато перед лицом мощной оппозиции. «Исламская армия спасения» бросила вызов «безбожному» режиму. Как писал по этому поводу журнал «Economist»:

«Призывы мечети набирают силу параллельно с падением влияния правительства, так как на протяжении всех лет репрессий мечети оставались единственными крепостями, которые не были взяты, а их лидеры оставались неподкупными».

В Центральной Азии исламисты тоже представляют серьезную силу. Правда, в Индии и Пакистане они еще не выдвигают далеко идущих целей, тем не менее, многие исламские группы, в частности, секта ваххабитов знает, как извлечь выгоды из ситуации, сложившейся после падения советского режима. В Узбекистане ваххабиты сначала захватывают заброшенную мечеть или клочок земли в центре какого-нибудь города, а затем требуют передать им эти «мусульманские ценности» до тех пор, пока власти не идут на уступки. Затем они пропагандируют основы исламской веры, обучают людей молиться, спорить с неверными. А уж потом заводят разговор и о создании исламской республики, и о свержении «коммунистического» правительства в Ташкенте.

На Ближнем Востоке завершение «холодной войны» также ознаменовалось подъемом исламского фундаментализма. В Израиле и в арабских странах с умеренными режимами в свое время видели в исламистах союзника в борьбе с постоянно расширявшимся проникновением Советского Союза в палестинское национальное движение. И лишь сравнительно недавно там поняли, что исламисты — враги более масштабные, тонкие и опасные, чем все просоветские группы ООП вместе взятые. Исламисты умеют создавать эффективные организации и побеждать на выборах. Они уже победили на местных выборах и вошли в муниципальные советы в ряде городов Иудеи и Самарии. В секторе Газа исламисты оказывают решающее влияние на все сферы общественной жизни. Образование, театр, футбол — все здесь имеет привкус исламизма. Местные исламисты действуют в строгом соответствии с указаниями своего лидера, доктора Аз-Захара: «Мы прививаем обществу здоровый иммунитет, мы боремся против наркотиков и аморальности. Это часть «Джихада» — борьбы против неверных».

Итак, исламский фундаментализм обладает огромной внутренней энергией, большим запасом динамизма. Он устремлен в будущее. Но он не только призывает к борьбе с неверными, не только вкладывает знамена в руки своих воинов, он заботится о них самих и об их семьях. В этом его сила. Но не только в этом. Исламский фундаментализм интернационален по своей сути. Ислам в своем чистом виде тоже не знает границ, но фундаменталисты, как видно, решили изменить существующее положение вещей, когда мусульманские страны ненавидят и борются друг с другом еще ожесточеннее, чем с «неверными».

В Афганистане плечом к плечу сражались молодые фундаменталисты из более чем 20 стран. Да и в арабском мире годы совместной работы в условиях подполья, необходимость постоянно скрываться, переезжать из страны в страну сплотили исламистов разных стран. Еще более монолитны группы фундаменталистов, образовавшиеся в Западной Европе и США, куда от рук собственных правительств бежали десятки тысяч воинственных исламистов из разных стран.

Любопытно, что для многих наблюдателей и для широкой общественности в США самым примечательным фактом в деле о взрыве в нью-йоркском торговом центре стало то, что группа террористов представляла собой конгломерат из представителей Судана, Египта, Иордании, Пакистана, Палестины и Соединенных Штатов. И все они беспрекословно подчинялись шейху Омару Абдул-Рахману — слепому духовнику из Египта, чьи органы американской юстиции наконец-то решили отдать под суд.

Шейх Абдул-Рахман, духовный наставник египетской воинствующей секты «Гама а-исламия», хорошо известен в США и во многих арабских странах. Где бы ему ни пришлось проповедовать, он использует свой талант пламенного оратора для распространения воинственного духа исламизма. Смысл его проповедей, согласно газете «Аль-Хаир», сводится к следующему: «Мусульмане должны убивать врагов Аллаха в любом месте и любым способом, чтобы освободить себя от сионизма, коммунизма и империализма».

Несмотря на широкую известность и популярность, многие эксперты считают, что отнюдь не Абдул-Рахман — главный идеолог воинствующего исламского фундаментализма. Идеологический центр исламизма находится в Хартуме, его главная интеллектуальная сила — философ Хасан Аль-Тураби. Тураби возглавляет «Суданское братство мусульман», столь радикальное и бескомпромиссное, что по сравнению с воинствующим суданским режимом кажется вполне умеренным. Как теоретик, Тураби разработал обширную идеологическую программу, включающую практически все направления современного исламизма. Как практик, он выступает архитектором программы насильственной исламизации суданских христиан, включающей массовые распятия на крестах. Более того, он сумел заключить тройственный союз с главой тунисских исламистов Рашидом Аль-Ганнучи и с тем же египетским шейхом Абдул-Рахманом. Тураби стал основателем своеобразного исламистского интернационала. Духовный центр этого интернационала находится в Судане, реальная опора — в Иране.

Вопрос о роли Ирана в распространении идеологии и практики воинствующего фундаментализма чрезвычайно важен. Является ли Иран главной и единственной силой современного исламского фундаментализма, то есть тем же, чем Советский Союз был в распространении коммунизма? От ответа на этот вопрос зависит как понимание природы исламизма, так и прогнозы его успехов или неудач.

С одной стороны, все как будто ясно. Правительства Туниса, Египта, Алжира, Израиля и других стран Ближнего Востока и Северной Африки открыто обвиняют Тегеран в поддержке антиправительственных исламистских группировок в своих странах. Так, египетский президент Мубарак в интервью лондонской «Times» прямо заявил: «При всем том они, то есть исламисты, ведут себя, как младенцы, обработанные Ираном».

Ни для кого не секрет, что Тегеран — прямой и откровенный враг многих правительств в арабском и мусульманском мире. После исламской революции Хомейни и его последователи начали обращаться к единоверцам в раз-

ных странах через головы «безбожных» правительств. Иранские лидеры не скрывают ненависти к умеренным, либеральным и даже военным режимам в арабских странах, открыто призывают к их свержению. Вместе с тем, официальный Тегеран опровергает факты предоставления финансовой и военной помощи антиправительственным группировкам в Египте или в других странах, хотя и не отрицает, что помогает ХАМАСу в борьбе с Израилем (но и здесь иранцы утверждают, что помощь фанатикам носит гуманитарный характер).

Понятно, заверениям Тегерана никто не верит. Рука Ирана или, по крайней мере, его тень стоит за всеми «подвигами» исламистов, начиная от распятий суданских христиан и кончая взрывом в Нью-Йорке. Грозной силой Иран делают революционная природа его идеологии, умение манипулировать религией для достижения политических целей и старое правило всех фанатиков: цель оправдывает средства. Умеренные лидеры мусульманского мира из разных стран едины в том, что после крушения СССР хомейнизм представляет наибольшую угрозу странам Ближнего Востока, Северной Африки и всего мусульманского мира.

И все же было бы ошибкой считать, будто сила исламского фундаментализма — исключительно в поддержке Ирана. Да, две радикальные исламские республики — Иран и Судан — делают все, чтобы поощрить религиозных фанатиков в арабском и мусульманском мире. Однако вызов, брошенный фундаменталистами, изначально связан с внутренними проблемами арабских стран. С политической нестабильностью и узурпацией власти, с экономическими просчетами и вопиющим социальным неравенством. А в конечном счете, с бедностью и нищетой, с безработицей, отсутствием перспектив для молодежи.

Вот что пишет по этому поводу исследователь из Гарвардского университета Фаваз Джергез: «Для некоторых наблюдателей исламский фундаментализм механически заменил коммунизм в качестве доминирующей антизападной силы в регионе. Однако, выставляя на первый план завоевания

радикалов или муссируя роль Ирана, эти люди затушевывают истинные причины победного шествия исламского фундаментализма. Да, Тегеран поддерживает и поощряет исламистов-экстремистов, но не в поддержке Ирана их подлинная сила. Она в самой природе недемократических арабских государств. Авторитарные режимы здесь узурпируют политическую деятельность, ослабляют гражданское общество, создают вакуум в сфере идей. Все это дает исламистам карты в руки. Политические же репрессии, которые на них обрушиваются, позволяют исламистам представлять себя в качестве единственной альтернативы сегодняшнему авторитарному порядку».

Как и весь остальной мир, арабские и мусульманские страны ощутили ветер перемен, который подул после крушения советского режима. Однако, как выразился пакистанский обозреватель Мушахид Хусейн: «Россия и страны Восточной Европы получили новое удостоверение — теперь они интегральная часть христианского мира, часть Запада. Будущее же арабских стран осталось в тумане».

В период холодной войны арабские страны оставались на задворках мировых событий, были статистами в глобальном противоборстве сверхдержав. Они пользовались политической и экономической поддержкой Советского Союза, другие, играя на страхе Запада перед коммунистической угрозой, умудрялись получать от него немалую помощь. Сегодня СССР не существует, США же погружены в свои внутренние проблемы. Так что арабский мир оказался целиком во власти собственных политических страстей. Это и породило глубокий кризис. Особенно очевиден кризис власти, ибо противоречия между авторитарными, давно дискредитирующими себя режимами и зарождающимися гражданскими обществами обобщились до предела. Во всем арабском мире — от Сирии и Иордании до Египта и Саудовской Аравии — механизмы власти не совершенствовались десятилетиями. Несмотря на технический прогресс, на растущий уровень образования, на революцию в области информации политический порядок,

наделяющий правителей почти абсолютной властью, остался неизменным.

Конечно, большинство мусульман не приемлет экстремизма воинствующих исламистов. Лишь незначительное меньшинство готово жить в обществе, которое существует в Иране. Но, как пишет Джергез: «Генезис воинствующего ислама лежит во внутренней динамике арабского общества, и если арабы и другие мусульмане не смогут создать современные гражданские общества, они, вероятнее всего, повернутся лицом к исламу».

Взрыв во Всемирном торговом центре в 1993 г. и последовавшие тогда аресты воинствующих исламистов вызвали к жизни широкую международную дискуссию о роли ислама в современном мире, о его извечном противостоянии Западу. Дискуссия отнюдь не дала ответов на все вопросы. Тем не менее, откровенные и весьма острые дебаты на эту тему уже тогда позволили расставить акценты, выяснить хотя бы в общих чертах позиции сторон. Более того, они вынудили исламистов высказаться по вопросам, по которым те предпочитали хранить молчание — в частности, по вопросу о том, как они видят будущее мусульманского мира, какой представляется им роль ислама на международной арене.

Первый вывод, к которому склоняется большинство практических политиков и политических обозревателей, сводится к тому, что в противоборстве «Ислам — Запад» религия как таковая играет подчиненную роль. Причина возникновения нового конфликта или обострения старого заключается в том, что в период холодной войны ислам, с его ненавистью к атеистическому коммунизму, рассматривался Западом в качестве союзника. Но не более того. Сегодня, когда коммунизм пал, Западу приходится иметь дело с самим исламом, политические интересы которого часто не совпадают с интересами Запада.

Антизападные взгляды в исламском мире — не новость. Нет, однако, сомнения в том, что проповеди духовников фундаментализма придают им новое содержание, открывают выход для гнева и ненависти широких масс мусульманского населения. Этот потенциал

ненависти копился в широких массах годами, но своим происхождением он обязан отнюдь не Западу. Прежде всего он связан с внутренними проблемами арабских обществ, с экономическими трудностями и политической нестабильностью арабского и мусульманского мира. Воители же исламского фундаментализма пытаются — и безуспешно — приписать все неудачи арабов и мусульман гегемонии США на Ближнем Востоке, в Азии и Африке. Многие считают, что «спусковым крючком» здесь стала война в Персидском заливе и то сокрушительное поражение, которое потерпел претендент на всеарабский престол Саддам Хусейн. Война продемонстрировала силу Америки и слабость арабского мира. А это не могло не задеть души людей, независимо от того, на чьей стороне в данном случае были их политические симпатии.

У этой точки зрения есть серьезные оппоненты, которые считают, что ненависть фанатиков-исламистов к Западу не связана ни с каким конкретным событием. Фундаменталисты, по всей видимости, полагают, что Запад как таковой, его политическая, экономическая и культурная системы — сами по себе вызов исламу. Исламисты утверждают, что исламское гражданское общество, построенное на «чистой вере», было стабильно и гармонично до тех пор, пока сюда не вмешался Запад. При этом наибольшую ненависть вызывают у них США. И дело здесь вовсе не в тех или иных шагах американского правительства. Соблазнительный облик американской культуры, ее универсальный характер и ассимилирующая сила — вот что делает Америку объектом страха и ненависти тех, кто выдает себя за хранителей истинного ислама. Нет сомнения, что тезис о разрушительном влиянии западной культуры, о том, что Запад — причина всех несчастий мусульман, — не более, чем инструмент в идеологической игре исламистов. Но этот аргумент разрушителен сам по себе.

Было бы ошибкой полагать, что исламисты сеют ненависть к Западу на пустом месте. Даже умеренные лидеры мусульманского мира не могут просто так отмахнуться от пропагандистских

тезисов исламистов. Вот что, к примеру, писал министр финансов Малайзии Анвар Ибрагим: «Антизападные настроения мусульман связаны с разочарованием как в капитализме, так и в коммунизме. Запад, частично, сам в ответе за подобные настроения. Его отношение к мусульманскому миру всегда было неустойчиво и колебалось в зависимости от политической конъюнктуры». С этим высказыванием трудно не согласиться, ибо главной задачей западных стран в течение многих десятилетий было противостояние коммунистическому блоку. Арабские страны интересовали Запад в том лишь отношении, придерживаются они промосковской или прозападной ориентации. Сам же по себе арабский и мусульманский мир на десятилетия исчез из поля зрения Запада.

Но не Запад — причина всех бед исламского мира. Нельзя не согласиться со словами того же Анвара Ибрагима, который, как и многие другие умеренные политики из мусульманских стран, считает: «Критикуя Запад за не оказание должной помощи Боснии, мусульманские страны почему-то не вспоминают, что добрая половина их выступила против оказания помощи Кувейту. Было бы полезнее, — продолжает министр финансов Малайзии, — если бы УММА пристально всмотрелась в себя и попыталась спокойно, без эмоций и истерик оценить свои проблемы. Мы постоянно виним во всем колониальное прошлое, но при этом забываем, сколь жестоки были обиды, нанесенные одними мусульманами другим мусульманам. Для нашей психологии предпочтительно эмоциональное воздействие, мы верим броским лозунгам и громким словам, но отнюдь не склонны к глубокому и комплексному изучению наших собственных проблем».

Отвечая на вопрос, почему внутри мусульманского мира исламисты проявляют наибольшую активность именно в арабских странах, многие наблюдатели полагают, что причиной тому — так и не состоявшееся арабское единство. Впрочем, правильнее вести речь о демагогии вокруг арабского единства. Ведь в течение десятилетий политические лидеры практически всех арабских стран только и делали, что рассуждали о грядущем объединении

арабских наций, о создании арабской сверхдержавы. А это, как само собой разумеется, должно было автоматически решить все проблемы арабов. Конечно же, эти лидеры сознательно вводили свои народы в заблуждение.

Вот что говорит по этому поводу египетский политолог профессор Мухаммед Акасем: «Арабское единство — мираж. Разговоры о нем — удобный способ для арабских лидеров избежать столкновения с действительными болезнями наций. Зачем смотреть в лицо реальности, когда достаточно помахать знаменем арабского единства и этим успокоить народ. Наши народы нуждаются в реальной экономической и политической свободе, которая позволила бы им самим распоряжаться собственной судьбой. Большинство арабов вовсе не думают об арабском единстве: они мечтают о свободе от гнета и давления».

В противовес фундаменталистам наиболее трезвые мусульманские лидеры, равно как и рядовые граждане, отдают себе отчет, что большинство проблем исламского мира рождены в нем самом и им же должны быть решены. Проблемы эти — нищета и безграмотность, нарушение общечеловеческих норм и гражданских прав, коррупция и политическая неустойчивость, терпимость к тираническим режимам и безразличие к судьбам социальных низов.

Успех воинствующих исламских фундаменталистов, равно как и рост антизападных настроений в мусульманском мире, напрямую связан с тем, что сегодня, после окончания холодной войны, миллионы мусульман чувствуют себя разочарованными и обманутыми. И те, кто поддерживал СССР, и те, кто был на стороне Запада, вдруг обнаружили, что ничего не выиграли от глобального противостояния. Запад сумел сохранить свои позиции, бывший восточный блок предпринимает максимум усилий, чтобы стать интегральной частью Запада. Ну а арабы и мусульмане? Они снова оказались на задворках истории, по-прежнему вынуждены жить в условиях нищеты, социального и политического неравенства. Тем не менее, было бы упрощением искать причины конфликта «Ислам — Запад» исключительно в социально-политической истории последних десятилетий. В отли-

чие от практических политиков и политических комментаторов, ученые — специалисты по проблемам ислама и мусульманского мира — относят начало конфликта «Ислам — Запад» к событиям трехсотлетней давности.

Из всех цивилизаций мира мусульманская ближе всего к цивилизации западной. И та и другая уходят корнями в иудео-христианское и греко-римское наследие. И та и другая создали мощные империи. Конфликт же между ними возник в конце XVIII века, когда Османская империя терпела одно поражение за другим. В 1683 г., после катастрофической неудачи в попытке взять Вену, после унижительно-го Карловицкого договора, после того как Россия стала господствовать на Черном море, а Франция захватила Египет, европейское превосходство стало очевидным. В результате в мусульманском мире появились люди, которые поняли необходимость изменить мусульманские общества, включить в них те элементы европейской цивилизации, которые, по их мнению, способствовали военному и экономическому успеху Запада.

Мечтания подобного рода не могли осуществиться в течение полутора столетий европейского колониализма. Но вот период колониализма завершился, и лидеры национально-освободительной борьбы арабских и мусульманских стран получили возможность реализовать старые идеи. Страдая от ощущения, что Запад обошел их в гонке истории, они попытались скопировать модели западных государств. Замысел состоял в том, чтобы создать централизованные национальные государства, где размеру территорий, численности населения, наличию природных ресурсов и т.д. придавалось больше значения, чем будущей политической и социальной системе, этнической и религиозной однородности населения. В результате курды и арабы, сунниты и шииты, черные и белые оказались гражданами одних и тех же государств. На месте бывших колоний возникли мини-империи, сцементировать которые и управлять которыми можно было либо с помощью подлинной демократии, либо с помощью силы. Почти все новые мусульманские страны предпочли второе.

Самозванные спасители арабских наций от Гамалы Абделя Насера до Саддама Хусейна дискредитировали идею национальной независимости, воспользовались ею для установления деспотических режимов. Более того, после поражения в войне с Израилем в 1948 г. арабские режимы стали упорно копировать то, что, по их мнению, обеспечивало западную военную мощь. Проще говоря, сделали ставку на военное строительство. Минимум средств на образование, минимум — на социальные нужды, минимум — на развитие политических и общественных структур. Все средства, в том числе и зарубежная помощь, — на закупку самых современных вооружений. Все внимание правительств — строительству самых крупных армий.

Стратегия эта обернулась трагедией, когда в 1967 г. «самые лучшие армии» потерпели унижительно поражение. И вот тогда-то возникло желание слушать тех, кто искал более глубокие причины кризиса, кто предлагал радикальные решения. Наступил час воинствующих фундаменталистов.

Что ж, обе точки зрения — практических политиков и академических ученых — не столько противоречат, сколько дополняют друг друга. Корни воинствующего исламского фундаментализма, равно как и истоки противоборства двух цивилизаций — западной и мусульманской — как в далеком прошлом, так и в событиях последних десятилетий. Открытым же остается вопрос: а что же, собственно, предлагают исламистские фундаменталисты, какова, иными словами, их позитивная политическая программа?

Строго говоря, исламское возрождение в разных странах принимает различные формы. Пытаясь изменить то или иное общество, свергнуть то или иное правительство, исламисты учитывают местные условия, природу общества, сильные и слабые стороны политического режима. Но то лишь тактика. В общем же, политический ислам представляет собой достаточно последовательную и цельную систему взглядов. Его первейшая задача — борьба против несправедливых, безбожных режимов, которые поддерживают либо Запад, либо собственные монархии или диктатуры. Центральная же роль в политической жизни

принадлежит мечети. Коран — это знамя. Коран — это и руководство к действию. Шариат — это единственный закон, которому надлежит беспрекословно повиноваться. Любые другие законы — сатанинское изобретение неверных-иностранцев либо собственных отступников. Последние, между прочим, страшнее и опаснее иностранцев; с ними надлежит вести перманентную войну.

Вне мусульманского мира исламисты должны бороться за утверждение и укрепление суверенитета мусульманских стран. Это означает контроль над природными ресурсами, освобождение территорий, которые когда-либо принадлежали мусульманам, и обретение соответствующей военной мощи. Такие политические установки вытекают из самой природы исламского фундаментализма, ибо, как выразился малайзийский ученый Чандра Музаффир: «Исламистские фундаменталисты, в отличие от христианских фундаменталистов, озабочены не столько спасением собственных душ, сколько изменением политических, экономических и общественных структур с целью создания общества, управляемого в строгом соответствии с буквой Корана. В этом их высшая цель».

Таковы цели исламистов. Каковы же их средства?

Средства диктует все тот же Коран в толковании аятоллы Хомейни и других отцов-основателей современного исламского фундаментализма. Определяющее средство — обязанность устранять руководителей, которые правят не как правоверные мусульмане. Причем обязанность эта для воинствующих фундаменталистов приравнена к соблюдению религиозного предписания.

Абу-Хамеа — египтянин, прошедший подготовку в Афганистане, — говорит, что вовсе не боится насилия или смерти. «Как показала история, чем больше прольется исламской крови, тем глубже укоренится исламское движение».

И кровь уже полилась. И не только исламская. И не только тех, кого хотя бы формально можно причислить к врагам исламского возрождения. Но, по мнению исламистов, это не только необходимо, но и оправдано «истинной» верой.

Несмотря на кажущуюся стройность теории и последовательность практики, у исламистского фундаментализма

все же есть ахиллесова пята. Исламисты давно правят в Иране, Судане и Афганистане; тем не менее, открытым остается главный вопрос: может ли религия целиком и полностью определять и направлять политику, экономику, общественную и культурную жизнь современного государства? Что на практике означает жить в точном соответствии с предписаниями Корана, возможно ли это в принципе?

Здесь-то и выясняется, что призывы и обещания исламистов основаны больше на отрицании старого мира, чем на разработке — пусть теоретической — нового. Призыв сплотиться вокруг исламского закона мало чем может помочь, хотя бы потому, что интерпретация исламских законов не раз менялась.

Исламисты, пытаясь уйти от ответа, обычно утверждают, что Бог, дескать, открыл свой священный закон — шариат, устранив тем самым необходимость в законодателях и законах, придуманных людьми. Отсюда вытекает, что любые руководители-тираны плохи не потому, что они тираны, а потому, что правят не в соответствии с исламским законом. Соблюдение исламских законов — первейшая обязанность любого правительства. И если при этом правительство авторитарно, его легитимность, тем не менее, не подлежит сомнению. Ясно, что концепция современной демократии для исламистов неприемлема. Более того, справедливое правительство и должно быть авторитарным, ибо покоится на несомненном авторитете исламского закона. Как сказал один из лидеров алжирского Фронта национального спасения, «за Бога не голосуют — ему повинуются».

В общем и целом можно утверждать, что религиозный фундаментализм, сосредоточившись на критике своих противников, все еще не выработал концепции политической власти, совместимой с нуждами современного государства. Удивительно, но этот факт мало беспокоит фундаменталистов. Адель Хусейн — бывший марксист, а ныне редактор исламистского еженедельника «Эш-Шааб» — считает, что широкая дискуссия по вопросу о том, можно ли управлять государством посредством исламского закона, — сама по себе победа исламистов. Хусейн утверждает, что исламисты вовсе не обязаны излагать, как они будут управ-

лять государством. «Важно, что шариат обеспечивает прямые органические связи с нашими корнями. И несущественно, есть ли у нас завершенная программа или нет».

Как поведут себя исламисты на международной арене?

Вышеупомянутый малайзиец Анвар Ибрагим когда-то писал: «Религиозный фундаментализм потенциально угрожает миру и стабильности в той же мере, в какой ранее это делал коммунизм. Быть может, даже в еще большей степени, ибо он взывает к чувствам и традициям, имеющим более глубокие и давние корни, нежели марксизм-ленинизм». Сегодня, когда пали башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке, слова Ибрагима звучат пророчески.

В истории исламского мира не раз случалось, что на арене политической жизни появлялись движения, осуждающие извращение веры, продажность и лживость правящих элит. Они призывали к священной войне, но чаще всего эту войну проигрывали. Когда же правоверные секты или движения умудрялись дорваться до власти, то очень скоро превращались в таких же, а то и худших правителей, которых только что разоблачали и изгоняли.

Нечто подобное происходит и сегодня. Ожесточенная война аятоллы Хомейни против Великого Сатаны привела к революции в Иране, к установлению абсолютной власти фундаменталистов. Прошло много лет, и сегодня наследники Хомейни стоят перед теми же проблемами, что и свергнутый ими режим династии Пехлеви. Продажная, неповоротливая администрация, хаос в экономике, раскол в обществе... Неспособность решить внутренние проблемы, а отнюдь не только идеологические причины, заставляют иранских руководителей заниматься экспортом исламской революции, раздувать ее пожар везде, где это только удастся.

Перед лицом столь же сложных и многочисленных проблем стоят сегодня и те, кто сопротивляется исламистам. Очевидно, что исход битвы за Ближний Восток решится в схватке

Ирана с Египтом — самым большим арабским государством. Исламисты понимают, что Египет — ключевая с точки зрения региональной стабильности держава. Именно поэтому египетское правительство подвергается беспрецедентным атакам исламистов. Они в определенной мере подорвали туризм в этой стране, пошатнули в мире уверенность в том, что египетский режим способен устоять перед лицом «зеленых братьев».

Правительство Мубарака отвечает исламистам жестокими репрессиями. Казни, длительные сроки заключения, слезки, облавы и другие аналогичные меры — вот ответ правительства на вызов исламистов. Впрочем, козырный туз в борьбе арабских лидеров с исламистами — Израиль. Правительства в Каире, Дамаске и других арабских столицах все еще верят, что им удастся переключить энергию исламского фундаментализма в сторону Израиля. Конечно, каждая очередная вспышка насилия между палестинцами и израильтянами внушает им тревогу — тем не менее, мира между ними они боятся еще больше. Стоит вспомнить, что после фантастического предложения бывшего израильского премьер-министра Эхуда Барака вернуть палестинцам 95 процентов территорий и пол-Иерусалима Арафат тут же примчался в Каир. Арабские лидеры отнюдь не поспешили дать ему добро на подписание мира с Израилем.

Аналогично ведут себя и правительства европейских стран. Они решили, что Израиль станет той искупительной жертвой, которая позволит им отвести от себя угрозу исламского фундаментализма. Но напрасно. Как карточные домики, рухнули башни-близнецы Всемирного торгового центра. А вместе с ними и иллюзии европейцев и американцев на умиротворение исламистов.

Эйтан Финкельштейн — публицист-политолог. До выезда из СССР в Израиль участвовал в диссидентском движении. В настоящее время живет в Германии.

ИЗРАИЛЬ — ПОЛИГОН ИСЛАМСКОГО ТЕРРОРА

В мае 1995 года Эхуд Барак, будущий премьер-министр, у которого тогда закончился срок полномочий в должности командующего армией, выступил в Вашингтоне перед видными политическими деятелями США с докладом об актуальных проблемах Израиля. Главный тезис его выступления сводился к тому, что важнейшей проблемой не только для Израиля, но и для всего мира является террор. Барак сказал: *«Я в течение 25 лет воевал с терроризмом и убежден, что вызов, который стоит перед цивилизованным миром, с каждым днем становится все насущней и трудней. Успешная борьба с террором требует много энергии, огромных ресурсов, управленческих способностей и решительной общественной поддержки, которая выражается в готовности к лишениям. Но подумайте, сколько энергии и какие ресурсы потребуются после удавшегося террористического акта на территории США, например, после разрушения одного из двух небоскребов Международного центра торговли в Нью-Йорке. Их размеры будут необозримы. А если инвестировать только 10 процентов тех невероятных сумм прежде, чем это случится, то существует большая вероятность, что этого удастся избежать».*

ЭТО ДОЛЖНО БЫЛО СЛУЧИТЬСЯ?

Пророчество? Ничего подобного. Устами Барака говорил израильский опыт. Еврейский мудрец Гилель Старший (современник Христа) учил, что *«нет более мудрого, чем опытный».* А из всех государств Изра-

иль располагает наибольшим опытом в борьбе с террором. Не принято напоминать обществу, с которым случилось несчастье, что его предупреждали о такой возможности. Но перед лицом злодеяний в Нью-Йорке и Вашингтоне трудно удержаться от нескольких замечаний на эту тему.

Накануне войны — которая, в отличие от прежних, будет не схваткой армий, а столкновением всего, почитай, мира с терроризмом — практически нет сомнений в ее исходе. Но можно ли было избежать связанной с ней трагедии?

Сторона, подвергшаяся нападению (то есть свободный мир), пренебрегла сигналами о грозящей опасности. Теракты в сердце США нуждались в тщательных подготовительных мерах: разведывательных, образовательных, организационных и финансовых. Тем не менее, лишь спустя две недели после нападения президент Буш заморозил на территории США финансовые счета организаций, поддерживающих террор, и потребовал от иностранных банков сделать то же самое, пригрозив заморозить их активы в США. Миллиардер Усама бен-Ладен свое состояние тратит на финансирование террора. Но деньги не перевозят в чемоданах, а переводят через банки — американские и другие. Неужели они не понимают, что террор в конце концов будет направлен против них? Видно, прав был Ленин, когда говорил, что *«капиталисты всего мира будут конкурировать между собой за право продать нам веревки, на которых мы их всех повесим».*

Почему Буш не предпринял финансовой блокады террористических организаций до нападений? Разве такая мера, принятая своевременно,

не затруднила бы превращение международного терроризма в угрозу для всего мира?

СОУЧАСТНИКИ ТЕРРОРИЗМА

Когда несколько лет назад был совершен очередной теракт в Израиле, один политолог из Еврейского университета в Иерусалиме предупредил, что «эту форму религиозной войны исламские религиозные фанатики через несколько лет перенесут на территории многих государств Европы и Америки. Израиль стал опытным полигоном для многих форм ведения войны, которые вначале были испытаны на его земле, а затем в широком масштабе применялись на разных географических широтах. Так было в случаях с захватом и подрывом самолетов в воздухе, с захватом заложников, с подкладыванием бомб в супермаркетах или поездах и в случаях многих других форм кровавого террора, не брезгающего никакими средствами и не выходящего себе конкретных целей, а наносящего удары вслепую, уничтожающего гражданское население, убивающего женщин, стариков и детей».

Этот политолог напоминал, что такие «формы политической борьбы» (как ее некоторые называли) сначала применялись палестинскими террористическими организациями против израильских объектов. Позже немецкие и итальянские террористы стали убивать политиков и промышленников, американские фанатики — взрывать общественные здания, а японские безумцы — пускать газ в метро. «Недалек час, — предупреждал аналитик, — когда исламские фундаменталисты станут применять в Европе те методы, свидетелями которых мы были, например, в Иерусалиме».

Высказываясь по вопросу палестинско-израильского конфликта, значительная часть мирового общественного мнения закрывала глаза на тот факт, что именно палестинское национальное движение в борьбе за реализацию своих целей — несущественно, справедливых или нет — прибегло к

террору. Речь идет не об оценке намерений, а о методах их осуществления.

Задолго до появления Усамы бен-Ладена, СССР и подвластные ему страны «восточного блока» — ГДР, Чехословакия, Польша — вели подготовку палестинских террористов. Эта подготовка не прекратилась и после того, как полученные знания террористы стали применять для подготовки нападений на школы и убийства детей. Причиной поддержки палестинцев коммунистическими странами было отнюдь не их стремление к независимости (многие еще помнят, как СССР относился к попыткам покоренных им народов обрести независимость), а стремление сеять беспорядки в «мире капитализма».

«НЕ СУДИ БЛИЖНЕГО»

В последние 12 месяцев — с начала так называемой второй интифады — от террористических актов погибло около 180 израильтян; среди них — младенцы, женщины (в том числе, беременные) и старики. Если сравнить численность населения Израиля и США, то эти 180 человек соответствуют 7000 американцев. Почему же теракты против израильтян — оправдываемые аргументом о защите «святости ислама» — не вызвали такой реакции, как теракты в США?

Теракт в тель-авивской дискотеке, где погибли 25 молодых парней и девушек и несколько десятков человек ранены, потряс — но не надолго — мировое общественное мнение. Да и то только потому, что в это время в Тель-Авиве находился министр иностранных дел Германии Йошка Фишер, который из окна отеля все это видел. Раздались осуждающие голоса, но никто не потребовал принятия каких-либо мер в отношении вдохновителей — как сейчас в отношении бен-Ладена.

В Израиле многие спрашивают: разве наша кровь не такая же красная, как у других людей? Это не риторический вопрос. Ближайший союзник США в антитеррористической войне — Вели-

кобритания. Но шеф британского Министерства иностранных дел едет в Тегеран, столицу государства, поддерживающего палестинский террор против Израиля, и заявляет, что, рассматривая его причины, не следует игнорировать чувство ненависти палестинцев за зло, причиненное им Израилем. Историки сходятся во мнении, что одной из причин победы гитлеризма в Германии 30-х годов было чувство обиды немцев за унижение, которое причинил им Версальский договор. Можно ли рассматривать эту обиду немцев — согласно критериям британского министра (в избирательном округе которого 15% избирателей исповедуют ислам) — как оправдание гитлеровской агрессии в 1939 г.? Что сказал бы британский политик, если бы кто-нибудь попытался «объяснить» немецкие налеты на Лондон «несправедливостью» Версаля?

В дискуссии перед микрофонами израильского радио после терактов в США один из участников сказал: *«В том, что случилось, для нас, израильтян, нет ничего нового. Мы уже многие годы жертвы террора. Но неоднократно*

но, когда мы пытались защищаться и нанести удар по тем, кто на нас нападает, мы не только не встретили понимания в мире, но за наши попытки защищаться нас же и осуждали. Почему? Ответ прост: еврейский народ когда-то дал человечеству основы морали в Десяти Заповедях, а арабские народы сегодня дают миру нефть. Видимо, на бирже ценностей XXI века нефть стоит дороже морали. Но, похоже, все те, кто осуждал нас за наши акции возмездия, сегодня планируют такую акцию возмездия, которая не идет ни в какое сравнение с нашими».

Гилель Старший учил: *«Не суди ближнего, пока не побывал на его месте».* Многие народы, и в первую очередь — американцы, сегодня *«на нашем месте»*, и их отношение к террору начинает меняться. Жаль только, что за этот урок тысячам американцев пришлось заплатить жизнью.

Александр Ключман — публицист и писатель. Бывший узник Освенцима. Член секции авторов, пишущих по польски при Союзе израильских писателей.

Шломо ГРОМАН (Израиль)

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР ИСЛАМА

Попробуйте без подготовки назвать десятку самых многонаселенных стран мира. Первую тройку вы перечислите без труда: Китай, Индия и США (в середине XXI столетия, по прогнозам демографов, первые две страны поменяются местами), а далее, как говорится, возможны варианты. Если вы не специалист по международной политике и не профессиональный географ, то ваш ответ будет во многом зависеть от того, как давно вы окончили школу. Усвоенные в детстве истины прочно держатся в голове и автоматически воспроизводятся нами даже тогда, когда они уже утратили истинность.

Если Волга впадает в Каспийское море до сих пор, то Амударья и Сырдарья в Аральское давно не впадают. Во-первых, разобранные на полив хлопковых плантаций реки беспомощно обрываются на просторах пустыни Кызылкум. Во-вторых, Арал — уже не богатое рыбой судоходное море, а небольшое озерцо, по содержанию соли напоминающее Мертвое море и рискующее через несколько засушливых лет исчезнуть вовсе.

Безнадёжно устарело и многое из того, что когда-то изучалось нами в курсе географии зарубежных стран. Речь идет не только о бесчисленных изменениях политической карты мира (деколонизации, воссоединении Йемена и Германии, распаде СССР, расчленении Эфиопии, Чехословакии и Югославии и т. д.), но и о перераспределении людских ресурсов между государствами, регионами и континентами. Азия, Африка и Латинская Америка заняли в общемировом демографическом балансе места, когда-то зарезервированные за Европой и Северной Америкой.

Люди старшего поколения, назубок выучившие пятерку сверхдержав вре-

мен Второй мировой войны (Китай, СССР, США, Великобритания, Франция) и причисляющие воссоединенную Германию к метрополиям планетарного масштаба, с удивлением узнают, что три последних государства отодвинуты в табели о рангах далеко назад. Впереди них встали страны третьего мира, которые мы в школьные годы с трудом находили на картах, если вообще о них слышали...

Итак, на четвертом месте уверенно шествует крупнейшее мусульманское государство — Индонезия. На пятом — Бразилия. На шестом вплоть до лета 2001 года находилась Российская Федерация, после чего ее заставила «подвинуться» Исламская Республика Пакистан. Пройдет еще пара-тройка лет — и Россия, ввиду отставания рождаемости от смертности ежегодно теряющая 800-900 тысяч своих жителей, отступит еще дальше, пропуская вперед Бангладеш (уже третья по счету исламская страна, которую вряд ли упомянет кто-то из участников импровизированного опроса) и Нигерию, которая, в свою очередь, догоняет Бангладеш.

Следом идет Япония — но рост населения там практически прекратился, поэтому через несколько лет ее вытеснит из десятки Мексика (эта страна не только снабжает Соединенные Штаты миллионами иммигрантов, но и располагает достаточными ресурсами для собственного роста). Амбициозная Германия минувшей осенью уступила двенадцатое место скромным Филиппинам и готовится отойти еще дальше — ее настигает «субтильный» Вьетнам. Французов и англичан ищите на границе второй и третьей десятков. Вот такая нынче география...

Поучительно сопоставить списки 30 самых многонаселенных государств мира по состоянию на 1950, 1980 и 2002 годы. Для корректности сравне-

ния все показатели отнесены к современным границам. Число жителей указано в миллионах.

1950 год: 1) Китай (без Тайваня, но с Гонконгом и Макао) — 545; 2) Индия — 358; 3) США — 152; 4) Россия — 101; 5) Япония — 84; 6) Индонезия — 80; 7) Германия — 69; 8) Бразилия — 53; 9) Великобритания — 51; 10) Италия — 47; 11) Бангладеш — 42,3; 12) Франция — 41,7; 13) Пакистан — 40; 14) Украина — 37; 15) Нигерия — 33; 16) Вьетнам — 30; 17) Испания — 28; 18) Мексика — 27; 19) Польша — 25; 20) Турция — 20,8; 21) Филиппины — 20,6; 22) Южная Корея — 20,4; 23) Египет — 20,3; 24) Таиланд — 20,3; 25) Эфиопия — 18; 26) Мьянма (бывшая Бирма) — 17,8; 27) Аргентина — 17,2; 28) Румыния — 16,3; 29) ЮАР — 15,2; 30) Иран — 14,2.

1980 год: 1) Китай — 990; 2) Индия — 675; 3) США — 228; 4) Индонезия — 146; 5) Россия — 138; 6) Бразилия — 121; 7) Япония — 117; 8) Бангладеш — 89; 9) Пакистан — 83; 10) Нигерия — 81; 11) Германия — 78; 12) Мексика — 69; 13) Италия — 56,4; 14) Великобритания — 55,8; 15) Вьетнам — 54,2; 16) Франция — 53,9; 17) Украина — 50; 18) Филиппины — 48; 19) Таиланд — 46; 20) Турция — 44; 21) Египет — 42; 22) Иран — 38,3; 23) Южная Корея — 38,1; 24) Испания — 37,5; 25) Эфиопия — 36; 26) Польша — 35,6; 27) Мьянма — 33,6; 28) ЮАР — 28,6; 29) Аргентина — 28,2; 30) Конго (бывший Заир) — 26,4.

2002 год (начало): 1) Китай — 1280; 2) Индия — 1040; 3) США — 284; 4) Индонезия — 230; 5) Бразилия — 176; 6) Пакистан — 146; 7) Россия — 144; 8) Бангладеш — 132; 9) Нигерия — 128; 10) Япония — 127; 11) Мексика — 103; 12) Филиппины — 83; 13) Германия — 83; 14) Вьетнам — 81; 15) Египет — 68; 16) Иран — 67; 17) Турция — 67; 18) Эфиопия — 66; 19) Таиланд — 62; 20) Франция — 60; 21) Великобритания — 60; 22) Италия — 58; 23) Конго — 54; 24) Украина — 48,9; 25) Южная Корея — 48,1; 26) Мьянма — 45; 27) ЮАР — 44; 28) Колумбия — 41; 29) Испания — 40; 30) Польша — 39.

До сих пор мы оперировали только общей численностью населения государств, не анализируя изменений их национального и конфессионального состава. В отсутствие миграций Восток прирастал бы еще сильнее, а Запад превращался в безлюдную пустыню.

Произошедшая 11 сентября 2001 года американская трагедия стала демографическим воплощением философского принципа перехода количества в качество. У сотен миллионов граждан свободного мира, способных взглянуть на вещи диалектически, вдруг открылись глаза на то, что просвещенный Запад, традиционно считавший отсталый Восток малозначимой периферией, сам оказался планетарной «провинцией»! И что центр тяжести мирового населения постепенно переместился далеко на юго-восток — туда, где правит бал ислам.

Магометанство — единственная религия, доля приверженцев которой значительно выросла за 100 лет с 13 до 19,5%. Этот рост менее чем на 1% обусловлен обращением в ислам немусульман, в основном кочевых племен Африки, а также влиянием феномена «черного ислама» в США (хотя последний больше похож на национальную религию негров, чем на традиционный ислам). В ислам обращены в последние десятилетия до 1 млн европейцев. Остальные почти 6 процентов роста ислама — результат высокой рождаемости у мусульманских народов, которая при современном уровне медицины (а значит, резко снижении смертности) привела к демографическому взрыву.

Доля индусов в мире выросла за XX век с 13,7 до 14,7%. Индуизм — единственная национальная традиционная религия, которая не только сохранила, но и усилила свои позиции. Индусов не прельщает ислам, в который его хотели обратить арабские, персидские и другие завоеватели.

А вот доля иудеев в мире упала за 100 лет почти в три раза. В XX веке они пережили две трагедии: Холокост, унесший 6 млн еврейских жизней, и широкомасштабную ассимиляцию, выведшую из еврейской общины не

меньшее количество людей. Только в США, по некоторым оценкам, живут 10 млн граждан еврейского происхождения, но в учет еврейских организаций попадает лишь 5,4 млн — остальные утратили связь с корнями.

Естественный прирост у евреев также один из самых низких в мире. Кроме того, евреи — одна из самых атеистических наций: в 1991 г. Израиль занял четвертое место среди 18 обследованных стран (первое среди капиталистических) по доле не верящих в Бога — 25,6 процентов от всего населения. В любом случае шансов на то, что евреям, которых сегодня в мире насчитывается 13 млн человек, удастся достичь 18-миллионной отметки (столько их было перед Второй мировой войной), практически нет.

Идея использования демографического фактора в качестве оружия против Израиля вновь становится популярной среди разработчиков стратегии арабской политики, мечтающих о разрушении еврейского государства если не извне, то изнутри — путем поощрения роста арабского населения. Председатель ПА Ясир Арафат прямо заявил: «Матка палестинской женщины — это наше оружие в борьбе против сионизма». Первый пропагандист «завоевания посредством демографии» — Вахид Абдель Магид, главный редактор журнала «Arab Strategic Report», выпускаемого египетским институтом «Аль-Ахрам».

Сегодня в пределах «зеленой черты» проживает 1,3 млн арабов (вместе с жителями территорий их количество оценивается в 4,6 млн). Евреев в Израиле — около 5,1 млн. Еще около 300 тысяч граждан Израиля относятся к другим этносам или не определили своей национально-религиозной идентификации.

Арабская рождаемость в Израиле намного выше, чем у еврейского населения. Среднестатистическая еврейская женщина в течение жизни производит на свет 2,5 ребенка, а нееврейская — 4,3. Ниже всего рождаемость в Тель-Авиве и Хайфе — 1,9; выше всего — в еврейских поселениях Иудеи и Самарии — 4,5. Арабское население в целом моложе, чем еврейское: в этом

секторе доля людей в возрасте 65 лет и старше равна 2,6 процентов, а у евреев — 11,6 процентов. Средний возраст израильских мусульман — 18 лет, иудеев — 30; друзы и христиане занимают промежуточное положение.

При сохранении существующих тенденций арабское население Израиля в границах 1967 года через 50-60 лет (по оценке Магида — всего через 34 года) догонит по численности еврейское.

Ретроспективный анализ показывает обоснованность таких предположений. По данным Центрального статистического бюро, полвека назад население Израиля состояло из 89,0% евреев и 11,0% арабов (в том числе мусульмане — 7,5% от общего населения страны). По переписи 1961 года, евреев было 88,7%, арабов — 11,3% (в т. ч. мусульмане — 7,8%, христиане — 2,5%, друзы — 1,0%). К 1971 году изменения национального состава дали о себе знать: евреев оказалось 85,3%, арабов — 14,7% (мусульман — 11,0%). К 1981-му они стали еще рельефнее: евреев — 83,5%, арабов — 16,4% (мусульман — 12,9%). 1991 год: евреев — 81,9%, арабов — 17,7% (мусульман — 13,9%). И, наконец, в декабре 2001 года ЦСБ зарегистрировало 77,5% евреев и 19,1% арабов (в том числе 15,4% — мусульмане, 2,1% — христиане, 1,6% — друзы); остальные — лица иного и невыясненного вероисповедания.

Насколько можно судить, израильские власти до сих пор не осознали подлинных масштабов демографической угрозы. Министр иностранных дел Шимон Перес и другие политики левого и центристского толка полагают, что отделение от палестинских арабов гарантирует сохранение еврейского большинства на остающейся под израильским контролем территории. Увы, это не так.

Премьер-министр Ариэль Шарон уповает на алию как на панацею от демографических бед. В ПА опасаются того, что новые репатрианты обоснуются в поселениях Иудеи, Самарии и Газы. Магид призывает арабов встречаться с потенциальными репатриантами — особенно в бывших советских республиках — и разъяснять им, что в

Израиле их ожидают экономические трудности и угроза личной безопасности. В начале 90-х годов арабы уже пытались остановить волну алии из экс-СССР, даже оказывали давление на Михаила Горбачева, но успеха не добились. Теперь, однако, естественные ресурсы алии из СНГ уже не те, что раньше, а еврейство Запада относится к борьбе Израиля за существование в целом равнодушно.

«Ключом к замедлению алии будет продолжение интифады», — резюмирует Магид. Он также рекомендует делать акцент на «маргинализации и разочаровании», которое испытывают некоторые российские иммигранты, а отдельные израильские политики — культивируют. Разница в уровне рождаемости и исчерпание резервуаров алии — это еще не все. Согласно израильским оценкам, более 50.000 арабов проникли в Израиль за восемь лет после подписания Норвежских соглашений. В основном это палестинцы, иорданцы и египтяне, которые приезжали в Израиль, чтобы найти работу, создать семью и получить место жительства в арабских общинах Израиля. Некоторые из них — палестинские колаборационисты, сотрудничавшие со службами безопасности Израиля.

«Палестина может снова стать арабской, а не двунациональной», — декларирует египетский журналист.

Христиане тоже уступают мусульманам «на своем поле». А как может быть иначе, если среднестатистическая немецкая или испанская женщина в течение жизни производит на свет 1,2 ребенка, итальянская или российская — 1,3, а для поддержания численности населения хотя бы на прежнем уровне даже при полном отсутствии детской смертности необходимо 2?

В странах ислама все в порядке — в среднем 4-5 детей на семью. Промежуточное положение (2-3 ребенка) занимают европейские страны со значительным мусульманским населением (балканская часть Турции, Албания, Босния и Герцеговина, Македония), а также... Исландия, которая со своим 280-тысячным населением спасти Старый Свет не в состоянии.

Что же происходит в «классических» неисламских государствах? Обратимся к материалам, которые собрал за последние годы известный российский демограф М.Тульский, и сопоставим его цифры с более ранними показателями, заимствованными из замечательной энциклопедии по мировым религиям — ... «Настольной книги атеиста» (М., Политиздат, 1985). Будем сокращенно называть ее НКА.

В США в 1900 г. жили 10 тыс. мусульман, в 1970 г. — 800 тыс. (из них 200 тыс. афроамериканцев), в начале 1980-х гг. (НКА) — 2 млн, в 2000 г. — 4,1 млн (в том числе 1,7 млн афроамериканцев). Выше средней доля мусульман оказалась в штатах Нью-Йорк, Калифорния, Нью-Джерси и Вашингтон.

За 1980-1996 гг., как утверждает Бюро переписи, в США переехали 234 тыс. жителей Ирана, 132 тыс. — Пакистана, 72 тыс. — Ливана, 58 тыс. — Иордании, 51 тыс. — Бангладеш, 46 тыс. — Ирака, 40 тыс. — Афганистана, по 37 тыс. — Сирии и Турции, 40-50 тыс. — исламских республик бывшего СССР. Мусульманами являются примерно половина из 59 тыс. приехавших на постоянное жительство в США египтян (остальные — копты-христиане), примерно четверть из 498 тыс. жителей Индии, значительная часть из 73 тыс. нигерийцев и 59 тыс. эфиопов.

По данным газеты «Лос-Анджелес таймс», в 2000 г. 42 процента мусульман США составляли афроамериканцы, 25 процентов — выходцы из Индии, Пакистана и Юго-Восточной Азии. По другим данным, 17% американских мусульман составляют арабы и 8 процентов — персы.

В США 1500 мечетей. Количество мусульманских школ возросло с 49 в 1989 г. до 120 в 1996 г.

Наиболее активная группа сегодняшних американских магометан — «черные мусульмане». Фактически, это не мусульмане в традиционном смысле, а черные расисты, переделавшие ислам под свою идеологию (Бог создал сначала черных, которые являются высшей расой; Христос и Мухаммед были черными и т.д.) Лишь небольшая группа — «черные ханафи-

ты» — относится к традиционным мусульманам-суннитам.

Хотя черный ислам в США появился еще в 1913 г. в лице организации «Мавро-американский научный храм» (число приверженцев его составляет около 100 тыс. человек), до 80-х гг. он не имел широкого распространения. В 1931 г. Али Мухаммедом была основана «Нация ислама», но число ее приверженцев до середины 1980-х гг. не превышало 100-150 тыс.

Черный ислам стал фактором американской общественной жизни только после того, как «Нацию ислама» возглавил Луис Фаррахан. Принятие ислама стало для афроамериканцев не просто переходом из одной религии в другую, а протестом против американского общества и власти. Важнейший элемент идеологии черных мусульман — антисемитизм: сторонники Фаррахана приводят множество фактов, свидетельствующих об активном участии евреев в работоторговле.

Основную пропаганду Фаррахан развернул среди заключенных. В последнее время в тюрьмах принимают ислам 35 тыс. негров в год.

В 1980 г. в среде черных мусульман возникла террористическая организация «Джамаат ул-Фукра» («Совет джихада в Северной Америке»), тесно сблизившаяся с пакистанской разведкой. Она создает изолированные поселения в сельской местности, чтобы уберечься от влияния западной культуры.

Первой организацией, пытавшейся объединить всех мусульман, стала основанная в июне 1952 г. в штате Айова «Федерация исламских ассоциаций в США и Канаде», контактирующая с просаудовскими Всемирной исламской лигой и Всемирным исламским конгрессом и имеющая представительство при ООН. В 1972 г. в Вашингтоне основана Исламская партия. Активно действуют в США просаудовские фонды «Тайба» и «Ар-Рахма», строящие мечети и финансирующие террористов.

В КАНАДЕ количество приверженцев ислама выросло с 98 тыс. по переписи 1981 г. до 253 тыс. в 1991 г.

В РОССИИ при общей убыли насе-

ления демографический бум переживают регионы с высокой долей мусульман: Северный Кавказ, Башкирия, в несколько меньшей степени Татария. За счет миграции и рождаемости растет доля магометан в Москве и других городах центра Европейской части РФ.

По переписи 1989 г. этнических мусульман насчитывалось 11,8 млн человек, а в 1999 г., по оценкам демографов, основанным на данных Госкомстата о естественном и механическом приростах, — 13,2 млн, или 9 процентов населения РФ. Из них 5821 тыс. татар, 1473 тыс. башкир, 1085 тыс. чеченцев, 262 тыс. ингушей, 2120 тыс. дагестанцев, 910 тыс. представителей других народностей Северного Кавказа (кроме осетин), 691 тыс. казахов и 463 тыс. азербайджанцев.

В ГЕРМАНИИ, по данным Центрального института истории ислама, в 2000 г. общее число мусульман составило 3,04 млн (3,7 процента населения), в том числе мусульмане-сунниты — 2187 тыс. (в основном, турки), алавиты (либеральное направление в шиизме) — 340 тыс., иранские и турецкие шииты — 170 тыс., приверженцы «Аль-ахмадийи» (смесь ислама с индуизмом и христианством) — 22 тыс. (пакистанцы), суфисты — 10 тыс., исмаилиты — 1,2 тыс.

По переписи 1970 г., мусульман было 900 тыс., по НКА — 1 млн; согласно энциклопедии «Британика», к 1995 г. их стало 1,7 млн. Германское гражданство имеют 310 тыс. мусульман, в том числе 11 тыс. лиц немецкого происхождения, перешедших в ислам из христианства.

Во ФРАНЦИИ в 1950-х гг. не хватало рабочих на автомобильных заводах, поэтому правительство санкционировало въезд в страну рабочих из Алжира, Марокко, Туниса, Турции, Сенегала, Мали и Ливана, но без семей. В 70-х гг. им было разрешено привезти свои семьи, после чего во Францию приехали не только жены и дети рабочих, но и дальние родственники.

По данным МВД, количество выходцев из исламских стран выросло с 2 млн в 1978 г. до 4,5 млн в 2000 г. (из

них 0,5 млн имеют французское гражданство).

В **ВЕЛИКОБРИТАНИИ**, по данным 1997 г., из 1,5 млн мусульман 610 тыс. составляют выходцы из Пакистана, 200 тыс. — Бангладеш, 160 тыс. — Индии, 350 тыс. — с Ближнего Востока и из Африки.

Во времена НКА мусульман в Великобритании было чуть больше 800 тысяч. Ежегодно их количество увеличивается на 30 тысяч. В английском парламенте четыре мусульманина: три члена Палаты лордов и один — Палаты общин.

Главный британский муфтий Абу-Хамза после начала войны в Чечне объявил России джихад и открыто заявил, что готовит добровольцев к отправке в Чечню, Иран, Пакистан и Афганистан.

В **ИТАЛИИ** в начале 2000 г. проживали 525 тыс. мусульман (на 2 процента больше, чем в начале 1999 г.). При этом численность коренных итальянцев ввиду низкой рождаемости уменьшилась.

ЮГОСЛАВИЯ — один из характернейших примеров стремительного изменения конфессиональной обстановки. Высокая рождаемость косовских албанцев-мусульман за считанные десятилетия превратила их из меньшинства в большинство на исконно сербской территории. На очереди — межрелигиозный кризис в Македонии, также имеющей албанскую диаспору. Если по данным переписи 1953 г. в экс-Югославии исповедовали ислам более 12процентов населения (2,1 млн человек), то сейчас

на той же территории — свыше 17процентов (почти 4 млн.).

В **НИДЕРЛАНДАХ**, по данным государственного учета, в 1997 г. мусульмане составляли 4,3процента населения (670 тыс. человек). В 1970-х гг. их было около 1% (чуть больше ста тысяч).

В **БЕЛЬГИИ**, по данным «Британики», в 1995 г. проживало 250 тыс. мусульман (в 1970-х гг. — 60 тыс.).

В **ИСПАНИИ** число магометан увеличилось с 300 тыс. в 1993 г. до 450 тыс. в 1996 г., в **ПОРТУГАЛИИ** — с 10 тыс. в 1995 г. до 30 тыс. в 2001 г.

В **АВСТРИИ** соответствующие показатели выросли с 10 тыс. (НКА) до 160 тыс. (1995 г.), в **ШВЕЙЦАРИИ** — с 50 тыс. (1970 г.) до 150 тыс. (1990 г.), в **ФИНЛЯНДИИ** — с 1 тыс. (1965 г.) до 10 тыс. (1998 г.), в **НОРВЕГИИ** — с 1 тыс. (1980 г.) до 47 тыс. (1998 г.), в **ПОЛЬШЕ** — с 1 тыс. (середина 1960-х гг.) до 5 тыс. (1995 г.).

Та же тенденция наблюдается в **АВСТРАЛИИ** (22 тыс. мусульман по переписи 1971 г., 40 тыс. по данным 1976 г. и 201 тыс. в 1996 г.) и **НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ** (3 тыс. в 1986 г. и 13 тыс. по переписи 1996 г.).

Во всех европейских странах мусульманство остается самой молодой и самой «мужской» религией (то есть потенциально самой активной). Так на наших глазах планета Земля перекрашивается в иные тона. Но не в желтые, как казалось когда-то (властям Китая удалось насильственными методами снизить рождаемость), а в черно-зеленые цвета ислама.

Софья ВАСИЛЬЕВА (Израиль)

РОССИЯ И ИЗРАИЛЬ: ИСЛАМСКИЙ ТЕРРОР УГРОЖАЕТ ОБОИМ

«Э то не Израиль, это Москва» — такими заголовками сопро-вождали тель-авивские газеты в 1999 году фоторепортажи из районов Печатников и Каширки: взорванные дома, плачущие люди, разбросанные человеческие останки. Никто в мире не может воспринять так близко новую беду и боль России, как израильтяне. Долгие годы Израиль практически в одиночку сражался с исламским терро-ром. Затем эта война перешла на терри-торию России, а теперь и США.

В феврале 1995 года перед отъездом в Израиль я положила на стол редактора отдела политики «Невского времени» Максима Шабалина материал под названием «Хаджи-Мурат». Это был рас-сказ о профессоре Хаджи-Мурате Ибра-гимбейли — вице-президенте Ассоциа-ции малочисленных народов России, члене президиума Конфедерации наро-дов Кавказа, эксперте Государственной Думы по национальным вопросам.

Ко всем перечисленным регалиям Хаджи-Мурата нелишне добавить, что он — историк, член-корреспондент Российской Академии наук и полков-ник в отставке. Я встретила с ним после того, как он возвратился из Чеч-ни, где своими глазами видел ввод фе-деральных войск 11 декабря 1994 года. Профессор клял на чем свет стоит без-дарное военное руководство России, окружение Ельцина, где, «как нароч-но, подобраны невежественные и не-компетентные люди». Он говорил про тогдашнего вице-премьера Николая Егорова, который до 1991 года был председателем колхоза: «Судьба всего Северного Кавказа доверена человеку, не имеющему ни военного образова-ния, ни какого бы то ни было отноше-ния к этносоциологии — и он прини-мает решения, от которых зависит ход военной операции, жизнь и смерть со-тен тысяч людей!» Слова Хаджи-Мура-та перемежались цитатами из Толсто-го, смысл которых мистическим обра-зом соответствовал тому, что происхо-

дило в Чечне в наше, а не царское, вре-мя: «Всем было известно, что весь Дар-гинский поход под начальством Ворон-цова, в котором русские потеряли мно-го убитых и раненых и несколько пу-шек, был постыдным событием...»

Максим уезжал в Чечню на войну, а я — в Израиль «освещать мирный процесс». Так было написано в заявке на аккредитацию.

Максим из Чечни не вернулся. Он пропал без вести вместе с фотокором Феликсом Титовым.

За семь лет работы в Израиле я напи-сала сотни статей, в большинстве своем посвященных одной-единственной те-ме — борьбе с террором. Теперь я, как и все израильтяне, к сожалению, слиш-ком хорошо знаю, что такое исламский террор. Я видела его совсем близко. Я писала о том, как готовились террори-сты к диверсиям в Израиле. Как в жи-лой квартире, расположенной в Газе или на окраине Шхема, действовала ла-боратория по изготовлению смертно-ных устройств. Как инструктировали смертников, снабжали их поддельными удостоверениями личности, которые должны были обеспечить им беспре-пятственный въезд в Израиль. Как ис-ламским фанатикам удавалось превра-тить человека в робота, готового по-жертвовать собой во имя убийства дру-гих людей: сначала мечеть, затем лек-ции по вопросам политики и религии, переходящие в проповеди жертвеннос-ти. Потом их заставляют заучивать строки из Корана, в которых говорит-ся, как ангелы спускаются с небес за людьми и что надо сделать для того, чтобы попасть в рай. Непосредственно перед выполнением задания их остав-ляют на двое суток в полном одиноче-стве... Затем их экзаменуют, насколько хорошо они запомнили нужные строки из Корана. Остается самая малость: встать рано утром, взять взрывчатку и сесть в автобус, в котором побольше народу. Или пойти на рынок и замк-нуть взрыватель в гуще покупателей...

Но я при этом ни на минуту не забывала о Чечне. И не я одна — многие в Израиле пристально следили за трагическими событиями в Буденновске, Кизляре, Первомайском. Израильтянам как никому в мире были понятны слова из радиোগраммы Дудаева Салману Радуеву: «Забыть обо всем земном и считать себя смертниками».

Немало российских министров-силовиков побывали за последние годы в Израиле, и каждому из них я или мои коллеги-журналисты задавали дежурные вопросы: «Видите ли вы какие-либо аналогии в израильско-палестинском урегулировании и российско-чеченских отношениях?» и «Почему Россия отказывается от неоднократно предлагаемой Израилем помощи в борьбе с исламским экстремизмом?»

Министры хвалили устройство блокпостов между Израилем и Палестинской автономией и восхищались израильскими командос, но на вопросы отвечали уклончиво. В ходе визитов подписывались очередные договоренности о сотрудничестве, а по возвращении в Россию «силовики» в лучшем случае выбивали из бюджета деньги и отправляли в Израиль на обучение очередную группу спецназа. Этим обычно дело и заканчивалось.

Между тем, помощь Израиля России в борьбе с террором была бы весьма эффективной. Современный международный террор является эксклюзивным экспортным продуктом Ближнего Востока. Его методы — это методы исламских режимов, унаследованные затем всеми остальными террористическими организациями в мире: взрывы пассажирских самолетов, захват заложников, минирование посольств, убийства дипломатов, школьников, туристов. Исламский террор распространялся по всему миру. Израильские спецслужбы располагают сведениями о том, что на стороне чеченских сепаратистов воевали террористы-наемники с Ближнего Востока, в том числе палестинские арабы, граждане Ирана, Иордании, Афганистана...

Израиль имеет давнюю историю противостояния террору. Разработав эффективную систему защиты гражданских авиарейсов, Израиль сделал собственный международный аэропорт имени Бен-Гуриона и национальную авиакомпанию «Эль-Аль» практически неуязвимыми для террористов. Но в 1976

году террористы захватили над Европой самолет «Эр Франс», следовавший в Израиль, и угнали его в Уганду на аэродром Энтеббе. Спустя несколько дней террористы отпустили пассажиров-неевреев, а 106 евреев стали заложниками; террористы предъявили Израилю ультиматум: если террористы, находящиеся в израильских тюрьмах не будут выпущены на свободу, заложников расстреляют. Полновластный диктатор Уганды Иди Амин взял террористов под защиту своей армии.

В ходе беспрецедентной военной операции в Уганду более чем за 3000 километров был переброшен на четырех транспортных самолетах израильский штурмовой отряд и вспомогательная военная техника. Самолеты приземлились в аэропорту Энтеббе (при этом было имитировано прибытие из зарубежного вояжа президента страны), и в завязавшемся бою израильские командос, уничтожив террористов и угандийских охранников, освободили заложников. Рейд в Энтеббе — уникальная по смелости и виртуозная по исполнению анти-террористическая операция — была описана в учебниках под названием «операция Ионатан». При ее выполнении погиб командир израильского отряда Ионатан Нетаниягу (старший брат будущего премьер-министра Израиля Биньямина Нетаниягу). На опыте этой операции учились командос всего мира. Она воплотила в себе важнейший принцип борьбы с террором — не поддаваться шантажу, не идти ни на какие переговоры с террористами.

В ночь на 23 апреля 1996 года спецподразделения перуанской армии штурмовали японское посольство в Лиме, освободив из рук террористов большую группу дипломатов из разных стран, которые 4 месяца находились в руках экстремистской группировки «Тупак Амару». Средства массовой информации сообщили, что в подготовке операции перуанские силы безопасности консультировались с израильскими экспертами.

Другой принцип, взятый Израилем на вооружение, — неотвратимость наказания для террористов. После убийства израильских спортсменов на мюнхенской Олимпиаде в 1972 году Голда Меир, которая была тогда премьер-министром, отдала приказ уничтожить каждого участника этого зверского теракта, сколько бы времени, сил и средств на это ни по-

требовалось. Приказ был исполнен — никто из преступников не ушел от наказания. Они пытались скрыться в разных странах, в разных частях света, но их находили и в течение нескольких лет уничтожили всех до единого.

Следует отметить, что в годы холодной войны террористические организации поставили обучение боевиков «на поток». Основной базой для подготовки террористов всего мира служили тренировочные лагеря ООП в Ливане. Через них с начала 1970-х по 1982 год прошли террористы итальянских «Красных бригад», немецкой группы «Бадер-Майнхофф», Ирландской республиканской армии, японской «Красной армии», французского отряда «Прямое действие», турецкой «Освободительной армии», иранской «Революционной гвардии» и др. Террористов охотно поддерживали арабские правительства и — теперь это уже факт истории — Советский Союз, руководители которого классифицировали террор ООП как народно-освободительную борьбу.

В 1979 году по инициативе Антитеррористического института имени Ионатана Нетаниягу в Иерусалиме была проведена первая международная конференция по проблемам борьбы с террором. Целью форума было информирование западной общественности о методах террористов и о возможных способах противостояния террору. Уже тогда участники конференции были согласны с тем, что терроризм является средством политической борьбы диктаторских режимов против демократических стран Запада.

Сегодня уже никто не оспаривает тот факт, что Советский Союз, проводя на Ближнем и Среднем Востоке политику «защиты» мусульманских народов от американцев и «сионистов», играл с огнем. Наиболее дальновидным политикам это было ясно уже давно. Когда Эдуард Шеварднадзе отчитывался как министр иностранных дел на Верховном Совете СССР, Галина Старовойтова задала ему вопрос: «Почему мы все время выбираем себе друзей типа Арафата, Каддафи, Саддама Хусейна и других, чья политика связана с терроризмом? Кто автор этой доктрины? Почему мы все время делаем ставку на так называемый исламский социализм?»

Премьер-министр Израиля Ицхак Шамир еще в начале 1991 года, выступая в ООН, произнес буквально про-

роческие слова, обращая их к российской делегации: «Придет день, когда мы окажемся в одном окопе, воюя против агрессии ислама». К сожалению, на протяжении многих лет мировое сообщество не могло объединить силы в борьбе с терроризмом. Мешал этому двойной стандарт: тот, кто для одних был несомненный террорист, был для других — борец за свободу угнетенного народа. Этот двойной стандарт используют и до сих пор в своей внешней политике и США, и Россия, и страны Европейского Союза.

Авигдор Либерман — лидер партии «Наш дом Израиль», министр национальной инфраструктуры в нынешнем правительстве Израиля, который много работает над тем, чтобы вывести российско-израильские отношения на уровень стратегического партнерства, сказал в одном из своих интервью: «В последние годы я беседовал со многими видными российскими политиками. Я пытался объяснить им, что в Иудее и Самарии израильские солдаты сражаются против исламских фундаменталистов, против террористов и, в конечном итоге, защищают от них и Россию и что мы должны объединить свои усилия в этой борьбе. Я спрашивал их, почему Россия продолжает снабжать оружием государства Ближнего Востока, поддерживающие международный терроризм. Может быть, все дело в российской внешнеполитической доктрине, все еще ориентированной на враждебно настроенные к Израилю арабские страны? Ведь это оружие в любой момент может быть обращено против России. Уже сейчас политика «двойного стандарта» рикошетом бьет по России; западные политики — несмотря на все попытки российского руководства убедить их в обратном — предпочитают считать, что действия боевиков по захвату заложников на примыкающих к Чечне территориях следует характеризовать не как террористические акты, но как проявление военных действий...

Жесткая позиция, которую российские власти заняли по отношению к террористам, вселяет надежду на то, что Россия выучит свой кавказский урок и вычеркнет понятие двойного стандарта из своей внешнеполитической доктрины. Может быть, тогда наконец изменятся критерии, по которым Россия выбирает себе стратегических партнеров на Ближнем Востоке?»

ИЗРАИЛЬ: ЕЩЕ ОДНА ВОЙНА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

Вот уже полтора года Израиль находится в состоянии войны. Она не похожа на предыдущие войны Израиля с арабскими соседями, которые начались с нападения этих стран на Израиль в мае 1948 года и продолжаются более полувека по единственной причине — эти страны категорически не желают признавать существование еврейского государства. Эта война продолжает предыдущие, хотя она и другая — с невидимым подчас врагом, терроризмом... Но от этого она не становится менее опасной. Как и во всех предыдущих войнах, и на этот раз на карту поставлено само существование еврейского государства.

Тяжело переживая вместе с народом США и всем цивилизованным человечеством трагедию, произошедшую 11 сентября 2001 года, израильтяне давно уже страдают — ежедневно! — от ближневосточной разновидности исламского террора — интифады «Аль-Акса» (По имени мечети на Храмовой горе в Иерусалиме). Одна из наиболее непримиримых террористических организаций на Ближнем Востоке — ХАМАС (Исламское движение сопротивления) — была основана в декабре 1987 года в Газе фундаменталистской группировкой «Братья-мусульмане». В ее программе подчеркивается, что исламское государство на всей территории Палестины (Эрец Исраэль) должно быть «священным», куда не должна ступить нога немусульманина. История арабского заселения Эрец Исраэль началась в VII веке н. э. С вытеснения из региона византийцев. После утверждения новой власти начинается быстрая исламизация и арабизация местного населения, страна была включена в Арабский халифат и вошла в провинцию Сирия на правах округа Фаластин с центром в Лодде.

Правившая в Дамаске династия Омейядов, стремясь упрочить свое влияние в арабском мире, распространяла легенду о том, что якобы с Храмовой горы в Иерусалиме Мухаммед вознесся на небеса. Но в 750 году в арабской империи произошел переворот, и новая династия Аббасидов переместила центр халифата на территорию Ирака, а Эрец Исраэль превратился в глаза ислама в глухую провинцию. В страну вторгались бедуины, туркмены, турки, берберы, переселенцы с Балкан и Кавказа... Все они ассимилировались среди местного арабского населения. В XI-XIII веках в Эрец Исраэль появился новый этнический элемент — европейцы. Здесь оседали германцы, англичане, французы, итальянцы — воины-крестоносцы, паломники, торговцы, крестьяне, бродяги... Не случайно среди сегодняшних «палестинцев» встречаются белокурые голубоглазые люди.

Еврейские поселенцы нового времени, прибывшие в страну в конце XIX века, селились в прибрежной долине не потому, что она была плодороднее, а из-за дешевизны земли. Владевшие этими угодьями арабские латифундисты были рады от них избавиться, и на евреев, пожелавших купить пустыри, смотрели как на сумасшедших. Однако поселенцы-сионисты сумели разбить на бесплодных, заброшенных землях цветущие сады, побороть малярию, возродить или создать заново многие промыслы — например, виноделие. В результате, районы, освоенные евреями, становились своеобразными центрами притяжения для переселенцев-арабов не только из других районов Эрец Исраэль, но и из соседних стран. Здесь их ждали относительно высокооплачиваемая работа и намного более высокий уровень жизни. В заселенных арабами городах, расположенных в горных районах, прирост населения был существенно меньшим, чем в возделанных евреями областях. В предвоенные годы арабская иммиграция заметно превышала еврейскую репатриацию. Во время Второй мировой Британская армия возводила оборонные сооружения и нуждалась в дешевой рабочей силе. В результате современное арабское население сектора Газа и практически всей прибрежной равнины — это почти поголовно дети, внуки и правнуки недавних выходцев из Египта и Судана.

Сегодня они пытаются столкнуть евреев в Средиземное море.

После подписания Норвежских соглашений израильские власти потребовали от председателя ПА арестовать всех членов ХАМАСа. Арафат выполнил это распоряжение лишь частично, ради того, чтобы получить под свой контроль обширные районы в Иудее, Самарии и секторе Газа. ХАМАС, со своей стороны, на

словах объявляя о готовности подписать соглашение о прекращении огня с Израилем, в своих заявлениях «для внутреннего пользования» разъясняет, что его главная задача — освобождение всей Палестины от «сионистского врага».

Эхуд Барак в бытность премьер-министром в переговорах с Арафатом пошел на очень большие уступки ради заключения окончательного соглашения с палестинцами. Именно тогда в рядах ХАМАСа возникло беспокойство по поводу перспектив осуществления его стратегической цели — уничтожения Государства Израиль. Радикалы — как боевики ХАМАСа, так и родственные им террористы «Хизбаллы» и «Исламского джихада» — решили, что пришло время возобновить силовое давление на Израиль, и в октябре 2000 года была начата вторая интифада, продолжающаяся до сих пор. Взгляды ее вдохновителей приводятся от первого лица в материалах данного раздела. Это интервью с шейхом Раадам Салахом и с официальным представителем Арафата в Москве Хайри Аль-Орди.

Как известно, израильское общество разделено в вопросах арабо-израильского конфликта. Политические лидеры левого лагеря полагают, что далеко идущие уступки требованиям палестинцев способны умиротворить их. Народ Израиля, страстно желающий мира, поддержал правительство Рабина, а затем и Барака, которые под лозунгами мира проводили политику, получившую название «соглашения Осло». Но иллюзиям «миротворцев» о создании «Нового Ближнего Востока» был нанесен жестокий удар. Объективный геополитический анализ арабо-израильского конфликта убеждает, что Израиль находится в очень опасной ситуации: как это было в предыдущих войнах с арабами, само его существование поставлено на карту. Так же, как тогда, Израиль не имеет права проиграть эту войну. Ибо, как утверждает автор одной из статей, «второго шанса у Израиля не будет: первая проигранная арабам война станет для него последней».

Норман ПОДГОРЕЦ

КРАХ ИЛЛЮЗИЙ ОСЛО

Своим видением проблемы делится главный редактор журнала «Комментарии»

Полтора года назад в Кэмп-Дэвиде безрезультатно завершились переговоры об урегулировании израильско-арабского конфликта. Активное посредничество между тогдашним премьер-министром Израиля Эхудом Бараком и председателем Палестинской автономии Ясиром Арафатом осуществлял предыдущий президент США Билл Клинтон.

Вскоре после окончания переговоров палестинские арабы начали вторую по счету интифаду. В этой войне гибнут израильтяне и палестинцы. Но арабов, кажется, не беспокоит гибель людей. Если гибнут дети, то их выставляют миру как жертв «бесчеловечного Израиля», завоевывая тем самым симпатии масс-медиа и международной общественности.

Религия здесь служит интересам политики, а традиционные исламские представления о мученичестве используются для культивирования в подростках пси-

хологии террористов-самоубийц. Сыновей отправляют на переднюю линию ответного огня израильтян, а когда они погибают, родители уповают на уготованную несчастным детям награду на том свете. Не плач и стоны звучат на похоронах, а возгласы гордости и восторга! Друзья и родственники не утешают осиротевших матерей и отцов, а поздравляют, превращая похороны в «свадьбы», раздавая конфеты и сладкий кофе.

Хусам Бадран — корреспондент ежедневной газеты «Аль-Айям», связанной с палестинским руководством, — разъяснял своим недоумевающим западным коллегам: «Мученичество — это потеря, но и обретение отличия. Мать шахида (мученика) находит в этом особую компенсацию, утешение в боли своей утраты, так как она верит, что мученик превращается в райскую птицу, если он умрет ребенком, или становится одним из небесных стражей, если он умрет юношей».

Вдохновленный этой верой и такими «настроениями» молодой араб Саид Аль-Хутари июньским вечером 2001 года взорвал себя среди толпы израильских подростков — выходцев из бывшего СССР, стоявших в очереди перед входом в дискотеку возле тель-авивского дельфинария. Погибло более 20 человек и около 100 были тяжело ранены.

У Аль-Хутари растет многочисленная смена. В летних лагерях на территории ПА детей в возрасте от 8 до 12 лет учат становиться террористами-камикадзе. Мальчики поют песни, в которых есть такие строки: «Когда я приду в Иерусалим, я стану самоубийцей...»; «Как приятен запах мученичества, приятен запах земли, орошенной кровью, истекающей из свежего тела».

Деяствия террористов-самоубийц, однако, не вызывают сочувствия даже в неизменно проарабски настроенных правящих кругах Европы. Как в Израиле, так и за его пределами раздается множество заявлений от утративших иллюзии бывших сторонников мирного процесса, начатого в Осло в 1993 году и, по-видимому, бесславно завершившегося в Кэмп-Дэвиде семь лет спустя. Называвшие Арафата «партнером в установлении мира», теперь они с разбитым сердцем поняли, что он таковым не является.

В Кэмп-Дэвиде Барак предложил Арафату уступки, совсем недавно казавшиеся невероятными даже самым ярлым «голубям». Будь его предложения приняты — появилось бы палестинское государство, столица которого заняла бы половину Иерусалима. Положительно (для арабов!) решалась и проблема палестинских беженцев. Но Арафат не только отклонил все предложения Барака, но и инициировал интифалу.

Ирония судьбы в том, что сами израильтяне снабдили арафатовскую «полицию» оружием, руководствуясь теорией, согласно которой эта полиция станет пресекать антиизраильские выступления на территориях, управляемых ПА. Но всю свою мощь полиция обратила против евреев. Нечто подобное происходило и в кадении Биньямина Нетаниягу, когда палестинцев снабжали легким оружием (количественно превосходящим все то, что было разрешено в Осло). Поставлялось Арафату и тяжелое вооружение: например, минометы контрабандой доставляла палестинская диаспора из соседних арабских стран.

Большинство израильтян пришли к неизбежному выводу, что Кэмп-Дэвид и его последствия, полные насилия и обмана, разоблачают лживость заявлений Арафата о мирном сосуществовании между Израилем и будущим палестинским государством. Вступление в «мирный процесс» означало лишь изменение тактики при всеобъемлющей стратегии уничтожения Израиля.

Другим палестинским деятелем, сыгравшим большую роль в разработке далеко идущих планов уничтожения Израиля, был скончавшийся в июне прошлого года Фейсал Хусейни, снискавший известность на Западе как лидер палестинских умеренных.

Незадолго до смерти Хусейни дал интервью египетской газете. В нем он охарактеризовал Осло как «тройного коня». «Заклучение этого соглашения, — заявлял он, — или любого другого — это лишь временная процедура, шаг к чему-то большему, к освобождению всей исторической Палестины от реки (Иордан) до моря (Средиземного)... Палестина во всей своей полноте — это арабская земля, которую никто не вправе продать или купить».

Палестинский ответ на примирительную позицию Израиля в Кэмп-Дэвиде был таков: «Это военная оккупация в новой упаковке».

Конечно, даже Организация Освобождения Палестины (ООП) не имела достаточной наглости отрицать, что предложения Барака предусматривали образование палестинского государства на более чем 90% спорных территорий. «Но дело не в процентах, — говорят арабы. — Например, 95% помещений тюрьмы занимают камеры, кафе, гимнастический зал и медицинское оборудование. Однако остальные 5% — это все то, что необходимо для контроля над заключенными».

Аналогично, кемп-дэвидские предложения увеличивают площадь тюремных камер, но не устраняют израильский контроль над населением Палестины». Читая это заявление, человек непосвященный останется в неведении по поводу того, что 98% (!) палестинских арабов уже несколько лет живут не под «израильской оккупацией», а в Палестинской автономии (возможно, режим в ней напоминает тюремный больше, чем израильское правление, но не будем об этом).

А как же Иерусалим? Разве не согласался Барак уступить суверенитет над его частью палестинскому государству, не считаясь с торжественными заверениями о единстве и неделимости города, которые тысячи раз делали израильские премьер-министры до него, да и он сам перед выборами 1999 года?

Увы, на ООП и эти уступки Барака должного впечатления не произвели: «Израиль был готов допустить палестинский суверенитет над изолированными друг от друга районами Восточного Иерусалима и окружить их незаконными еврейскими колониями. Фактически, это предложение предусматривает палестинские гетто в сердце Иерусалима».

Словом, ничего из того, что может сделать Израиль, не удовлетворит палестинцев — кроме его самоубийства. Они спят и видят смести его с лица земли в священной войне — джихаде с участием всех арабских армий.

Меньшинству из нас это было очевидно с самого начала, поэтому мы резко критиковали «процесс Осло». Мы понимали, что Арафат меняет не цели, а только тактику. По крайней мере пять раз попытавшись разрушить Израиль с помощью военных нападений, арабский мир, используя палестинцев как авангард, пытается теперь действовать по этапам, о которых говорил в своих последних интервью Фейсал Хусейни.

Если Арафат завтра умрет, ничто не изменится. Настоящих «умеренных», которые желали бы занять его место, ни в ООП, ни в более широком арабском мире не наблюдается. Даже посол Саудовской Аравии в Лондоне (считается, что это страна с довольно умеренным режимом) недавно заверял своих арабских коллег, будто они могут выиграть войну на два фронта против деморализованного Израиля, который, по его мнению, уже доказал, что не в состоянии выдерживать террор. Для такой войны на два фронта арабам нужен Египет, который интенсивно вооружается. Посол считает, что мирный договор Каира с Израилем не будет препятствовать этому.

Вскоре после публикации статьи посла официальная ежедневная газета египетского правительства «Аль-Акбар» написала в передовице следующее: «На фоне международного предательства палестинской проблемы невозможно избежать солидарности исламского и

арабского мира с героической интифадой. Интифаду следует поддерживать действиями, а не словами, для того, чтобы вынудить Израиль прекратить оккупацию арабских земель без малейших уступок с арабской стороны».

Несмотря на все это, в Израиле и в Америке многие политические деятели, публицисты и ученые мужи считают, что ничего по сути не изменилось. Они убеждены, что палестинцы в частности и арабы вообще готовы установить мир с еврейским государством, если оно признает рядом с собой палестинское государство. После кратковременного замешательства они вернулись к своим старым позициям, как будто Кемп-Дэвида не было. Подобно слепцам, не замечающим очевидных вещей, они снова и снова призывают к возобновлению мирных переговоров.

Но большинство простых израильтян уже усвоили урок. «Для палестинцев мы все поселенцы», как выразился один житель Тель-Авива. Урок был усвоен также и некоторыми известными интеллектуалами, среди которых Шломо Авинери, который закладывал основы Осло, но недавно сурово осудил израильских левых, отказывающихся признать реальность, и сравнил их с коммунистами, которые никак не откажутся от веры в своего собственного божка. Сделали надлежащие выводы и некоторые политические комментаторы — бывшие «голуби». Новый главный редактор израильской газеты «Маарив» Амнон Данкнер разоблачает Норвежские соглашения «как одну из величайших глупостей истории». Но среди ведущих политиков, которые когда-то ввергли страну в эту трясиину, трудно отыскать хоть одного признавшего свою ошибку. Их сторонники в правительстве США и их выразители в американских СМИ также не спешат признавать иллюзорность своих представлений о ближневосточной реальности.

Не было бы ничего бесчестного в таком признании, особенно если выразить его в более мягкой формулировке. Например: «У нас были серьезные основания полагать, что наконец-то возможен мир, поэтому мы проявили бы безответственность, не использовав эту возможность. К нашему большому сожалению, теперь стало очевидно, что это был мираж». Но что действительно бесчестно — так это нежелание

отказаться от иллюзий, касающихся мирного процесса, и продолжать гоняться за миражом и раздувать огонь надежды, который еще теплится в сердцах уставших от войн израильтян.

Йоси Бейлин, ведущий идеолог в Осло, интерпретирует беспокойство израильтян о безопасности своих границ как «детские страхи». Его поддерживает лидер леворадикальной партии МЕРЕЦ Йоси Сарид. Но Шимон Перес, все еще наслаждающийся властью в качестве министра иностранных дел Израиля, находится даже на более высокой ступени в списке бесчестия, чем его «пудель» Бейлин или Сарид. Какой бы шокирующей не казалась такая аналогия, я все же пойду дальше и сравню его с Невилем Чемберленом, причем сравнение будет в пользу англичанина.

Чемберлен в бытность свою премьер-министром Великобритании в конце 1930-х годов проводил политику умиротворения нацистской Германии. Подобно ему, Перес как министр иностранных дел в правительстве Ицхака Рабина проложил дорогу к подобной политике Израиля по отношению к ООП.

Можно считать, что и Чемберлен, и Перес искренне считали, что предлагают единственно возможный путь к миру. Но здесь сходство кончается. В своей недавно опубликованной книге «5 дней в Лондоне: май 1940» Джон Лукакс пишет о дальнейшем жизненном пути Чемберлена. Когда Уинстон Черчилль сменил его на посту премьер-министра, Чемберлена не вывели из состава военного кабинета. И он наконец понял, как заблуждался относительно планов Гитлера и как прав был Черчилль. Он стал одним из самых преданных сторонников Черчилля в его решимости вести полномасштабную войну до победного конца.

Перес не делает даже того, что делал Чемберлен (хотя, увы, Шарону далеко до Черчилля). Глава израильского МИДа докатился до хвастовства, что именно он удерживает Шарона от того, чтобы свергнуть Ближний Восток в крупномасштабную войну. День и ночь он бегаёт туда-сюда, упрашивая Арафата и его компанию объявить еще одно липовое «прекращение огня», за которым последовало бы не менее фарсовое продолжение серии «мирных переговоров». Судя по недавно опубликованным статьям, израильтяне, пришедшие

в отчаяние из-за нежелательности войны и невозможности мира, все активнее обсуждают опцию «одностороннего отделения» от палестинских арабов. Речь идет об одностороннем установлении Израилем своих границ, обозначенных на местности стенами и заборами. Однако, даже если бы это было возможно, внутри осталось бы 1,2 млн арабов — граждан Израиля. Продолжая параллели с Европой 1930-х годов, эти арабы, сосредоточившись в Галилее и Негеве, легко могут повторить историю Судетской области, население которой составляли граждане Чешской республики немецкого происхождения, симпатизировавшие Гитлеру.

В самом деле, израильские арабы впервые после провозглашения еврейского государства начинают требовать, чтобы их признали «национальным меньшинством». Йосеф Гоэль в статье в «Джерузалем Пост» объясняет значение такого развития событий: «Некоторым из нас различие между «этническим» и «национальным» меньшинством может показаться семантической эквилибристикой. Но это не так. Термин «национальное» подразумевает представление о территориальной и политической автономии, которая рано или поздно вызовет кампанию за тотальное отделение. А это уже путь к израильскому Косово».

Так есть ли свет в конце туннеля? Как честный человек я не могу сказать, что вижу его. В обозримом будущем единственный реалистический выбор для Израиля — это крепко стоять на своем, держать сухим порох в пороховницах, совершенствовать уже разработанные методы антитеррористической борьбы, обеспечить надежность своей военной мощи как защиту от крупномасштабного нападения и использовать эту мощь, когда к этому вынудят арабы.

И тогда может наступить день, когда арабы смиряются с существованием еврейского государства. Этот день может наступить раньше, чем предполагают подобные мне пессимисты, когда-то так же не верившие в крах Советского Союза. Но самообман, который нам навязывают живущие в плену у иллюзий архитекторы Осло, не приведет к добру для Израиля. Искусственно опередить время не под силу никому.

«Commentary»

Джалал БАНА

НЕНАВИСТЬ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Беседа с лидером партии «Исламское Движение» шейхом Раадам САЛАХОМ

Спустя три дня после беспрецедентного террористического нападения на Нью-Йорк и Вашингтон Северным отделением «Исламского Движения» в Израиле на стадионе города Умм-эль-Фахма был проведен массовый митинг под лозунгом «Аль-Акса в опасности». (Аль-Акса — это мечеть, построенная на Храмовой горе в Иерусалиме).

Более одиозную дату для подобного мероприятия трудно вообразить. Но шейх Раад Салах, возглавляющий Северное отделение, не только не считает, будто должен с кем бы то ни было согласовывать свои действия, но дал понять президенту США Джорджу Бушу... что тому настала пора обратиться в ислам. Толпа в 50 тысяч человек пришла послушать шейха Салаха. Ни один другой политический или религиозный деятель в среде израильских арабов не в состоянии собрать столь многочисленную аудиторию. Движение шейха Салаха не признает государства Израиль и игнорирует выборы в Кнессет. Основанием для этого служат не политические или культурные соображения, а в чистом виде религия. Поэтому переговоры с ним в принципе невозможны.

Рааду Салаху 48 лет. Он родился в городе Умм-эль-Фахме на севере Израиля, отец семерых детей. Его отец служил в израильской полиции в районах Мисгав, Шфарам и Дженин (последний — на территории Самарии). Двое его братьев также офицеры полиции: один в городе Хадера, другой в районе Вади-Ара. По словам шейха, у него нет никаких проблем с семьей, так как его братья не участвовали в событиях октября 2000 г., когда полиция застрелила 13 израильских арабов во время массовых волнений, положивших начало второй интифаде.

В сентябре 2001 года шейх Салах оставил должность мэра Умм-эль-Фахма. С юных лет он был верным правоверным мусульманином и молился пять раз в день. В конце 70-х годов он изучил шариат (мусульманское законодательство) в религиозном колледже в Хевроне, затем вступил в Исламское движение, которым в то время руководил шейх Абдалла Нимр Дарвиш, и поступил на работу в еженедельный журнал в качестве журналиста и редактора.

В 1989 году Совет старейшин Исламского движения выдвинул шейха Салаха своим кандидатом на пост мэра Умм-эль-Фахма. На выборах он победил кандидата от коммунистической партии Израиля (ХАДАШ) Хашема Махмида, который теперь является членом Кнессета от Объединенного арабского списка.

Все началось с того, что в 1996 году шейх Салах не согласился с решением большинства Совета старейшин, что Исламское движение должно направить своего представителя в Кнессет, и вышел из движения. С тех пор было сделано несколько попыток примирить Северное отделение Салаха с Южным отделением, которое возглавляет Абдалла Дарвиш. Но кризис только обострялся. Политика Северного отделения с каждым годом становится все более экстремистской. В 1997 году — через год после арабского восстания, поводом для которого послужило открытие Биньямином Нетаниягу туннеля Хасмонеев рядом со Стеной Плача, — шейх Саллах решил придать особенно большое значение мечети Аль-Акса, которой, по его мнению, угрожает «опасность, исходящая от правэкстремистских кругов Израиля».

Первые выступления «во имя Аль-Акса» не вызвали большого интереса общественности. Однако сегодня они транслируются в прямом эфире через пиратские телевизионные станции и по интернету, привлекая внимание всего мира.

Шейх Салах считается национальным героем.

В прошлом Салах был баскетболистом-любителем и заядлым рыболовом. Теперь времени на хобби не остается. В его сумке всегда есть Коран и мобильный телефон. Он начинает день с первой молитвы, около 4 часов утра. В последний год он возносит утреннюю молитву не в мечети, а у себя дома. Отвечая на вопросы, шейх смотрит в пол. «Я перестал молиться в мечети в связи с проблематичной, нестабильной ситуацией в сфере безопасности», — объясняет он. Салах чувствует, что его жизни угрожает непосредственная опасность: «Я получил несколько писем с угрозами убить меня. На этой неделе двое анонимных евреев-экстремистов ясно дали понять, что хотят меня уничтожить». Кто кому угрожает: они ему или он им? Этот вопрос остается открытым.

— **Шейх Салах, как Вы восприняли убийство министра туризма, председателя партии Моледет Рехавама Зееви?**

— Это не явилось неожиданностью. Все предельно ясно. Насилие порождает ответное насилие. Убийству Зееви предшествовала серия убийств высокопоставленных палестинских деятелей. Двое из них были уничтожены израильянами за два дня до убийства Зееви.

— **Будет ли, по Вашему мнению, существовать Израиль как еврейское государство через 100 лет?**

— Очевидно, израильский народ не достиг достаточных успехов, чтобы приспособиться к существующим условиям ни в кругу палестинских арабов, ни в исламистских кругах. Израиль сумел договориться с частью арабского и мусульманского мира, однако большинство лидеров, поддерживающих с ним отношения, пришло к власти неприемлемым, недемократическим путем — и они не могут полноценно представлять свои народы.

Ясно, что израильский народ не сумел построить иерархическое интегрированное общество. Там есть люди религиозные и светские, сефарды и ашкенази, евреи и неевреи. Эта раздробленность ставит под вопрос будущее израильского общества. Кроме того, в Израиле наблюдается упадок морали. Это отражается в участившихся случаях насилия внутри страны и росте наркомании. Общество, в котором подобные явления широко распространены, не сможет себя сохранить.

— **Признает ли Исламское движение когда-нибудь Израиль как еврейское государство?**

— Израиль стал политической реальностью, и с этим не приходится спорить. Я весьма критически отношусь к факту существования Израй-

ля, который определяет себя исключительно как еврейское государство и игнорирует меня, араба. Если вы спросите меня, признаю ли я Израиль как культурное или демократическое государство, мой ответ будет отрицательным. Израиль — это милитаризованное государство. Оно не только не признает меня, но и угрожает мне как потенциальному источнику опасности с момента его образования. Я не могу признать легитимность тех, кто не признает моей легитимности.

— **Каково ваше отношение к премьер-министру Ариэлю Шарону?**

— Человек, который убил тысячи невинных людей — что можно сказать о нем?

— **Можете ли вы сказать, что Норвежские соглашения принесли вред палестинскому народу?**

— Среди палестинцев есть много поклонников Осло. Однако палестинскому народу эти соглашения ничего не дают. Они не ведут к созданию независимого палестинского государства. Они даже не гарантируют беженцам право на возвращение и не дают нам право на Эль-Кудс (Иерусалим. — *Прим. ред.*). Что толку в Норвежских соглашениях, когда поселения по-прежнему существуют? А объездные дороги? Это не что иное, как продолжение израильской оккупации палестинских земель.

— **Возможно ли, по-Вашему, мирное соглашение, предусматривающее демонтаж поселений, раздел Иерусалима и отступление к границам 1967 года, но без права на возвращение палестинских беженцев?**

— Это абсолютно невозможно. Ведь существует пять миллионов беженцев, которые имеют право на возвращение, и никто не вправе помешать им вернуться.

— Стена Плача — это самое священное место для иудаизма. А мечеть Аль-Акса — третье по значению место для ислама. Почему же, по Вашему мнению, евреи не имеют права на Храмовую гору?

— Это некорректный аргумент, порождающий массу распространенных заблуждений. В действительности евреи не имеют никакого права на район Храмовой горы и ни на один камень мечети Аль-Акса. Археологи уже доказали это. Стена Аль-Бурак (исламское название Стены Плача) не является западной стеной Храма. К несчастью, еврейские экстремисты во имя религии эксплуатируют эмоции соплеменников и пытаются их обмануть.

— Но Библия рассказывает о Храме и Храмовой горе. Разве эта книга — фальсификация?

— Мы полагаем, что Библию фальсифицировали. Так сказано в Коране. Вопрос о Храмовой горе и Храме — далеко не единственные места, фальсифицированные в Библии.

— Ваше мнение о комиссии, возглавляемой судьей Теодором Ором, которая исследует события октября 2000 года?

— Запоздалая мера... Безусловно, комиссия выполняет важную работу, но этого недостаточно. Я надеялся, что комиссия Ора проведет правдивое расследование, которое позволит предать виновников беспристрастному суду. Не понимаю, почему офицеры полиции, которые признались, что они открыли огонь, ранили и убивали людей, до сих пор не арестованы.

— То, что произошло 11 сентября в США, — акт терроризма или джихада?

— Вы хотите получить ответ на во-

прос прямо сейчас, но ведь мы не знаем, кто стоял за этим. Разве Соединенные Штаты точно знают, кто совершил нападение? Конечно, нет. Это говорю не только я, но и генеральный секретарь ООН Кофи Аннан.

— Но как вы лично относитесь к происшедшему?

— Если хотите — отвечу вам как мусульманин. Это нападение разрушило большую мечеть в одной из башен-близнецов, которая служила мусульманам этого района для молитв. Исламское движение выступило с заявлением, осуждающим этот акт.

— Что вы думаете об Усаме бен-Ладене?

— Бен-Ладен обескуражил все академические и исследовательские центры, которые пытались убедить мир в том, что только бедность порождает акты мщения. Бен-Ладен обладает большим состоянием, чем бюджет некоторых стран. Это показывает, что дело Усамы — это не частное дело. Бедностью он не страдает. Америке следует задуматься над тем, почему она — объект ненависти и вражды. Ведь в Коране нет ничего ни конкретно против США, ни против Манхэттена, ни против Джорджа Буша.

— Ожидают ли 70 девственниц шахида (исламского великомученика) в раю?

— По этому вопросу мы имеем неопровержимые доказательства. В Коране и Суне (жизнеописание Магомета) явственно говорится, что шахид получает шесть особых вещей, включая 70 девственниц, безбедное загробное существование и 70 членов семьи и выбранных им доверенных лиц, которые попадут в рай вместе с ним.

«Jerusalem Post»

ДЖОРДЖ МИТЧЕЛЛ: «У ЭТОЙ ПРОБЛЕМЫ НЕТ ВОЕННОГО РЕШЕНИЯ»

Интервью журналу «Middle East Insight»

В ноябре 2000 года президент США Билл Клинтон назначил сенатора Джорджа Митчелла председателем комиссии по расследованию причин возникновения интифады Аль-Акса.

Джордж Митчелл являлся сенатором от штата Мэн в течение 14 лет. После ухода из Сената в 1995 году возглавил международную комиссию по разоружению в Северной Ирландии. Руководя мирными переговорами, он добился того, что политические партии Ольстера, а также правительства Ирландии и Великобритании достигли исторического согласия.

В настоящее время Митчелл — председатель Международной кризисной группы — некоммерческой организации по предотвращению кризисов во всем мире.

— Какую роль играет комиссия в поисках мирного решения?

— Я в официальном порядке занимался североирландским, балканским и ближневосточным конфликтами. Меня часто спрашивают о сходствах и различиях между ними, однако сравнения невозможны: каждый конфликт уникален. Волшебной формулы нет.

— С самого начала работы комиссии израильтяне и палестинские арабы спорили о ее целях. Некоторые беспокоились, что комиссия просто станет еще одним поводом для конфликта между сторонами. Какие меры были предприняты, чтобы этого избежать?

— Уже на первом заседании мы решили, что будем беспристрастными, правдивыми и независимыми. Несмотря на то, что мы назначены президентом и получаем финансирование и техническую поддержку от правительства США, мы намерены действовать независимо. Наш отчет будет отражать не позицию правительства Соединенных Штатов или какой-либо другой стороны, а взгляды пяти конкретных лиц, которых пригласили работать в комиссии. Президент согласился с этим подходом.

— Как вы при ограниченном штате и дефиците времени отбирали и сортировали информацию? Вы наверняка получали ее от людей с совершенно различной точкой зрения. До какой степени вы пытались установить реальные факты?

— В нашем отчете фигурируют заявления, сделанные двумя сторонами по многим вопросам. Мы встретились с большим числом отдельных лиц и организаций, которых рекомендовали

правительства. Другие устанавливали контакт с нами непосредственно.

Лично я следовал той же практике, по которой действовал в Северной Ирландии, прочел много книг по истории конфликта и продолжаю изучать его. К настоящему моменту я уже прочел около десяти книг по палестино-израильскому конфликту, а в свое время о Северной Ирландии я прочел примерно сорок. Но о том конфликте я знал меньше, потому что никогда раньше не бывал в Ольстере. А на Ближнем Востоке бывал много раз.

— Израильский премьер-министр Ариэль Шарон однажды охарактеризовал создание комиссии как историческую ошибку и не пожелал встречаться с вами. Почему, по вашему мнению, Шарон передумал и позволил комиссии полноценно завершить свою работу?

— Этот вопрос лучше адресовать ему, а не мне. По-видимому, он считал, что раз уж комиссия создана, стоит с ней сотрудничать. С самых первых встреч с представителями правительства Израиля и палестинской администрации, состоявшихся в ноябре 2000 года, мы поясняли обеим сторонам, что мы полностью зависим от их поддержки и сотрудничества. Каждой мы заявили, что если они предпочтут воздержаться от поддержки нашей инициативы, то мы свернем свою деятельность. Ни Израиль, ни ПА на это не пошли. Мы смогли встретиться со всеми людьми, с которыми пожелали, с обеих сторон нам было предоставлено большое количество информации.

— Возникали ли существенные разногласия между членами комиссии? Если да, то по каким вопросам? И как они преодолевались?

— Члены комиссии очень хорошо работали вместе. Я знаком с бывшим сенатором Уорреном Рудманом. Я исключительно высоко ценю его. Я также много лет знал уполномоченного Европейского Союза по иностранным делам и безопасности Хавьера Солану. Бывшего президента Турции Сулеймана Демиреля и бывшего министра иностранных дел Норвегии Торбьерна Ягланда я прежде не знал, но с самого начала у нас установились хорошие личные и рабочие отношения. Существенных разногласий между нами не возникало, и наши выводы были единодушны.

Большая часть доклада написана нами — членами комиссии. После того, как мы получили проект, содержащий предложения от всех членов комиссии и от вспомогательного персонала, мы свели их воедино. Затем мы провели целый день в Нью-Йорке, перечитывая черновой доклад слово за словом, пока не достигли согласия.

— В интервью, опубликованном в январе 2001 года, Шимон Перес объяснил возникновение насилия визитом Шарона на Храмовую гору. Почему комиссия не приняла эту оценку?

— У нас были разные взгляды, и мы изложили свою точку зрения в отчете. Я не буду цитировать его полностью, но по существу в нем говорится, что визит Ариэля Шарона мыслился как внутрисполитический акт и таковым рассматривался израильтянами. Тогдашний премьер-министр Эхуд Барак не соглашался с требованиями запретить визит Шарона. Однако палестинские арабы усмотрели в этом вызов, и это предвидели те, кто рекомендовал запретить визит. В нашем заключении мы написали, что не приемлем версии, согласно которой этот визит вызвал интифаду, однако он находился в ряду событий, приведших к насилию.

— Почему комиссия воздержалась от расследования гибели 13 израильтянских арабов в беспорядках октября 2000 года?

— Это не было частью нашего задания. Комиссия не призвана ответить на каждый вопрос об истории конфликта и проблемах, которые он породил.

— Почему комиссия рекомендовала заморозить строительство всех израильтянских поселений, включая естественный прирост существующих? Неко-

торые утверждают, что отчет комиссии ставит знак морального равенства между терроризмом и строительством в поселениях.

— Разрешите сначала ответить на ваш второй вопрос. В докладе нет приравнивания, морального или иного. Мы рекомендуем ряд действий, включающих три фазы. Первая — это немедленное и безоговорочное прекращение насилия и возобновление сотрудничества в сфере безопасности. Вторая — то, что мы назвали «охлаждающий» период, во время которого обеими сторонами будут предприняты обоюдные шаги по восстановлению доверия, сильно пошатнувшегося за последние месяцы. И третья — возобновление серьезных политических переговоров.

Из-за того, что часть отчета была предана гласности до его официальной публикации, кое-кто предпочел истолковать его по-своему. Но такова роль дискуссионного процесса в открытом обществе, подобном нашему, особенно когда вы имеете дело с важными, эмоциональными и спорными общественными вопросами. Так что ответ на этот вопрос ясен и недвусмыслен: в отчете нет морального уравнивания ни между указанными, ни между какими-либо другими позициями. Рекомендуемое замораживание поселений — один из шагов, которые должны предпринять стороны с целью восстановления доверия.

Теперь по первому вопросу. Мы отметили в нашем отчете, что у Соединенных Штатов и Израиля очень тесные взаимоотношения. США — самый твердый сторонник права Израиля на существование в безопасных и обоснованных границах. В то же время мы признаем, что между суверенными демократическими государствами даже при отличных взаимоотношениях существуют разногласия.

В вопросе поселений разногласия между США и Израилем существуют более четверти века. Все это время каждая американская администрация противилась политике правительств Израиля в отношении поселений. Упомяну лишь сделанное 20 лет назад Рональдом Рейганом заявление о том, что самый важный шаг, который можно предпринять для восстановления доверия, — это немедленное замораживание поселений. Почти у

всех стран-членов ООН и ЕС имеют даже более сильные разногласия с Израилем по поселенческой политике. Идея замораживания поселений не нова. Бывший премьер-министр Менахем Бегин замораживал поселения во время Кемп-Дэвидского процесса, Ицхак Рабин тоже делал это в свою вторую каденцию. Видные органы печати и политические обозреватели в Израиле настаивали на замораживании поселенческой деятельности до того, как мы включали ее в наш отчет. И общественность в Израиле готова при определенных обстоятельствах поддержать замораживание поселений.

Возможно, самое опасное в ближневосточной проблеме — полное отсутствие доверия: не только у политических лидеров, но и у людей с обеих сторон. Израильцы боятся, что если выполнят все, о чем мы их просим в отчете, их безопасность уменьшится, а не увеличится. Это будет истолковано как еще одна уступка, еще один признак слабости, и террористических актов против израильских граждан станет еще больше.

С палестинской стороны также имеются опасения, что если они сделают все, о чем мы их просим в отчете, — согласятся на сотрудничество в области безопасности, арестуют всех замешанных в террористической деятельности и т.п., — то за этим последуют еще восемь лет дискуссий, во время которых строительство агрессивных поселений будет продолжаться, и это сделает создание независимого палестинского государства к западу от реки Иордан малоосуществимой, если не несбыточной идеей. Палестинские арабы видят, что после заключения Норвежских соглашений в поселениях проводится массивное строительство, и перспектива собственного территориально непрерывного государства становится в их глазах все менее вероятной.

Многие израильцы сетуют: «Арафат тверд в своем намерении уничтожить Израиль, мечтает утопить евреев в море». Палестинские арабы, в свою очередь, говорят: «Мы не верим, что премьер-министр Шарон и многие из-

раильцы примирятся с существованием независимого палестинского государства к западу от Иордана».

Поскольку обилие отрицательных эмоций и недоверия не позволяет сдвинуться с мертвой точки, мы решили придать рекомендациям комиссии максимально практическую направленность.

Ближневосточная проблема не имеет военного решения. Те из палестинских арабов, которые думают, что Израиль можно уничтожить, ошибаются. Израиль существует и будет существовать. А те израильцы, которые думают, что палестинских арабов можно куда-нибудь переселить, тоже ошибаются. Они твердо намерены оставаться на месте, их цель — независимое государство к западу от реки Иордан.

Исторически и географически у этих народов общая судьба. И мы думаем, что правильный путь их сосуществования — это мир.

— Как вы думаете, можно ли достичь постоянного соглашения?

— Я твердо убежден, что нет такого конфликта, который не мог бы быть завершен. Конфликты создаются и поддерживаются людьми, и они могут быть завершены людьми. Меня часто спрашивают, что привело к мирному соглашению в Северной Ирландии после десятилетий и веков кровопролития. Я не историк, но скажу следующее: люди в Ольстере пресытились войной. Они пресытились смертью, разрушением и увечьем. Но особенно они пресытились зрелищем маленьких гробов, в которых хоронят детей.

Очень трудно идти на политические компромиссы в атмосфере постоянных взаимных обвинений, но это намного предпочтительней, чем продолжать конфликт. Описанный в нашем отчете мучительный, деморализующий, антигуманный конфликт столь враждебен интересам людей с обеих сторон, что они должны сделать вывод о наличии лучшей альтернативы, каковой является путь переговоров. Я верю, что это случится. Я не могу вам сказать, когда и как именно. Но я надеюсь и молюсь за то, чтобы это произошло как можно скорее.

«НАИБОЛЕЕ РАЗУМНЫЙ» ПЛАН НЕ ОЗНАЧАЕТ «ЕДИНСТВЕННО ВЕРНЫЙ»

Интервью комментирует депутат Кнессета Михаил НУДЕЛЬМАН (партия «Наш дом — Израиль»)

При чтении интервью с Дж. Митчеллом мне показалось, что при всей своей прямоте и взвешенности суждений сенатор либо не договаривает, либо он попросту неправ — по крайней мере отчасти.

Я согласен с тем, что отчет комиссии Митчелла являет собой наиболее разумный план урегулирования ближневосточного конфликта из всех, которые предлагались когда-либо зарубежными политиками. Но «наиболее разумный», увы, не означает «единственно верный».

Во-первых, план Митчелла базируется на политическом равноправии обеих сторон. Его создатели предприняли попытку абстрагироваться от политического прошлого Израиля и Палестинской автономии, равно как и от политического прошлого их лидеров. При составлении отчета комиссии Митчелла учитывалась современная информация по истории ближневосточного конфликта, но не принимались в расчет такие аспекты, как структура власти в Израиле и ПА, структура общества, уровень политической активности и агрессивности жителей Израиля и автономии.

Что касается создания палестинского государства, то у меня возникают сомнения в реальности этого намерения. Палестинским арабам уже несколько раз представлялся случай провозгласить свое государство, но они отвергали эти предложения, и только спустя 30 лет после того, как за палестинцами признали право на создание государства, в 1989 году, Ясир Арафат заявил о признании резолюции ООН о разделе Палестины и отказе от терроризма. Его заявление сопровождалось созданием отрядов вооруженных палестинцев, общей численностью 60 тысяч, воодушевляемых призывами к джихаду.

Рассмотрим статистику: до образования ПА и перехода 98% палестинских арабов под власть Арафата в терактах погибли 27 израильтян, а с момента прихода Арафата к власти насильственные действия арабской стороны и теракты унесли жизни более 600 наших граждан. Ущерб, нанесенный физическому и душевному здоровью пострадавших от террора, вообще не поддается оценке. Вся жизнь и деятельность раиса свидетельствует о том, что его словам и миролюбивым намерениям доверять не стоит.

В начале своей карьеры, в Египте, он

был хорошо известен как главарь террористической организации «Братья-мусульмане», организовавшей серию политических убийств. После того как он сменил тактику, ООН признала его единственным представителем палестинцев. В 1967 году Арафат перебирается в Иорданию, где его принимает король Хусейн, а уже в сентябре 1970 года Арафат поднимает мятеж. После подавления мятежа Арафат перебирается в Бейрут, и в 1973 году руководимые им отряды начинают вырезать ливанских христиан, а в 1975-м начинают в Ливане гражданскую войну. В том же году происходит трагедия христианского города Дамура, где войска Арафата вырезали практически всех жителей. В 1983 году мятеж против Арафата подняли его собственные офицеры — из-за диктаторства и жадности предводителя.

В 1985 году боевики Арафата взяли в заложники четырех сотрудников советского посольства в Бейруте (при том что СССР и Арафат были друзья не разлей вода). Столь наглый выпад был предпринят ради того, чтобы Москва вмешалась в ливанско-сирийский конфликт и попросила Дамаск не трогать палестинские отряды.

Столь далекая от миролюбия биография Арафата дает израильтянам основание понять, что под миром он подразумевает уничтожение еврейского государства, а не создание палестинского.

Всего полтора года назад тогдашний премьер-министр Израиля Эхуд Барак предложил Арафату максимум того, что еврейский лидер может предложить палестинскому. В ответ на это Арафат выдвинул новые, воистину чудовищные и невыполнимые для Израиля требования и развязал интифаду.

Митчелл упрекает нас в наличии фобии по отношению к палестинцам. Я не думаю, что этот диагноз верен. У нас нет ненависти к какому-либо народу. Но у нас есть небезосновательные опасения, что на территории палестинской автономии проживает немало людей, желающих уничтожения еврейского государства. Опасения эти — не плод наших фантазий, они зиждятся на документальных фактах, запечатленных на видеопленке. Чтобы убедиться в правоте моих слов, достаточно увидеть по телевидению хотя бы одну антиизраильскую палестин-

скую демонстрацию, где оголтелые молодые люди машут оружием и сжигают израильские флаги.

В отличие от ПА, в Израиле не было еще ни единого случая проведения антипалестинской демонстрации. Имели место лишь демонстрации протеста против террора, которые, естественно, нельзя характеризовать как протест против нации. Кстати, по форме протеста, выражаемого против деятельности обеих политических структур, можно проследить четкую разницу между режимами правления Израиля и ПА. Если в Израиле протест был выражен в конвенциональной форме, свидетельствующей о демократическом укладе государства, то необузданные демонстрации силы и ненависти со стороны палестинских арабов подчеркивают лишь одно: в автономии царит исламский фундаментализм — одно из самых страшных политических веяний нашего времени.

Исламский фундаментализм повсюду порождает террор. Алжир, Палестина, Чечня, Афганистан, Филиппины... Приведу хрестоматийное высказывание одного из покойных лидеров «Хизбаллы» Субхи Тофайли, сказавшего: «Мы сумели превратить ислам в явление, с которым вынужден считаться весь мир». Увы, мир начал считаться с этим «явлением» лишь после трагедии, произошедшей 11 сентября 2001 года в США. А сенатор Митчелл предложил абстрагироваться от того факта, что на Ближнем Востоке идет противостояние исламского фундаментализма с единственным в регионе демократическим государством.

Позицию Митчелла можно представить примерно так. К законопослушному гражданину пристаёт его сводный брат-уголовник с заряженным пистолетом и требует отдать ему некоторые ценности, доставшиеся в наследство, а некто третий подходит к ним с советами, как распределить ценности мирным путем так, чтобы никому не было обидно. Не слишком привлекательный сюжет, не правда ли?

Митчелл сетует на отсутствие доверия между сторонами. Но ведь нет никакой гарантии, что если Израиль начнет выполнять предписания комиссии Митчелла, Палестинская автономия последует нашему примеру. Уже несколько месяцев ведется речь о так называемой «неделе затишья», неделе без единого теракта, после которой Израиль готов сесть за стол переговоров. Но за эти долгие месяцы у Израиля не было ни единой воз-

можности убедиться в том, что палестинцы действительно готовы идти на эти переговоры. Не было ни единой недели, не омраченной попыткой совершения теракта! Это означает, что либо палестинский лидер не в состоянии управлять государством таким образом, чтобы предотвратить теракты, либо он просто не заинтересован в их прекращении. О каком доверии может идти речь, если палестинская сторона не в состоянии выполнить даже самое первое положение отчета комиссии Митчелла?

Многочисленные горькие уроки истории, связанные с гонениями на евреев, научили нас не доверять словам, а опираться на факты. Факты же свидетельствуют против того, чтобы хоть сколько-нибудь доверять Арафату. Далее Митчелл обвиняет израильтян в том, что они не дают палестинцам возможности поверить в создание собственного государства.

Основными пунктами недоверия со стороны палестинских арабов является «строительство агрессивных поселений», малая вероятность создания государства на западе от реки Иордан, возможный трансфер палестинцев. Но прошу прощения, это же полная чушь! Что это за «агрессивные поселения»? Небольшие поселки, расположенные на границе с автономией, которые Митчелл назвал «агрессивными поселениями», — это щит Государства Израиль, принимающий на себя основной удар со стороны террористических группировок. Поэтому рекомендации комиссии «заморозить деятельность всех израильских поселений, включая естественный прирост существующих поселений», выглядят, мягко говоря, непродуманными. Сами по себе поселения не могут представлять угрозу для Палестинской автономии и уж тем более для потенциального существования палестинского государства.

С точки зрения Митчелла, палестинские арабы не доверяют Израилю потому, что вопреки Норвежским соглашениям строительство в поселениях продолжается. Но позвольте напомнить, что Осло уже умерло, и его гибель находится на совести палестинцев, первыми нарушивших эти соглашения с оружием в руках. Я соглашаюсь с Митчеллом лишь в том, что этот «мучительный, деморализующий, антигуманный конфликт столь враждебен интересам людей с обеих сторон, что они должны сделать вывод о наличии лучшей альтернативы».

«НАЦИСТЫ ЛУЧШЕ ИЗРАИЛЬТЯН»

Интервью посла Палестинской автономии в России Хайри АЛЬ-ОРИДИ

— Мы наблюдали по телевидению, как радовалась «палестинская улица» терактам в США.

— Это неправда. Группы радовавшихся мальчишек засняли на пленку агенты израильской спецслужбы «Мосад». В то же время мы видели кадры танцующих евреев в дискотеках Нью-Йорка. Что касается Ясира Арафата, то он сразу же осудил теракты и выразил соболезнование американцам... Зачем вспоминать все это, ведь прошло столько времени?

— Но ведь известно, что палестинские арабы недовольны тем, как большинство российских СМИ освещает и палестинско-израильский конфликт, и события в Афганистане.

— Нет, мы не раздражены. С какой стати? Ведь известно, что часть российских газет работает на Израиль. Раз ими владеют израильтяне (очевидно, имеются в виду российские евреи. — *Прим. ред. «НИ»*), то, разумеется, они не будут писать хорошо об арабах. Если бы ими владели русские, тогда другое дело.

— США и Россия активизируют усилия для политического урегулирования израильско-арабского конфликта. Но главный вопрос в том, может ли действительно Арафат контролировать ситуацию в Палестинской автономии?

— К сожалению, правительство Ариэля Шарона не имеет программы мирного урегулирования. Его программа нацелена на агрессию и войну. Его правительство готово вывести войска только с 40 процентов территории Западного берега. Иерусалим провозглашается вечной столицей Израйля, а ев-

рейские поселения остаются там, где они сейчас, и под контролем израильской армии. Словом, для обсуждения с Шароном практически не остается тем.

— Но вернемся к Арафату...

— При чем здесь Арафат, контролирует он ситуацию или нет? Если так будет продолжаться, то палестинский народ не будет молчать перед лицом преступлений. Как можно требовать от нас смирения перед оккупацией? Народ, который не сопротивляется оккупации, недостоин уважения.

— Акции возмездия, которые осуществляет Израиль в ответ на террор, схожи с антитеррористической операцией против талибов и Бен-Ладена. А как вы проводите различие между «законной борьбой» и актами терроризма? Взрывы в Тель-Авиве или Иерусалиме — что это, по-вашему?

— Это результат отчаяния, вызванного оккупацией, длящейся уже пятьдесят лет. И уже нет никаких мирных средств положить ей конец. С другой стороны, мы видим, как Израиль ежедневно осуществляет акты государственного терроризма — убивает людей, разрушает дома, школы.

— А как, по вашему мнению, Израиль должен отвечать на акты терроризма? Власти автономии сначала арестовывают своих экстремистов, а затем отпускают их из тюрьмы...

— А что нам делать, если израильские самолеты сбрасывают бомбы на тюрьмы, на полицейские участки? Позволять людям умирать в камерах? У нас не осталось места для содержания людей под стражей. Как должен Израиль отвечать? Просто — покончить с оккупацией.

— Но уже давно идет процесс создания палестинского государства, определения его территории. Шимон Перес высказался за такое государство в ООН. Этот процесс — двусторонний, он требует взаимного доверия и взаимодействия. Между тем именно палестинская интифада, длаящаяся с сентября 2000 года, сорвала переговорный процесс.

— Это сделал Шарон. Мы не хотим государства, которое нам предлагает Израиль. Нам нужно государство, территория которого определена международными документами, то есть основанное на резолюциях ООН 242 и 338.

— А какое государство предлагает вам Шарон?

— Мы не примем его, — это 40 процентов Западного берега.

— Плюс сектор Газа. Да и вообще основные параметры государства были оговорены в Осло в начале 90-х годов, а полтора года назад — в Кэмп-Дэвиде. Теперь снова все пересматривать?

— Вы говорите — Кэмп-Дэвид. Да там бывший премьер Израиля Эхуд Барак выступил против договоренностей в Осло. А теперь вот господин Шарон — израильский «голубь мира».

— А если Израиль согласится на ваши территориальные требования, то в силах ли Арафат предотвратить новые теракты?

— Разве вопрос в том, сможет ли Арафат контролировать своих сторонников или нет? Это проблема «Известий»?

— Это интересует не только «Известия». Это вопрос принципиальный: предположим, Израиль выведет свои войска, а теракты продолжатся.

— Терроризмом занимается Израиль, а мы боремся против оккупации. Закончится оккупация исчезнет оправдание для террористических актов. Даже нацистский террор был лучше, чем израильский.

*Беседу вел А. Шумилин
«Новые известия»*

Эстер ВАКСМАН (Израиль)

БОРЬБА СО ЗЛОМ ТРЕБУЕТ УЧАСТИЯ ВСЕХ

Я недавно была в Нью-Йорке, и таксист, обаятельный малый из Аргентины, начал обсуждать со мной ближневосточные дела. Вышколенно-вежливо он произнес: «Ну что ж, вы, евреи, расплачиваетесь за то, что сделали 2000 лет назад». От шока я онемела, что со мной случается нечасто.

Многие из моих друзей и знакомых погребены теперь под руинами башен-близнецов. Возможность перебраться в безопасное место похоронена вместе с ними. Мой зубной врач, проводивший отпуск в Скандинавии, был избит группой арабов посреди улицы средь бела дня. Свастики, антиеврейские лозунги и надписи появляются повсюду в мире.

Мир, к сожалению, не свободен от зла, а со злом нужно бороться с помощью зла. Ни один цивилизованный человек не сел бы за стол переговоров с германскими нацистами; то же самое справедливо по отношению к арабским террористам.

На конференции ООН в Дурбане мы, евреи (не только израильтяне), стали жертвами словесного погрома. Антисемитизм, скрывавшийся под маской антисионизма, теперь открыто обнаруживает себя. Находили ли евреи когда-либо покой в диаспоре? Не выучившие уроков истории обречены на ее повторение.

Шимон Перес, раздраженно покинувший Дурбан из-за того, что «не хотел принимать участия в антисемитском фестивале», фактически умоляет величайшего в нашем регионе террориста встретиться с ним. Он также поддерживает международных наблюдателей, а мы знаем, как они у нас behave беспристрастно.

Ненависть, подстрекательство и месть продолжают изливаться из мечетей, школ и арабских масс-медиа. Целое поколение палестинских ара-

бов подрастает на этой идеологии. Что делать нам?

Как сказал однажды Сэмюэль Джонсон, «если вы не решили задачу, вы остаетесь с проблемой». Мое молчание в том такси было непростительным. Что случилось с людьми, владеющими словом, чьи голоса должны раздаваться 24 часа в сутки по всему миру, на всех возможных волнах? Они должны напоминать миру, что случилось в результате словесного погрома на международном антисемитском шабаше в Дурбане.

Мир должен узнать о сотрудничестве иерусалимского муфтия с нацистами, о том, как на предложение ООН разделить Палестину на еврейское и палестинское государство ответили войной. Почему они не основали государство со столицей в Восточном Иерусалиме тогда? Потому, что им нужен и Западный, им нужна вся еврейская земля до последнего сантиметра!

Миру следует рассказать, как в 1973 году Израиль атаковали на Йом-Кипур — в наш самый святой день.

Мир не должен забывать о том, как палестинские арабы танцевали на крышах во время войны в Персидском заливе, когда их лидер Ясир Арафат заключил союз с Саддамом Хусейном. И, конечно, хотя Арафат и пытался скрыть это, те же палестинцы пели от счастья 11 сентября 2001 года.

Где наша пропаганда? Почему мир видит одностороннюю картину, нарисованную от имени «угнетенных палестинцев», в то время как еврейская кровь уже почти полтора года заливает наши улицы?

Мы, верующие, говорим: «Пусть Бог отомстит за их кровь». Но в наше время одной надежды на Всевышнего мало. Люди должны действовать сами.

«Jerusalem Post»

Марк ХЭЛПРИН (США)

ИЗРАИЛЬ НЕ МОЖЕТ ПРОИГРАТЬ ЭТУ ВОЙНУ!

После террористической атаки на США 11 сентября 2001 года многое изменилось на Ближнем Востоке, но в целом пейзаж остался прежним. Война в Персидском заливе, имевшая место десятью годами ранее, не изменила фундаментальных основ положения в регионе.

В Ираке все еще правит Саддам Хусейн. Вторая интифада палестинских арабов против Израиля оказалась еще более жестокой, чем первая. При этом Америка активно вмешивается в происходящее, оказывая сильнейшее давление на Израиль.

Даже если по Соединенным Штатам будет нанесен еще более мощный удар, чем в сентябре, они выживут. Но об Израиле этого сказать нельзя — и поэтому он должен быть готов действовать самостоятельно, пусть и оставаясь в союзе с Америкой.

Надо отметить, что так называемое цивилизованное, интеллигентное общество всегда проявляло большее уважение к палестинскому «сопротивлению». Не глупость, а отсутствие мужества побуждает левонастроенную общественность ставить на одну доску изначально неравные с нравственной точки зрения заявления участников израильско-арабского конфликта и уступать настойчивому давлению примитивных и обиженных масс, тем самым помещая себя в один лагерь с исламистами и другими врагами западной цивилизации.

Нужно ли объяснять, что восхищение террористами неуместно? Говоря абстрактно, самопожертвование достойно восхищения. Но в реальном мире насильственная революция, которую называют «сопротивлением», должна вызывать совсем другие эмоции.

Арабские «патриоты» идут на провокации, провокационно посылая своих малолетних сыновей под пули, чтобы потом по телевизору демонстрировать злодеяния врага. Достоин ли сопереживания развязывание войны, где невозможно отличить вооруженных бойцов от детей, которых умышленно превращают в мишень, а потом ликуют, когда те гибнут?

Достоин ли одобрения упоение кровью врага, как это было при линчевании заблудившихся израильских резервистов в Рамалле в 2000 году?

Вспомним «черный сентябрь» 1971 года, когда в Каире убили премьер-министра Иордании, а потом пили его кровь в буквальном смысле слова? Все это делается во имя каких-то идеалов, которые не предполагают признания каких бы то ни было прав за противником и какой бы то ни было собственной вины.

Суд истории должен быть прямым и нелицеприятным: неудачное начинание в Осло, предпринятое девять лет назад, стало плодом неверных концепций, обмана, соглашательства и трусости.

Тактика палестинских арабов состоит в оказании непрерывно усиливающегося давления на Израиль и провоцировании последнего на ответные меры. Это делается с целью завоевать широкие симпатии мировой общественности.

Палестинцы надеются, что Запад отвернется от Израиля под влиянием насильственных акций возмездия, к которым его вынудили они сами. Таким образом, судьба Израиля переходит из рук миротворцев в руки его врагов. Хотя многие не могут или не хотят этого принять, — это факт. А как сказал Уинстон Черчилль, факты предпочтительнее, чем мечты и сны.

Заблуждаются те, кто, чувствуя себя в безопасности, разглагольствует о явном военном преимуществе, которым якобы обладает Израиль. Ясир Арафат не без оснований надеется спровоцировать катклизмы, которые докажут неверность этой распространенной точки зрения.

В дни войны Судного дня между быстро продвигавшейся на Синае египетской армией и не успевшим еще мобилизовать резервистов Израилем встал невидимый буфер в виде израильского ядерного оружия. С тех пор четыре исламских государства пытались приобрести ядерное оружие; как минимум одно из них в этом уже преуспело. Американское оружие заметно обогатило арабские арсеналы. А стратегическая глубина Израиля после Осло сократи-

лась по сравнению с 1973 годом до совсем незначительного уровня; по той же причине понизился военно-патриотический дух. Миллионы арабов, живущих вдоль израильской линии обороны, сорганизовались и обрели настоящую армию (которая в тексте Норвежских соглашений именуется палестинской полицией).

Хотя перечисленные факторы не являются непреодолимыми и Израиль не растерял еще всех своих козырей, еврейское государство находится перед лицом смертельной угрозы. И только если Израиль будет грамотно противостоять ей, а не поддаваться иллюзиям, будто враждебность арабов сама собой исчезнет, он может спастись.

Израиль должен тщательно готовиться к четырем типам войны: политической (на мировой пропагандистской арене), гражданской, конвенциональной и к войне с применением оружия массового уничтожения.

Разумеется, желательно приобрести союзников и покровителей, но надо быть готовым обойтись и без них. Готовиться к войне Израилю надо со всей серьезностью, которая подобает народу, во второй раз в современной истории оказывающемуся под угрозой уничтожения.

Сначала о политической войне. Каденция Эхуда Барака выдалась недолгой, но в плане сдачи позиций эти неполные два года эквивалентны тысячелетиям. Теперь Израилю следует в корне пересмотреть свой подход к международной политике. Если интересы США окажутся для него неприемлемыми, он должен скорее честно отказаться от американской поддержки, чем рисковать основами своего существования. Второго шанса не будет — первая проигранная арабам война станет для него последней.

Израилю нельзя отдавать себя под власть утопической дипломатии и проигрывать борьбу за мировое общественное мнение. Еврейское государство должно научиться выдвигать собственные аргументы в ответ на каждый палестинский аргумент и отстаивать свои позиции не только потому, что они объективно справедливы, но и потому, что на карту поставлено выживание Израиля. Мир должен усвоить, что право Израиля на существование неоспоримо, а палестинские арабы и их ближайшие союзники никогда не хотели идти на компромисс. Вместо того чтобы признать еврейское государство, они развя-

зывают войну за войной, делают насилие основой своей политики и бравурят своими зверствами. Палестинских беженцев арабы часто создавали сами, пугая расправой тех, кто желал остаться под властью евреев.

Словом, Израиль должен со всей ясностью продемонстрировать миру, что палестинцы говорят миру одно, а имеют в виду и делают совершенно иное.

Непродуманное вовлечение палестинцев в жизнь Израиля, сделавшего себя заложником доброй или недоброй воли арабов, уже фактически вызвало в еврейском государстве гражданскую войну, которая может получить подпитку извне. Редко бывает так, чтобы народу приходилось бороться одновременно и внутри страны, и за границей, и на границе. Так живет Израиль во время «мира».

Палестинские военные отряды типа спецназа в состоянии создать массовый террор в израильских городах, блокировать мобилизацию резервистов, создавать препятствия на дорогах и даже нападать на воздушные базы, арсеналы и пункты командования и контроля.

Невозможно понять, почему Израиль в свое время согласился вооружать палестинских арабов. Но Израиль может противостоять палестинской армии, если создаст фортификационную систему и пункты наблюдения вдоль «зеленой черты», а также механизированный резерв пехоты, состоящий из небольших высокоманевренных подразделений, и корпус новых специальных частей. Кроме того, следует надлежащим образом организовать и вооружить гражданское население.

Война в пределах города трудна и дорогостояща. Но априори перевес на стороне защитников города, и он может быть многократно умножен благодаря разумной и тщательной подготовке.

В ходе нынешней интифады, как и предыдущей (1987-1991 гг.), самым большим преимуществом палестинских арабов было отсутствие решимости Израиля стрелять по невооруженным толпам людей. Настоящая война, конечно, породит в душе израильтян энергию борьбы, которую многие палестинцы считают утраченной. Но нынешняя палестинская тактика к этому не приводит, а израильтяне, в свою очередь, несут немалые потери. Тем больше оснований у Израиля не почитать на лаврах.

Третий тип войны — конвенциональная. Надежды арабских стратегов заклю-

чаются в том, чтобы посредством террористических налетов вывести Израиль из равновесия, а впоследствии закрепить успех путем организованных атак. Как известно, после заключения мирного соглашения с Египтом в 1978 году 200 км стратегической глубины, которыми Израиль обладал на Синае, перестали существовать. Оборонительные линии в Иудее и Самарии были разорваны за те годы, пока израильцы предавались иллюзиям Осло, — теперь там дислоцирована палестинская армия.

Израильцы традиционно уделяли внимание мастерству ведения конвенциональной войны. В частности, класс их летчиков обеспечивает им большое преимущество. Однако если арабы объединятся и проявят компетентность в военных вопросах, то наличие у них примерно 2 тысяч военных самолетов против 800 израильских станет немаловажным фактором. Это будет особенно опасным, если нападение истребителей поддержат ракеты класса «земля-воздух».

Перед лицом угрозы непредвиденного нападения конвенциональных сил Израилю целесообразно укрепить свои военные арсеналы. Для чего необходимо внесение корректив в госбюджет.

Если в 1970-х и 1980-х годах доля оборонных расходов в валовом национальном продукте составляла около 30%, то теперь, когда реальные доходы на душу человека стали в несколько раз больше, обороне посвящается лишь 9% ВВП. Это неосторожная политика. Хотя тщательная подготовка к войне — это не только вопрос денег, но без денег тут не обойтись. Не следует пренебрегать и эффектом устрашения, которому так подвержены арабы.

Как бы ни был важен для израильской безопасности международный политический фактор, основанный в Осло палестинская армия и конвенциональные силы представляют все же меньшую опасность, чем оружие массового уничтожения.

Израиль — маленькая страна с высокой плотностью населения, урбанистический характер которого делают ее чрезвычайно уязвимой для такого оружия. Ливия, Ирак и, возможно, Иран уже имеют программы ядерного вооружения, а также обладают химическим и/или биологическим оружием. Северная Корея с успехом провела испытания баллистических ракет, финансируемые Ираном. Есть атомная бомба и у Пакистана, который хотя и поддерживает аф-

ганскую операцию США, но еще не слишком далеко отошел от исламских фундаменталистов.

Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в том, что враг, обладающий ядерным оружием, моментально уничтожит Израиль. Той же цели можно достичь при комбинировании нескольких разновидностей военных операций.

Что может в такой незавидной ситуации сделать Израиль? Прежде всего, ему следует разработать интенсивную программу гражданской обороны по образцу Швейцарии и Швеции. Жаль, что это не сделано до сих пор. Речь идет о строительстве надлежащим образом оборудованных убежищ, программах иммунизации, обеспечении защитной одеждой, заготовке лекарств, фильтрации воздуха и т.п.

Кроме того, у Израиля есть ракетная оборона. Поскольку все может зависеть от нескольких секунд боя, остается лишь надеяться, что Израиль преуспеет в разработке этой последней линии защиты.

На переднем крае обороны требуются не только точность и интеллект, но и воля. За годы «ословского» процесса, с изрядной долей участия администрации Билла Клинтона, Израиль пренебрег многими важными параметрами, подменяя факты сладкими грезами о грядущем мире. Теперь, когда интересы Израиля и Америки относительно оружия массового уничтожения полностью совпадают, необходимо уничтожить лаборатории, реакторы, заводы и склады, могущие служить базами террора. Именно это созидательное разрушение становится императивом не только для обеих указанных стран, но и для России, Великобритании, Франции и каждой цивилизованной державы. Создавая широкую антитеррористическую коалицию для своей войны против террора, США могут отойти от этой линии, побоявшись испортить отношения с арабским миром. Тем временем мусульмане продолжают интенсивно вооружаться, и главный удар рискует принять на себя Израиль.

Памятуя об этом, израильцы должны крепить решимость американцев в отношении полного и безоговорочного уничтожения смертоносного оружия, находящегося в руках исламистов. Только так США спасут западную цивилизацию.

Описанный сценарий кажется страшным — и он действительно таков. Но альтернатива ему еще во сто крат опаснее.

«Commentary»

ИЗРАИЛЬ : ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

«Русские идут!» — пестрели заголовки израильских газет лет 10-12 назад. Теперь они уже пришли; «русские» израильтяне заполнили собой городские улицы и университеты, шуки (рынки) и мисрады (офисы)... Израильских солдат с характерными российскими лицами часто можно встретить в автобусах едущими из своих частей на субботнюю побывку. И даже такой трагический феномен современного Израйля — списки жертв арабского террора, публикуемые почти ежедневно в газетах, не обходятся без русских имен.

Алия (репатриация) русских евреев увеличила еврейское население страны на 20% (1 млн человек), и обустройство, или, как здесь говорят, абсорбция такой огромной массы людей (для сравнения: в пересчете на Америку это эквивалентно 40-50 млн новых иммигрантов) представляло очень непростую задачу. Абсорбция охватила все стороны жизни новых граждан, как материальной, так и духовной, и при всех неизбежных издержках в предприятии такого масштаба оказалась достаточно успешной.

Массовый характер новой алии привел к тому, что в стране возникли целые отрасли жизни на русском языке. «Русский Израиль» можно увидеть или услышать повсюду, а за новыми репатриантами из бывшего СССР, которые не всегда эффективно осваивают иврит, прочно укоренился этноним «русские». Нередко это обижает самих «русских», ведь многие из них, бывшие советские граждане, стеснявшиеся своего еврейства, предпочли бы в своей стране быть евреями. К особенностям русской алии следует отнести низкий уровень национального самосознания ее участников, о ней говорят как об «экономической», т.е. «несионистской» (неидеологизированной) алии, что отнюдь не является виной русских евреев. Эта беда русской алии является вполне объяснимой в свете особенностей жизни еврейства в бывшем СССР. Но независимо от того, по каким причинам репатрируются евреи из СНГ, «русская» прибавка в прогресс еврейского государства — в каждой сфере жизни страны — будь то экономика или наука, культура или образование — очень велика... Тот факт, что 70% «русских» репатриантов прибыли в страну с законченным высшим образованием, дает этому понятное объяснение. «Русский» вклад в развитие Израйля широко освещается в СМИ, об этом свидетельствует статистика, опросы общественного мнения.

Та же статистика утверждает, что не менее 30% новых иммигрантов из стран СНГ не подпадают под традиционное определение понятия еврея. В этом еще одна особенность русской алии — ее чрезмерная русскость (говоря религиозными понятиями — «некошерность»). Это дало повод израильским ультраортодоксам начать кампанию за ограничение иммиграции из стран бывшего СССР под лозунгом сохранения «еврейского характера Израйля». Однако у разных представителей израильского общества бытуют совершенно разные представления о том, что есть «еврейский Израиль», и большинство страны не приемлет такого подхода.

Русскую алию конца XX века не без основания сравнивают с библейским исходом евреев из Египта. Как рассказывает Книга Книг, выходцы из египетского рабства также были «испорчены» чуждой цивилизацией, и Моисею потребовалось 40 лет водить их по пустыне, чтобы сформировалась то, что стало еврейским народом. Объединяющими факторами явились тогда монотеистическая религия иудаизма и завоевание обетованной родины. Спустя тысячелетия происходит национальное возрождение и возвращение народа на землю древней родины Эрец Исраэль. Русское еврейство, позже других включившееся в этот процесс, проходит сейчас сложный период своих «странствий» и воссоединения со своим народом. Израильское общество в своем подавляющем большинстве едино в том мнении, что алия из СНГ — благо для страны.

В политической сфере явно проявляет себя «правый уклон», свойственный русским израильтянам, что обуславливается не только отталкиванием бывших советских людей от социализма, но и их патриотизмом в отношении своей новообретенной родины. На последних выборах «русские» голосовали за Шарона и свои «русские» партии Либермана и Царанского (также правого толка), наглядно продемонстрировав, что не приемлют левой политики уступок Арафату и возврата «оккупированных территорий».

Возрождаясь к новой жизни, русское еврейство восстанавливает тот значительный статус, который принадлежал ему в начале века, когда евреи России были одной из наиболее активных и развивающихся частей еврейского народа как в диаспоре, так и на возрождаемой национальной родине в Эрец Исраэль.

Валентин КОБЯКОВ (Израиль)

ЮБИЛЕЙНОЕ ПИСЬМО ВЕРХОГЛЯДА ИЛИ СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД НА ИЗРАИЛЬ ИЛИ ГЛАЗАМИ НОВОПРИБЫВШЕГО НЕЕВРЕЯ

Друзья мои! Я вас приветствую сегодня, пребывая в особом душевном состоянии. Снова — число 13! И его первая составляющая — 1! Сегодня торжественная дата — завершился Первый Год моего (нашего!) пребывания в Стране! Волнение, охватившее меня, путает мои мысли, мешает уложить их в ясные слова, понятия. Простите.

Ровно год назад я и Элла ступили на эту Землю. Это было 13 сентября 2000 года. Собираясь сюда и зная, что почти ничего из того, что я оставлял *там*, что было привычно удобным, без чего, казалось, невозможно существовать, — что и малой толики всего этого сюда не взять, я уговаривал, утешал себя: «Ну не на необитаемый же остров тебя забросит. Робинзон вон в каких условиях выкрутился. Да и ты на этот твой «остров» — не по воле злого рока, а са-а-ам».

Вот и замыслил я, вполне возможно, и недоброе дело, — отчитаться перед вами за этот год. Чуете, какие «радости» вас могут постигнуть? Но и остановиться уже не могу. Единственно, что обещаю, — очень постараюсь быть нескучным. Хотя... В общем, если кто из вас уже почувствовал позывы зевоты, «предвкушение» многостраничного занудства, отбросьте сии листки и тут же забудьте о них. Бог с ними! Только бы не забыли вы меня как такового.

Итак.

Что нужно русскому человеку, поселившемуся на склоне лет за рубежами Родины? — русская библиотека, православный храм (и/или русский театр, на худой конец) и русское кладбище. Первое и второе в Иерусалиме уже есть. Выходит, — умирать надо погодить.

БА-АРЕЦ

Эрец-Исраэль, Земля Обетованная, Страна — все это имеют в виду евреи, когда произносят *Ба-Арец*. И перево-

дится просто, хоть и не без откровенной гордости — земля, страна, а точнее — «в Стране».

В самой широкой своей части Она имеет 125 километров, в длину же простирается на целых 425. По площади — вдвое меньше Латвии, а населяют ее 6,5 миллионов постоянных жителей, исключительное большинство которых — граждане Страны. Полтора миллиона этих самых граждан, в число которых и мы имеем честь и удовольствие входить, — прибывшие в Эрец-Исраэль в последнее десятилетие.

Иными «тактико-техническими» сведениями об Израиле не буду вам голову морочить. Имеющий интерес может почерпнуть их из обширной разноплановой литературы, пылящейся в любой, хоть чуть уважающей себя библиотеке (у вас, у вас там!), а уж в библиотеке ближайшей еврейской общины (доступ свободен и не евреям!) — наверняка.

Чуть-чуть из того, что и как мне здесь видится.

Израиль — единственное на земле место, единственное государство, где во всех бедах виноваты *действительно евреи*. Но евреи так привыкли за тысячелетия к тому, что всюду на них сваливали не их вины, что *придумали себе арабов*. Чтобы было на ком поближе вымещать все свои обиды. И чтобы было кому обижаться на них, евреев.

Между прочим (вдруг кто из вас не знает), когда после Второй мировой войны стала реально оформляться идея создания самостоятельного Еврейского государства, рассматривались в ООН три возможных для этого места: Палестина, Уганда и Крым (последнее — по предложению СССР). Еврейское лобби настояло на том, на чем настояло. Бог с ней, с Угандой. А вот если бы *это* был бы Крым? Как думаете, кому сегодня *там* было бы лучше-хуже? А-а-а!..

Еще одно имя этой страны — *Эрец халав у дваш* — «Земля /текущая/ молоком и медом». И это — не только поэтический образ, аллегория. Так оно и есть! Молока столько, что оно дотекло уже до Москвы. Андрей Макаревич, как вы знаете из экстренных сообщений ОРТ-интернэйшнл, питается теперь исключительно «тнувой-с-домиком». А это — израильский молокопродукт под названием *котэдж* (ударение на «о»), типа творожистой массы, около двух десятков видов и названий. И это — только это. А еще...

Что же до *дваш'а*, то здесь, скажем, нет несладких плодов. За очень малым исключением, — лимоны, киви. Элла с Ксенькой недавно взмолились — принеси им кисленьких яблочек и кисло-сладкого винограда. Я трижды обошел наш огромный *шук*. Перепробовал всего-всего, в общей сложности до тошноты. И не нашел.

У них (нас!) здесь самое ласковое, самое приятное обращение: «*Мотэк шели!*», «*Мэтука шели!*» В первых кавычках ударение на «о» и «и», а во вторых — на «а» и «и». А переводится: «Сладкий мой!», «Сладкая моя!» Красиво? — Пользуйтесь!

АРАБЫ

На иврите — *арави* (ударение на «и»). Это такие люди. Какая-то часть из них — с песьими головами. Когда я обмысливал эту главку пару месяцев назад, то в этом месте имел в виду сказать: «Это все-таки люди. И только некоторые из них — с песьими головами». Но... после 11 сентября и последовавших за ним событий... Сейчас и все миллионы «чистокровных» янки лихорадочно подсчитывают, с какими головами арабов больше.

«Хороший араб — мертвый араб» — это израильянское заимствование из истории освоения бородатыми пионерами Северной Америки. Так они тогда — об индейцах. Помните? Сегодня к американцам (янки) их же собственная формула вернулась в «чистом» израильском варианте. Тут же надо сказать, что арабы в свою очередь так же думают (и не устают поступать по думкам своим) о евреях. И об американцах, и о европейцах, и о китайцах, и о христианах, и о...

А между тем, евреи и арабы (в том числе и палестинцы) — отнюдь не расовые антагонисты. И те, и другие — семиты. И Праматерь одна у них — Рахель. (Это неверно; автор статьи грешит подобного рода неточностями, что простиительно новому репатрианту. — *прим. ред.*)

Евреи — те из них, кто более-менее владеет русским — называют арабов-палестинцев уменьшительно-уничтожительно-ласкательно *арабцы*. И настолько сроднились с ними во взаимной горячей ненависти, что не хотят отдать американцам расправу над своими арабами даже теперь, когда ситуация такому расчету весьма благоприятствует. Так прямо и говорят: «Не отдадим наших арабцев!»

Мне же, нееврею, нравятся этих самых арабцев называть *канальями*. Помните, у Владимира Ивановича Даля: *каналья* (с франц.) — бездельник, негодяй, мерзавец, продувной мошенник. *В людях Ананья, а дома каналья*. От себя добавлю: *У моей Натальи вся родня — канальи*.

Нам (семье моей) в общении с кана... (тьфу!) с арабца... (тьфу!) с... (третий раз — тьфу!) ну, с ними — пока везет. Со страшным терактом в Дельфинарии мы втроем разминулись ровно неделей. Надеюсь, вы теперь, по страшному учебнику географии кое-что знаете о нашей стране. Так вот, по средиземноморской набережной Тель-Авива, где и был совершен пуга (взрыв), один из самых страшных и бессмысленных, — смертник подорвал себя в гуще детей перед входом на дискотеку, — вот там мы и гуляли ровно за неделю до того. А с подобным же взрывом в кафе «Сбарро», что на углу улиц Яффо и Кинг Джордж в Иерусалиме, я разминулся на 50 минут. А Ксюха, едучи автобусом в *тиоль* (экскурсия), разминулась с подрывом автомобиля с «начинкой» на полторы минуты. А я — с *пуга* на иерусалимском Русском Подворье — на 5 минут. А...

Сообщаю вам это не страшилки ради, а чтобы... успокоить. Ведь то же, что и я, могут о себе сказать сотни, тысячи израильян. Вот, кстати! Кафе «Сбарро» уже восстановлено. И посетителей в нем с утра до позднего вечера больше прежнего. Это наш ответ Чембе... т.е. Арафату. И в этом — ответ на вопрос «страшно — не страш-

но?» Страшно, когда переходишь улицу? Ведь в каждом случае какой-нибудь идиот может-таки наехать?!

И еще об арабах. Евреи Ба-Арец давно-о-о и многократно — евреям Нового Света: «Не стройте дома выше Храма». Не послу-у-ушались.

ЯЗЫКИ

Лашон — язык, *лешонот* — языки.

Помимо языков реальных во всяческих видах, скажем, телячьих, свиных или тех же песьих, или кабарожьих (о последних, возможно, и зайдет речь где-нибудь ниже), имеются, как мы с вами знаем, еще и «ирреальные» — инструменты общения. Вот о них.

Создатель и Вершитель ну очень уж сильно должен был осерчать на чело-веков, чтобы наказать их всевсяческими различиями языков. Евреи со своим ивритом и тут оказались избранными. Если уж ты родился без иврита, то без иврита и помрешь. Этот «ты», конечно же, прежде всего — я. Марат в письмах хвалит меня за «успешное освоение иврита». Это — потому, что он сам его не знает. Вот профессор Федоров, в недавнюю бытность здесь, спросил меня: «Что там написано аршинными буквами на боковой стенке автофургона?» Благо, машина стояла на противоположной стороне улицы, а не двигалась. И стал я прилежно озвучивать каждый знак. Через пару минут сложилось у меня: «сатарэос», что я не без тайной гордости и произнес. Какое же жгучее чувство стыда я испытал, когда несколько позднее до меня дошло (стал повсюду на этикетках натывать), что это логотип всемирно известной кондитерской и проч. фирмы «ШТРАУС» и что Ф. П. скорее всего это знал. Надо сказать еще, что ко времени этого казуса я УСПЕШНО завершил полугодовое обучение языку в специальном ульпане.

Нет, не все так безнадежно. Я объясняюсь на рынке, в банке, на почте, в других учреждениях... Самый большой кайф ловлю, когда на улице могу объяснить страждущему, как куда пройти-проехать. Но, пожалуй, это — вершина моих языковых достижений. Свободно читать литературу, газеты, понимать оттенки, нюансы, подтексты живой речи, скажем, спектаклей, я, к величайшему моему сожалению, не могу.

То ли дело — Элла! А еще то ли дело — Ксюха! Тьфу на них! А на Ксеньку «тьфу!» частично и в прямом смысле — она довольно часто затрудняется теперь быстро отыскивать в памяти русские аналоги ивритским понятиям. И это, конечно же, не кривляние, она испытывает неудобство от этого, но... так есть. Что же будет с моими внуками здесь?! Одна надежда — ко времени внуков *русский* станет в Израилевке вторым государственным. Или первым. А тенденции в этих направлениях прослеживаются все четче.

МЕНТАЛИТЕТ

Евреи, многие сотни лет являвшие миру и себе самим, казалось бы, неизбывную покорность, безропотное смирение (во всяком случае — во внешних проявлениях), эти самые евреи (а они мало в чем изменились за 5761 год) в последние полвека распрямились во весь свой рост, и оказалось:

— среди них довольно много действительно высоких, с мужественными лицами, мускулистых мужчин, умеющих постоять не только за собственные достоинство и честь;

— они не жмутся к стенкам, боясь собой обеспокоить *не своих*, как привыкли повсюду, где принуждены были стесняться собственной тени, не втягивают головы в плечи, не прячут глаза;

— они и во внешних проявлениях энергичны, темпераментны, громкоголосы и прочее...

И это все — не метаморфоза. Это — возврат к себе. Я бы даже сказал, подъем к себе. Ведь в Иерусалим не приходят, не приезжают и, тем паче, не прилетают (здесь нет и никогда не будет аэропорт), в Иерусалим от века и поныне ПОДНИМАЮТСЯ. (*Ала* — поднялся; отсюда: *олим* — репатрианты). Вот евреи и *поднялись К СЕБЕ*. Во всех позитивных смыслах. Сегодняшние евреи на своей Земле те же, какими были во времена легендарного Самсона или исторических Маккавеев. И дай им! И нам с ними! Здесь, как, пожалуй, нигде в ином месте, начинаешь глубинно осознавать значение понятия «своя Земля, своя Страна».

Да. Я же — о менталитете. Боюсь, что не получится у меня — о главном, еще не открылось. Но и в мелочах многое высвечивается.

Если вы в автобусе спросите по-русски, как куда-то там дойти-доехать, — пол-автобуса кинутся вам это объяснять по-русски же, если спросите на иврите — также поступит весь автобус. При этом каждый будет предлагать «единственно правильный» вариант. А паратройка стариков (порознь) скажутся готовыми выйти с вами и довести вас до нужной двери. Это правило, не случай.

Здесь ненужные *ватикам* (старожилы) и коренным израильтянам вещи (ну, приобрели они более современную, более модную, лучшую в каком-то отношении вещь — микроволновку там или газовую плиту, стиральную машину, миксер, мебель какую...) они не выбрасывают в мусорный контейнер, не кидают так, чтоб вдребезги разлетелось, а аккуратно ставят у дороги, чтобы мог взять тот, кому нужно, принести домой, включить, если включается, и... И брать это не стыдно, берут не только *олим хадашим* (новые репатрианты), но и вполне состоятельные люди — ну, нужна человеку сейчас именно эта софа в тон с прической любовницы.

Здесь искренне уважают полицейских, их профессия престижна и почетна. Это и понятно — они всегда в нужном месте и в нужное время, а этого «нужного» здесь, как вы понимаете, хоть лопатой отбавляй. И «гаишников», представьте себе, уважают — взятки не берут и профессионально справедливы. А военных (солдат, солдаток (!), офицеров) нежно и трепетно любят. Военные здесь — постоянно ошущаемая часть уличного потока, пассажиров транспорта, публики в кафе, в театре, в сквере... Много *сипурум* (рассказов) об этом мог бы поведать, да пожалею вас. Оставлю на «при случае», т.е. — при встрече. Хотя... от одного (короткого!) не удержусь.

На широком проспекте ветром сдуло с головы старичка *кипу* (не знаю, как перевести, возможно, — ермолка). И тем же ветром выгнало ее на середину дороги, где в обе стороны на бешеных скоростях — машины в шесть потоков. В тот же миг выскакивает на середину дороги, в гущу этой чертоверти девушка в солдатской форме, эдакая Суламифь с автоматом за плечом, взмахом руки останавливает яростную лавину, поднимает кипу и отдает старику. Нет! Не угадали. Аплодисментов не было. Какое ж это геройство?!

Здесь все счетчики-датчики-шматчики потребления воды, газа, я знаю чего еще, как бытовые, так и «производственные», вынесены на улицу, размещаются прямо вдоль тротуаров. Так удобно снимать показания контролерам. Они, шматчики эти, такие красивые, блестящие — бронза, пластмасса и стекло! Будь я пацаном, непременно что-нибудь с них бы посвинчивал. А здесь такое впечатление, что пацанов, этого племени, этого института — нет как нет. И кустов они в скверах и лесах не мнут-не ломают, и прутики новых насаждений не губят... Да нет же! Вполне нормальные во всем остальном — носятся как угорелые, гоняют мячи, велосипеды, самокаты, орут, дерутся... Но вот отвинтить какую-то блестячку, которая сама в руки... — это им, пацанам здешней, слабо.

Почтовые ящики здесь тоже часто — прямо на улицах, под навесами первых (нулевых) этажей. Такие огромные соты из этих ящиков. И все без замков. Т.е. замки есть, но не заперты. Из многих торчат, готовые выпасть уже, килограммовые газеты, красочные журналы и проспекты, пакеты, конверты (ну уехали люди на неделю-другую). Никто ничего ничьего (и те же пацаны) никогда не возьмет. Выпавшее складывается где-нибудь тут же горочкой — возвратишься через месяцок и все свое отыщешь.

Совсем чуть-чуть об израильянском чувстве юмора. Надо бы — в отдельную главу, но она бы стала бесконечной. Посему немного и отнеся к менталитету. Водитель автобуса — *нахаг*, что происходит от того же корня, что и *манхиг* (вождь), таковым и является в натуре. Остановки не объявляются, но если 10-20 человек попросили сказать, когда им выходить, он никого не забудет. Он одарит кратким комплиментом и красивую девушку, и древнюю старушку. Он стойчески спокоен в бесчисленных пробках на дорогах и мягко организует такое же спокойствие своих подопечных. Он всегда — классный водитель и водит огромные, двоянные «сарай» исключительно фирмы *Mercedes* по узким древним, с крутейшими, бесчисленными поворотами и подъемами-спусками, улочкам, как Бог, — с непривычки дух захватывает... Вот вошел в автобус парень с кое-как сложенной раскладушкой и

свернутым в трубку, но не связанным и поэтому страшно неудобным для парня матрацем. Водитель — тут же: «Шалом! Ты все свое у нее забрал? Ничего не забыл?» Весь автобус добродушно ржет. Парень, ничуть не смутившись: «Да придется еще раз вернуться — у нее остались мои лыжи». Пассажиры выпадают из кресел. А вот в закрывшуюся уже перед отходом от очередной остановки дверь автобуса стукнула снаружи рука. Дверь мгновенно открылась. В автобус влетела запыхавшаяся девчушка. В глазах чертики! «*Слуха!*» (Простите!) — говорит всему автобусу, как сказала бы переждавшей ее к обеденному столу семье. Правой рукой пытается застегнуть расстегнутую до пупка форменную (солдатка) рубашку, а левой придерживает вместе с подолом той же, но заправленной еще вовнутрь рубашки, явно совершенно не застегнутые брюки — конец ремня болтается у колен. Водитель (джентльмен!) проказницу «не видит». Но ее хорошо видит тетка, сидящая у входной двери, и: «Вы хоть с ним всё успели?» Девушка, уже застегивая ремень (солдатка!): «Да это ладно. Главное — на службу не опоздаю». Автобус отзывается одобрительными смешками и подначками. Ни одного ханжеского междометия, ни одного взгляда укоризны! Ну, право же, целая страна — как одна семья. Вы такое представляете у себя?

Есть несколько слов, коротких фраз в обиходе израильтян, которые употребляются наиболее часто, которые являются ключевыми, знаковыми в их общении. Скажем, *бэсэдэр* (порядок) и несколько фразеологизмов с ним: *ийе бэсэдэр* — будет в порядке, *аколь бэсэдэр* — все в порядке, *бэсэдэр гамур* — абсолютный, полный порядок... Это, пожалуй, самые распространенные, часто употребляемые выражения — формулы и приветствия, и утешения, и поддержки. И произносятся всегда наполненно, душевно, не механически. Это не наше белоглазое «Ничего» на импотентный вопрос: «Как дела?» А еще — *рэга!* (Мгновение! Минутку!) — как просьба чуточку подождать. Это уж просто магия! Израильтяне — народ спешащий, занятой, и от этого, а еще — темперамент! — нетерпеливый. Ну, недостает им *савлануту* (терпения). Но! Старичок замешкался у выхода из

автобуса, а он маленький, скрюченный, из-за кресел водителю его и не видно, и сказал он свою *рэгу* так, что сам не расслышал. Весь автобус хором пропел: «*Рэ-э-эга!*», и — *аколь бэсэдэр!* Или. На дороге кто-то из водителей, плохо ориентируясь в незнакомом месте, едет недостаточно быстро, не вписывается в поток. Все — и те, что сзади, и кто — навстречу, — сигналият ему, подгоняют. Но! Стоит «недотепа» высунуть руку в окно и сделать «*Рэга!*», т.е. пару раз коротко встряхнуть сложными в шепот тремя пальцами (как для православного крестного знамения. Да простят меня иудеи за кошунственное сравнение!), как ругательные гудки мгновенно замолкают, а ближайшие спутники начинают приставать, предлагая *эзра* (помощь).

Да, самые распространенные здесь ругательства — разумеется, помимо русских — *кцат балаган* и *харбэ балаган*. Ну, балаган — он и в Антарктике балаган, т.е. беспорядок, а первое и второе — немного и ужасно много. *Бэсэдэр?* — Понятно?

Фи-и! Так много патоки, что и самому себе приторную оскомину набил. А каково вам?! Попробую — хоть ложку... Не-ет, зачем же дегтю, — горчицы.

Во-первых, евреи противоречивы в самооценках. Не раз слышал говоренное в непонятной мне гордыне: «Среди евреев, слава Б-гу, нет космополитов. Почти». Чуть ли не из тех же уст, чуть погодя, как бы в шутку, но и с перевесом горделивого серьезца: «В Израиле живут евреи 132 национальностей!» Говоря, евреи бесконечно жестикулируют. Да и говорят бесконечно. Анекдот о себе самих сочинили: «Как еврея заставить замолчать? — Связать ему руки». Евреи в массе своей необязательны, непунктуальны. О деле, мало интересном им, но нужном, тебе приходится помногу (до отвращения к самому себе!) напоминать. Назначенные встречи, коллективные отправления куда-либо оттягиваются до неприличия. Диву даешься, как при всем при этом все, что они делают, в конце концов им удается на славу.

А еще евреи в социальном общезитии довольно неряшливы. Нет! Боже упаси! В домах все выbleщено, вылизано — хозяйки великолепны! А вот улицы, парки, скверы... Элла собиралась организовать и возглавить здесь

движение под девизом «Большая Приборка! Пусть нам не будет стыдно!» Помешало ей то, что пошла работать по специальности. Но она еще воспрянет для этого святого дела. И не обязательно ей для этого терять работу. По специальности.

А еще — евреи не пьют. И об этом — следующая песня.

КУЛЬТУРЬЕ ПИТИЯ

В «культурье» ударение на «у». Антоним «бескультурье». А как это на иврите, простите, не знаю. Всем хороши евреи! И этим, и тем, и пятым, и десятым с половиной... Но среди шепотки недостатков есть у них один изъяснитель — не пьют. И это еще как посмотреть, а то ведь выйдет и изъяснище. Ну, не то чтобы совсем «ни-ни!», а не увлекаются, не видят, по своей природной невсесторонности, радости в питие. Вино — *кошерное* (а для вина кошерность — это, прежде всего, малоградусность!), по великим праздникам, и ровно столько рюмочек, ровно настоль каждая наполненных, как это предписывает Закон, — это пожалуйста. Но больше! — чего-либо чуть более крепенького!! — ни Боже мой!!! То есть — ни Б-же их!!!!..

И так это — не только коренные израильтяне, но и все, занесенные ветром. Даже северным, а точнее — северо-восточным. Пока в самолете летят или по Средиземному — на белом пароходе, разрешаю себе по полной рассейской программе: поименно — за еще оставшихся там родственников и друзей! за любимых своих бывших начальников! за родную еще вчера милицию! или, там, гибэдэдицию! — чтоб они все были!.. Поводов мно-о-ого, а дорога, эх, короткая. Но! — Ступив на Святую Землю в аэропорту Бен-Гурион или в порту Хайфа, «завязывают» напрочь! И без сожаления.

В общем, по-первости ударился было я в паническое отчаяние. Так, на какое-то не очень чтобы продолжительное время. Забыл просто, что в каждой семье — не без... (как это?... а-а!) лучших представителей своего народа. Так что вскорости и вовсе утешился.

Покушиваем водочку то с безработным *инсталлятором* (сантехником) Димой Цимбаловским, то с университетским профессором Сеней (Са-

муилом, Шмуэлем) Вайсблюмом, то с обоими сразу.

Прихожу наемни к Сене в 8 утра, — дело было неотложное, уговорились так, — а он, пока суд да это самое дело созревало:

— Валя, что будешь: *Pogo* из Порто, — друг привез вчера, — или коньячок? Смотри, *Aparat* — коллега из Еревана с оказией передал. — Сеня, спасибо. Да как-то вот... Рановато, поди. Но если и ты!.. А водочка ordinaria имеетя? — Обижаеть! Ordinarную не держу-у. Есть *Absolut Posolskaja*. Пойдет? Не крутка. Гарантирую. — А! ладно. Посольская так посольская. Небось не поперхнемся. И...

Не-ет! — Только по три рюмашки. И — за дело! И дело наше славно сладилось. А с закусью в сей раз вот как было:

— Валь, нет у меня чего особенного — на зуб положить. Мы с Саррой завтра в отпуск уезжаем... Так, посмотрим, ага — пара ломтиков семужки да самый кончик языка кабарги копченый... А? — Сень, я как-то с утра твой черный юмор... Во! Хлеб черный есть? А то тут у вас... фу ты, черт!... у нас в Израилевке... — Есть, конечно. Да! Слушай!! Как ты — насчет сала?! — Я же русский, Сенечка. — Знаю я некоторых русских здесь! Канают под ультраортодоксов, — будь здоров! — Я не канаю, Сеня. Вот те крест! — Ну и ладненько!

И достает нормальный израильский мужик Самуил из холодильника добрый шмат бело-розового, в четыре пальца толщиной, с розовато-коричневатými прожилочками! И режет острым ножиком толстенькие скибочки! И — на черный хлебушек!..

— А сальцо-то, Сеня, небось, — друг-академик из Киева?

— Да нет. Сарра здесь берет, в русском магазине.

— В каком? Я их уже, вроде, все знаю.

— В «Вильнюсе», в центре.

— А-а! Что под Машбиром. А мы «У Клим» берем. Но не тако-ое, — похужее будет.

В общем, цивилизация проникает-таки и в неприлично трезвую Израилевку. Еще и с залетными некоторыми, на коих как-то вот не действует белая магия Страны с ее черной ипостасью. Ну, скажем, прямоком с Севера, с берегов родноватого Варяжского моря. То в ви-

де высшего ранга Токаря от театра, а то и явлением тамошнего Профессора-академика, — выше некуда. Не дают и не дадут-ут иссохнуть, хвала им!

А на крайний случай есть у меня отчаянный друг, методист-собутыльник, практикующий теоретик и жена по совместительству. Все они — в одном лице, и оно — Элеонора.

Лэхаим! К жизни! За жизнь! — если совсем уж по нашему-вашему. Давно пора!

ПОЛИТИКА

Полити — звучит на иврите. Есть у них и свое слово, обозначающее э т о, но они предпочитают... И правильно делают. Политика — она повсеместно *ото давар*, т.е. похожа, одинакова, идентична. А то и *бидьок* — точно, один к одному, абсолютно.

Политика везде — вещь в себе. Сосредоточена на себе, озабочена собою, исключительно самодостаточна и самодовольна, на себе обожаемой замкнута.

Политику в любом государстве уподоблю кастрюле. (Позиция задумчивого анархиста). Ну, ладно. Чтобы не так обидно, пусть будет котел. А под его крышечкой беспрестанно варятся несовместимые ни по каким свойствам продукты. Из-под крышки время от времени вырываются вовне клубы не благовоного (естественно!) пара и выплескиваются брызги, могущие только ошпарить. Из некоторых котлов (не прошу прощения за намеки), с которых крышка совсем слетела (крышка поехала), извергается тако-о-е!.. Так что разница между котлами — в степени прочности пригнанности крышки. Хотя... Из *тутошнего* котла вырывается иногда и то, что оказывается нечаянно и благовоным, и даже полезным на вкус. Случается. А потому, что продукты — с одного участка, и случайное их сочетание случайно оказывается и благотворным.

А о котле одного известного нам с вами государства, расположившегося на берегу Варяжского моря... Оно будет когда-нибудь морщиться от кислоты и горечи плодов посеянных им когда-то семян. И не будет у него даже утешения на кого-нибудь пенять, потому что во всем виновато само.

Бродит по иерусалимской Яффо (название улицы, означающее «красивая», что не есть правда) современный мест-

ный дервиш. Катит впереди себя малюсенькую тележку, на которой ящичек с какими-то брошюрками, кружка для сбора пожертвований и малюсенькое же усиливающее голос устройство. И хриплым голосом кричит в микрофон: «*Ло полити! Ло Америка! Ло холера!* — *Еш Машиах!*» Дословно это: «Нет политики! Нет Америки! Нет холеры! Есть Мессия!» А по мысли: «Все — суэта и прах пред Судом Его». Это в самый канун *Йом Кипур* — Судного Дня.

АВОДА

Ударение на последнем слоге. Что, кстати, чаще всего в «нашем» языке. В переводе — работа.

Работа — основное занятие каждого трудоспособного еврея. Слышу резонные ваши возражения: «Почему только еврей?» Не только. Но еврей в *галуте* (в изгнании, в рассеянии) мог выжить, только напряженно работая. А ему не только выжить надо было. Ему необходимо было вырастить и выучить детей, да так, чтобы они стали работниками лучше *гоев* (неевреев, не своих, чужих), иначе гоям не будут нужны, и тогда... Вот еврей и работал с задолго до зари до много после зари. И не только писарем, портным, менялой, мелким торговцем или клерком. В местечках нужны были и свои плотники, каменщики, печники, горшечники, кузнецы... В общем, бездельник, нахлебник — крайняя редкость среди евреев.

Здесь же у евреев иная мотивация бесконечного труда — не чтобы выжить, а чтобы ЖИТЬ.

Скажем, у финнов как? — Женщины некрасивы, и водки нет. Вот финны-мужики и вкалывают с горя сутками. И от этого их, финнов, высокое благосостояние. С горя!

У евреев же и женщины — ух! как красивые, и водка — танкерами со всего света. Ну, водка, скажем, нужна им только для компрессов, но женщины-то — краси-ивы! Однако еврей работает поперек всех соблазнов. Дурная привычка.

Справедливости ради надо сказать, что есть в израильском обществе целый его слой (точно не знаю — государственная тайна — но, думаю, процентов 15, а то и 20), в котором мужская его часть в привычном понимании не работает. Если представить себе заполняе-

мую ими анкету, то на вопрос: «Профессия?» — все они ответили бы: «Читатель». А на вопрос: «Трудовой стаж?» — они все ответили бы по-разному, так как кто-то из них написал бы «1 год», а кто-то и «120 лет», остальные — промежуточные числа. Да, некоторые из них профессию обозначили бы более полно: «Читатель Торы». Заметьте — *читатель*, а не исследователь. Так как второе было бы откровенной неправдой. Я, по малому своему вежеству, знаю лишь два имени истинных и глубоких Исследователей Торы — Виленский Илья Гаон и Первый Любавичский Ребе. Но уверен совершенно, что миллион человек *ученых-исследователей* в одной и той же области науки — это... это!.. Это ж пятая часть населения государства! А государство неплохо оплачивает им их *амаль* (труд), я бы даже сказал: их *амланут* (практический труд), — ибо религия здесь не только не отделена от государства, но является ее составной частью, и многое в светской жизни (!) и определяется, и решает. Как к этому относится сама светская часть общества? — И так, и эдак. Вопрос, конечно, интересный, но и деликатный. И объемный. И требующий многия знания, — моих по-более. Так что примите лишь как факт.

В Израиле 4,5 процента безработных. Кто это? — Большая часть их — это мы, *олим*'ы. От 60-ти до 120 тысяч — ежегодный человеческий прирост за счет репатриантов. А это уже 1-2 процента. Большинство из их числа находит работу, которая бы их устраивала, через 2-3 года. Вот вам уже и 4 процента. Пол же процента — условно, кратковременно — неработающие. Это те, кто вынужден какое-то время делать нелюбимую работу (не меньше года — по закону), получать за нее 5-7 тыс. шекелей (дели на 4 — получишь в долларах), затем вынуждает работодателя себя уволить, «записывается» в безработные и полгода получает пособие размером в 70-75 процентов от бывшего заработка. Посчитали? — Я рад за вас. Но и такой безработный где-нибудь подрабатывает «по-черному», т.е. получает заработанное из рук хозяина в конверте наличными.

Газеты, радио, телевидение трещат от объявлений о предложениях работы. Всякой. И квалифицированной, и высококвалифицированной, и не.

Вот и я. Хочу быть евреем, — хотя бы в том смысле, что хочу много, полезно, с удовлетворением и денежно работать. Но — возраст, непрестижные мои профессии, очень плохое знание иврита — *ани ло тов медабэр иврит* (я плохо говорю на иврите). Посчитал как-то, что мы уже без денег (оказалось — ма-а-аленькая ошибка), ухватились за первое подвернувшееся. А подвернулось — *никаён* (уборка) в залах сортировки на главпочте. Ведро, тряпка, швабра и — вперед! На следующий день на эту работу я уже не вышел. Обидели. Работа заключалась в том, что надо было мыть выложенные мраморными плитами полы. Большие их пространства, густо запруженные тележками с почтой. А еще в зале то тут, то там, совершенно бессистемно расположились рабочие столы клерков. И стал я, как человек порядочный, совестливый, аккуратный и проч., выковыривать и выгребать из-за этих столов, из углов и щелей окаменевшие окурки начала тепер уже прошлого века, конфетные фантики, яблочные огрызки, хлебные корки... Клерку, освободившему на время мне поле деятельности и отошедшему покурить к столу коллеги, надоела моя неприличная тщательность. Он вернулся и — п е р е с т у п и л через меня, — так ему было ближе к своему наесту. — *Вэ зэу!* (И все!)

Уже несколько позднее опытные «дизайнеры» — бывшие советские учителя, сделавшие *никаён* основной здесь своей профессией, — разъяснили мне, что убирать надо быстро, и это — главное! По углам нечего шарить, ведро воды — на середину, согнал ее спонжей в слив, промахнул тряпкой *вэ зэу!* Так я тепер и делаю. Но — дома. Иногда.

А еще я время от времени (когда вызывают) клею защитные голографические марки на различные *картисим* (билеты) — на футбол, в театр, на концерты, в зоопарк... В одной фирме высоких, я бы даже сказал, тонких технологий. Вручную клею. Но! сидя в мягком кресле, под мазган'ом. (кондиционером) и под музыку по заказу. Плата — 20 шекелей в час (5 дол.). И через меня не переступают.

А еще в *матнас'е* (клубе) забавляю сверстников-пенсионеров беседами на тему «Вот в н а ш е время...» Платят по весьма высокой ставке — 50 шекелей

лей в час. Но! часов в месяц — всего 4.

А еще я ежедневно (5 раз в неделю) вожу в коляске на двухчасовые прогулки 50-летнего инвалида. Борис — бывший врач-реаниматолог из Крыма. Образованный, эрудированный, интереснейший и мужественнейший парень. Иду каждый день на встречу с ним, как на желанное свидание. Сидим в сквере под пальмой или платаном, в худшем случае — под акацией. Курим. Беседуем на тысячи тем... И каждый раз досадуем, когда надо свидание прерывать. А мне за это еще и платят. По 18 шекелей в час. Но! в месяц — это уже кое-что! Вполне прилично кормлю семью на это.

А еще... Есть еще аж 3 проекта, весьма авантюрных, в которые меня вроде как засасывает. Если реализуется хотя бы один из них, я (три «тьфу!») получу *аводу*, интересную во многих аспектах, а в Израиле в корне преобразится культурная жизнь. А что?!

А еще пишу вот. Графоманствую. Робко, стыдливо, но и с маниакальным уже упорством. И не только то, что вы сейчас читаете (те, кто досюда дотянул). Работа над и со «Скверной Скамейкой», стоящей теперь здесь, в Иерусалиме, в сквере Сен Симон, медленно, но продвигается. Есть к Ней и кое-какой интерес у потенциального Ее издателя. Но об этом пока помолчу.

СПОРТ

И на иврите — *спорт*. С единственным возможным ударением.

Один, а то и два раза в неделю отправляюсь я на *шук*. Надеюсь, что уж это слово знает каждый из вас. Отправляюсь я, значит, на базар. Временем запасаясь так, чтобы хватило на неспешную в нем жизнь. Первый обход делаю, ничего не покупая. Пристреливаюсь. 200 метров — по одному порядку, 200 же — по другому, и — во все проулки между этими порядками и закоулками. Дело в том, что на наших базарах одни и те же продукты можно купить и по такой цене, и — в разы выше-ниже. Не диктует здесь ценообразование никакая мафия. Истинно свободный рынок. А так как пока еще я в любую минуту знаю, сколько у меня в кошельке, я и гуляю себе. Продавцы — исключительно мужчины и на две трети арабы. Но базарным ив-

ритом владеют на высоком уровне. И не страшные. Мирные потому что. Пробовать можно все. Но это описанию в моих жестких рамках не поддается. Все хорошее, все красивое, все чистое, всего горы. И половины названий всего этого я еще не знаю. А зачем?! Есть жесткие стереотипы в пище и у меня, и у моей семьи. Зачем провоцировать свои желудки на нечто всякими диковинными цитрусами. Картошка-помидоры-огурцы-капуста — понятно! Ну, курочка там, индюшка, барашек — тоже понятно! Ну, арбузы, хоть и без косточек, виноград, апельсины-мандарины, ананасы, бананы, кокосы, персики, киви, манго, авокадо, папайя, сабра, никтарин — совсем понятно! Ну, 7-9 видов орехов из 37-ми, для чего — не знаю, предлагаемых... Что еще надо?! Взял всего знакомого, по приемлемой для тебя стоимости, понемножку — по килограммчику, и — домой!

И сумок в руках немного — всего четыре, ну — пять от силы, но в автобус с ними, а потом из автобуса, чтобы пересестись на другой, и еще раз — на другой, — как-то неловко. Но я приспособился — езжу только одним и прямо к подъезду дома! Выхожу спокойно с *шук*'а, но не на Яффо, а с другого конца — на Агрипас, и по ней, все время под уклон, до впадения ее в Кинг Джордж, по которой налево и опять же вниз до Яффо, а там направо и снова вниз, но уже совсем чуть-чуть, метров двести, и — родная автобусная остановка с 22-м маршрутом, — роднее не бывает. Спуск этот занимает немного — 27 минут, 2356 шагов всего. Не в гору же.

О чем это я? Ах, да! О спо-орте! Нет, друзья мои, это, таки, не спорт. Так, всего лишь легкая разминка. Спорт начинается, когда я бодро-весело, без одышки избегаю на наш пятый этажик и начинаю все эти объемы скармливать своим чаду и домочадице. Надо же успеть до следующей разминки. А это сделать не так просто. Мои никак не втянутся в нагрузки самого любимого израильтянина, поистине национального вида спорта. И холодильники — оба с причудами тропического эффекта, — того и гляди, что-нибудь в них попортится. Но ничего, вроде как намечается и у нас прогресс — на следующей неделе делаю заход на три разминки.

КРАСИВОЕ

Яфэ (или *йафэ*), *яфа* и еще *нэхмад(а)*, и еще слов пять означают одно понятие — красивый, красивая со множеством оттенков. Ну, нет в иврите среднего рода, нет — *ло!* А еще есть *йефefe* и *йефефия* — красавец, красавица. Следуя народной этимологии, можно утверждать, что русское *фифа* — из иврита.

Избегая стремления быть оригинальным, скажу, что красивое здесь — это, конечно же, люди. Нет, не так. Люди — это само собой! Красивы отношения между людьми. Не *взаимоотношения* — в этом определении ощущается некая механистичность, — а именно отношения. В бесконечных вариациях общения израильян неизменно животрепещет безыскусная естественность, домашность даже. Общение между своими, близкими, способными тебя всегда правильно понять. Конечно же, я имею в виду не только область «приятного общения». В самом широком спектре. Евреи и ругаются красиво — ругань их и не ругань вовсе, при которой выплескивается все безобразие души и ума, а, скорее, страстный поединок остроумия, острология, по завершении которого подразумеваются рукопожатья, объятия, искренние, добродушные улыбки.

О красивом здесь можно говорить бесконечно. Для полноты ощущения красивого его надо ощутить. Приезжайте! Я вам все это представлю в лучшем виде, разложу по тарелочкам! Пальчики облизайте! Где — в прямом, где — в переносном смысле.

Но об одном из бесконечного ряда красивого я, старый греховодник, не могу умолчать сейчас. Это — девушки! Они — самое яркое мое впечатление с первых дней моих здесь и до сих пор. Собранные в бесконечные табунки, потоки, скопища юных восточных красавиц — это!.. это!.. это НЕЧТО! Буйное роскошество волос, то черных до синевы, то густо каштановых, то пламенно рыжих, всегда почти природой искусно завитых то в тяжелые локонны, то «мелким бесом!» Глаза — умопомрачающих рисунков, бездонной глубины и магии, часто видимые даже с затылка! Безупречные овалы лиц, обводы губ, бровей!.. Эти еврейские носы, в которых — древняя порода и особая прелесть, которые *носиком* назвать — кощунство! И эти вот ска-

зочно прекрасные, но реально цветущие лица никогда не оскверняет, не опорочивает его низжайшее макиаж. А эти точеные, нет, — отлитые из самой что ни на есть живой плоти фигурки тонких, текущих линий! Эти груди, кажущиеся несколько тяжело-ватными над изящными, еще почти хрупкими станами, но всегда классической лепки! Драгоценности моих прелестниц позволяет мне созерцать нынешний молодежный стиль: *ох* — брючки приспущены на два пальца ниже пупка, а низы маечек-в-обличку над пупками на четверть! А груди эти — золотой, нет — бесценный, неизбывный залог того, что евреи с лица земли не сойдут никогда! А эти трепещущие жизнью животики, всегда открытые солнцу! — не блудливому взгляду. А эти пупочки-вороночки, способные вместить то библейскую горсть миндаля, то лишь изумрудину-виноградину! А эти!.. Уфф!

Особо впечатляет то, что все это «носится» каждой из носительниц не напоказ, это не бабочкин раскрас, это не инструментарий кокетства — это кошачья (не обидное ли сравнение!?) естественность. Такое впечатление, что они сами не сознают своей бешеной красоты.

А еще красивые старики!

КРУГИ ОБЩЕНИЯ

МаагалеЙ хавэйрут, где первое — круги, и есть еще пяток слов того же значения, а второе — не общение означает, а дружбу, и нет в языке других слов с тем же значением. Т. е. — круги дружбы, круги друзей. А друг, как вы уже знаете, — *хавэр*.

Из всего этого естественно вытекает, что здесь любое общение — общение друзей уже по определению. А я смею теперь утверждать, что — и по жизни. С одной лишь оговоркой, — неформальное общение.

Первый человек, с которым мы здесь общнулись неформально, — это Вадим Дембович. Элла когда-то училась с ним в одной школе в Вильнюсе, в разных классах. Потом, уже в наши зрелые годы, во второй половине 80-тых, встречались пару раз в общих компаниях. Не более того. Собираясь *сюда*, Элла выписала все телефоны тех мало-мальски знакомых, кто уже был

тут. И вот, стоя на перекрестке дорог в Иерусалиме, не совсем еще соображая — где мы, и что с нами, Элла и позвонила Вадиму. Он же, совершенно не поняв, кто это и что надо, тут же примчался на своей машине, — *ватик* (старожил), 10 лет в Стране! Знакомство состоялось как бы вновь, а скорее — с нуля. С той минуты Вадим — Дед Мороз нашей семьи, персональный. А еще он наш Добрый Домовой, наша Добрая Фея. И никаких здесь нет преувеличений! Поиски и съем квартиры, совершение банковских операций, поиски работы, ремонт квартир и их оборудование, поездки на базар, на экскурсии, на море — все это при самом деятельном и незаменном участии Вадима. А бесконечные *маган'ы* (подарки) по праздникам и помимо в виде стаканов, консервных ножей, чайных ситечек — да Бог знает чего еще! Да просто бутылочка вина, банка пива, субботняя хала, горсть орехов!.. Вадим — талантливый инженер-механик. У него обаятельнейшая жена Нина, с которой они подарили Стране трех сыновей, младшего — всего полгода назад. Героические личности! Но главное — замечательные, душевные люди, дружбой с которыми мы дорожим и гордимся. Завтра у Вадима день рождения. Думаю, он еще мальчишка — ему лет 45. Но не в этом дело. Едем в лес, на шашлыки! А там круг общения уже широкий — опять же Вадим его для нас ненавязчиво и расширил.

Еще один круг общения здесь — это семья тетки Элкиной: Рита и Лева, их взрослые уже дети со своими семьями и пока единственным внуком, брат Левы Фима (*Хаим — жизнь*), жена его Авива (*весна, весенняя*), дети этой уже семьи и все их многочисленные друзья. Составляющие этот круг, старшая по возрасту его часть, прибыли в Страну более 30 лет назад. Это люди, которые трудом своим уже обеспечили себе достойную жизнь и помогают такой же сделать жизнь своих детей. В этом кругу, среди этих людей мы бываем по большому празднику — они живут и работают не в Иерусалиме. И там те же радушие, добродушие, внимание. И желание помочь при необходимости. И реальная, своевременная помощь — чуть ли не в первый месяц наш здесь Рита слевой Элке — подарок: навороченную стиральную машину, а чуть погодя, всем нам — телевизор. То, что есть рядом люди, к которым при случае можешь обратиться за советом, а то и за конкретной помощью, придает тебе такое нужное чувство уверенности, надежности. И, как ни странно, желание поменьше досаждать всем этим милым людям, а самому быстрее стать на ноги и обрести возможность уже в свою очередь быть необходимым и полезным кому-то еще. К сожалению, всех, о ком хочется сказать доброе слово, кто его достоин, — я даже перечислить не смогу. Здесь. Пока. Надеюсь, не последний отчет пишу.

Наши круги общения, круги друзей множатся, расширяются, стремятся слиться в один; вся Страна — единый круг друзей, одна *мишнаха-семья*.

Нет! Даже после такой вот пафосно красивой концовки сей главки я таки позволю себе ее «подпортить». Еще один неразрывный круг моего уже персонального общения здесь. Пожалуй, самый верный и безотказный, — руку протяни. Книжки. Конечно, вы догадались на мгновение раньше, чем я «озвучил» это. Я открыл здесь и почал в свое удовольствие не тонкий, нехилый пласт литературы, без которого, к стыду моему, обходился как-то вот целую жизнь. Это и русско-еврейские авторы прошлого, и нынешние, и еврейские в великолепных переводах на русский. Поэзия и проза, публицистика и литературоведение, эссеистика и эпистолярный — жизни уже не хватит отъесть от Этого побольше.

Из полутора десятка «освоенных» мною имен назову несколько, друзья мои, в надежде, что и вы не преминете. Это хотя бы понюхать или лизнуть. Разумеется, те из вас, кто еще не... Довид Кнут — NB, Нахман Бялик, Владимир (Зеев) Жаботинский — N3, Шаул Черниховский... Из современных назову двоих — и им (надеюсь!), и мне будет приятно: Самуил Шварцбанд и Владимир (Ильич) Хазан — оба N1. Самые же лучшие рекомендации и консультации по всему Этому, друзья мои, вы можете получить у профессора Ф.П. Федорова — NB!!! — хорошо вам известного, как и великолепные его исследования в Этой области. Дерзайте! Облагораживайте свои *магалим хавэйрут*, то бишь круги общения!

ПЕРСПЕКТИВЫ

Так и будет — *перспектива*. А вот грядущее — *атидот*.

Хочу в Париж! А еще — в Венецию! И в Даугавпилс! И в Питер! И в Дербент! И..! И все это вполне осуществимо. Только, к сожалению, не завтра. Хватило бы времени.

А еще хочу изъездить, излазить весь Израиль. За год весьма бегом освоили (хорошее слово — освоили!) только северную его половину: Голаны, Галилею, Самарию и Центральную область — Иудею. У вас уже захватило дух? Назову только несколько «знакомых» вам мест: города Тель-Авив с пригородом теперь Яффо, Хайфа, Акко, Нацерет (Назарет), Бетлехем (Вифлеем), моря: Средиземное, Мертвое и Кинэрет, река Иордан! — переведите дух. Это то, что уже успели пощупать.

Пощупать — без кавычек, потому что я руками ощупываю Начала цивилизаций, культуры — так они здесь осязаемы. И до конца дней своих я не буду ступать на эту Землю привычно, буднично. Не перестану каждый день изумляться, восхищаться. Даже когда накопится множество причин и поводов для неудовольствий, возмущений.

А впереди еще — освоение пустыни Нэгев и самого юга Страны на Красном море. А потом и вперемешку — детальное освоение того, что особо привлекло. Таки придется жить до 120-ти. Вот тогда я и скажу: «Теперь не только Израиль — часть меня, но и я — Его частица».

Что вы! Иерусалим мы с Эллой исходили лишь в его трети. Правда, испытываем особую гордость, когда случает

ется *ватик*'ам, а то и коренным, разъяснять, где что находится, как куда пройти-проехать. Это мы воспользовались преимуществом безлошадных *олим*'ов. Причем, Элла знает больше меня проулков, проездов, полускрытых от стороннего взгляда интереснейших мест — она полгода ходила пешком в ульпан и обратно через полгорода. И стремилась менять маршруты того же интереса ради.

Об иных перспективах смотрите выше, они там проглядывают. И так вас уморил, простите великодушно.

В завершение — нечто из Довида Кнута:

*Ни о чем Тебя не спрашиваю.
Каждый день ухожу на завод.
Терпеливо ношу-изнашиваю
Мои дни, идеалы, живот.*

И еще — его же:

*Развернувшийся день
неподвижно прекрасен,
Равнодушен, высок, величав.
День огромный, как век.
Я сегодня согласен
Все простить, ничего не поняв.*

Ба шана абаа бэ Иерушалаим абнуй!
— В следующем году — в Иерусалиме! А если уж совсем дословно, то: В следующем году — в отстроенном Иерусалиме! И всеми евреями имеется в виду: в Иерусалиме с возрожденным ХРАМОМ.

*Остаюсь весь и всегда Ваш —
Валентин К.
13-17 сентября 2001года, Иерусалим*

ГЕРЦ ФРАНК: «СНИМАЮ НЕ СОБЫТИЕ, А ДУШУ»

О себе и об Израиле говорит выдающийся кинорежиссер, новый репатриант из Латвии

Его называют «одним из величайших режиссеров-документалистов в мире», он снял десятки фильмов, получил множество международных призов и премий, — об этом упоминается во всех энциклопедиях по кинематографии. За свой фильм «Жили-были семь Симеонов» Герц Франк получил первый приз на Лейпцигском фестивале в Германии, первый приз на фестивале в Сан-Себастьян в Испании, второе место в Имагато в Японии, был награжден специальным призом в Париже. Неудивительно, что в Риге широко отмечали его 75-летие.

Но в Израиле... В ответ на свое предложение работы Герц Франк получил письмо с факультета кинематографии Тель-Авивского университета, гласившее: «В связи с сокращением штатов и финансовыми проблемами, мы не сможем предоставить Вам работу».

— Я тогда был еще идеалистом, — говорит Герц Франк, оставивший блестящую карьеру и приехавший в Израиль из Латвии в возрасте 68 лет, — я написал им ответ, что буду рад преподавать бесплатно. Они мне даже не ответили на письмо. Очевидно, в Израиле думают, что если кто-то готов работать бесплатно, то он идиот, а кому это нужно, чтобы идиот преподавал студентам? Я не жалею и не разочарован. Я просто надеялся, что могу быть полезен и дать больше...

Я хочу, чтобы ты понял, о чем идет речь. Очень просто сделать документальный фильм: берете видеокамеру, наводите на определенного человека — и вы уже снимаете фильм. Вы можете говорить с героем сюжета, снять фотографии из его семейного альбома, интервьюировать его. Большая часть документальных телевизионных фильмов именно такие: стандартные фильмы-близнецы, фильмы — гамбургеры: хлеб, яйцо, кусочек мяса, еще кусок хлеба — и кончено. Человек рассказывает о своей жизни, показывает красивые фотографии, добавляем немного музыки — и готово. Иногда берут архивные материалы и делают такие фильмы, как «Ткума» или «Огненный столб» (израильские фильмы пропагандистского содержания — прим. ред). Я не хочу сказать, что такого рода фильмы не нужны, они очень даже нужны. Люди должны знать о прошлом, нужны информативные фильмы. Но это не делает их хорошими с художественной точки зрения. Для меня самым главным в документальном

кино является связь с действительностью. Взять какой-нибудь эпизод из жизни и наблюдать за ним, иногда даже без комментариев.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ПОДОБНА ЗОЛОТУ

Один из самых выдающихся фильмов Франка — «На десять минут старше». В нем близко и подробно показано, как в течение десяти минут меняется лицо трехлетнего ребенка, впервые в жизни попавшего в детский кукольный театр.

— В фильме «На десять минут старше», например, совсем нет комментариев. Мы начали снимать фильм и закончили его, как только кончилась пленка в камере; 10 минут, 300 метров кинопленки — и жизнь протекает перед нашим взором, и мы наблюдаем самое главное.

— Но все-таки в большинстве своих фильмов Вы применяете и комментарии.

— Принцип наблюдения остается и там самым главным. Фильм «Песня песней» (младенец, появляющийся на свет), например, мы снимали тремя кинокамерами: одна снимала отношения мужа и жены, другая — появляющегося на свет младенца, который вылезает, как из космического корабля. И третья камера снимала, как младенец переносится из чрева матери к ее груди. Все зависит от того, как ты смотришь на происходящее, как глубоко можешь проникнуть в духовный мир человека. Каждый раз мы стоим на краю еще какого-то исследования, и всегда это зависит не от объекта на-

блюдения, а от глубины проникновения в суть вещей. Вы можете войти в воду по грудь, по колено. Но вы можете и как Иона, броситься в море, погружаться в него живым, полностью. Вы можете пойти на место, где были убиты люди, постоять там в стороне и вернуться домой пить чай. Возьмите, например, «10 минут» — в мире есть так много кукольных театров, можно было бы сделать много фильмов. Но главное — философский подход, придающий обыденной жизни художественное звучание. Доказательством служит то, что и сейчас вам интересно посмотреть этот фильм, снятый в 1978 году. Действительность, повседневность — как золото, не покрывается ржавчиной, потому что мы снимали не событие, а душу, а душа никогда не стареет.

**«Я ДУМАЛ,
ЧТО СУЩЕСТВУЮТ ГРАНИЦЫ,
А ОКАЗАЛОСЬ, ЧТО НЕТ»**

Герц Франк родился в небольшом латвийском городке Лодзь в 1926 году. Отец его был фотограф, а мать — зубной врач.

— Я вырос в колыбели документализма, именно — в колыбели не художественных фильмов, а документальных. Мой отец был очень хорошим фотографом, специалистом, а также художником, он ставил спектакли и участвовал в постановках в школе. С детства я видел, как делают фотографии, как снимают. Но я не сразу понял, что это мой путь.

Во время Второй мировой войны я служил в Советской армии. Две мои сестры погибли в гетто. Другая моя сестра, спасаясь во время Катастрофы, хотела приехать в Израиль по окончании войны и за это была направлена в концентрационный лагерь на 10 лет, в Сибирь. По этой причине меня не приняли в институт кинематографии. В Советском Союзе, если ты хотел учиться в каком-либо идеологическом учебном заведении (безусловно, кинематографическое учебное заведение — идеологическое), ты был обязан сообщить все данные о родственниках. А моя родная сестра сидит в Сибири... Когда меня не приняли и во второй раз, я решил достигнуть своей цели иным путем. Изучил юриспруденцию, хотя никогда не работал по специальности, устроился оператором на Рижской киностудии. Так начал я свой путь в кинематографию.

Хотя мои снимки были чисто стилистическими, но у меня был доступ в редакцию. Я уже мог учиться и придумывать малюсенькие кусочки фильмов, пытаться соединить их и наблюдать, как создаются фильмы. Впоследствии я писал сценарии. За фильм «Белые колокола» получил приз, и это стало началом. Я мог писать и заниматься постановкой, был на правильном пути и оттуда мог идти куда хотел.

В своих фильмах Франк исследовал и тему Катастрофы. Например, в фильме «Приговор» рассказывается об одном из нацистских преступников, действовавшем в Латвии. А в «Еврейской улице» он сопровождает евреев из Рижского гетто. И в других фильмах он показывает явления, с трудом уместяющиеся в рамки человеческого восприятия и отделившиеся разум от безумия. В фильме «Жили-были семь Симеонов» постановщик следует за семью братьями, которые создали успешную джазовую группу, а через несколько лет захватили самолет, чтобы убежать из Советского Союза. Захват не удался. Самолет потерпел аварию, и часть семьи погибла.

— Все газеты писали о них как об изменниках Родины, заслуживающих смертной казни. А я сделал фильм не о преступлении, а о том кризисе, который был не только в семье, но и в советском обществе. Кто тогда сбежал из Советского Союза? Евреи, армяне, латыши. А тут все были русскими по национальности, из сердца Сибири, готовые подвергнуть жизнь опасности, лишь бы удрать из СССР. В этом вся горечь. Когда я стал исследовать это дело, то обнаружил, что в свое время бабушку семи Симеонов репрессировали за то, что она украла пять картофелин. И мать осталась одна с семью сыновьями и четырьмя дочерьми. И когда, уже в самолете, она поняла, что все потеряно, просила старшего сына застрелить ее. Одна из дочерей, которую арестовали, должна была рожать в тюрьме. Видите ужасную цепочку событий? Об этом мы рассказывали. О том, как несчастна была семья, и ости. Это было показано всему миру, поскольку мы показывали фильм не о захвате самолета, а о более глубоких явлениях, которые и стали причиной трагедии. Всегда можно сделать простой фильм о том, что все и т. стране, стоящей на краю пропасти видят, а можно провести самостоятель-

ное расследование и попробовать понять, что же произошло.

— **Над каким фильмом Вам было труднее всего работать?**

— Когда мы снимали «Судный день», — в этом фильме мы следуем за приговоренным к смертной казни, который год ждет в тюрьме исполнения приговора. Я думаю, этот фильм — самый тяжелый. Убийца превратил меня в священника, которому он исповедовался. Я около года находился с ним вместе. Этого почти нет в фильме, хоть и снималось на пленку. Каждый раз, как ты идешь снимать в камеру приговоренного к смерти, ты должен быть профессионалом, и несмотря на все, что он сделал, должен поддерживать с ним духовную и человеческую связь. В тебе одна половинка кинематографиста, а другая — простого человека. И если ты хочешь сделать фильм художественно, надо подобрать подходящую форму. Как вино, которое подбирают к кушаньям, так и у рассказа есть своя форма.

В фильме «Судный день» нет музыки, все очень просто. Мы в камере человека, ожидающего исполнения смертного приговора. Разве мы имеем право добавлять красивое оформление? Но это искусство высшей пробы — показать жизнь на граю гибели. Убийца объясняет мне, что такое любовь и что все в мире основано на любви. Он приходит к философским выводам не потому что он поэт или писатель, а на основании собственного трагического опыта. Он покидает мир с чувством, что он человек, а не убийца, но он должен за преступление заплатить жизнью. Именно об этом фильм. И не важно, кто он по национальности — русский, еврей или американец. Это шекспировский сюжет — ценою жизни человек осознает себя как личность. Я к нему пришел не за информацией, а чтобы понять. Я понял, что он виноват, что он убил двоих людей и должен заплатить за это. Я не хотел его прощать, мне важно было только понять. Я не хотел выступать судьей, адвокатом или прокурором, которые берут показания, документируют, ведут следствие. Я не собирался снимать фильм-сенсацию.

В свое время я думал, что это самый тяжелый фильм. Но я еще снял фильм о Семиионах, половина семьи которых покончила с собой в горящем самолете. И каждый раз я думал, что дошел

до предела, но оказывалось, что нет.

Герц Франк, который учился в детстве в еврейской школе, а после два года в иешиве, всегда мечтал об алии в Израиль.

— Жизнь — это не есть что-то рациональное. Поэтому не стоит объяснять ее рационально. В конце праздника, в честь моего 75-летия в Риге, я сказал, что счастлив, что обе мои ноги твердо стоят на земле. Одна нога — в Иерусалиме, другая — в Риге. И я ощущаю время и пространство между ними. Я бы смог остаться в Риге, но тогда моя вторая нога оказалась бы в воздухе. Я получил еврейское образование, моя семья в Израиле, и мне было очень важно вернуться к корням, к началу своей жизни. Люди, рожденные в Израиле, не могут понять, что такое галутный комплекс. Я приехал в Израиль, чтобы освободиться от этого комплекса. Теперь я свободный человек. Я бы мог жить в Тель-Авиве — очень красивом городе, или в Кироне — рядом с дочкой. Но я захотел жить здесь — в Иерусалиме, который является историческим и народным оплотом. Большинство моих фильмов были показаны в синематеке, а сейчас все — в музее.

Несмотря на международную известность Франка в мире кинематографии, почему-то его имя не стало широко известным публике. Яир Лев, член правления Форума художников-документалистов Израиля, сказал о нем: «Франк создает фантастически талантливые документальные фильмы, за несколько минут передающие суть происходящего. Все документальные фильмы, снятые в Израиле, с трудом могут сравниться с тем огромным материалом, выражающим суть действительности, который есть в фильмах Франка». Ранен Шор — директор Школы кинематографии Шпигеля, добавляет: «Франк — режиссер-документалист мирового масштаба. Его фильмы прекрасны, поэтичны, они показывают душу человека с гуманистической точки зрения. Он просто поэт в своей области».

«С МОЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, ШАРОН — НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА»

В 1998 году Франк снял фильм «Человек у Стены Плача», рассказывающий о том, как вернувшийся в лоно иудаизма еврей проводит свою жизнь у Стены Плача.

— Иерусалим — самое святое для нас место. После Осло я боялся, что снова будет раздел Иерусалима, как перед Шестидневной войной. Невозможно себе представить, что идешь по Старому городу — и тут будет одно государство, а на противоположной улице — другое. У народа, сохранившего свой язык, который не забыл свою родину, который дал всему миру ТАНАХ, есть все-таки право на 20 тысяч километров в своей стране. Это гуманистический подход — отдать территории, включая поселения, народу, внесшему колоссальный вклад в мировую культуру.

— Вы можете положить на Шарона, на то, что он сохранит Иерусалим?

— С моей точки зрения, Шарон — настоящий мужчина. Вчера я видел, как его принимали в Пентагоне. Его нельзя назвать худым и молодым, но он шел как герой ЦАХАЛа, как герой своего народа. В моем представлении он лев, и я надеюсь, что у него есть силы, как у льва, а не только рык льва.

— Вам было бы интересно снять фильм об арабском населении в Израиле?

— Я еще не могу этого сделать, так как недостаточно владею языком, но я был на иерусалимском фестивале в 1995 году, где первое место занял фильм араба из Нацерета «День Независимости» — о том, что чувствуют арабы в День Независимости. Настоящий фильм. Он открыл, что чувствуют люди, но он не был против Израиля.

— Ваше мнение о документальных фильмах в Израиле.

— У нас, как и во всем мире, выпускаются фильмы-гамбургеры. Телевидение диктует свои законы — снимать фильмы, которые можно показывать. Но американский или русский фильм можно узнать сразу. Израильский фильм узнать невозможно. У нас еще не развилась израильская кинематографическая культура, нет своей школы, своего почерка. Израильские фильмы очень похожи на американские. Например, все фильмы Аси Даяна — американского типа.

— Вы видели израильские фильмы, которые вам понравились?

— Я думаю, что в Израиле есть много режиссеров, понимающих, что у них есть талант. Они делают документальные фильмы, имеющие в то же время и художественную ценность. Эта двойственность должна присутствовать в фильмах. В прошлом году я видел фильм о евреях, который остался в Да-

хау после того, как всех освободили из лагеря. Он каждый день приходит в Дахау и рассказывает свою историю. Каждый день — одну и ту же историю. Трудно уже понять, помнит ли он еще свою боль, поскольку зарабатывает рассказом и стал профессиональным экскурсоводом. Этот фильм остался в моей памяти как имеющий художественную ценность и как философский. Однако большинство фильмов, которые мы видим здесь, более или менее профессиональны, но носят информативный характер, и в них не чувствуется художественности. Очень простая аранжировка. Я, например, видел фильм о «Стене Плача». Режиссер снимает людей, которые находятся там, и разговаривает с ними. Он снимает молящегося и вставляет в середину интервью с ним, а затем снова показывает молящегося, и так далее. Ну, простите, я не понимаю этого — человек молится, как же вы можете прервать это? Тут просто непонимание природы документальных фильмов. Нет определенной школы, системы, основы. Даже Пикассо, перед тем как нарисовать глаза на спине, рисовал людей, фигуры, предметы — самые простые. Тут этого не понимают. У меня есть один ученик из Тель-Авива, который видел мои фильмы и попросил, чтобы я стал его преподавателем. И я действительно учу его основам наблюдения в камеру. Я учу его, что не бывает пустых мест, что каждое место полно тайн.

— Вы думаете, что проблема именно в учебной системе кинематографии в Израиле?

— Я недостаточно знаю кинематографию Израиля, чтобы иметь определенное представление. Но могу рассказать, что два года назад меня пригласили преподавать в кинематографическую школу. Предварительно я попросил преподавателя показать мне фильмы, которые сделали учащиеся, чтобы знать, что мне предстоит сделать. Все фильмы были об убийствах, сплошная кровь и опять убийства. Я позвонил преподавателю и спросил, почему они снимают такие фильмы.

«Мы предоставляем ученикам полную свободу, пусть делают все, что им хочется». Я ответил: «Простите, они не свободны, а заражены американским вирусом и подражают не самым лучшим американским фильмам. Вы должны избавить их от этого, научить их самостоятельно воспринимать дей-

ствительность. Естественно. И вот тогда — пусть делают все, что им хочется. А пока они только подражают, но делают это гораздо хуже, чем американцы».

— **Вы смотрите телевизор?**

— Я смотрю передачу Иланы Даян. Например, вчера она представила рассказ мужчины-проститутки. Это было очень интересно. Но и она не всегда мне нравится. Я помню ее передачу об убийстве Рабина. Она показала фильм, который кто-то случайно снял, и в момент, когда убийца вытащил пистолет и собирался стрелять, она сделала паузу и сказала: «А сейчас реклама». Даже она, в тот момент, когда убивают главу правительства, прекращает трансляцию ради рекламы. Но у телевидения есть своя собственная природа. Я очень люблю смотреть репортажи из Кнессета, 33 программу. Новости — чисто документальная передача. А в трансляциях из Кнессета я наблюдаю характер людей, их отношения между собой. На съезде партии Авода, например, когда решался вопрос об объединении с Шароном, я видел, как Бург неистовствовал, впервые видел, как человек потерял чувство приличия, как все — и Перес в том числе — кричали. С точки зрения документалиста, это было очень красиво.

— **Вы смотрите также художественные фильмы?**

— Конечно! Есть замечательные фильмы. Иногда вы хотите посмотреть детективные американские фильмы, с убийствами, где даже все убийцы красивые. Это очень смешно. Американцы делают все очень профессионально. И в документальном ракурсе тоже. Нет никаких проблем, все как будто по-настоящему. Поэтому у них есть призы за исполнение эпизодических ролей, за звуковое оформление — все профессионально, все важно. В этих рамках их стандарты таковы: хороший герой побеждает, у него есть возлюбленная, он получает ее и все будет хорошо. В таких фильмах есть артисты, настоящие художники. А есть такие, которые «работают на публику», ради заработка. Но даже американский фильм «Титаник», безусловно, коммерческий, своей художественностью влияет на людей, даже самыми мельчайшими подробностями. И фильм «Молчание ягнят» — безусловно, художественный.

— **Вы еще снимаете фильмы?**

— Позавчера я ехал из Тель-Авива в

Иерусалим и видел одну пару: девушка в солдатской форме, а он уже закончил службу, одет во все гражданское. И было в них что-то такое красивое. Я прошел мимо них один раз, второй, а камера была со мной в сумке. И не выдержал: «Что я делаю? Что я делаю? Я вижу картину». Вытащил камеру, как меч из ножен, и стал снимать. Было видно, что между ними что-то происходило. Он держал ее лицо в своих ладонях. Понятно, что в картине не все получилось, поскольку происходящее было слишком глубоко и драматично. Но я заснял. Хорошо, что не меняется моя сущность режиссера, всегда ищущего сюжеты. Вот если я перестану всегда и везде искать сюжеты, тогда и придет старость.

«Я СНЯЛ УЖЕ ДОСТАТОЧНО ФИЛЬМОВ О ДРУГИХ»

В эти дни Герц Франк работает над созданием нового фильма — фильма о себе.

— Это будет самой сложной задачей, поскольку фильм включит в себя все: и то, что я пережил, включая смерть жены от рака, и то, что я пережил не только лично, но и как документалист. Я думаю, что достаточно снял фильмов о других. Сделать документальный фильм — это значит проникнуть во внутренний мир человека, и всегда передо мной стоит вопрос: имею ли я право «лезть» в мир другого человека. Когда снимаешь художественный фильм, можно показывать все, поскольку в фильме снимаются артисты. А тут перед нами живой человек, который дышит, у которого есть друзья, семья, а мы должны снимать о нем фильм. Когда я был помоложе, я до предела использовал всё, чтобы проникнуть в мир другого человека. Сейчас у меня уже нет уверенности, что я могу это делать. Например, я хотел взять мальчика из фильма «На десять минут старше», которому сейчас 25 лет и он игрок в бридж. И я захотел еще глубже проникнуть в его внутренний мир, но не смог. Возможно, то, что я перенес за последнее время, было сильнее. Либо я начинаю стареть и у меня уже нет этих «импульсов». Но больше я не стану продолжать этот сюжет, это мне совершенно ясно. Буду заглядывать в душу к себе, а не к другим.

*Интервью из газеты
«Коль га-Ир», Иерусалим*

Аркадий КРАСИЛЬЩИКОВ

ПОСЕЛЕНИЯ. ТЕСТ НА ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Это верно — практика поселений привела к колонизации Северной и Южной Америки, Сибири, Австралии. Поселенческое движение стало основой возвращения евреев на родину предков.

Ныне практика поселений на территории автономии, в будущем, вполне возможно, независимом Палестинском государстве, носит совершенно иной характер, преследует иные цели.

Поселения эти, расположенные, чаще всего, в считанных километрах от центральных областей Израиля, от Тель-Авива и Иерусалима, — не просто гарантия предотвращения возможного и острого противостояния арабов и евреев на западном берегу Иордана, но попытка мирного диалога после многих лет ненависти. Поселения — шанс, что так называемый мирный процесс не останется обыкновенным клочком бумаги, подписанным ради корыстных интересов политиканов.

Эти заметки, написанные на протяжении ряда лет, — не более, чем легкий карандашный портрет некоторых поселений, но думаю, для многих даже они могут стать чуть ли не открытием неведомой земли.

БАРКАН. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПУСТОТУ

— Хорошо бы, — сказал я недавно, — в Баркан смотаться по старой памяти.

Нахмурились.

— Зачем тебе это?

— Посмотреть, как поселенцы сегодня живут.... Вот у меня старые фотографии 1990 года.... Интересно все-таки.

— Ничего интересного. Не живут они там, а доживают. После первой интифады еще и последняя буза. И ехать надо через арабские деревни. Ты что, забыл?

Ничего я не забыл. Мне тогда эти деревни не показались бедными. Просторные дома из камня — какая уж тут нищета после российских, гнилых изб.

Попросил остановить машину у магазина в одной такой деревне. Остановили без возражений. В магазине был

обычный и для Израиля ассортимент товаров. Пожилой хозяин-араб ругался с покупательницей, наглухо закрытой в темные одежды. Той не понравилось яйцо с трещиной. Хозяин, судя по всему, доказывал, что это вовсе не трещина на скорлупе, а природный узор.

Нам он привычно улыбнулся, был предупредителен, вежлив. Мы тогда купили бутылку поды и покатили дальше.

Деревня та была в сорока минутах езды от Тель-Авива. От деревни до еврейского поселения Баркан в Самарии мы ехали не больше двадцати минут.

10 марта 1990 года. Десятилетия перед тем слышал несмолкающий хор: «Зверства израильской военщины... Агрессоры... Оккупанты...» Знал, врут, как обычно, и все-таки в глубине души сидело подлое: «а вдруг».

Тут Горбачев начал неуклюже разворачивать проржавевший дредоут Советской власти. Голоса хулителей Израиля поутихли. Открылись границы, но дипломатические отношения еще не были восстановлены, когда я ехал в Израиль на перекладных, через Кипр. Ехал тогда еще гостем.

Осмотревшись, примерно через неделю попросил отвезти меня на территории. Попросил осторожно, заметив, что понимаю, как это опасно.

Пожали плечами.

— Да ничего опасного, поехали.

Земля Самарии показалась запущенной, дикой даже весной, когда земля, напитанная зимними дождями, должна была плодоносить.

Камни, камни, камни по обе стороны дороги. Камни и редкие поляны жухлой травы. Древняя, будто уставшая от своего возраста, земля.

Дважды попались «оккупанты». Один солдат дремал на пороге вышки, другой на земле, у такого же хлипкого сооружения, играл с арабом в нарды. Рядом паслись черные козы пастуха.

«Вот тоска-то, — подумал я тогда, вспомнив перлы юдофобской пропаганды. — Сколько шума из-за жалкого куска скучной и бедной земли».

Баркан вырос внезапно черепичны-

ми крышами, будто в лесу камней-поганок вдруг набрели мы на поляну веселых, красноголовых сыроежек.

Въехали в поселение — ни часовых, ни охраны. За оврагом приметил мотки «спирали Бруно» — вот и все меры защиты от нападения.

Молодые посадки: кусты, цветники, деревья, дома, пахнущие известкой и свежей краской. Здесь можно было в те годы построить себе бунгало за гроши.

Мы приехали в гости к человеку, который воспользовался этой возможностью в полной мере: отгрохал домину на 400 квадратных метров полезной площади в два этажа. Да и семья у строителя была большая: детей четверо или пятеро — не помню точно.

Удивила застройка Баркана. Каждый дом по специальному проекту, с каким-то обязательным вывертом, с изюминкой.

Ожидал встретить суровых мужиков-поселенцев с кольцом за пазухой, а вокруг было множество детей и стариков. Ожидал услышать басовитый и грозный лай цепных псов, а бегали по поселку мелкие, добродушные шавки.

Люди умеют лгать, собаки — нет. Я попал в тихий, уютный деревенский мир. Впрочем, признаков развитого сельского хозяйства не заметил. Неподалеку от Баркана была обширная промзона. Там работали арабы из окрестных деревень и евреи из поселения. Многие ездили отсюда на работу в Тель-Авив.

Наш хозяин каждое утро садился в свою машину и мчался через арабские деревни в город. Возвращался поздно — как правило, затемно.

— Где? — спрашивал я. — Где кроважные индейцы, охотники за вашими скальпами? Где отважные покорители прерий? Я думал, вы герои, а вы — обыватели обычные, построившие свои дома по дешевке на пустых и диких землях.

Со мной не спорили. Им было лень спорить. Хозяева готовили стол, подервенски обильный.

Тем временем я продолжал упрямо искать следы конфронтации. Шумел настырно:

— У вас должно быть оружие, нельзя здесь без оружия, кругом враги.

— Был где-то автомат.... Не помню только, где, — вяло отбивался хозяин.

— Покажи! — требовал я.

— Девки, — взмолился бывший питерский стилиста. — Найдите вы ему ствол.

Мы долго искали автомат и нашли оружие на чердаке в ящике от платяного шкафа, под тряпками. Рожок с патронами так и не смогли обнаружить.

Потом был крайне утомительный обед с обильной выпивкой, а вечером разгул Пурима на поселковой площади, у клуба.

Настоящий получился праздник. Там я впервые увидел подлинный Пуримшпиль: и Мордехая, и Амана, и Артаксеркса, и Эстер...

Тогда, вечером, стало ясно, что Баркан — это не просто внезапный выброс энергии в мертвой пустыне. Это был выброс веселый, радостный, уверенный в своем будущем. Это была не оккупация, а очеловечивание, освоение земли. Земле все равно, кто возвращает ее к жизни. Лишь бы возврат этот состоялся.

Сегодня друзья хмурятся, не хотят везти меня туда. Все кончилось. «Черные козы» раздора съедят траву, превратят сады Баркана в пустыню. Страх перед террором способен уничтожить все живое.

Вскоре после моего отъезда из Израиля Арафат развязал ту, первую интифаду. Тот палестинец больше не играл с еврейским солдатом в нарды. Автомат, надо думать, перекочевал с чердака к порогу дома и обрел свой рожок с патронами.

Сегодня, после крови нового противостояния, стало еще хуже. Многие покинули поселения. Те, что остались, стали нервничать, и местные собаки научились рычать и поджимать хвосты.

Кому понадобилась эта новая раскрутка ненависти? Кто-то уверен, что нельзя было строить эти прекрасные замки среди замшелой тоски... Зависть имеет свойство накапливаться и превращаться в горячее и взрывчатое вещество. Но что может спасти от зависти и ненависти? Не было бы Баркана — остался вызовом Тель-Авив в двух шагах от мертвой пустыни.

Баркан построили красиво, открыто, свободно, без страха: стены, башни, бронированные автобусы с решетками на лобовых стеклах.

И это стало вызовом злу. Безликому, мертвому, как земля Самарии, злу. Это ему, злу, необходимы страх и кровь... и пустыня на месте цветущего Баркана.

ОФРА. ВРАТА НЕБЕСНЫЕ

Выезд из Иерусалима. На тремпиаде внушительные столбы для защиты от террора. Был недавно такой случай, как раз в том месте, где мы ждали попутку на Офру. Араб врезался в толпу, бежал, его убили.

Долго ждем. Наши доблестные монополисты — автобусные компании — к поселениям ездить не любят. Жалко им своего имущества. Поселенцам деваться некуда. Большинство из них работает в Иерусалиме. Пугают бандиты, а им не страшно, да и детей кормить надо.

Никому из автовладельцев даже в голову не приходит промчаться мимо. Никто не уезжает отсюда пустой. Ждем терпеливо.

Наконец, мы в тесном салоне старого «Фиата».

— Начнут стрелять — выскакивайте из машины и ложитесь на землю, — спокойно и деловито инструктирует нас хозяин машины, заправляя пистолет новой обоймой.

Чувствую себя героем. Знаю, что вчера на подъезде к Офре арабы в упор, из засады, расстреляли четверых. Пусто на шоссе. И по обе стороны дороги мертвая земля. Такая земля и должна нести смерть.

Павел, мой поводырь, рассказывает о чем-то. Плохо его слышу, гремит радио: последние известия. Говорят, что наше правительство мобилизует мировое общественное мнение, чтобы уговорить Арафата прекратить насилие.

— Негодяи! — басит шофер — угрюмый широкоплечий человек в кипе, и не совсем понятно, на кого он гневается.

Тридцать минут в дороге пролетают незаметно, испытываю что-то вроде легкого разочарования. Нам не пришлось выскакивать из машины и ложиться на землю.

Офра — оазис в пустыне, как и все наши поселения. Место веселое, красивое, просторное. Сады и коттеджи под черепичной крышей. Издалека не видны проволока ограждений, бетонные кубы бомбоубежищ и лагерь солдат.

У входа в Офру — стальная вертушка, запирающая калитку кодом. Павел забыл код. Мы проходим через раскрытые ворота. Наверно, створки закрывают на ночь, но сейчас они распахнуты настежь.

Нам улыбаются, и мы улыбаемся. Нас приветствуют, и мы киваем встречным.

Деревня есть деревня. Впрочем, Офра вполне тянет на маленький городок: 450 домов. Почти три тысячи жителей. На каждую семью в среднем по 7 детей. Поселение продолжает расширяться, вопреки всему, строится. Поселенцы верят в свое будущее.

Павел, по привычке, начинает с оправданий. (Ничего не поделаешь, приучили нас оправдываться). Это, мол, наша земля по Торе. Здесь, вон на той горшке, Бейт-Эль, заснул Иаков и увидел во сне лестницу, ведущую в небо, и ангелов, поднимающихся к облакам.

Для арабов наш Иаков тоже свой человек, предок, так сказать, родня. И к Торе они относятся с великим уважением. Не имеет значения, кто и когда бодрствовал или спал на этой земле. Любовь и труд евреев вернули ее к жизни. Ненависть и лень арабов всегда убивали ее. Земля эта принадлежит нам по самому святому в мире праву, по праву созидания и любви. Мы взяли то, что другие отвергли и отвергают по сей день. 95 процентов арабов упрямо живут в перенаселенных, грязных городах и не собираются осваивать пустыню. Торг здесь просто неуместен. Все это говорю своему спутнику. Он не спорит, но пожимает плечами. Мол, то, что знаем мы сердцем, чужие неспособны понять.

Павел ведет меня к начальству. Так положено: сразу засвидетельствовать почтение, но, к счастью, руководитель ишува занят, и первый разговор состоялся у нас с интереснейшим человеком — Яковом Эрлихом. Он те места, где бродил его тезка и наш общий предок, исходил вдоль и поперек. Все уголки Самарии знает. Он землю измеряет, описывает, снимает карты.

Своя контора у Якова. Шестеро подчиненных. Компьютеры, принтеры, сканеры и прочая техника. Спрашиваю у голубоглазого, но с носом горбатым Якова, можно ли назвать его землемером?

— Я геодезист, — отвечает. — Мы готовим землю для строительства, хозяйственного освоения, прежде всего в районе Самарии. Каждый клочок земли, принадлежащий евреям, — это объект нашей работы.

Спрашиваю, откуда он сам такой голубоглазый. Отвечает, что сабра, а его родители репатриировались из Польши в начале 30-х годов. У отца Эрлиха, сиониста, были еще три бра-

та. Один был анархистом, воевал в Испании, другой погиб во время Войны за независимость, третий был коммунистом, сталинцем. Поехал в Россию — и там исчез.

— Все метания еврейского народа можно проследить на примере братьев отца, — говорит Яков.

Спрашиваю: не означает ли «мирный процесс» конец его бизнеса?

Яков смеется и весело отвечает, что «мирный процесс» в том виде, в каком он проводится, — это конец жизни в Израиле. Стоит ли принимать во внимание личные проблемы?

— Откуда, — спрашиваю, — у вас земля появляется для работы?

— Большая часть принадлежит государству, — отвечает Яков. — Но и арабы часто продают свою землю, несмотря ни на что. Больше тысячи арабов было убито своими за то, что они рискнули продать нам свои наделы. Понимаете, никто и не думает покушаться на участки, которые принадлежат арабам по праву частной собственности. Арафат требует от нас вернуть ему страну, которая никогда никому не принадлежала, а стала собственностью нашего государства не только по историческому праву, но и по праву первопроходца. Мы, проще говоря, первыми застолбили эти участки.

— Вам дают работать спокойно?

— Опасно, конечно, — кивает Яков. — Были и среди геодезистов жертвы... Знаете, что огорчает больше всего. У вас в Тель-Авиве люди не понимают, не хотят понимать, что живут они точно в таком же поселении, как Баркан или наша Офра. Размеры сбивают с толку. Но для арабов все едино. Ваш город — поселение на окраине арабского Яффо. Просто сначала они хотят выгнать нас отсюда — вот и все. Правда, есть разные люди и у нас, среди евреев. Кто-то руководствуется здравым смыслом, а кто-то живет иллюзиями. Есть и «болото»: люди без убеждений. Эти — как на качелях. Слева — направо, справа — налево. За последнее время кое-что изменилось. Но я не испытываю больших надежд. Так уже было не раз. Стоит только арабам успокоиться на время — и мы снова начинаем жить мифом.

— Кого вы опасаетесь больше: наших «миротворцев» или террористов Арафата?

Яков отвечает не сразу, задумывается, потом начинает рассказывать без особой охоты:

— Как-то мы занимались землей, купленной у арабов. Туда подъехали наши солдаты на «джипе». Офицер стал ругать нас и велел убираться. Он кричал, что мы грабим и оскорбляем арабов. Никакие документы не могли его убедить. Он даже сказал, что сообщит палестинцам о том, что мы работаем на их земле... Потом офицер оставил нас в покое, но на следующий день в соседней деревне убили араба, которого заподозрили в продаже земли. В полиции я заявил, что ни разу в жизни не видел того человека, но они и сами выяснили, что зарезали беднягу просто так, для примера, для острастки. Убили по доносу того офицера из «Шалом ахшав». Так нам сказали в полиции.

— Как вы относитесь к арабам?

— Они — разные. У меня среди арабов есть хорошие друзья. Помню, давно уже подвез вконец обессилевшего старика к его деревне. И коз его забросил в кузов. Старик этот тогда сказал, что он теперь понимает, почему Бог отдал нам эту землю. Но власть на территориях давно захватил террор. Люди там живут в страхе. Жизнь человеческая ничего не стоит. Они расправляются со своими, не раздумывая. Трагедия арабов автономии не в евреях и Израиле, а во власти Арафата. Понять им это и признать трудно. Верно, пропаганда ненависти к евреям ведется, не переставая, но я все-таки думаю, что наши арабы запуганы до предела. И это главное. Страх правит на территориях, как это было у вас, в России. Да и не только на территориях. Я был недавно в Иордании, в Аммане. Там кто-то устроил демонстрацию против Израиля. Появились полицейские и стали палить в толпу без предупреждения. Было много трупов. Люди разбежались — вот и все. Это не значит, что они нас полюбили. Просто тоталитарной власти не нужны народные волеизъявления. Сегодня толпе не нравится Израиль. Завтра разонравится родное правительство. Важен принцип.

Так говорил Яков. Передо мной был веселый, умный, сильный человек, ясно сознающий, где он живет и зачем.

— Тот, у кого больше терпения и мужества, — тот победит, — сказал на прощание Яков. — Мы верим, что мы правы и победим. И нет у нас другого выхода.

Терпением и мужеством, похоже, построена вся Офра. А все здесь началось совсем недавно, 27 лет назад. В

поселении есть свой музей, и гордый памятник имеется: разбитый «джип» на столбе был первой машиной, прибывшей на это место.

Не заметил в Офре следов страха: заборов, могучих ворот, окон-бойниц. Похоже, и двери-то мало кто запирает на замок. Бомбоубежища торчали угрюмо, но я себя утешил, что погреба это, где хранят жители соления свои и копчения, а также вино собственное. Виноградников в Офре множество.

Особый быт. Поселенцы привыкли к нему. В Офре большая религиозная школа для девочек. Девчонок в автобусах развозят с охраной по всем поселениям Самарии. Солдаты с автоматами и в бронезилетах сопровождают колонну. Эти девчонки наверняка знают, что совсем рядом, в Израиле, есть другая жизнь: спокойная и безопасная. Но они тоже, как и их родители, предпочитают жить так, как они живут.

Торопимся на встречу к начальству. Йехуда Динер — человек немолодой, но тоже веселый и голубоглазый. Только Яков был простодушен, а Динер — с хитрецой. Но как без этого качества ладить с людьми? Родители Йехуды прибыли в Израиле из Голландии. Динер — человек состоятельный, и весь его семейный клан живет в Офре. 22 внука — предмет величайшей гордости.

Спрашиваю о проблеме в его работе, именно сегодня, сейчас.

Отвечает, что нет особой разницы. Те же проблемы были основными и прежде. Трудно прийти к согласию и в Израиле, и у нас — в Офре. По любому делу — всегда тысяча мнений, каким образом его претворить в жизнь. Все спорят, ругаются и мешают друг другу. Например, мы хотим навести порядок в снабжении электричеством. И тут начинается. Здесь мы спорим до хрипоты, обсуждая эту проблему, а в Электрической компании гробят дело бюрократы.

У нас есть люди, приехавшие шесть месяцев назад. Есть те, кто живет в Офре с момента ее основания. Но и те и другие думают, что они все знают и все понимают. Ну, как их примирить, научить компромиссу? Дело в том, что старожилам есть с чем сравнивать. Они счастливы, что их мечты стали явью, а новенькие все воспринимают как данное и начинают критиковать всех и вся. Новоприбывшим чувство коллектива незнакомо. Они мыслят так: вот я, а вот ишув. Прежде всего,

ишув им должен, а не они ишуву. Динер думает, что это не совсем плохо. Можно и такой индивидуализм обратить на пользу дела. В любом случае, ему пока что удается примирять людей с разными подходами к жизни.

Спрашиваю: нынешняя буза арабов сказывается на жизни Офры?

— Конечно, — говорит, хитро прищурившись, Динер. — Но я человек немолодой. Пятьдесят лет назад было труднее, и в 1967 году было тяжко, и в 1973-ем. Сейчас гораздо легче и работается, и дышится. Мы победили по настоящему. Нужно научиться пользоваться плодами побед — вот и все. Неуклонный рост поселения — мой истинный оптимизм. Только за последние полтора года мы заселили пятьдесят коттеджей. К нам очередь стоит желающих. Люди живут в караванах, ожидая свои дома.

Спрашиваю: сколько «русских» семей живет в Офре? Динер отвечает, что немного: всего двадцать пять коттеджей ими занято. К сожалению, многие не торопятся покупать дома, а арендуют жильё. Динер хотел бы видеть их собственниками жилья. Но «русские» слишком осторожны. Не все, конечно, но это так.

Мы прощаемся и отправляемся на очередную прогулку по Офре. Как раз заканчиваются уроки, и мне начинает казаться, что в поселении живут одни дети: чернокожие и белобрысые, курчавые и огненно рыжие. Детей — великое множество. Ни один сторонний наблюдатель не смог бы сказать, что перед ним один народ. Но дети принадлежали одному народу. Они были евреями и поселенцами.

Поговорил с одним «русским» стариком. Лет ему немало, болен, прошел две войны: финскую и Отечественную. Был ранен дважды, но не мыслит себе жизни без работы. Вот помогает хозяйке местного ресторана, совершенно бесплатно помогает. А в свободное время идет к «русским» поселенцам и уговаривает их не отчаиваться, верить в лучшее и не бежать из Офры.

— Лучше места нет на земле, — говорит Михаил Ефимович — старый фронтовик, человек удивительно доброй души. Прав он, наверно. У каждого места на земле свой характер, свой нрав, своя душа. У Офры крепкий характер, а душа мудра и добра...

— Знаешь, — говорит Павел, мой

поводырь. — Все ведь просто. Бродит человек по земле и вдруг попадает на то место, где ему от рождения предназначено жить. И успокаивается он, хорошо человеку. Вот и я давно понял, что жить смогу только там, где увидел Иаков лестницу в небо, ведущую к вратам небесным.

ЭЛЬКАНА

В предгорьях Самарии дорожное строительство ведется с необыкновенным размахом. Мост здесь возводят самый длинный в Израиле — около 700 метров через Цомет Касем, а сколько новых развязок, расширенных трасс... Дорога на Ариэль. Вот на этом перекрестке лет 13 назад стоял со своей командой Йоси Сарид, глава партии «Мерetz», и протестовал против строительства новой дороги к «оккупированным территориям». Дорогу построили, выросли поселения, стал замечательным городом Ариэль, но Сарид и его партия все протестуют.

Еще одно новое строительство. Знак времени. Поселок Матан. Бетонный забор вдоль границы с территориями, тянется он километра на полтора, дальше — колючая проволока.

— Они думают, что можно отделиться, — говорит мой спутник. — Оградиться от арабов. Какая глупость! Мой знакомый живет на территориях, в Кфар-Касем, а его родная сестра — в Петах-Тикве. Чем мы хотим заняться: разделением семей? Нас снова начнут упрекать, и не без оснований, в нарушении прав человека. Здесь все так перемешано, что никакими заборами проблему не решить.

Поселение Элькана, запад Самарии, 15 минут по скоростной трассе от Петах-Тиквы. 230 метров над уровнем моря. Дом Шабтая Елиасона.

Под ягодным кустом (чудные плоды куста так похожи на крыжовник) лежат градины, не тают даже в полдень. У нас, в центре страны, дождь. Здесь — град. Другой мир совсем рядом. Мир, откуда видна добрая половина Израиля.

С балкона дома Шабтая вижу вышки Тель-Авива, трубы электростанции в Хедере, дома Нетании, а Петах-Тиква — как на ладони... Вижу узкую, белесую полосу моря. В зимнем море шумят погоды.

— Вот с этой горюшки, — говорит Шабтай, — иорданцы обстреливали из

пушек Тель-Авив. Там еще сохранились следы их позиций.

Высоты эти — на так называемых территориях. Смотрю отсюда на Израиль и думаю, что стали мы жертвой вечной страсти подобия. Хотим быть, как все «развитые, просвещенные и цивилизованные», — империей. Хотим оперировать обычными словесами: завоевали, оккупировали, покорили, захватили... Как это все смешно звучит. Достаточно подняться всего лишь на 230 метров над уровнем моря, чтобы понять весь горький юмор ситуации.

И еще смешней — строить политику государства, не из реалий очевидных исхода, а на базе дурацкой лексики, наивных законов «истмата» и «диалектического материализма». Мы никак не можем привыкнуть к своему неподобию во всем. Это касается и географии наших владений, и души нашей.

Элькана — в переводе «Бог купил». Земля Божья. По крайней мере, та, где стоит этот удивительный поселок. Со стороны, на подъезде, и домов не видно: один сплошной сад, зеленый остров. Все это поднялось из каменистой почвы за неполных 23 года.

700 семей живет в Элькана, около четырех тысяч человек. Недавно слышал одного «умеренного» политического деятеля. Он ратовал за «выправление границы» нашего государства и грозился упразднить некоторые поселения. Смотрю сверху на равнину Израиля. Где тут граница, которую надо бы «выпрямить»? В море, что ли?

Еще выше поселения стоят старые караваны и здание бывшего полицейского участка иорданцев. В пионерский год и караванов не было. Ариэль Шарон прислал поселенцам непромокаемые палатки. В них и жили первые люди земли, приобретенной Богом. 15 семей. В основном, репатрианты из СССР.

— Хорошие были палатки, — рассказывает Шабтай. — Только дождь по ним стучал очень громко, как палочки по коже барабана... Вплоть до 1977 года мы не заселяли территорию. Уговаривали арабов признать Израиль в его старых границах. Мы тогда хотели отдать в обмен за мир и признание Иудею, Газу, Самарию. Но нам без устали твердили: нет, нет и нет. Нет Израилью, нет евреям. Обещали всех нас уничтожить. Тогда было принято решение начать строительство поселений. Мы первые поселенцы. Нами руководил Марк

Лapid. Потом его убили арабы в Хевроне. Его и старшего сына... Нам тогда выделили 16 миллионов лир. Денег было мало, но энтузиазма много. Жила среди нас женщина из Одессы — Анна Хирам. Не человек, а стукот бешеной энергии, оптимизма и решительности. Глядя на нее, и мужчины наши делали то, что, казалось бы, и поднять было невозможно... Вот эти эвкалипты я посадил. Одно дерево уже обхватить не могу двумя руками. Вон какой ствол.

Ныне русских здесь мало. Человек сорок, не больше. Эстафету перехватили поселенцы из Западной Европы и прежнего ЮАР. Из сытости и покоя перебрались они на «заминированную» землю территорий.

Впрочем, поселенцы так не считают. Марселя Ганса — он в Амстердаме родился — выбрали эльканцы в начальство.

— Никуда и никогда мы отсюда не уйдем, — говорит он. — Эта земля останется навсегда землей Израиля. Когда-то мы сражались на этих холмах с филистимлянами. Мы хоронили здесь своих святых. Мы превратили эту пустыню в сад. Мы не несем угрозу арабам. Мы не хотим им зла. Мы всегда были и будем добрыми соседями. Мало того, залог процветания Иудеи и Самарии — в наших поселениях. Вы сами видите это.

Видю. Я вижу, но видят ли это арабы? Хотят ли видеть? Прежде вокруг Элькана было абсолютно тихо. Вокруг поселения — оливковые рощи, принадлежащие арабам. Там они работали и пасли своих ослов и коз. Но совсем недавно случилась попытка погрома. Арабы с камнями и бутылками пришли от деревни Месха. Теперь дорогу, ведущую к арабской деревне, завалили землей и камнями. Рядом бетонные кубы поста, мешки с песком. Поселение стерегут армейский джип с пулеметом и машина охраны, нанятой самими поселенцами. Считается, что этих сил вполне достаточно. Да и сами поселенцы, как правило, люди с оружием и хорошей военной подготовкой.

У Марселя Ганса — крупного человека с открытым, добрым лицом — пятеро детей. Ребятни в этом религиозном поселении множество. Все дети поселенцев служили или служат в армии. Мне показали один дом ортодокса. Один-единственный. Дети хозяина дома по религиозным соображениям в армии не служили.

Здоровый, сильный, чистый, как правило, народ живет в Элькана. Чистый и мужественный. Шабтай Элиасон водил меня по улицам поселка и с гордостью рассказывал о земляках. Этот дом принадлежит человеку — «золотые руки», а этот — полковнику ЦАХАЛа, этот построил преподаватель университета, доктор наук. Этот принадлежит сыну бывшего председателя колхоза в Биробиджане. Тоже замечательный человек. ...Впрочем, еще один дом был мне показан как большая достопримечательность со знаком минус.

— Здесь, — сказали, понизив голос, — живет настоящая расистка. Ты представляешь, она считает евреями только людей веры. Все поселенцы с ней спорят, осуждая, но она стоит на своем.

Все верно. Только в атмосфере любви к земле и терпимости можно было за 23 года построить то, что мне показали.

Элькана — место удивительное еще и разнообразием своей архитектуры. Все дома разные, как и люди в поселении. Вот дом, построенный «немцем»: высокая черепичная крыша, черные доски вразлет, мансарда. А это наверняка жилище «русского» человека. Здесь, в каменном гнезде, обитает семья «альпийца»...

Один-единственный дом мне совсем не понравился. Мрачная громадина, как грубый нарост, торчала на склоне холма.

— А здесь кто живет?

— Жулик, — признались со вздохом. — Жадный и глупый человек. Нам стыдно, что в Элькана есть такой.

А еще моему спутнику стало стыдно после нашего разговора с одним русскоязычным парнем из охраны. Парень этот характеризовал арабов как зверей, палачей и негодяев. Всех скопом.

— Это не наш человек, — пояснили мне после разговора. — Он из Ариэля. Мы знаем арабов лучше. Мы живем бок о бок с ними. Только с оценками торопиться не нужно: кто плохой, кто хороший... Люди как люди. Другое всегда настораживало. Ехал как-то через арабскую деревню Кфар-Касем, гляжу — дохлый осел лежит на обочине. Еду через неделю — он все еще там валяется, — летом, в жару, облепленный мухами. Вот на этом мы с арабами никогда не сойдемся. Разные мы, совсем разные. Вот в чем беда.

Сад Шабтая Элиасона «раскинулся» всего лишь на двух сотках земли. Этот молодой человек сам, собственными руками возделал свою землю, посадил два

десяток удивительных плодовых растений. Есть у Шабтая старая обида. Его как-то назвали помещиком и оккупантом.

— Я никого не эксплуатировал и ничего не оккупировал, — говорит Шабтай, — Все это мной куплено и мной одним, с помощью жены, конечно, выращено. Как красиво все цветет, правда?

Шли мы вокруг дома, по саду, и показывал мне Шабтай разные диковинные плоды, мне, невежде, неизвестные. И не только показывал, но и пробовать заставлял. Вкус всего выращенного в этом саду мне показался удивительным.

— Без ядов химии, — повторял то и дело Шабтай. — Чистый продукт.

Все быстро растет под нашим солнцем. Корни уходят вглубь этой каменистой земли. Своим садом накрепко врастают в нее жители Элькана. Садом и детьми.

Вот ребята в кипах — сборная команда по шахматам. Детская команда до 14 лет. Гарри Каспаров финансировал ребят в первенстве по интернету, где они стали победителями. Но и в очных поединках с командами из США и Венгрии одержали победу.

Нельзя ничего путного, повторю, построить без любви и терпимости. Стоя на веранде своего дома, Шабтай характеризовал соседей:

— Эти, из Йемена, — замечательные люди. Эти, из России, — образцовая семья. Эти, из Бельгии, — дружные, хорошие люди... Большой колледж для девочек, будущих педагогов, построили в нашем поселении евреи из Канады и США. Они наши частые гости. Я живу в религиозном поселении вот уже скоро 30 лет. Ну и что? Кипу не ношу, синагогу посещаю не часто, но никто и никогда не навязывал мне свои взгляды, свое мировоззрение. Я и сам не собираюсь делать это. Но хочу сказать, что никогда не уйду с этой земли. Убежден, без политики поселений погибнет и наше Еврейское государство. Почему я это говорю? Да потому что знаю: ни о чем другом, кроме подлинного мира и согласия с арабами, не думают мои земляки. Мы несем только добро этой земле, добро Израилю и нашим соседям. Мы — не военная база, не солдатская казарма. Мы вернулись домой, мы любим эту землю, мы — труженики и только. Любим закон, Божий и человеческий, должен быть на страже нашего покоя и благополучия. И никто не убедит меня, что это не так.

Уезжал из Элькана. Обернулся на прощание, снова увидел цветущую красоту поселения и вспомнил слова Шабтая: «Без ядовитой химии. Чистый продукт».

ТЕКОА. ПОСЕЛЕНЦЫ ЧИТАЮТ «ДВУХ КАПИТАНОВ»

Текоа — большое и богатое поселение в 16 километрах от Иерусалима, на территории Иудеи. Все говорят о том, что поселенцы много рожают, семьи у них огромные и дружные, но живут они, бедные, как в осажденном лагере. Случайные экскурсионные визиты в поселения давали лишь общую картину, но вот, наконец, сию спокойно в доме поселенцев и веду неторопливый, обстоятельный разговор.

У Цили Ленской пятеро детей, обещает еще родить двоих-троих, не меньше. Здоровье и возраст позволяют. Дети вокруг бегают, шумят, и моя еврейская душа радуется без меры.

Шлема Ленский умчался по делам бизнеса, оставив нас на попечение жены. Сам Шлема был в свое время известным революционером, последователем и другом рава Кохане, и по сей день находится он под пристальным наблюдением ШАБАКА.

Но Шлема — наш, еврейский революционер, а потому он занят не только политикой, но воспроизведением потомства и делами своего ресторана в Текоа. Революция — революцией, а детей кормить надо.

Дом Шлема отгрохал красивый и просторный, но живут они в нем всего несколько месяцев, а прежде семь лет ютились в караване. Пятеро детей, папа-мама и бабушка 92 лет на 46 метрах общей площади. Чувствуется, что не привыкли они еще к своему дворцу, не обжили по-настоящему. Все придет. Главное, есть для кого обживать и кому во дворце этом жить. Кстати, глядя на эту прорву еврейских ребятишек, я думал, что есть ради чего жить и нашему государству.

Но послушаем Цилю.

— Моя подруга, тоже из Риги, работает в больнице «Адаса», в глазном отделении. Там 90 процентов профессоров — народ очень «левый». Над ней, естественно, посмеиваются, подшучивают: как вы там в вашем поселении — расисты, фашисты. Но вот приходит она однажды к своему профессору и спрашивает: «Слушай, ты бы не мог помочь моему

другу? У его жены большая проблема с глазами». Профессор отвечает: «Конечно, могу. Дай мне адрес и номер теудат зеута (удостоверение личности — ивр.)». Ну, она и протягивает ему бумажку, а у профессора глаза начинают лезть на лоб от удивления. «Кто это?» — спрашивает в ужасе. А моя подруга отвечает: «Я же сказала: мой друг-араб из соседней деревни». Он совсем ошалел: «Вы что, поселнцы, их не боитесь?» Подруга отвечает: «А что тут особенного. Мы — соседи. Это вы их никогда в глаза не видели. Любите заочно, а на самом деле панически боитесь». Такая история. И тем не менее, все мы понимаем, что придет к нашему хорошему другу-арабу Арафат, пригрозит зарезать его детей в случае неподчинения — и этот араб взорвет по приказу мой дом или подложит бомбу в наш автобус. Ну, а пока нет приказа, мы живем дружно и помогаем друг другу.

— Мне многое нравится у арабов, я была в Текоа до начала последней интифады, — продолжала Циля. — Тут недавно холодильник сломался. Вызвали мы мастера из соседней, арабской деревни. Он приехал со своим ребенком. Мои сильно «правые» дети сразу затащили сынишку мастера к себе наверх показывать игрушки, а мы с ним разговорились. Он учителем оказался, а ремонтом подрабатывал летом. Меня спросил, почему я, химик по образованию, не преподаю в школе. Очень удивился положению дел у нас, когда я попробовала ему хоть что-то объяснить. У арабов, как мне кажется, все проще и эффективней. И квалифицированных кадров множество. Знаете, сколько тут русских женщин живет по деревням? Где их нашли арабы? В институтах, университетах Москвы, Ленинграда, Харькова... Я знаю многих, кто свободно говорит по-русски и даже страдает ностальгией по снежной зиме или Эрмитажу.

— Ты убеждена? — спрашиваю я. — Что ваши соседи сами по себе не станут проявлять агрессию? И добрососедские отношения между евреями и арабами на территориях возможны?

— В душу к каждому не залезешь, но в каждом городе, заселенном любимым народом, ты можешь нарваться на нож бандита... У нас все, к сожалению, имеет национальную окраску. Здесь рядом, в Иродионе, жил и работал еврей-американец Давид Розенберг. Он охранял раскопки, дружил с арабами и

говорил, что он никогда не возьмет оружия в руки. Его зарезали, нанесли больше тридцати колотых ран.

(Одного из своих мальчишек Циля и Шлема назвали Давидом.)

Спрашиваю: как дорого им обошлось строительство дома?

— Изначально, по договору, он стоил 150 тысяч, потом нам сделали скидку за опоздание. Это Текоа — достаточно престижное поселение, а не пустыня, где ты начинаешь с нуля. У нас 300 семей живет, построен новый клуб, есть школа до шестого класса, детский сад... Вот с бассейном — проблема. Пока его нет. Тут моральные сложности. У нас, наверно, самый смешанный ишув из всех поселений. В Текоа живут люди совсем нерелигиозные и ортодоксы, есть приезжие из ЮАР и Индии, но мы сосуществуем очень мирно, не грыземся друг с другом и не перекрываем дорог. Никто соседу не мешает, и в душу друг другу мы не лезем. У нас, например, есть экспериментальная школа, где Тора преподается на уровне государственной религиозной школы, но при этом никого не заставляют приходить в кипе, если ты воспитываешься в семье нерелигиозной. Но бассейн может создать ситуацию неприятную. Ну, например, некоторая часть нашей атеистической молодежи будет ходить плавать в купальниках, а это может помешать воспитанию детей в определенных семьях. Начнутся неизбежные конфликты, а мы этого больше всего боимся.

— Слышал, что у вас и наркотиками кое-кто балуется? — спросил я. — Значит, в Текоа приезжают не только сионисты, но и по корыстным мотивам случайные люди? Такой дом где-нибудь в центре страны будет стоить не меньше миллиона долларов.

— Нет, — сразу отвечает Циля. — Нет у нас дешевого жилья. Чтобы получить землю и построить, нам нужно было долгие годы проторчать в караване. Только единицы смогли купить сразу готовый дом. Наркотики — это проблема детей у нормальных родителей. Дети резко отходят от религии, часто в форме протеста. У нас есть пара таких деток. Есть те, кто, побесившись, возвращается. Демократии у нас предостаточно. В клубе много кружков, и там так интересно поставлена работа, что к нам из Иерусалима стали приезжать. Явных наркоманов у нас никогда не было. Баловство было. Сейчас даже эта проблема уменьши-

лась. Мы стали заниматься этим гораздо серьезней... Яша! — кричит Циля. — Ты мне принесешь, наконец, сигареты!

И Яша сигареты тащит, не забыв зажигалку и пепельницу. Нет, все-таки здорово, когда детей много. Яше, надо думать, доверяют заботиться о куреве мамы, он и при уборке — помощник. Даське, по должности, уход положен за младшей сестренкой, а старшие мальчишки в саду и в мужском хозяйстве незаменимы. Мудра и спокойна деревенская жизнь. Всем работы хватает.

— Проблемы у нас были и будут, — продолжает, закурив, Циля. — Но мы поступили, как мне кажется, мудро. Текоа — первое поселение, куда стали принимать одиночек и стариков. В других поселениях старались построить какое-то нереальное общество: только из молодых, здоровых, с детьми. Вот здесь, со временем, и начинались серьезные проблемы. Мы сразу отказались от искусственного подбора поселенцев. И поступили очень правильно. Мы получили, конечно, прообраз всей страны, но создали н о р м а л ь н о е поселение.

— Русских у вас много?

— Очень. Из трехсот семей добрая половина. Собственно, и Текоа основали «русские». Многие переженились на «марокканцах», на «французах», на «иракцах». И эти пары имеют уже взрослых детей. Смешанных семей множество. Они уже «русские» частично. Как ни странно, смешанные браки реже распадаются в ишуве.

— Скажи, Циля, вот вы люди религиозные и сионисты, но даже дети твой отлично говорят по-русски, почти без акцента. Это чем объяснить?

— Я — мама от природы и убеждена: чтобы детей воспитать должным образом, я должна с ними разговаривать на том языке, который я глубоко чувствую, на котором я сама с детства читаю. Я еще знаю хорошо латышский. Разве это плохо? Работаю, преподаю балет в кружках во второй половине дня. Первая — главная — всегда детям. Никто из них не ходил в детский сад. Дети у нас совершенно двуязычны. Иногда они говорят на иврите, иногда объясняются по-русски. Все зависит от темы разговора. Мой старший гордится тем, что приехал из России, и лупит тех, кто обзывает его «русским». Он совсем без комплексов. И я с ним скоро поеду в Ригу. Он так хочет посмотреть, откуда мы все. Очень люблю им читать. Сейчас

мы читаем «Два капитана», старшим читаю отдельно Нагибина, а Ханне — детские книжки. Меня на всех, конечно, не хватит, но ребята уже начинают читать книжки друг другу. Тут всякие бывают чудеса. У меня, например, есть родственница — девушка, которая почти не говорит по-русски, а читает только русские книги, причем, глубокую, сложную литературу. Словарный запас у нее огромный. Я с ней могу говорить на любые философские темы. Причем, я вопрос задаю по-русски. Она мне отвечает на иврите. И никто из нас этого не замечает. Акцент у нее дикий. Она просто не может заставить себя говорить на своем, некрасивом языке, но читает она только русские книги.

— Скажи, — спросил я, — прокормит ваше семейство новый ресторан?

— Посмотрим, — улыбнулась Циля. — Пока что я много работаю, каждый день в Иерусалиме, Текоа, у черных американцев работаю.

— У негров?!

— Да нет. Они белые, евреи. Только очень религиозные люди. Все соблюдают с великой точностью. Но они тоже рискнули отдать своих девочек в балет. Я работаю в их поселении два года. Там другие совсем дети. Они дети родителей, как бы обращенных, из обычной ассимилированной семьи, где было очень мало детей. Потому они и не знают, что делать с такой прорвой народившихся здесь детишек. Они стали религиозными, они примкнули к общине. Им сказали: надо — и они рожают. Они поехали в пустыню — и там рожают. Дети у них все-таки другие, чем в Текоа. Они менее дружны и борются за место под солнцем очень уж активно. Они покупают полный балетный костюм, но перед мужчинами, даже перед папой, девочки не выступают. В общем-то они разучивают балетные «па» для себя, для души, для здоровья, для выхода эмоций.

— А какую кипу носит твой муж?

— Черную, но вязаную. Мы все соблюдаем, как ортодоксы, но выбрали мы смешанное поселение. У многих ортодоксов, как мне кажется, есть большие проблемы. Перед нами два пути: путь к Богу и путь к людям. Ортодоксы зачастую становятся только на первый путь, забывая о людях. Так можно забыть и о своих собственных детях.

Тут пришел Шлема. И с ним, многодетным отцом, состоялся любопыт-

нейший разговор, но об этом потом. Это тема совсем другая.

А в заключение этой хочу добавить только несколько слов.

Люблю я все-таки деревню: и русскую всегда любил больше города, и вот еврейскую тоже. Люди в наших поселениях живут особенные, даже если приехали они туда из городов. Честность, бескорыстие, верность идее и, наконец, свежий воздух и красота пейзажа за окном — все это создает атмосферу для искреннего, душевного и подробного разговора. В тот день я понял, что нельзя решить проблему наших поселений «заочно». И ничего невозможно в ней понять, не переступив порога домов в Текоа, Маале-Адоним, Ариэле или Баркане...

Передо мной фотография: Шлема и Циля, на коленях у Циля — младшая, Хана, очень строгая девица с характером, а выше: Адас, Давид, Миша и Яша. Все сабры — прекрасно владеющие русской речью и грамотой.

ХЕВРОН. ТРАГЕДИЯ И СЧАСТЬЕ ГЕТТО

Три года назад гости в еврейском Хевроне бывали часто. Вот что я писал после одного из визитов в этот удивительный город: «Понимаю, что праздник на то и праздник, чтобы греметь, орать, веселиться на всю катушку. Понимаю, что здесь, в Хевроне, особенно хочется пошуметь, чтобы знали, слышали, скрипели от злобы зубами и ничего не могли поделать.

Песах гремел в Хевроне при фантастическом скоплении гостей. Это замечательно. Но дикая жара плюс десяток черных вопящих ящиков — усилителей невольно заставляли держаться на периферии праздника. Грешен, прятался. Тенек искал и тишину.

Пройдет два года «мирного процесса», развязавшего новую интифадку, и вот уже не ждут мужественные жители еврейского квартала Хеврона гостей, а потому Шмуэль Мушник — художник, историк, экскурсовод, давний житель Хеврона — прибыл в Иерусалим, чтобы прочесть лекцию об этом городе и показать свои живописные работы.

Зал «Общинного дома» на улице Яффо был полон. Интерес нашей публики к проблеме поселений не иссякает. Лекцию Мушника слушали с большим вниманием. Собравшиеся в очередной раз убедились, что в Хевроне истоки еврей-

ской истории, в этом городе похоронены наши праотцы, вспомнили, что первая столица Еврейского государства находилась в Хевроне и так далее.

Были сказаны все возможные справедливые и честные слова о праве евреев на Хеврон. Не было упомянуто только одно: ныне в Хевроне живет 250 тысяч арабов и всего лишь 500 евреев.

Такова реальность, и неопровержимыми доказательствами наших прав на этот город нам его не вернуть, не сделать городом полностью еврейским.

Хеврон, могилы Хеврона — это то, что связывает нас воедино и делает одним народом. Все верно, но пафос и даже документальные свидетельства Торы существенны только для нас, евреев. Мир к ним не только равнодушен, но и его враждебность к нам подчас основывается на сознании нашей правоты, на нашей упрямой верности заветам отцов.

Мир нынче говорит на другом языке, а мы в очередной раз не хотим понять этого, вызывая очевидное раздражение соседей, ближних или дальних.

Единственный, на мой взгляд, тезис, способный пробить броню непонимания нашей политики, должен был прост и доходчив. Дело не в том, кому должен принадлежать Хеврон, а в неотъемлемом праве еврейского народа жить среди иных народов. Особенно там, где евреи жили всегда и их историческое право на подобную «прописку» никем не подвергается сомнению, как не подвергается сомнению право арабов жить на территории Израиля: в Яффо и Лоде, в Нацерете и Хайфе.

Запад, протестуя против наших поселений на территориях, нарушает свои же демократические принципы и ставит под сомнение «дойную корову» либерализма: права человека.

Виновата в этом не только юдофобия арабов, упрямо невежество западных интеллектуалов, но и странная политика Еврейского государства на протяжении 53 лет его развития.

Экстрема и левая и правая сродни глупости, и глупости опасной. В Израиле экстремизм правых всегда преследовался с маниакальной жестокостью. В то время как левый экстремизм сплошь и рядом возводился в ранг государственной политики. Именно этому перекосу мы и обязаны многими бедами в развитии страны и, прежде всего, террору банды Арафата и мифической проблеме поселений.

Правая рука евреев строила эти поселения. Левая — сразу же начинала настаивать на их ликвидации.

Почему я считаю проблему поселений «мифической». Да просто потому, что над невинными, мирными гражданами поселками висит туман идеологической мути. Правые экстремисты пробуют и себя и мир убедить, что поселения — путь к расширению территории Израиля, левые — трубят о захвате, оккупации арабских земель и о какой-то злобной агрессивности поселенцев.

И то и другое — чушь, ничего общего не имеющая с реальностью. На самом деле, наши поселения — это робкая попытка подлинного, добрососедского мира с арабами. Попытка протянуть арабам руку дружбы и добиться признания права на свое, собственное государство.

Ненависть определенной части арабов Палестины к нашим поселениям основана не на страхе экспансии, а на полном отрицании права евреев на Эрец-Исраэль. Эти арабы видят за прекращением политики поселений возможность ликвидации и самого Израиля.

Почему люди Арафата, ясно понимая, что независимость территорий не за горами, требуют ликвидации еврейских анклавов с развитой хозяйственной инфраструктурой на своей будущей территории, когда, казалось бы, все ячейки экономического благополучия в Иудее, Самарии, Газе должны быть им выгодны, жизненно необходимы?

Но дело в том, что ни о каком мирном развитии своего будущего государственного образования Арафат и не думает. Он собирается создать милитаризованную зону арабского мира для продолжения агрессии против Израиля. Он мыслит свое будущее существование лишь при обильном финансировании Фалистын арабскими государствами и понимает, что деньги ему станут давать только при условии агрессивного противостояния Израилю, а не подлинного мира с ним.

Ненависть арабов к еврейским поселениям с головой выдает их будущие намерения. Удивительно, что Запад отказывается понимать это.

Колину Пауэлу наши поселения не нравятся. Америка требует «замораживания» этих самых поселений. Странное слово. В поселениях живут обыкновенные люди. Им свойственно плодиться и размножаться, а тем, кто расплодился и размножился, нужна кры-

ша над головой даже в нашем климате. Каким образом предлагается «заморозить» этот нормальный теплый и жизненный процесс?

Здесь пахнет не только нарушением элементарных прав человека, но и какой-то вивисекцией, садизмом по отношению к обычным, мирным людям. Люди эти и не думают с дикими воплями нападать на безоружных «туземцев», сжигать их «вигвамы», а на пепелище строить свои дома. Арабы скучноно живут в городах. Они не хотят и не могут осваивать свою целину. Этим в Иудее и Самарии занимаются евреи, причем делают это очень робко и на «гиблых» землях, на пустошах, где даже зимой не пробьется к свету ни одна травинка.

Не знаю, посещал ли когда-нибудь госсекретарь США Баркан, Ариэль, Элькана или Офру. Думаю, ему это и в голову не приходило.

Так откуда эта твердая убежденность в злокозненном характере еврейского освоения Иудеи и Самарии? Убежден, всему виной Голливуд, массивная атака вестернов на сознание американцев. Целый век поселенческая экспансия белых в США была напрямую связана с захватом земель, принадлежавших индейцам, истреблением основы их хозяйственной независимости и прямым геноцидом краснокожих.

И наши левые экстремисты всячески способствовали созданию подобного имиджа поселений. Послушать эту публику — так на территориях живут сушистые головорезы и религиозные фанатики.

На том собрании в Иерусалиме, посвященном Хеврону, был показан любительский документальный фильм, в котором вновь доказательством нашего еврейского права на Хеврон занимались историки, археологи, раввины.

Никто не задался вопросом, почему мы вынуждены делать это. Почему никому не приходит в голову требовать доказательств права евреев на жительство в Бруклине или Киеве, в Париже или Харбине. Никто не задумывается о дикости, абсурдности самих требований этих доказательств, о том, что само их требование говорит не только о фашизме проводников террора, но и всемерном потворстве мирового общественного мнения негодяям и убийцам.

Израиль плетется в идеологическом обозе арабской пропаганды? Никому и в голову не приходит, что евреи того же Бруклина стремятся завоевать Аме-

рику. Почему либералы мира думают, что 500 евреев Хеврона хотят вытеснить или поработить 250 тысяч арабов этого города — и это при отменной плодородности последних?

Нет, не думаю, что Запад серьезно верит в колониальные устремления наших поселенцев. Тут дело, вернее всего, в другом — в очередной разменной карте, в кости, которую нужно бросить Арафату в надежде, что тот прекратит террор и наконец-то великодушно согласится получить в пользование свое собственное государство.

Шмуэль Мушник на собрании в Иерусалиме долго рассказывал об истории этого города, а мне так хотелось услышать рассказ о дне сегодняшнем еврейского Хеврона, о евреях, живущих в жестоком гетто в окружении злобной ненависти арабов всего лишь в десятках километрах от нашей столицы.

Дело тут не в последней интифаде. Всегда было так. Помню, как года два назад сделал попытку отойти на две сотни метров от еврейского квартала и чем она закончилась. Помню, как почти каждая машина в еврейском пригороде Хеврона — Кирьят Арба была покрыта будто оспой от ударов камней.

Мировому общественному мнению, такому гуманному и просвещенному, следовало бы не о «замораживании» наших поселений заботиться, а задуматься, почему мирные, еврейские анклавны на территориях существуют, как в осажденных крепостях, почему права евреев на проживание за зеленой чертой ставятся арабами под сомнение, в то время как проживание арабов на территории Израиля никто не собирается оспаривать.

Совершенно непонятно, почему пространство территорий должно быть свободно от евреев, почему цивилизованный Запад настаивает на соблюдении нацистского принципа «юденрат»?

Левый экстремизм в Израиле, вкуче с лжецами Арафата, сочинил миф о расизме и агрессивности поселенцев. На самом деле, только расизм, религиозная нетерпимость и агрессивность арабов — причина создавшегося положения.

Стоит удивляться не тому, что поселенцы время от времени делают робкие попытки вооруженного отпора террористам, а тому, что этот отпор не привнес характера массового явления.

Подлинный мир в нашем регионе станет возможным только тогда, когда мировое сообщество целиком и полностью осознает причину нашего кон-

фликта с арабами. Причина эта не имеет рационального, экономического, исторического объяснения. Она вообще не может быть раскрыта с точки зрения здравого смысла.

Отсюда и феноменальная протяженность во времени нашего конфликта. Его причины, прежде всего, лежат в области психологической. Я бы даже сказал: временного, будем надеяться, психического нездоровья части арабской нации.

Известно, что массовые душевные болезни лечатся необыкновенно тяжело, тому пример недавнее кровавое бешенство немецкого народа.

Думать, что подобные хвори можно вылечить фальшивыми пилюлями вроде «замораживания строительства поселений», просто наивно. Арафат должен знать, что право на свое государство он получит только тогда, когда мировое сообщество убедится, что государство это — не новый очаг напряженности, не школа ненависти и террора, а образование с человеческим лицом, способное не на оскал зубовой при виде соседа, а на добрую улыбку.

И поселения наши — это обычный тест на человечность, на возможность нашего мирного сосуществования. Но понять это арабы никак не хотят, а может быть, уже и не могут.

На том собрании на улице Яффо в Иерусалиме Шмуэль Мушник — «поселенец-агрессор и захватчик» — выставил свои картины: пейзажи, камни древнего города... На картинах этих мир и покой, если не считать случайных примет сегодняшнего дня: бронетехники на холмах Хеврона.

Своей живописью этот человек будто стремится закрепить право нашего присутствия в этом древнем городе Торы. Верно, сегодня танки вынуждены это присутствие охранять. И будут делать это до тех пор, пока арабы не поймут, что живопись, танцы хасидов, звуки шафара и горстка молящихся евреев в Пещере Махпела не представляют никакой опасности для их жизни и благополучия. Скорее наоборот, только Израиль и еврейское присутствие на территориях делают возможным в будущем их экономическое благосостояние и движение по пути к справедливому правовому обществу.

Аркадий Красильщиков — израильский писатель и публицист, репатрировался из бывшего СССР.

ЗАПОВЕДЬ «ВОЗЛЮБИ БЛИЖНЕГО» КАК ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНАЯ ЗАДАЧА

Жительница Иерусалима объединяет евреев всего мира

Сузан Рот — ортодоксальная еврейка. В свои пятьдесят с лишним она не кажется ни потерявшей голову, ни уставшей от того организационного кошмара, который свалился на нее. Ее короткие светлые волосы идеально подстрижены, она выглядит так, как будто только что вышла из салона красоты. Ее лицо, возможно, знакомо многим — тем, кто смотрел удостоенный премии документальный фильм «Комедиант», где рассказана история о вкладе ее семьи, в том числе, ее брата — актера и певца Майка Бурштейна — в создание театра на языке идиш.

Сузан — миниатюрная женщина, но любит думать крупно и понимает: для того, чтобы осуществить почти невозможное, надо действовать очень быстро. Именно это — ее стиль. Она собрала тысячи подписей из 32 стран, напечатала 10000 афиш, установила дюжину столов на аллеях и автобусных остановках городов Израиля и набрала 200 добровольцев для чтения всех имен у Западной Стены в день Тиша бе-Ав.

«Нам некогда было раздумывать, — говорит она. Отвага приходит с делом, а не с мыслями. Если вы об этом думаете, вы этого не сделаете. Если бы у нас был год на планирование, я не могу себе представить, чего бы мы смогли достичь.

Сузан непринужденно улыбается и держится без напряжения в течение всего интервью в ее квартире, из которой открывается вид на стены иерусалимского Старого Города и где она живет по полгода. Другую половину года она проводит в своем доме в Нью-Джерси.

Один из ее друзей, кого Сузан Рот вдохновила на подвиги, Эффи Лахав, бывший представитель министерств здравоохранения и юстиции, координирует организационную часть проекта. Его захватила символичность кампании. Ведь дата Тиша бе-Ав напоминает о разрушении обоих Храмов и о том, что это произошло из-за вражды и споров между евреями.

«Этот проект должен быть полной противоположностью Тиша бе-Ав, — говорит Лахав. — Мы хотим создать ощущение оптимизма и надежды, возвестить, что «все евреи друзья» и «люби ближнего, как самого себя». На свитке, который предлагают людям подписать, напечатан скромный текст. Он гласит: «Мы, нижеподписавшиеся, объединяемся с другими евреями во всем мире, которые уверены в том, что мы поистине один народ с одним сердцем и одной душой, и мы сосредоточимся на заповеди «Люби ближнего, как самого себя». Это обращение полностью лишено каких-либо партийных интересов, и даже политики, эти солдаты передней линии междоусобной войны евреев, изъявили желание подписать. Сузан Рот встретила с мэром Иерусалима Эхудом Ольмертом, который с воодушевлением поддержал это обращение.

«Укрепление братства и устранение розни — насущная задача, — сказал Ольмерт. — Ни один закон не в состоянии это сделать. Но мы должны делать все, чтобы положить конец розни».

Сузан Рот надеется получить разрешение разместить гигантские плакаты с призывами к братству непосред-

венно перед контрольно-пропускным пунктом у Западной Стены.

«Люди увидят это, прежде чем войдут помолиться, — говорит Сузан. — Мы собираемся все эти тысячи имен со свитков прочесть вслух. Евреи 32 стран, которых нет здесь физически, будут присутствовать духовно возле Стены Плача в Тиша бе-Ав. Я надеюсь, что с этого момента начнутся изменения».

«Нас, евреев, в Израиле и во всем мире преследуют терроризм, антисемитизм и всякие трагедии, — продолжает она. — Мы должны объединиться, чтобы призвать к жизни самое необходимое — единство и любовь друг к другу».

Ее призыв нашел внимательных слушателей в разных городах страны. В огромном супермаркете Герцлии за столом со всякими мелочами (наклейками, листовками, магнитами для холодильников), на которых написано «Возлюби ближнего, как самого себя», сидела 15-летняя Мейталь Шарон. Она не знала обо всех деталях проекта, в частности, что имена людей, поставивших свои подписи, будут прочитаны вслух в день Тиша бе-Ав у Стены Плача.

«Некоторые люди не хотят подписывать, они думают, что это религиозное мероприятие», — говорит Шарон, которая пока собрала немного подписей. Она рассказывает, как 20-летний юноша из Кфар-Саба, внимательно прочтя листовку, решил не подписывать.

«Идея хорошая, но зачем они впутывают сюда религию? — сказал он. — И в любом случае это просто лозунг. Они прочтут все эти имена у Западной Стены, а что потом будет?»

Но 16-летняя Мири Нетте думает по-другому. Она заполнила формы для всей семьи. «Идея мне по душе, и я уверена, что дедушка будет доволен».

Гали Хай, директор по маркетингу в электронной компании, поставила свою подпись и заполнила формы для матери и сестры: «В нашей стране так много ненависти из-за напряженности,

которая вызвана проблемами обеспечения безопасности и экономической ситуацией. Это — замечательное начинание, и, может быть, оно заставит людей лучше относиться друг к другу».

Одним из покупателей в Герцлии, подошедших к столу, был доктор Йо-си Гил, профессор «Техниона». Его, казалось, сильнее других тронула эта идея: «Я считаю, что это — прекрасная кампания, она вызывает симпатию своей невинностью и альтруистическим призывом к любви между людьми Израиля, — сказал он растроганно. — Это просто призыв к единству и дружбе, никаких денежных сборов, никаких пожертвований. В нашем мире нужно больше таких дел». Он взял наклейки для своих детей и магнит для холодильника, «чтобы этот призыв все время был у нас дома». «Подпишут, возможно, немногие, но призыв в той или иной форме дойдет до каждого из нас, — сказал он. Для меня «Ве ахавта...» (люби ближнего, как самого себя — *ивр.*) — не только заповедь, как написано в листовке, а старинный принцип еврейской нации».

Сузан Рот питает страсть к старинным еврейским принципам, к которым у нее симпатия с детства, с тех пор как она в возрасте семи лет вместе с братом и родителями, актерами Песахом Бурштейном и Лилиан Люкс, выступала на языке идиш в театре, который объехал весь мир.

«Я росла, развлекая по всему миру людей, переживших Холокост. Мне пришлось посещать больше 20 еврейских школ. Мне не нравилась жизнь, которую я вела, потому что в ту самую минуту, когда заводишь друзей, их приходится покидать. Мы были вечно странствующими евреями».

Сузан Рут ушла из театра в 19 лет, когда она вышла замуж за Майкла Рота, строителя-подрядчика в штате Нью-Джерси, который был на 13 лет старше ее. Ее родители и брат в этот

вечер были заняты в спектакле — они примчались на свадебную хупу, не успев снять грим.

«Я росла, как цыганка, вечно на чемоданах, и это было одной из причин моего желания осесть в небольшом домике за белым забором, с парой детей и собакой». У Сузан Рот двое детей, и как только они пошли в школу, она занялась собственным образованием и получила в Нью-Йоркском университете степень магистра сравнительного религиоведения и философии.

«Я не люблю ходить по магазинам и не отношусь к числу дам, которые вечно участвуют в каких-нибудь благотворительных завтраках, я просто не могу сидеть и ничего не делать», — говорит она.

Помимо своих академических занятий, она опубликовала книгу о Каббале «Моисей в двадцатом веке». В ходе работы над ней она обнаружила, что является потомком Баал Шем Това, рабби Нахмана из Брацлава и Шнеура Залмана, первого Любавичского ребе.

— Я чувствую, что продолжаю дело, начатое ими...

Катализатором ее начинаний явилась встреча с Бенъямином Нетаниягу (в

1996 году стал премьер-министром — *прим ред.*) в самолете в июне 1991 года.

— Я сказала, что хотела бы учредить фонд для помощи Израилю, а он ответил: «Чего ты ждешь? Нам это нужно уже вчера». После посадки мы разъехались в разные стороны. Я даже не думала, что смогу учредить фонд. Это казалось мне слишком сложным.

Тем не менее, она начала сама финансировать различные проекты в Израиле.

— Я начинала с мини-федерации. Мы помогали многим организациям, и я не могла просить мужа в одиночку поддерживать все это.

И вот, через восемь лет Сузан Рот осуществила свою мечту и учредила фонд Eshet Chayil (Умелая женщина — *ивр.*), который финансирует множество проектов, включая благотворительную кухню, бронированные автобусы для поездок к могиле Рахили и гостиницы для душевнобольных.

— Мое детство — спасительная благодать в моей жизни; я оказалась подготовленной к тому, для чего я была предназначена. Я видела евреев во всем мире и осознала, что еврейский народ весь как бы вывернут наизнанку...

Митч ПИЛЬЦЕР (Израиль)

МОЗАИКА ДРЕВНЕГО ЦИППОРИ

Сегодняшний конфликт между религиозными и секулярными евреями — не что иное, как возврат к натянутым отношениям, которые существовали между знатоками Торы и простыми людьми тысячи лет назад в Циппори, древней еврейской столице Галилеи.

Конфликт между религиозными и секулярными евреями — эта пьеса с омерзительным однообразием разыгрывается на сцене современного Израиля. Те и другие были рождены от семени Израиля, а культурная дискуссия между ними уходит корнями в еврейскую историю на тысячи лет назад.

С времен разрушения Второго Храма римлянами в 70 г. н.э. вплоть до арабской оккупации *Эрец Исраэль* в VII в. неоспоримым центром культурной и политической жизни евреев Израиля был галилейский город Циппори (Селфорис).

На протяжении более 20 лет археологи вели раскопки развалин этого космополитического еврейского торгового центра; множество находок проливают новый свет на этот критический период еврейской истории. Если Циппори и обязан чему-либо своей известностью, то это великим ученым-раввинам, которые преподавали в его *ешивах* и собирались в большом зале под председательством рабби Йехуды ха-Наси. В начале III в. группа известнейших знатоков Торы, в которую входили рабби Йоханан, Рейш Лахиш, рабби Натан ха-Бавли и другие, собралась в Циппори и составила документ, который раз и навсегда изменил способ восприятия иудаизма. Это была Мишна.

С составлением Мишны и кодификацией Устного Закона иудаизм перестает быть религией, основанной на жертвеннике и храме, в которой главенствовал первосвященник, и становится совокупностью подвижных общин во главе с местными лидерами, авторитет которых основан на главных положениях Мишны и Талмуда. Но

самым поразительным монументом в истории Циппори, оставшимся с этого эпохального момента, является не *Бет Мидраш* или синагога, а театр в римском стиле вместимостью более 4500 посадочных мест.

Не могло быть большего оскорбления для ученых раввинов Циппори, чем этот откровенный символ гедонистической греко-римской культуры, который вызывал у них отвращение. Но он здесь стоял, и у него, наверняка, была своя преданная еврейская публика, которая игнорировала запреты раввинов, восходившие ко времени древнего автора Псалмов: «Блажен муж, который не ходит на зрелища и совет нечестивых...»

Театр был построен в 90 г. н.э. Развалины Иерусалима и Священного Храма, наверно, еще не остыли, когда добрые евреи, граждане Циппори приступили к строительству театра. Напротив театра, на другой стороне улицы находятся руины изысканной виллы одного из богатейших жителей Циппори III века. В просторном здании площадью более 1000 квадратных метров размещались кладовые, большой внутренний дворик, салон с прекрасным мозаичным полом... и *миква*.

Мозаичный пол получил мировую известность за изображенную на нем прекрасную женщину в стиле итальянского ренессанса — «Мозаичная Мона Лиза». На нем имеются также языческие сцены из жизни мифологического бога Диониса. Возможно ли, чтобы это был дом еврея?

Трудно судить историческим «задним умом» с расстояния в 1800 лет о пристрастиях людей, живших в те далекие времена. Быть может, богатый набожный еврей считал, что мозаика в языческом стиле не более, чем фривольное украшение его дома.

О разногласиях между знатоками Торы и «простыми людьми» (*ам ха-арец*) упоминают многие источники того времени. Рейш Лахиш, ученый, жив-

ший в Циппори, даже предостерегал от их соседства. Его замечания наводят на мысль, что в древнем Циппори могли существовать «религиозные кварталы» ортодоксов типа современного *Меа Шеарим!* Рабби Ишмаэль сокрушается: «Они вместо *Бет Кнессет* (ивр. — дом собраний, синагога) говорят *Бет ха-Ам!*» И даже рабби Йехуда ха-Наси, председатель Сангедрина размышляет: «В мире не было бы никаких неприятностей, если бы не *ам ха-арец* (ивр. — простолюдины)».

Но знатоки Торы определенно держали Циппори в своих руках. Как контролеры городского самоуправления они освободили себя от налогов — и это не прибавило им популярности у простых людей. Рабби Элиезер предостерегал: «Они ненавидят нас, знатоков Торы сильнее, чем *гоим* (ивр. — неевреи) ненавидят евреев».

Короткая прогулка по склону холма приводит нас в Кардо, главный деловой и торговый квартал древнего Циппори, который Мишна упоминает как «нижний рынок». Еще целы камни, которыми вымощена улица, и мозаичные украшения тротуаров. Отчетливо видны даже входы во многие лавки.

В одной из лавок была найдена старинная каменная гиря, на которой выбил свое имя *машгиах* (ивр. — инспектор) рынка Реб Шимон бен Юстус. Можно почти зримо представить себе, как Реб Шимон совершает свой обход, проверяя, все ли евреи закрыли свои лавки на Шабат. Мог ли тогда какой-нибудь еврей-торговец придумать схему «продажи» своей лавки соседу-греку на Шабат, чтобы не упустить богатую прибыль конца недели? Или Шабат был в древнем Циппори истинным днем отдыха, и каждый еврей проводил этот день в молитвах в одной из 18 синагог, упоминаемых в Мишне?

Но многочисленные синагоги, театр, торговый центр и дворцы богачей на-

поминают нам о том, что наши далекие предки жили не в музее, а в городе, часто с теми же проблемами и конфликтами, с которыми нам приходится иметь дело сегодня. *Цадики* (ивр. — праведники) и мудрецы, чью память мы чтим, творили историю вместе с торговцами, землевладельцами и простыми людьми, каждый из которых был частичкой подвижной еврейской мозаики, благодаря которой этот галилейский город так хорошо описан в Мишне, Талмуде и других раввинических текстах той эпохи.

Развалины древнего Циппори сегодня можно посетить в Национальном парке Циппори, который находится в Мошаве Циппори в нескольких км к северу от Назарета.

Ba'kehila

ЦВЕТНЫЕ ИЛЛЮСТРАЦИИ ИЗ РАСКОПОК ЦИППОРИ:

На первой странице обложки
Мозаичная «Монна Лиза Галилеи».

На последней странице обложки

Вверху:
Сцена обручения Диониса. Фрагмент мозаичного пола в «зале заседаний» в Циппори.

В середине слева:
Фрагмент мозаики с изображением сцены опьянения Геркулеса во время соревнования с Дионисом в искусстве питья.

В середине справа:
Фрагмент зодиакального круга — созвездие Скорпиона.

Внизу:
Сцена у входа в базилику Нила, изображающая двух амазонок на охоте.

ЕВРЕЙСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Джонатан САКС

КТО Я? КТО МЫ?

О проблеме еврейского самосознания размышляет ученый и раввин, автор ряда книг по проблемам современного еврейства, на протяжении ряда лет занимавший пост Главного раввина Великобритании.

ПОЧЕМУ Я ДОЛЖЕН БЫТЬ ЕВРЕЕМ?

Иногда можно зафиксировать момент, когда критический вопрос задается впервые.

Мое путешествие в еврейскую самоидентификацию началось пятьсот лет назад в Испании, в месте под названием Калатгюд, в кабинете раввина города Исаака бен Моше Арама. Он уже заслужил широкую известность благодаря своим беседам, в которых излагал совершенно новые идеи. Эти беседы не были похожи на короткие нравоучения, а являлись развернутыми размышлениями на темы еврейской философии, которые начинались с какой-либо проблемы, выбранной из недельного чтения Библии, и воспаряли в заоблачные выси теологических рассуждений.

В воздухе разлитое ощущение завершенности, поскольку год подходит к концу. На носу — еврейский Новый год. В своем изучении Торы мы добрались до главы «Ницавим» (в конце Второзакония), в которой Моисей, стоя на пороге смерти, заново, спустя сорок лет, повторяет Синайский завет с людьми нового поколения:

10 Все вы сегодня стоите пред лицом Господа, Бога вашего — начальники колен ваших, старейшины ваши, надзиратели ваши, все Израильтяне,

11 Дети ваши, жены ваши, и пришельцы твои, находящиеся в стане твоём, от текущего дрова твои до черпающего воду твою,

12 Чтобы вступить тебе в завет Господа, Бога твоего, и в клятвенный договор с Ним, который Господь, Бог твой, сегодня ставляет с тобою,

13 Дабы соделать тебя сегодня Его народом, и Ему быть тебе Богом, как Он говорил тебе и как клялся отцам твоим Аврааму, Исааку и Иакову.

14 Не с вами только одними я поставляю сей завет и сей клятвенный договор,

15 Но как с теми, которые здесь с нами стоят пред лицом Господа, Бога нашего, так и с теми, которых нет здесь с нами сегодня.

(Втор. 29:10-15)

Слова эти звучат привычно и знакомо, но ему приходит в голову некий вопрос. Отлично! Именно так он начинает обычно свои беседы. Но в то время как он пытается найти ответ, он все больше и больше приходит в замешательство. Содрогаюсь от ужаса, он осознает, что это — не заурядный вопрос, что он грозит вынудить его заново переоценить дело всей его жизни и даже его собственное самоощущение. В конце концов, он находит ответ и завершает свою беседу. Но вопрос остается.

Вопрос этот, когда он сформулировал его окончательно, звучит так: Моисей утверждает, что заключает завет не только с теми, кто находится там в этот момент, но и с теми, кого там нет. Кого он имеет в виду, говоря, что их там нет? Ясно, что речь идет не о тех, из кого в тот момент состоял народ. Все они были там, и текст подчеркивает это. Не говорит он и о предыдущем поколении. Оно уже приняло завет на горе Синай. Он имеет в виду, как объясняет Раши, тех, кто еще не родился, — будущие поколения.

Именно отсюда проистекает важность этого текста. Он говорит о самой сути еврейской судьбы, о коллективном бессмертии народа Израиля. Завету суждено быть вечным. Он будет

обязывать все будущие поколения. Каждый еврей, родившись, должен подчиняться его установлениям. Каждый будет, говоря словами Талмуда, *мушба вз-омед ми-Синай* — «уже по-кладываемся на Синае».

Нет нужды в согласии, разрешении или подтверждении. За исключением перешедших в иудаизм, евреи не становятся евреями. Они являются евреями по рождению. Таким образом, еврейская самоидентификация — дело не только веры, но и судьбы. Мы принимаем не просто какую-то идентификацию, но ту, с которой были рождены. Именно так следует понимать этот отрывок — и еврейская традиция, и сам Арама всегда понимали ее таким образом.

Но Арама впервые увидел противоречие в логической структуре завета. Обязательство предполагает согласие. Обещания, которые даю я, обязательны для меня, но те обещания, которые даете вы, не могут обязывать меня без моего согласия. В еврейском законе есть правило, согласно которому некто может сделать что-либо в пользу другого человека без его ведома. Поскольку этот человек выигрывает от этого, мы можем предположить, что он все равно согласился бы. Но по тому же правилу некто не может наложить обязательство на другого человека без его ведома, поскольку нет оснований для предположения, что он все равно согласился бы. На этом основании дети не наследуют долги своих родителей, если только собственность не была унаследована с явным включением обязательств по долгам.

Несомненно, это большая привилегия — родиться евреем. Но одновременно еврейство предъявляет человеку жесткие требования. Еврей обязан выполнять 613 заповедей. Существуют ограничения и обязательства, которым он не должен был бы следовать, если бы не был евреем. Поэтому мы не можем возложить такой статус на человека в его отсутствие — то есть без его явно выраженного согласия. Но именно это сделал Моисей на берегах Иордана. Он просил израильтян обязать своих еще не рожденных потомков следовать завету. Это означало возложение на них обязательств в их отсутствие и без их согласия. Но как одно поколение может возложить обязательства на последующие? Как могут

дети, родившись, быть обязаны делать что-то, на что они не давали своего согласия? Насколько, с точки зрения морали, был возможен вечный завет?

Раввин знал, что существует традиционный ответ — тот, который восходит к ранним раввинистическим интерпретациям. В соответствии с ним души всех будущих поколений евреев присутствовали на горе Синай. Они слышали голос Бога. Они были свидетелями откровения. Они сообщили о своем согласии. Но Арама впервые понял, что этот ответ неверен.

Он объяснял это следующим образом: человек как личность представляет собою сочетание тела и души — достаточно отсутствия одной из этих составляющих, чтобы человек как индивидуальность перестал существовать. Без души тело лишено жизни. Без тела душа витает в воздухе. Но они по-разному воспринимают Тору. Для души повеления Бога — это наслаждение. Для тела — это цепь ограничений. Каким же образом решает проблему утверждение, что души будущих поколений приняли Тору? Разумеется, они приняли ее. Но возражения могли появиться не у души — у тела. И если будущие поколения не присутствовали на горе Синай *физически*, мы не можем считать их согласие гарантированным. Субъект морали — тело и душа вместе — просто не присутствовал там. Мистический ответ не дает ответа на вопрос моральный.

Исаак Арама, в конце концов, предложил некое решение проблемы. Но я решил отправиться на несколько столетий назад и навестить его в тот вечер в его кабинете по несколько другому поводу. Насколько мне известно, этот вопрос был задан впервые более чем тысячу лет назад, и по существу, Арама поднял один из самых фундаментальных вопросов: *почему я еврей?* В какой мере тот факт, что мои родители были евреями, возлагает на меня какие-то обязательства? Каким образом я могу быть связан заветом, принятым на себя моими далекими предками в пустыне много-много лет назад? Хотя обширная литература раннего и средневекового раввинистического иудаизма освещает почти любой мыслимый вопрос, этот вопрос в ней подзрительно отсутствует. Сам факт, что

такой вопрос возникает, свидетельствует о кризисе, поскольку он подвергает сомнению нечто такое, что во все времена воспринималось как само собой разумеющееся.

В течение столетий Испания была домом для Золотого века средневекового еврейства. При сравнительно либеральных режимах евреи достигли больших высот в деловой сфере, науках и общественной жизни. Их обширный опыт находил применение в финансах, медицине и дипломатии. Они вели богатую интеллектуальную и культурную жизнь. Еврейская ученость процветала. Испанские евреи были широко известны в связи с их достижениями в еврейском законе, мистике и философии. Но евреи Испании были также весьма сведущи в более широких областях культуры и внесли немалый вклад в поэзию, политику, астрономию, медицину и картографию.

Однако они никогда не были полностью ограждены от притеснений. Периодически предпринимались попытки обратить их в христианство. Те, кто предпочел остаться евреями, были расселены по специальным районам, их заставили носить специфическую одежду, им запретили участвовать в общественной жизни и смешиваться с христианами. Наконец, в 1492 году оставшиеся евреи были изгнаны.

Насильственные обращения бывали и раньше, как при христианском, так и при исламском правлении, но они никогда не носили столь массовый характер и не получали такую всеобщую огласку. В XI веке Иегуда Галеви писал в «Кузари» о преданности угнетенных евреев, которые «*лишь одним, легко сказанным словом*» могли прекратить свои страдания, приняв веру своих угнетателей. В его время число обращенных было невелико, и он имел возможность с гордостью говорить о героическом сопротивлении большинства евреев, которые предпочитали оставаться евреями и страдать, но не изменять своей вере во имя более легкой жизни.

Спустя сто лет картина стала более мрачной. К Моисею Маймониду, величайшему раввину Средних веков, обратилась за советом еврейская община Йемена. Фанатичное движение мусульман-шиитов угрожало уничтожить тех евреев, которые откажутся принять

мусульманство. Многие согласились на обращение. Положение усугублялось тем, что один из обращенных — Самуил, сын раввина Иуды ибн Аббаса — стал выполнять функции миссионера среди евреев. Преследуемые и деморализованные, члены общины обратились к Маймониду, который в 1172 году ответил им длинным письмом, известным как «*Послание в Йемен*».

Он утешал оставшихся верными иудаизму евреев, говоря им, что «*эти испытания предназначены для того, чтобы проверить нашу веру и очистить нас*». На самом деле, говорил он, те евреи, которые согласились на обращение, не были настоящими евреями, так как «*Господь заверял ... что не только все те, кто присутствовал при Синайском откровении, верили в пророчества Моисея и в его Закон, но что их потомки будут верить в это до конца времен*». Поскольку все грядущие поколения дали клятву верности на горе Синай, те, кто перешел в другую веру, всего лишь продемонстрировали, что они не были настоящими евреями. Они не были истинными потомками тех, кто стоял на Синае.

Итак, Галеви и Маймонид знали о евреях, которые изменили иудаизму. Их называли *анусим* — обращенные насильно. Но массовые обращения в Испании только спровоцировали кризис веры в еврействе. Евреи в массовом порядке принимали христианство. Многие — *марраны*, как их стали называть — продолжали исповедовать иудаизм тайно. Те, кто отказались пойти на компромисс и были подвергнуты преследованиям, имели возможность наблюдать, как их соплеменники пользовались почетом. И в первый раз прозвучал вопрос: *почему я должен оставаться евреем? Почему один лишь тот факт, что мои родители были евреями, обязывает меня идти по их стопам? Почему я должен страдать из-за своей веры?*

У нас есть свидетельство того, что эти вопросы будоражили умы даже глубоко верующих евреев. Дон Исаак Абраванель, современник раввина Арамы, был самым выдающимся евреем своего времени. Он был казначеем короля Португалии Альфонсо V и придворным Фердинанда и Изабеллы Кастильских. Он был также знаменитым еврейским ученым и написал замечательный комментарий на библейские

темы, который изучают по сей день. Он пережил изгнание из Испании и нашел убежище в Неаполе, где написал комментарий к Агаде. В процессе работы над этим комментарием он сделал экстраординарное признание, что в течение этих трагических лет были моменты, когда он был почти готов признать, что *«все пророки, которые предрекали мне искупление и спасение, ошибались... Моисей, да покоится он в мире, ошибался в своих изречениях, Исайя легал в своих увещаниях, Иеремия и Иезекииль были неправы в своих пророчествах, как и все другие пророки... Надо, чтобы люди помнили... все те слова отчаяния, которые не раз приходили им на ум во время Изгнания»*. Сама такая интонация безысходности на протяжении предыдущего тысячелетия была беспрецедентной.

Когда еврей задает вопрос *«Почему я должен быть евреем?»*, мы понимаем, что перед нами — свидетельство серьезного кризиса еврейской жизни. Мне известны только четыре таких случая в еврейской истории. Первый произошел после разрушения Первого Храма в 586 году до новой эры. Находясь в вавилонском изгнании, евреи могли пойти по пути десяти колен северного царства, которые за полтора столетия до этого ассимилировались и исчезли.

Книга Иезекииля рассказывает нам, что были тогда евреи, которые говорили: *«... будем, как язычники, как племена иноземные, служить дереву и камню»*. Другими словами, они больше не хотели быть евреями.

Второй кризис случился после разрушения Второго Храма и последовавших за этим преследований Адриана. В отрывке из Вавилонского Талмуда задается следующий вопрос: *«Если хозяйн продает своего раба, или муж дает развод своей жене, разве имеет он после этого какие-то права на них?»*. То есть Бог вручил свой народ в руки римлянам. Он больше не управляет судьбой этих людей. Он не смог уберечь их от поражения и от свирепых притеснений. По какому праву Он теперь может претендовать на их лояльность? Почему они должны продолжать оставаться евреями?

Третий случай произошел, как мы видели, в Испании XV века. Впервые евреи в массовом порядке переходили в другую веру. Те, кто решились на

это, по всей видимости, стали процветать. Те, кто остался лояльным по отношению к своей вере, продолжали подвергаться все более жестоким преследованиям. Какой ответ в подобное время могли дать такие раввины, как Арама и Абраванель, если кто-нибудь спрашивал их: *«Почему я должен оставаться евреем?»*.

Четвертый кризис пришел в наше время. В течение шестидесяти лет еврей Европы становился жертвами все усиливавшегося крещендо антисемитизма, завершившегося разрушительной трагедией Катастрофы. Где был Бог, когда Его народ подвергался оскорблениям, унижению, погромам, был низведен до жалкого состояния и, в конце концов, был собран и уничтожен — миллионами? Эли Визель сказал об этом очень просто: *«Еврейский народ заключил с Богом завет. Мы должны были защищать Его Тору, а Он, в свою очередь, принял на себя ответственность за присутствие Израиля в этом мире... Что ж, получается, что первый раз за всю историю этот завет был нарушен»*. Визель ошибался лишь в одном аспекте — это был не первый, но четвертый раз, когда еврейский народ испытывал такого рода кризис.

С точки зрения евреев, этот кризис выражался в широко распространенном мнении, что завет между Израилем и Богом рухнул. Бог обещал, что еврейский народ выживет. Четырежды в течение четырех тысяч лет наступал момент, когда казалось, что выживание отнюдь не гарантировано. Вавилонское пленение, преследования римлян, испанское изгнание и Катастрофа — все эти события могли легко привести к исчезновению еврейского народа. В первых двух случаях евреи теряли свой суверенитет. В третьем — они потеряли надежду на то, что найдут себе безопасное убежище где-нибудь в диаспоре. В четвертом случае одна треть еврейского народа рассталась с жизнью.

Сегодня, однако, нас преследует понимание того, что четвертый кризис не закончился освобождением лагерей и завершением Второй мировой войны. Он продолжается в новом и вызывающем большую тревогу виде. Сегодня в большинстве общин диаспоры каждый второй из молодых евреев фактически отказывается от продолжения еврейской истории — он не намеревается ве-

сти еврейский образ жизни, не собирается жениться на еврейской девушке и иметь еврейских детей и внуков. Еврейское самосознание в современном мире трансформируется из судьбы в свободу выбора, из факта рождения в осознанно избранное устремление; и значительное число молодых евреев, по-видимому, не готовы взять на себя завещанные их предками обязательства. Будущее еврейского народа в очередной раз находится под угрозой, и на этот раз не на фоне преследований извне. Вопрос «Почему я должен быть евреем?» возникает опять, причем в новой, испытующей форме.

Иудаизм есть религия непрерывности. Само его существование зависит от согласия следующих друг за другом поколений вручать свою веру и свой образ жизни своим детям и от лояльности детей наследию прошлого. Именно поэтому этот вопрос задается в еврейской истории так редко и нам пришлось отправиться в Испанию XV века, чтобы найти соответствующий прецедент. Большую часть времен евреи рассматривали себя как избранный, а не выбирающий народ. Их самосознание было очевидным, данным при рождении; это был факт, а не результат решения. И когда евреи в прошлом задавали вопрос, почему они должны продолжать оставаться евреями, — каким же был тогда ответ?

ОТВЕТЫ

Исаак Арама дал один ответ. После тысячелетий еврейское самосознание так же глубоко укоренилось в умах евреев, как инстинкт жизни укореняется во всех живых существах. Оно было, если можно так выразиться, прочно вмонтировано в их сознание. Для евреев коллективно отречься от завета было столь же немислимо, как для какого-либо вида живых существ совершить коллективное самоубийство. В человеческом обществе, и даже в некоторых видах животного царства, существуют индивиды, совершающие самоубийство. Но они всегда исключение, у всего, что живет, существует стремление жить, существует инстинкт выживания. И для евреев таким инстинктом является инстинкт выживания евреев. Если понятие «жить» означает любить жизнь, тогда быть евреем означает любить еврейскую жизнь.

Абраванель дал другой ответ. Со времен Синая евреи посвятили себя Богу. Они были Его слугами — они принадлежали Ему и были Его собственностью. Поэтому до тех пор, пока Бог сам не освободит их от этого завета, они остаются тем, кем они были. Они были связаны заветом, и право выбора — оставаться или уйти — принадлежало не им. Пока Бог не скажет иначе, они остаются Его народом, Его «бесценной собственностью».

Но ни того, ни другого эти ответы, в конце концов, не удовлетворили. И Арама, и Абраванель были вынуждены обратиться к более древнему ответу — к словам, сказанным библейским пророком две тысячи лет назад:

32 И что приходит вам на ум, совсем не сбудется. Вы говорите: будем, как язычники, как племена иноземные, служить дереву и камню.

33 Живу Я, говорит Господь Бог: рукою крепкою и мышцею простертою и изливанием ярости буду господствовать над вами.

(Иезекииль, 20: 32-33)

Мысль, которую высказывал здесь Иезекииль, была следующей: евреи могут попытаться ассимилироваться, но они никогда не преуспеют в этом. История сделает все, чтобы предотвратить их ассимиляцию. Евреи обнаружат, что если даже они перейдут в другую веру, их все равно будут считать евреями. Именно это говорили Арама и Абраванель марранам, крестившимся евреям. Арама писал: *«Вы не найдете покоя среди неевреев, и ваша жизнь будет наполнена постоянными метаниями»*. Абраванель говорил, что хотя они и их потомки *«будут делать все, что в их силах, чтобы ассимилироваться, им это не удастся. Их по-прежнему будут называть евреями против их воли, будут обвинять в тайном исповедовании иудаизма и будут сжигать на костре за это»*.

И, как это часто бывает, они оказались правы. Те, кто принял христианство, но продолжал тайно исповедовать иудаизм, стали мишенью испанской инквизиции, которая просуществовала вплоть до XVIII века. Многих действительно сожгли на костре. В Испании XV века впервые появилась новая и ужасная доктрина. Изобретенная вновь четыре века спустя, она стала известной как расовый антисемитизм. В Испании она называлась *limpieza de sangre*, «чистота крови». Евре-

ям, принявшим христианство, было, в конце концов, запрещено занимать официальные должности не из-за их религии, а просто потому, что они были евреями в расовом смысле. Эти законы действовали в Испании до 1860 года.

Тот же самый аргумент был взят на вооружение в новые времена. Моисей Гесс был первым писателем, восставшим против германского антисемитизма. Его книга *«Рим и Иерусалим»* (1862) была опубликована за 17 лет до появления термина «антисемитизм». Но уже Гесс признавал, что несмотря на все их попытки ассимилироваться, реформировать иудаизм и стать немцами большими, чем сами немцы, евреи все равно, в конце концов, обнаруживают, что их считают чужаками: *«Дажь крещение, — писал Гесс, — не спасает их от кошмара ненависти к евреям»*.

К великому сожалению, он тоже оказался прав. Как в Испании, так и в Германии, Франции, Австрии ассимилировавшихся, даже крещеных евреев все равно ненавидели. В этом убедились Дрейфус во Франции и Генрих Гейне в Германии. Предрассудок остался, переместив причину с религии на расу. Еврейская идентификация оказалась, как сказал Иезекииль, неизбывной судьбой. Те, кто пытался бежать от нее, обнаружили, как и говорил пророк, *«И что приходит вам на ум, совсем не сбудется»*.

Что ж, и это можно принять в качестве классического еврейского ответа, и этот ответ несет на себе трагическую печать исторической правды. Но он не может удовлетворить никого. Почему? Во-первых, потому, что некоторым евреям удалось ассимилироваться и исчезнуть. Во времена Первого Храма, когда Израиль разделился на два государства и северное царство было завоевано ассирийцами, десять из двенадцати колен смешались с местным населением и перестали существовать как особая группа. Историки подсчитали, что живущие ныне евреи являются потомками всего двух процентов от тех, кто жили во времена Второго Храма. Во времена, когда царствовала терпимость, евреи могли перестать быть евреями.

Более важным, однако, является то, что пророчество Иезекииля несет на себе печать безнадежности. Оно видит еврейское существование как феномен пассивной судьбы, а не активной веры. Что бы мы ни предпринимали,

мы убеждаемся в том, что от еврейской идентификации избавиться невозможно. Если мы не ищем ее — она находит нас сама.

И, тем не менее, этот ответ не может считаться полным, так как он не в состоянии оправдать заявление, лежащее в сердцевине иудаизма: Бог, который вывел Свой народ из рабства к свободе, желает видеть свободное поколение свободных людей. Чтобы подчеркнуть это противоречие, можно привести здесь странное и знаменитое утверждение Талмуда, в котором говорится о том, что когда Бог дал Израилю Тору, Он вознес над их головами гору Синай и сказал: *«Если вы примете ее, все будет хорошо. Если же вы откажетесь, это станет вашей могилой»*. В соответствии с этим утверждением, в тот момент, когда евреи были избраны как народ Торы, у них не оставалось другого выбора, кроме как принять все условия еврейской жизни. Однако раввины медленно отвергли эту идею. *«Если это так, то здесь есть фундаментальное противоречие Торе»*, ибо не может быть завета без его добровольного принятия.

Иудаизм — высшее выражение религии как свободы и вытекающего из этого примата веры над судьбой. Поэтому я предпочитаю отправиться на поиски другого ответа, такого, который полнее всего отвечает основным ценностям нашей веры. Бог призвал нас отправиться в путешествие. Он послал в дорогу Авраама и его семью. Он предложил это еще раз Моисею и его народу. Они вполне могли отказаться. Во многих пунктах своего пути они или те, кого они вели, испытывали сомнения. Но каким-то образом то, что представало перед ними в их видениях, притягивало их — и не потому, что оно обладало какой-то силой принуждения, а благодаря моральной красоте и духовной привлекательности.

Я хочу повторить этот путь как можно точнее. И, двигаясь по нему, я хочу найти ответы на три вопроса. Первый из них: *«Кто такой я сам?»*. Какие требования предъявляет мне эта еврейская идентификация? Каким образом набор моральных и духовных ценностей появляется не только как некое видение или образ жизни, но как призыв ко мне, сделанный в первом лице единственного числа? Важно отметить, что именно этот вопрос впервые задал Ара-

ма. Как может древний завет все еще возлагать обязанности на потомков тех, кто принял его на себя впервые? Как может прошлое обязывать настоящее?

Второй вопрос звучит так: «*Кто такие мы?*» Какова природа коллективного еврейского путешествия, которое меня просят продолжить? Чем отличается оно от других путешествий, других вер, других способов соотноситься с миром? И что делает его не просто другим, но опьяняющим, возвышающим, таким путешествием, что если у нас появлялся шанс принять в нем участие, нам было не так уж легко от него отказаться — ни тогда, ни сейчас?

И, наконец, третий: «*Каким образом мы заблудились?*». Ибо если такое путешествие существует и, по крайней мере, половина молодых евреев сегодня не желают отправиться по этому пути, я хочу понять — почему. Открыли ли они нечто такое, чего предшествующие поколения не знали, что иудаизм не столь уж привлекателен или что другие веры более привлекательны, чем представляли это себе наши предки? Или они просто потеряли что-то, потеряли понимание того, что значит быть евреем?

Найти ответы на эти вопросы означает отправиться в путешествие. То есть предпринять то, во что была вовлечена еврейская идентификация со времен Авраама и Моисея. Но оно не будет однозначно прямолинейным — еврейское путешествие никогда не отличалось этим. Это будет путешествие через целую серию радикальных и по сей день до конца не понятых идей. Идя по этому пути, мы узнаем не только о том, что значит быть евреем, но также — и это не менее важно — что значит быть человеком. Я уже объяснил, каким образом Исаак Арама пришел к своему вопросу. А вот как пришел мне черед задать мои.

КТО ТАКОЙ Я? КТО ТАКИЕ МЫ?

Это случилось незабываемым летом 1967 года. Я только что поступил в университет, впервые оставив отчий дом. До этого момента я был евреем, потому что... потому что мои родители были евреями. Я делал то, о чем меня просили, не спрашивая, зачем и почему. У меня была бар-мицва, я учился в еврейской школе и каждую субботу отправлялся вместе с отцом в синагогу.

Не было причин не делать всего этого, ничто не подталкивало меня к бунту.

Кембридж оказался для меня открытием. Здесь я впервые смог почувствовать соблазны другой истории, зов сирен другой культуры. Все в ней захватывало дух: река, лужайки, здания колледжа, относящиеся к средним векам, мантии, велосипеды, профессора, вся богатая ткань мира ошеломляющей красоты, которому я не принадлежал.

Но меня ожидал и интеллектуальный шок. Несколько неожиданно для самого себя я обнаружил, что занялся изучением философии — не самого легкого предмета для того, кто собирается сохранить религиозную веру. Нас учили исследовать реальность с помощью языка, и в этой области существовал давний скептицизм по отношению к вразумительности религиозных верований. Одной из первых книг, которую я прочел, была книга на тему «язык и логика», написанная в 1930-х годах. Если предложения должны содержать смысл, утверждал автор, они должны поддаваться проверке либо логикой, либо прямым опытом. Религия не могла быть проверена ни тем, ни другим. Невозможно доказать существование Бога. Нет способа опытным путем вступить в контакт с сущностью, которая, по определению, находится за пределами физического мира ощущений.

Шестидесятые были годами освобождения, когда молодежи казалось, что у нее есть ответы на все вопросы, и мудрость прошлого, которая выглядела такой нерушимой, оказалась при ближайшем рассмотрении картонным фасадом, рухнувшим под напором ветра. Известный антрополог из Кембриджа сэр Эдмунд Лич, выступая с лекцией на БиБиСи, объявил, что «*отнюдь не будучи основой хорошего общества, семья, с ее обособленностью и с ее дешевыми секретами, является источником всякого недовольства*». Все общепринятые обычаи рушились у нас на глазах. В течение нескольких лет либеральная революция подтвердила то, чему учила философия: нет правил, есть только предпочтения. Моральные суждения были выражением субъективных эмоций, а не объективной истины.

Университет казался неким микрокосмом во вселенной. Там можно было встретить любого студента с самыми разными образованием и воспитанием, изучающего какой угодно предмет лю-

бым мыслимым способом. Имел значение лишь критически мыслящий ум, способность подвергать сомнению все и не соглашаться с ответом, основываясь на авторитете или возрасте отвечающего, или на традиции, или откровении. Реальность была сведена к фактам и умозаключениям. Все остальное определялось выбором. Вы могли быть кем угодно и могли делать все, что угодно, интеллектуально и экзистенциально. Мир моих родителей, казалось, существовал давным-давно и далеко-далеко от меня. Это были бурные дни, и я находился в самой гуще их.

Тогда, в мае месяце, до нас стали доходить тревожные вести с Ближнего Востока. Египтяне блокировали Акабский залив. Они также потребовали вывести войска Объединенных Наций, что было немедленно выполнено. В воздухе пахло войной. Государству Израиль угрожало нападение со всех фронтов. Мне, не пережившему Катастрофу и даже особенно не задумывавшемуся над ней, вдруг стало ясно, что с еврейским народом может произойти новая трагедия.

Именно в эти дни стали происходить экстраординарные вещи. Во всем университете евреи вдруг стали выделяться на общем фоне. День за днем они заполняли маленькую синагогу в центре города. Там можно было увидеть за молитвой студентов и преподавателей, которые до этого никогда не проявляли себя как евреи. Начали собирать деньги. Каждый хотел помочь каким-то образом, выразить свою солидарность, свою причастность к судьбе Израиля. Лишь через какое-то время мы поняли, что подобные вещи происходили во всем мире. Повсюду, от Соединенных Штатов до Советского Союза, евреи приникли к экранам телевизоров и к радиоприемникам, желая услышать последние новости, чувствуя себя так, как будто опасность угрожала им самим. Теперь все это — достояние истории. Израиль сражался в той войне и победил. Она длилась всего шесть дней — одна из самых впечатляющих побед в современной истории. Мы могли снова вздохнуть полной грудью. Жизнь вернулась в свое обычное русло.

Но не совсем. Ибо в эти дни и недели я стал свидетелем того, что никак не соотносилось со всем остальным в моем мире. Это не имело отношения ни к политике, ни к войне, ни даже к мо-

литве. Это было связано с еврейской идентификацией. Весь еврейский народ сообща посмотрел на себя в зеркало и сказал — мы все остаемся евреями. И под этим они подразумевали нечто большее, чем личная декларация веры, «религии» в обычном смысле слова. Это означало, что они чувствуют себя частью народа, разделяют его участь, вовлечены в его судьбу, переживают вместе с ним его трагедии и восторгаются его способностью к выживанию. Я чувствовал это. И точно так же чувствовал каждый еврей, кого я знал.

Почему? Я не был знаком с израильтянами. Они не были мне ни друзьями, ни родственниками в буквальном смысле. Израиль был страной, находящейся от меня в двух тысячах миль; я посетил его один раз, но не собирался жить там. И, тем не менее, опасность, которая угрожала Израилю, ощущалась мною как опасность, угрожающая мне лично. Именно тогда я осознал, что быть евреем означало не нечто личное и индивидуальное, а коллективное и историческое. Это означало принадлежность к обширной семье, многих членов которой я не знал, но с которыми я был, тем не менее, связан узами родства и взаимной ответственности.

Все это не имело никакого смысла в категориях и концепциях шестидесятых. Именно тогда я впервые осознал, что еврейство — это очень странное состояние, структурно странное. Еврейская идентификация была не просто истиной или набором истин, которые я мог принять или отвергнуть. Это не было предпочтением, которое я мог выразить или отрицать. Это не было верой, к которой я мог примкнуть или обойтись без нее. Я не выбирал ее. Она выбрала меня. Все, что я изучал в современной философии, все, что я испытал в современной культуре, говорило мне, что истина универсальна, а все остальное индивидуально — личное предпочтение, независимый выбор. Но то, что я испытал, было ни универсальным, ни индивидуальным. Еврейство не было и не претендовало на то, чтобы быть универсальным человеческим свойством. И я не выбирал его. Это было нечто, дарованное мне при рождении. Но каким образом человек может быть рожден с уже предписанными ему специфическими обязательствами и ответственностью, без того, чтобы он был согласен с этим?

Логически это не выстраивалось, однако психологически — да. Без какого-либо осознанного решения я воспринял напоминание, что одним только фактом рождения от еврейских родителей я оказался вовлеченным в некую сеть взаимоотношений, которые связывали меня с другими людьми, с другими географическими местами, с другим временем. Я принадлежал народу. И, будучи частью этого народа, я принадлежал всему, что имело к нему отношение.

Это не имело никакого смысла в терминах идей двадцатого века. И, тем не менее, это имело возвышенный смысл на языке еврейской традиции. Раввин Симеон бар Йохай, учитель, живший во втором веке, приравнивал еврейский народ к существу с единым телом и с единой душой: *«Когда один из них ранен, все они испытывают боль»*. Раввины того времени определяли моральные обязательства за пределами метафор. Они говорили: *«Коль Израэль аревим ээ базэ — Все евреи ответственны друг за друга»*. И за обоими этими утверждениями таилась богатая древняя память о завете, принятом израильтянами в пустыне у подножья горы Синай, в котором они отдавали себя коллективному существованию в качестве народа под суверенитетом Бога.

В те эмоционально насыщенные дни лета 1967 года я открыл — как, возможно, открывает каждый из нас, когда еврейское самосознание неожиданно вторгается в нашу жизнь, — что этот завет еще жив. У него все еще достаточно сил воздействовать и преобразовывать меня и моих современников — быть может, больше сил, чем каждый из нас подзревал до этого. Но как, каким образом? Меня охватило любопытство — я захотел узнать больше о горизонтальных связях, соединяющих евреев друг с другом, и вертикальных связях, привязывающих нас к истории и к надежде. Вот так я пришел к тому вопросу, который задал Исаак Арама пятьсот лет назад. С тех пор поиски ответов заняли большую часть моей жизни, ибо вопрос, будучи заданным, уже не отпускал меня.

Много лет спустя после того, как я оставил Кембридж, я как-то смотрел по телевидению документальный фильм о египетских храмах. Они были построены что-то около трех тысяч трехсот лет назад тем фараоном, который, по мнению большинства ученых, правил

Египтом во времена Исхода — Рамзесом Вторым. Явно восхищаясь тем, что она нам показывала, камера вела нас по великолепным сооружениям Луксора, Карнака и Абу Симбела. Комментатор говорил об их великолепии, размерах, красоте, их нетленной сохранности в течение тысячелетий. Они все еще стоят, отрицая время и не потеряв почти ничего из своей былой славы.

В течение двадцати минут или около того я неотрывно следил за экраном, захваченный энтузиазмом диктора. А потом я вдруг обнаружил, что спрашиваю себя о том, что дошло до наших дней от Египта фараонов — величайшей, самой могущественной и, несомненно, самой долгоживущей империи древнего мира? Сооружения, храмы, монументы остались — но не народ, не вера и не цивилизация. Уже во времена Рамзеса Второго Египет фараонов достиг вершины своего могущества. После его смерти он начал приходить в упадок. Ко времени Александрийской империи культура древнего Египта закончила свой путь. Она продолжала существовать еще много столетий, но, как и большинство других цивилизаций, оказалась столь же смертной. Камни остались; но мира, который они прославляли, уже не было.

Мне пришлось в голову, что среди строителей тех храмов должны были быть мои предки. В то время они были рабами в Египте. Библия рассказывает нам, что они были заняты на работах по строительству городов Пифом (Пер-Атум) и Раамсес — двух грандиознейших проектов Рамзеса Второго. Контраст между людьми и царем был просто гигантским. Рабы были известны под общим именем *евреи*, возможно, от древнего слова *иврим* (от ивритского слова *лаавор* — *перейти* — прим. перев.). Они были, судя по их имени, кочевниками, иммигрантами. Они были *иврим* — то есть теми, кто переходит с места на место. В Египте они стали рабами. У них не было ни власти, ни богатства, ни прав, ни свобод. Они были самыми униженными из всех народов.

В те времена Египет обладал неукротимой силой. Он был не только страной огромного технического могущества, но и правил целым районом Ближнего Востока. Рамзес был не только царем — ему поклонялись как божеству. Префикс *Ра* говорит нам о

том, что он считался богом солнца. Это объясняет некоторые, казалось бы, загадочные особенности библейской истории Исхода. Десять казней египетских, поразивших страну, шли по возрастающей по своему разрушительному действию; эта последовательность была нарушена девятой казнью, тьмой, которая была больше похожа на неудобство, чем на несчастье. Но теперь мы понимаем, что девятая казнь была приговором, направленным не против народа, а против самого важного его божества, фараона, который сам себя считал богом солнца.

Предположим, мы смогли пропутешествовать назад во времени и получили возможность сказать людям, жившим тогда, что не Египет фараонов, не его империя и династия переживут века. Вместо них это произойдет с тем, другим народом, известным окружающим как *иврим*, называющим себя детьми Израиля и ставшим впоследствии известным истории как евреи. Не было ничего, что показалось бы им более абсурдным. Самое раннее упоминание об израильтянах, кроме Библии, было найдено в надписи на стеле Мернепта, гигантской глыбе черного гранита, датированной XIII веком до н.э. Надпись гласила: «Израиль в руинах. Его семени нет более». Египтяне не только не поверили бы, что народ Израиля выживет — они уже в то время были убеждены, что он находится на грани исчезновения. Поэтому древний Египет и древний Израиль, представляя собой им, находились на противоположных полюсах той большой игры, в которую мы играем со временем. Чей путь продолжится и кто исчезнет? Кто выживет и чья звезда закатится? Ответы на эти вопросы мы никогда не можем получить заранее, — только ретроспективно. Но у нас есть именно ретроспектива.

Три тысячелетия тому назад Египет и Израиль были народами, задававшими себе самый фундаментальный для человека вопрос: как мы можем победить смерть и завоевать бессмертие? Каким образом мы можем за то короткое время, которое отведено жизни человека, принять участие в чем-то таком, что сохранится долгое время после того, как нас уже не будет? Египтяне давали на этот вопрос один ответ — ответ, который во все века искушал

императоров и тиранов, правителей и королей. Мы победим смерть, возведя монументы, которые простоят тысячелетия. Их камни переживут ветры и пески времени. Евреи дали совершенно другой ответ.

Как рассказывалось в книге «Исход», израильтяне, бывшие более двухсот лет рабами в Египте, были готовы обрести свободу. Десять казней обрушились на Египет. Какой бы ни была их причина, они, казалось, возвещали: Бог Израиля стоит за свободу и человеческое достоинство. На пороге свободы, перед самым выходом Моисей, вождь евреев, собрал их и приготовился обратиться к ним с речью. Он мог произнести полное эмоций описание обетованной им «земли, текущей молоком и медом», в которую он собирался вести их. Или мог попытаться подготовить их к предстоящему долгому пути через пустыню.

Вместо этого Моисей заговорил о вещах, которые, казалось, не имели смысла в контексте этого момента. Он предложил их вниманию новую идею, весьма революционную по своему характеру, чье значение осталось не осознанным до конца даже сегодня. Он говорил о детях, о далеком будущем, об их долге передавать память будущим поколениям. Три раза он возвращался к этой теме:

И когда скажут вам дети ваши: «что это за служение?»...

...И объяви в день тот сыну твоему, говоря: это ради того, что Господь сделал со мною, когда я вышел из Египта.

...И когда после спросит тебя сын твой, говоря: «что это?», то скажи ему...

(Исход, 12; 13)

Накануне обретения свободы израильтянам сообщили, что они станут народом воспитателей.

Свобода, внушал им Моисей, завоевывается не на поле брани, не на политической сцене, но в воображении человека и его воле. Чтобы защитить землю, нужна армия. Но чтобы защитить свободу, нужно воспитание. Нужно, чтобы семья и школа обеспечили передачу твоих идеалов будущему поколению и чтобы они никогда не были утеряны, чтобы в них не разочаровались и чтобы их ничто не затмило. Цитадель свободы — это дом учения. Его герои — это учителя, его страсть — воспитание и жизнь ума. Моисей понимал, что

народ достигает бессмертия не путем возведения храмов и мавзолеев, а путем внедрения своих ценностей в сердца своих детей, которые потом передадут их своим детям, и так до конца времен.

Израильтяне воздвигли живые монументы — монументы в честь жизни — и стали народом, посвятившим себя рождению новых поколений и передаче им наследия прошлого. Их великими институтами стали семья и воспитание путем диалога поколений. Вместо храмов они воздвигли дома молитвы и учения. Вместо камней они использовали слова и наставления. В Боге они видели не силу, которая поработила их, но силу, которая сделала их свободными. Вместо поклонения могучим властителям они возвели на пьедестал вдову, сироту, чужеземца, уязвимого, слабого и пренебрегаемого. В этом движении мысли, противоречащем интуиции, они открыли секрет вечности. Либо случайно, либо целенаправленно, либо благодаря чему-то большему, чем и то и другое, евреи, бывшие рабами и строившими храмы для Рамзеса, стали одним из величайших откровений истории. И это были наши с вами предки, а мы — их потомки.

Был ли я прав или ошибался, когда видел в этой истории нечто неординарное? Только позже я обнаружил, что три других человека, все неевреи, разделяли мое чувство изумления и прониклись убеждением, что в истории выживания евреев была какая-то тайна, несущая в себе глубокий смысл. Каждый из них, по разным причинам, пришел к размышлениям о природе истории. И каждый из них был поражен открытием, что есть один народ, чья история нарушает все правила.

Первым был Блез Паскаль, математик и физик XVII века, который изобрел первый цифровой калькулятор и шприц и открыл закон давления Паскаля и принцип работы гидравлического пресса. И что более важно, он основал современную теорию вероятности. В тридцатилетнем возрасте он внезапно оставил занятия наукой и посвятил остаток своей жизни размышлениям о религиозной вере. Теологические исследования привели его к идее, ко-

торая получила известность как «Пари Паскаля» и которая говорит о том, что в условиях неопределенности мы рискуем потерять больше, если мы не верим в Бога, чем если мы верим в Него. Паскаль применил также теорию вероятности к истории и пришел к поразительному выводу: что среди мириад народов, населявших землю, есть народ, отрицающий своим существованием теорию вероятности:

Несомненно, что в определенных районах мира мы можем найти некий странный народ, который стоит особняком от всех остальных народов мира, и этот народ зовется евреями... Этот народ не только очень древний, но он и существует не имеющее параллелей долгое время... Ибо в то время, как народы Греции и Италии, Спарты, Афин и Рима, и другие, которые появились намного позже, давно уже канули в Лету, этот народ продолжает существовать, несмотря на все усилия многих могущественных царей, которые сотни раз пытались стереть его с лица земли, о чем поведали его историки и что легко было бы предположить, исходя из естественного хода событий за столь долгий период времени. Но они всегда выжили, и их выживание было предсказано... Моя встреча с этим народом поразила меня...

Лев Толстой в «Войне и мире» также попытался разобраться с проблемой смысла истории. Определяется ли ход событий решениями великих лидеров и выдающихся генералов? Или существует некая, лежащая в глубине основа, предопределение, чьи очертания можно различить под поверхностью явно случайных событий? Критики часто порицали Толстого за его философствования, которые прерывали яркую драматическую линию романа, судьбу пяти аристократических семейств на панорамном фоне вторжения в Россию Наполеона. Тем не менее, Толстой был убежден, что в истории существует моральная и духовная составляющая, и эта идея не давала ему покоя. На вершине своей карьеры, завершив написание «Анны Карениной», он оставил жизнь аристократа и стал жить как крестьянин, преданный вере, любви и добродетелям простоты. Одной из вещей, которая служила для него доказательством существования таинственной и провиденциальной силы в истории, была судьба евреев:

Он, кого не смогли уничтожить казни и пытки в течение тысячелетий, он, кого не смогли стереть с лица земли ни огонь, ни меч, ни инквизиция, он, кто первым явил людям пророков Господа, он, кто столь долгое время был хранителем пророчеств и кто возвещал их остальному миру, — такой народ не может быть уничтожен. Еврей так же вечен, как сама вечность.

Третий человек, Николай Бердяев, был великим мыслителем периода русской революции. Было время, когда он верил в то, что судьбой цивилизаций движут материальные силы, экономика, войны, физические показатели силы. Но случилось нечто, заставившее его изменить свои взгляды. В своих исследованиях истории он столкнулся с одним народом, чья судьба не укладывалась в эти рамки, — с еврейским народом. Его существование и выживание опровергало марксистскую теорию. Это открытие изменило всю жизнь Бердяева. Он обратился к религии. Он больше не верил в материализм, а верил в *«свет, который прорывается к нам из трансцендентного мира духа»*. В конце концов, его изгнали из России, и он провел всю оставшуюся жизнь в Берлине и Париже, посвятив ее преподаванию религии. В книге *«Смысл истории»* он рассказывает, как он пришел к своему открытию:

Я помню, как материалистическое толкование истории, когда я пытался в юности применить его к судьбе народов, рассыпалось в прах в случае с евреями, чья судьба казалась абсолютно необъяснимой с точки зрения материализма... Их выживание есть таинственный и удивительный феномен, доказывающий, что жизнь этого народа определяется специальным предназначением, преступающим процессы приспособления, постулируемые материалистическим толкованием истории. Выживание евреев, их сопротивляемость попыткам уничтожения, их стойкость перед лицом абсолютно специфических условий и

их роковая роль в истории — все это указывает на особую и таинственную основу их предназначения.

Передо мной были три человека, чья жизнь изменилась под влиянием их знакомства с историей евреев. Иудаизм укрепил их в их собственной религиозной вере и подсказал им важную идею о том, что Бога можно найти не только в природе, но и в истории. И если мы попытаемся найти откровение в истории, мы найдем его, и в самой убедительной форме, в истории этого необычного народа — истории наших предков. Почти две тысячи лет евреи оставались отличной от всех остальных нацией без каких-либо обычных предпосылок национального существования. У них не было земли, суверенитета, власти, всеохватывающей политической структуры, даже общей культуры. Они были разбросаны по лику земли и почти везде были меньшинством. В большинстве случаев они сопротивлялись активным попыткам перевести их в другую веру и не поддавались пассивной тяге к ассимиляции. Никакой другой народ не сохранял свое отличие от других неизменным так долго и при таких обстоятельствах.

Вот так я и вернулся к тому вопросу, который тревожил меня со студенческих лет, а пятьсот лет назад не давал покоя раввину Исааку Араме. Я был наследником этой истории. Но к чему обязывал меня этот факт? В каком смысле он представлял мою собственную личность — не как факт, а как некая ценность, не как история прошлого, а как долг перед будущим? И с этим я приступаю к первому из трех вопросов, на которые мне хотелось бы дать ответ: *«Каким образом то, откуда я пришел в мир, говорит мне, кем я должен быть?»*.

Перевод Э.Маркова из книги Jonathan Sacks "Radical Then, Radical Now", Harper Collins Publisher, London, 2000

ИЗРАИЛЬ И ДИАСПОРА

Еврейская диаспора имеет долгую историю. Если даже не брать во внимание библейский «египетский плен» 3,5-тысячелетней давности, то со времени падения первого еврейского государства и вавилонского пленения в VI веке до н.э. значительная часть еврейского народа постоянно жила за пределами своей страны. Еврейское рассеяние носило отнюдь не только принудительный характер. Во времена 2-го Храма и расцвета эллинизма (последние века до нашей эры) существовали многочисленные еврейские колонии во всем тогдашнем обитаемом мире — от Египта до Крыма. Сегодня в Нью-Йорке живет больше евреев, чем в Иерусалиме и Тель-Авиве вместе взятых. Сионистская мечта — собрание на родине всех рассеянных по миру евреев — все еще далека от реализации.

Тора была в рассеянии «портативной родиной» для евреев взамен настоящей. Но народ продолжал молиться о возвращении в Землю Обетованную. Века сменялись веками, а Мессия-освободитель, приход которого должен был возвестить о конце рассеяния, все не приходил. Столетие назад, на переломе веков, Герцль провозгласил политический сионизм — евреи должны взять свою судьбу в собственные руки и возродить свое национальное государство. Репатрианты первых волн алии начали закладывать в Эрец Исраэль фундамент будущего еврейского государства.

Но еще раньше в странах Западной Европы и США возникла оппозиция сионизму. Идеология «отрицания Израиля» получила особое распространение в среде американского реформистского иудаизма, лидеры которого провозгласили отказ от еврейского национализма ради успешной интеграции в странах проживания. В реформистских молитвенниках исчезли молитвы о возвращении в Сион. Ортодоксальное большинство в странах Восточной Европы также отвернулось от «атеистического» сионизма. В числе противников Герцля были не только клерикалы или завязтые ассимилянты — среди них были и такие выдающиеся мыслители, как Ахад Гаам и Семен Дубнов.

Однако сторонники учения Герцля, куда более малочисленные, были упорны в достижении своей цели. Для них еврейское рассеяние было причиной всех бед еврейства. Сионистские пионеры, — строители еврейских поселений и сельскохозяйственных киббуцов, создатели еврейской армии в Эрец Исраэль, — они стремились построить совершенно иную, чем в диаспоре, систему национальной жизни. Их идеология была основана на «отрицании диаспоры»: освободившись от гнета и страхов жизни на чужбине, они не могли оправдать тех, кто не желал порвать с зависимостью от чужих и стать хозяином своей судьбы на своей родине.

Этот своеобразный феномен двух «отрицаний» — взаимное отчуждение про- и анти-сионистских лагерей в еврействе — существовал на протяжении десятилетий, вплоть до Второй мировой войны. История еврейства в XX веке, отмеченная трагедией Холокоста и созданием Государства Израиль, многое расставила по местам в споре между сионистами и несионистами. Достижения сионизма в построении современного еврейского государства принесли ему заслуженную популярность во всем еврейском мире. Но еврейская диаспора отнюдь не прекратила своего существования. В свете новейших реалий взаимные «отрицания» двух частей одного целого — диаспоры и страны Израиля — ушли в историю.

Сегодня в еврейском мире никто не спорит, что только государство Израиль является фундаментом будущего евреев всего мира. Не говоря о том, что сильное еврейское государство — это гарант защиты от врагов еврейства, очень важна и другая его роль. Как известно, процесс ассимиляции в диаспоре имеет нарастающий характер, и в этих условиях на еврейское государство ложится историческая роль сохранения национального существования еврейства.

Великий еврейский поэт, живший в Испании в начале II тысячелетия, Иегуда Галеви, сравнивал страну Израиля — Эрец Исраэль — с душой, а народ Израиля, находившийся тогда в изгнании, — с телом единого организма. Спустя тысячу лет, в трудных условиях бурно начавшегося XXI века, еврейский народ стоит перед лицом серьезного вызова своему существованию. Судьбоносный вызов диктует настоятельную необходимость тесного и гармоничного взаимодействия между двумя частями единого, но все еще территориально, а подчас и духовно разделенного народа.

ЕВРЕИ ВО ВРЕМЕНИ И В ПРОСТРАНСТВЕ

Н еоднократно отмечалось, что во всех анналах истории нет главы более романтической, более одухотворенной и в то же время более сложной и более необъяснимой, чем двухтысячелетняя история пребывания еврейского народа в изгнании. Незначительная в численном отношении нация была изгнана из своей родной земли на восточном берегу Средиземного моря и затем рассеяна по лицу земли. Эти изгнанники не обладали ни военной мощью, ни политической автономией, ни религиозной иерархией, ни экономической организацией, ни централизованной властью, ни общим языком. Эти люди жили как обособленные группы среди однородного христианского или мусульманского мира, периодически подвергаясь репрессиям, изгнанию, физическому уничтожению. Религиозные верования других народов представляли их как воплощенное зло и клеймили как рожденных преступников. Несмотря на все несчастья, этот изгнанный народ сохранил свою веру и самоидентичность и развил свою религиозную цивилизацию, которая оказала воздействие на окружающие культуры и на всю человеческую цивилизацию в степени, намного превышающей относительную численность этого народа.

Рассеяние (ивр. *галут* — изгнание, диаспора) — эта фундаментальная реальность еврейской жизни является не только религиозным, но также и этническим феноменом, который выражает себя в том, что еврейская жизнь продолжает свое существование даже и тогда, когда она — надолго — отделена от своего отечества. Классический иврит не содержит понятия, относящегося к собственнорелигиозной, а средневековый термин *дам* означает закон, а не религию. Евреи всегда полагали себя сынами определенного народа, а не только приверженцами соответствующей религии. Многие евреи не являются религиозными в том смысле, что они не используют гипотезу о Боге для объясне-

ния явлений природы и общества. Их наиболее сильные чувства и наибольшая преданность носит этнический, а не религиозный характер. Евреев связывает общее прошлое, настоящее и будущее, они связаны узми родства и элементами племенных уз не в меньшей степени, чем теологией и религиозными нормами. Попытки ограничиться религиозным определением еврейского народа означает сведение вопроса к одному только крайнему случаю.

Не только сущность еврейства полна парадоксов (следует обратить внимание на то, сколько споров вызывает вопрос «кто еврей?» среди самих евреев), но и концепция изгнания сама по себе далеко не однозначна. Пристальный взгляд на еврейскую историю обнаруживает, что еврейский народ предпочитал жить в диаспоре. Это не всегда было связано с тем, что евреи не могли эмигрировать в землю Израиля, и не всегда означало ухудшение условий их существования или делало их жизнь более опасной по сравнению с другими местами, которые они выбирали для своего проживания. Несмотря на то, что любовь к Сиону проходит красной линией через всю национальную литературу, отмечается примечательная амбивалентность евреев по отношению к возвращению на землю предков, которая глубоко коренится в их коллективном подсознании.

ВРЕМЯ ПРОТИВ ПРОСТРАНСТВА

Талмуд начинается вопросом: «С какого момента можно читать вечернюю молитву *Шма*?», т.е. вопрос касается определения подходящего *времени*, а не подходящего *места*. Наиболее уникальным еврейским достижением, продиктованным необходимостью, сохранившейся после разрушения еврейского государства в 70-х годах христианской эры, можно считать именно это: уменьшение роли пространства и выделение почти независимой духовной жизни, протекающей в понятиях

времени — прошлого, настоящего и будущего. В течение 2000 лет иудаизм выживал, а подчас и расцветал не только не имея еврейского пространства в форме самоуправляющейся страны, но очень часто это происходило в условиях открытых ограничений на моленные дома, религиозную архитектуру, искусство или скульптуру.

Историческая реальность была такова, что евреи не могли контролировать пространство, — они населяли то, что было выделено им по милости хозяев. Создавать духовные основы в рамках таких пространственных соотношений означало строить на ненадежном зыбучем песке; миссия евреев скорее состояла в том, чтобы найти удовлетворение во времени. Многие исследователи отмечали интересное различие между древними греками и древними евреями: в то время как греки создавали свое искусство в пространстве, евреи жили и творили почти исключительно в понятиях времени. Вместо того чтобы вдохновляться пространственными символами — архитектурой, скульптурой, живописью или декорированными тканями, — евреи выделяли художественные моменты, обозначающие ход времени, и памятные даты.

Феноменальным фактом еврейской цивилизации является то, что, хотя у них не было общей для всех страны, в течение почти двадцати столетий евреи пользовались единым для всех календарем. Сущность еврейства выражалась посредством поведения во времени, где у евреев были свои ритуалы, свои еврейские день, неделя, месяц и год; по-своему отмечались значительные исторические события, такие как ежегодное празднование Исхода на Пасху или ежегодный траур в связи с разрушением Иерусалима на *Тиша б'Ав* (день календаря — 9-ое число месяца Ав, когда отмечается годовщина разрушения Храма).

ВЫЖИВАНИЕ В РАССЕЯНИИ

Решающим в крушении планов антисемитов был тот факт, что после первого столетия христианской эры не оставалось еврейского пространства, которое надо было бы завоевать. Во времени евреи обладали свободой жить, чувствовать, самовыражаться и творить. Когда крестоносцы разрушили все синагоги в долине Рейна, стремясь пресечь пути распространения иудаизма в Европе, они не смогли до-

стичь ожидаемого эффекта. Удары были нанесены не по тем целям, так как жизненные центры иудаизма концентрировались в ином измерении. Иудаизм представлял собой веру, которая могла существовать независимо от специального места или страны проживания. Еврейская бездомность, будучи тяжелейшим бременем, вместе с тем, играла роль фактора национального выживания. Еврейский народ сохранился в значительной мере не вопреки рассеянию, а благодаря ему. Преодолевая пределы пространства, иудаизм становился поистине вселенским.

В отличие от других древних народов, которые рассматривали время как циклические, повторяющиеся сущности, сменяющие друг друга подобно временам года, израильтяне рассматривали историю, начавшуюся от Сотворения мира, как часть Божественного плана, линейный процесс, преисполненный собственного значения. Он протекает повсюду, и человеческая жизнь, история и само время следуют этому предназначению; роль человека сводится к тому, чтобы присоединиться к этому процессу и участвовать в нем. Обессиливающая реальность существования диаспоры, однако, означала, что еврей не мог контролировать пространство, а именно через пространство могли быть реализованы многие из этих идей.

ЕВРЕИ ВСЕГДА ЖИЛИ НА ЗЕМЛЕ ИЗРАИЛЯ

Рассеяние не было изначально прищипом иудаизму. Напротив, в библейский период евреи были в высшей степени вовлечены и озабочены процессом создания еврейского пространства. Это была Святая Земля с ее уникальной святостью и посвящением Богу. Эта территория имела свои границы, свои, только ей присущие институты и свои специфические законы. Храмовая гора была наделена даже большей святостью, и ее внутреннее пространство представляло собой Святую Святынь. Даже спустя столетия после того, как древние израильтяне потеряли физическое пространство, определение *Ха-Маком* (Место) оставалось и до сих пор остается в еврейской религии обозначением имени Бога. Нельзя без искажения теологии диаспоры исключать ее пространственную составляющую: ее ностальгию по земле древнего Израиля, ее геоцентричес-

кую концепцию Иерусалима, требующую трижды в день обращать молитву к этому центру, и формулировку спасения как окончательного физического восстановления и сохранения народа Израиля на Земле Израиля.

В аспекте демографии является неправдой, что все евреи были изгнаны из своей страны в первом столетии христианской эры и не возвращались вплоть до появления политического сионизма в 19-ом столетии. Этот миф, созданный христианскими теологами, которые интерпретировали диаспору как Божье возмездие евреям за лжепритятие Христа, противоречащий всем археологическим и текстовым свидетельствам, недавно стал вновь использоваться арабскими идеологами как аргумент, что евреи фактически утратили права на землю вследствие 2000-летнего отсутствия. Фактом является то, что еврейские поселения по всей Земле Израиля меняли свое место и свою судьбу, но никогда полностью не прерывались.

ВОЗРОЖДЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОСТРАНСТВА

Возрождение концепции пространства как приоритетной категории еврейской души 20-го столетия явилось наиболее радикальным сдвигом в еврейской истории со времен эллинистического периода. Это фундаментальное изменение в самой сущности иудаизма диаспоры коренится как в философских, так и в исторических катаклизмах нового времени. Его философский базис по своему существу глубже, чем националистические идеологии и движения 19-го столетия в Европе, аналогия с которыми зачастую проводится. Сионизм возник не просто как еврейский эквивалент или как альтернатива политике этноцентрической исключительности. Скорее сионисты откликнулись на требовательный призыв современной западной мысли в эпоху, когда технологическая цивилизация сосредоточила свое внимание на власти человека над пространством. Западный человек предполагает, что объективная реальность является именно физической, все нематериальное может быть сведено к материальным явлениям и объяснено в физических терминах. Иудаизм, живя во времени в большей степени, чем в пространстве, не занимался физическими явлениями, и, таким образом, его существование было как бы не имею-

щим силы. Сионисты (в своем большинстве секулярные люди) ставили знак равенства между пространством и силой, контроль над пространством для них означал контроль над судьбой.

Опыт евреев в 20-м столетии еще в большей степени придал доверия этой концепции. Переселением в Государство Израиль, в Соединенные Штаты или другие страны, либо через посредство синагоги, общественного центра, лагерей отдыха и летних лагерей еврейский народ необиблейским скачком перенес свое духовное поприще с реальных времени на реалии пространства.

ПРОСТРАНСТВО И ЭТИКА

Возвращение в пространство оказалось для евреев более трудным, чем это предполагалось. Это наиболее наглядно проявляется на примере понятия этики. В течение почти 20-ти столетий евреи были лишены власти и могли полемизировать с ней только с помощью моральных доводов. Так, например, будучи пацифистом, удобно — и правильно — осуждать армии других наций, атаковать испытывать отвращение к полицейским жестокостям или, не имея пространства, находящегося под собственным контролем, критиковать внешнюю и внутреннюю политику народов мира... Уместно напомнить, что критическое отношение вообще явилось важным вкладом евреев в западную мораль.

Все это теперь в прошлом, еврейский народ через посредство той его части, которая возродила себя в Государстве Израиль, теперь контролирует пространство и обладает армией, полицией, юриспруденцией, системой наказаний и всей гаммой атрибутов пространства, которое проявляется во всем как внутри, так и вне границ Израиля. Следовательно, поведение Израиля, его этика, политика и ценности могут и должны сравниваться с такими же атрибутами других стран, как и с тем, чего придерживались евреи, когда они не имели таких условий.

Еврейский народ теперь имеет свое национальное пространство и впервые за многие столетия этически отвечает за культивирование всех политических, юридических и социальных благ, за которые он выступал. Евреи теперь обязаны нести более высокую этическую функцию и решать более сложные задачи, чем простое морализирование.

ДИЛЕММА ИЗРАИЛЯ. Созданием еврейского государства на национальном уровне сионистское движение породило дилемму; теперь еврейская проблема сводится не только к тому, как освятить данный момент времени, но также и к тому, как освятить данную точку пространства. Как концепция времени, Иерусалим на протяжении всей священной истории, в отдаленном прошлом и в обозримом будущем, был символом небесного благословения, божественной святости, человеческой справедливости и религиозной веры в искупление. Но Иерусалим, существующий в пространстве, обязан жить в реальном измерении, т.е. иметь дело и с такими проблемами, как уборка мусора, организованная преступность, нищета и социальная несправедливость. И если сегодняшний иудаизм, который включает в себя понятие пространственного Иерусалима, не сможет ничего ответить на этот вызов, — тогда ему нечего будет сказать и по поводу положения евреев сегодня вообще. Подобно Иерусалиму времен библейских древностей, сегодняшний Иерусалим буквально шатается под бременем существования. Подобно религиозному истеблишменту тех времен, против которого выступали пророки, современные религиозные лидеры часто продолжают анахронически мыслить только в понятиях еврейского восприятия времени, когда фактически из рассмотрения исключается еврейское пространство.

ПРИДАНИЕ ПРОСТРАНСТВУ СВЯТОСТИ. Переход от жизни во времени к жизни в пространстве, как выяснилось, оказался непредвиденно трудным; каждый, считающий себя евреем, имел в своем распоряжении весьма ясный принцип, как распоряжаться еврейским временем; но что нужно делать с еврейским пространством? Так, например, ортодоксальный менталитет традиционно настроен выражать иудаизм через набор мицвот, или религиозных императивов, но все поступки совершаются во времени и имеют только косвенное отношение к месту. Либеральный менталитет был занят поисками религиозного опыта, но и здесь это скорее относилось к его душевному восприятию и имело очень небольшое отношение к месту, где событие осуществлялось. В новейший

период своей истории еврейский народ оказался перед неизбежной необходимостью наделить также и пространство, подобно времени, святостью и этикой, придать ему определяющую значимость.

Пониманию глубины этой проблемы способствует, например, то, как иудаизм относится к еврейскому пространству в Израиле. Явно недостаточно выступать с критикой того, что Стене Плача придан статус молельни. Этот культ, осуждаемый многими религиозными специалистами в Израиле как нееврейский, демонстрирует, по своей духовной сути, всю степень невежества и убожества в понимании значения этого святого места. Израиль как пространственная реальность состоит из госпиталей и тюрем, армейских лагерей и детских садов, университетов, фабрик, отелей и ресторанов, и, конечно же, жилых домов. Все это ставит на повестку дня важнейшие вопросы в широком спектре тем. Как еврейская традиция может вступить в конструктивный диалог с израильской архитектурой и городским планированием? Как должно еврейство относиться к таким аспектам, как загрязнение окружающей среды, разобщенность, отчужденность и духовное подавление человека в израильских городах? Может ли иудаизм сказать в отношении городских нововведений что-то более существенное, чем изречение на постерах в автобусах, призывающее уступать место пожилым людям?

Израильская действительность повторяет образцы, которые присущи всем нациям мира. Но где же здесь голос Иакова, направляющий руки Эсава? Где еврейское восприятие еврейского пространства?

ДИЛЕММА ДИАСПОРЫ. Еврейское пространство не ограничивается Израилем, но включает в себя и пространство диаспоры, где, по мнению многих аналитиков, еврейская цивилизация переживает трудные времена. Наибольшая по численности еврейская община, проживающая в Америке, не является ни ортодоксальной, ни консервативной, ни реформистской, ни реконструкционистской; скорее она может быть названа неприсоединившейся. Любой прогноз на будущее показывает, что процесс ассимиляции, всепоглощающая рутина повседневности и тривиаль-

лизации будет продолжаться. Молодежь уподобляется родителям, и то, что происходит, представляет собой просто ускорение унаследованного процесса.

Чтобы обратить вспять эту тенденцию, необходимо адресоваться к параметрам как времени, так и пространства. Принадлежность к еврейству выражается через такие еврейские институты, как синагоги, общественные центры, летние лагеря, дома престарелых и так далее. Приобретение, финансирование, поддержание и умножение еврейского пространства — важное занятие еврейских организаций, но следует спросить, что из всего этого является воистину еврейским пространством. Принимая даже в расчет, что евреи не создали выдающихся образцов в архитектуре или искусстве ваяния (в конце концов, вклад евреев в мировую цивилизацию не может быть всеохватным), то, что можно видеть на примере многих жилых зданий и институтов в Израиле и диаспоре, не выдерживает даже минимальных критериев. Я отнюдь не намерен сравнивать ауру синагоги с аурой кафедрального собора, но полагаю правомерным оценивать пространство синагоги по критериям архитектуры и искусства, так как госпиталь оценивается как медицинское пространство, а библиотека как пространство для чтения. Очень важно поставить очевидный вопрос: какие обязательства, пристрастия, ценности и идеи характеризуют специфическое еврейское пространство? Если время есть мера изменений и если жизнь есть процесс становления, то как должно еврейское пространство в его различных формах соотноситься с еврейским временем?

На самом сокровенном уровне еврейское пространство, конечно, включает в себя жилище, и современные евреи вкладывают беспрецедентные средства и эмоции в свое частное жилое пространство. Однако я спрашиваю: кроме неизбежной репродукции Шагала или копии Эпштейна, висящей сбоку от бабушкиного канделябра, о чем еврейском говорит это пространство? Вопрос состоит в том, висит ли у двери *мезуза*, которая открывает еврейское пространство в каком-либо преисполненном значимости смысле. Заключается ли этот смысл в еврейских книгах, искусстве, традициях, практической деятельности? Пробуждает ли он ностальгию и преданность тому, что было характерным для скромного еврейского пространства прошлого? В большинстве случаев ответ, увы, бу-

дет очевидным: богатый дом среднего класса имеет мало следов принадлежности к шатру Иакова. Еврейский дом завоевывает пространство по преимуществу технологически и функционально и, возможно, эстетическими стандартами. Но, поступая таким образом, он приносит в жертву свою душу.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЕВРЕЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Недостаточно просто владеть пространством; необходимо контролировать, формировать и освящать это пространство. Необходимость реконструировать еврейское пространство потребует фундаментальных сдвигов в еврейском мышлении. Религия, которая распространяется на пространство в той же степени, как и на время, не может быть только религией духа; существование пространства подразумевает наличие и употребление силы и тем самым делает необходимым реконструкцию концепции этнической группы. Это равно касается этнического меньшинства, если идет речь о развитом плюралистическом обществе, или большинства, в случае нынешнего еврейского государства.

Возможно, что концептуальное мышление присуще народу, живущему исключительно во времени, но жизнь в пространстве требует ситуационного мышления, которое в качестве своего объекта имеет не просто духовные субстанции, но фактическую ситуацию человека. Иудаизм, отвечающий такому положению вещей, должен по необходимости быть развивающимся, базироваться на эксперименте и соответствовать той реальности, в которую мы вовлечены. Новая ситуация требует понимания и действия. Взаимодействуя как со временем, так и с пространством, иудаизм должен творчески соединять толерантность, основанную на его относительности, со свершениями, основанными на их значимости. К лучшему или к худшему, еврейский народ снова занялся пространственным фактором, и после почти двадцати столетий жизни, лишенных пространства, евреи должны теперь научиться выживать в пространстве.

Эйтан Левин — профессор университета Хайфы (Израиль), редактор сборника Diaspora (1986 г.), из которого заимствована публикуемая статья.

Дэвид БАЙЛЬ

ПРИКОВАНЫ К ИЗРАИЛЮ

Американская политика, культура, духовность и их связь с теми же аспектами еврейского мира — важнейшее направление журнала «Tikkun», ставшее его несомненным достижением, как и стремление держать американского читателя в курсе политики, культуры и духовной жизни Израиля. Взаимодействие этих трех сфер на страницах журнала отражает ментальность того поколения американских евреев, которые считают, что их еврейский долг — чувствовать себя одновременно и в Америке, и в Израиле. Первое поколение американских евреев, считающих Америку своим родным домом, — множество авторов и читателей журнала «Tikkun» — ошущает свою неразрывную связь также и с тем, что происходит в Израиле. И в самом деле, для многих из нас события в Израиле явились фундаментом нашего еврейского самосознания, даже если мы решили строить свою еврейскую жизнь в Америке. Израиль — это не какая-то далекая страна, а неотъемлемая часть нашего существования.

Но даже те из нас, кто причисляет себя к этой когорте, столкнулись с тяжелейшим кризисом — не только в области политики, но и в области самоидентификации, — возникшим по причине срыва мирного процесса, начатого в Осло, и создавшейся перспективы бесконечной войны между евреями и палестинцами. Я хочу рассказать об этом кризисе не столько ради своего рода идеологической терапии, сколько из желания осветить с собственной точки зрения важный исторический вопрос: как мы должны оценивать, в свете теперешней ситуации, две последовательных великих еврейских эмиграции из Европы — в Америку и в Палестину, которые происходили на протяжении ушедшего века? Я пишу это как человек, чья еврейскую идентичность не только совершенно невозможно представить себе без сионизма и Израиля, но чья жизнь полностью зависит от них. Если бы мой отец не стал членом молодежного сио-

нистского движения в Польше, он, наверное, не спасся бы от Холокоста. Моя жена Рейчел, родившаяся и выросшая в Израиле, обязана жизнью той же идеологии: ее родители, члены сионистского движения в Чехословакии, спаслись, эмигрировав в Палестину сразу после начала Второй мировой войны.

Мое детство связано с Израилем — один год в десятилетнем возрасте, и это положило начало моей еврейской идентичности, особенно моему желанию изучить современный иврит и окунуться в израильскую культуру, как, пожалуй, наиболее долговечные и наименее противоречивые завоевания сионизма. Когда я ребенком жил в Израиле, — это было в 1958 году, — страна была компактной, спартанской и социалистической или казалась таковой. Люди тогда говорили «klein aber mein» (маленькое, но мое). Аэропорт Лод был тогда приземистым крошечным строением, каких сегодня множество в Третьем Мире. Когда мы приземлялись, встречавшие стояли на крыше, махали нам и выкрикивали приветствия. У меня было такое ощущение, будто я приехал домой. Это был лучший год моего детства.

Я вернулся туда спустя одиннадцать лет, через два года после Шестидневной войны. Как и большинство американских евреев, я чувствовал невероятный прилив гордости за эту победу. Студент колледжа, я старался говорить на иврите с каждым встречным, страна была в эйфории, это состояние охватило и меня. Я участвовал в ежегодном Иерусалимском марше — трехдневном походе по Западному Берегу под эгидой Израильской Армии, завершавшемся триумфальным вхождением в Иерусалим. Мы проходили через многочисленные палестинские деревни, жители которых бесстрастно взирали на нас, и мы воображали в своей наивности, что они нас приветствуют. Таково было высокомерие первых лет Оккупации — иллюзия, что это *не была* оккупация.

Прошло три четверти года. За это время я дважды посетил Израиль и начал

смотреть на все другими глазами. Я участвовал в одной из первых демонстраций против Оккупации весной 1970 г., организованной ныне забытыми предшественниками движения «Мир сегодня», «Новыми левыми Израиля». Будучи уже в некоторой степени ветераном демонстраций в Беркли (в том числе и в Народном Парке), я был поражен ожесточением, с каким члены правого крыла Бейтара атаковали наши немногочисленные ряды. Вернувшись в Беркли, я вступил в Радикальный еврейский союз (Radical Jewish Union), цель которого — защита сионизма как «национально-освободительного движения еврейского народа» (это были еще годы войны во Вьетнаме), в противовес антисионистским «новым левым», но также и против Оккупации. Наша газета «The Jewish Radical» («Еврейский радикал») уже в 1970 г. призывала к созданию Палестинского государства! В то же время мы отвергали бесплодие, которым в то время была пронизана американская еврейская культура, и были заняты поиском своих собственных форм еврейского культурного и духовного обновления.

Я рассказываю свою историю отчасти потому, что все началось с этой группы: примерно половина из тогдашних ее членов живет в Израиле, другая половина — в Америке, но обе в течение последних тридцати лет глубоко преданы одним и тем же идеалам. Таким образом, с одной стороны, моя статья посвящена необходимости мыслить, оставив в стороне дихотомию Америка — Израиль. С другой стороны, нельзя не считаться с тем, что выбор, который нам приходится делать в жизни, приводит к очень разным реальностям: когда сыновья и дочери наших старых друзей в Израиле готовились к армейской службе или уже служили в армии, мой сын заканчивал первый курс колледжа. Пути разошлись. Но мы и наши дети принадлежим к одной и той же мировой и еврейской культуре, и если бы соглашения в Осло увенчались успехом, наши разные дороги стали бы постепенно сходить.

Меньше, чем через год после начала интифады II, пожалуй, еще слишком рано предаваться пессимизму, но все же трудно не мыслить апокалиптически. Израильское и палестинское изложения событий так далеки друг от друга, что голоса, по-настоящему стремящиеся к примирению сторон, крайне немногочисленны. Как и в Северной Ирландии

— еще в одном месте, где, по-видимому, бесконечный конфликт приходит к разрешению только для того, чтобы вспыхнуть снова, — цепь жестокостей и ответных ударов в израильско-палестинских отношениях, похоже, обречена повторяться, по крайней мере, при жизни следующего поколения. Сегодняшняя печальная ситуация полна иронии. Этим летом Консервативное движение Америки, спонсор молодежного семинара в Израиле, организовало альтернативную поездку в Польшу и Чешскую Республику. То, что евреи чувствовали себя в Польше (!) в большей безопасности, чем в еврейском государстве, породило неизбежное недоверие к обещаниям сионизма. Где еще в мире евреев ненавидят больше и где они как евреи подвергаются большей опасности, чем в своем собственном государстве? Кафе в Тель-Авиве еще полны людей, но всего лишь в нескольких милях от них Израильская Армия вступает в полномасштабное столкновение с гражданским населением, восставшим против ее правления. Где жизнь евреев менее «нормальна» — расхожее словцо политического сионизма, — чем в Израиле?

Я указываю на эти очевидные факты не из самодовольства человека, который предпочел Америку Израилю, а от отчаяния. Нам всем хотелось верить, что сближение между арабами и евреями возможно и может быть достигнуто что-то вроде равенства между ними, как только палестинцы получат собственное государство. Но независимо от того, кто в прошлом и кто теперь повинен в провале мирного процесса (а я сознательно уклоняюсь от обсуждения здесь этого сложного вопроса), вырисовывается большой исторический шанс: возможно, сама попытка основать современное еврейское государство, возглавляемое европейскими евреями, не имеет шансов быть принятой «местным» населением в Третьем Мире (полностью абстрагируясь от религиозного вопроса установления еврейского суверенитета в «сфере ислама»). Мне известны все аргументы, что сионизм не является классическим колониальным движением, но эти аргументы затерты до дыр: достаточно посмотреть на поселения на территориях и сравнить их с соседними палестинскими деревнями, чтобы увидеть колониализм в действии. В то же время «постсионистская» позиция также выглядит неправдоподоб-

ной. Разве не верит всякий в глубине души, что бинациональное или плюралистическое государство с равными правами для евреев и палестинцев — не что иное, как утопия? Может быть, через сотню лет, но в настоящее время — вряд ли.

Сионизм зародился сто лет назад в Европе, когда либеральный национализм еще казался возможным, — то есть национализм, который может базироваться на определенной этнической группе, но не требует исключения других. История ушедшего столетия не способствовала подобной идеологии. Она привела к двум мировым войнам, изгнала племенной национализм из Центральной Европы, но его демоны продолжают возникать на Балканах и в других регионах бывшего коммунистического мира. Декларация независимости Израиля, которая, провозглашая еврейское государство, в то же время гарантирует полные права его гражданам, явилась попыткой выражения либерального еврейского национализма. Но Ближний Восток для такой доктрины подходит, пожалуй, даже меньше, чем Европа. Противоречия этой Декларации становятся очевидны в отношении арабских граждан Израиля, но в еще большей степени губительны для либерального сионизма тридцать четыре года Оккупации.

Позвольте мне особо подчеркнуть, что неудача либерального сионизма не явилась тем полным провалом, в котором его обвиняют. Эта неудача не отрицает исторической необходимости и законности создания еврейского государства: надо быть глухим к истории евреев в XX столетии, чтобы отрицать право евреев на самоопределение и суверенное государство. Но в настоящий момент трудно представить себе, как Израиль может отбросить свою собственную форму племенного национализма и реализовать обещанные плюрализм и равенство как для евреев, так и для палестинцев в пределах своих границ. Что бы ни говорили прогрессивные голоса, которые несмотря ни на что раздаются в Израиле, будущее израильского либерализма представляется поистине мрачным. Все это составляет открытым глубоко тревожащий вопрос, который поднимают многие наши друзья в Израиле: где та красная линия, за которой мы уже не сможем больше поддерживать Израиль при его нынешнем режиме? Находятся ли массовые нарушения международного права на

территориях, включая коллективные наказания, превращение целых деревень в гетто, снос домов и фруктовых садов, уже за пределами этой линии?

Те евреи, которые предпочли Америку Палестине в процессе великой миграции минувшего столетия, осознанно или нет, стоят за более плюралистический национализм. Они, возможно, не были настолько идеологизированы, как сионисты (хотя важно подчеркнуть, что многие из тех, кто нашел приют в Израиле, также не исходили из идеологических соображений). Кроме того, Америка обладает определенной, хотя и иной идеологической притягательностью для евреев: она представляется *золотой Мединой*, улицы которой не только вымощены финансовым золотом, но предоставляют такую политическую, культурную и религиозную свободу, которую евреи вряд ли могли бы найти где-либо еще. В отличие от Франции, чьи республиканские идеи также действовали подобно идеологическому магниту, Америка обладала способностью абсорбировать иммигрантов, не вынуждая их утрачивать свою идентичность. Эта способность не была изначально неотъемлемой частью американского договора. Тенденции гомогенизации, ассимиляции и даже антисемитизма на протяжении всей американской истории были достаточно сильны и, конечно, не исчезли полностью в настоящее время.

Но евреи на протяжении всего XX века сами играли центральную роль в превращении американской самоидентификации в такую разновидность этнического плюрализма, при которой такое меньшинство, как евреи, могло бы чувствовать себя одновременно и отдельной общностью, и составной частью мультикультурного большинства. Плоды этой трансформации стали все более заметны в последние десятилетия, когда еврейская жизнь в Америке переживает культурный и духовный ренессанс. Этот ренессанс пришелся как раз на то время, когда можно было бы ожидать обратного, и он явился не результатом исключения из большего общества, а результатом беспрецедентного включения в него. Никогда прежде евреи не принимали столь активного участия в основных сферах жизни Америки (и, пожалуй, многих других стран диаспоры), как в наше время. Никогда уровень антисемитизма не был столь низким, а спорадические вспышки преступлений,

порожденных ненавистью, столь кратковременными. Но в противовес продолжавшемуся после Второй мировой войны периоду интеграции, когда большинство евреев полагало, что толерантность требует от них самих стирания различий, сегодня — когда в принципе можно вообразить, что ортодоксальный еврей может стать президентом, — не возникает такого возражения, как «слишком еврейский».

Возможно, показателем стойкой идеологической приверженности евреев американскому плюрализму является именно то, что американские евреи остаются, вопреки всем ожиданиям, столь политически прогрессивными. Социальная справедливость — это, как и прежде, по сути своей то, как большинство американских евреев определяют свой иудаизм, независимо от того, основывается этот идеал на исторической еврейской традиции или нет. И именно этот идеал порождает такое противоречие между евреями Америки и евреями Израиля: что они призваны защищать — либеральный плюрализм или усиливающийся племенной национализм?

Я не намерен романтизировать Америку или еврейскую культуру в Америке, я также не хочу, чтобы меня считали идеологическим антисепатом. Америка сама по себе еще далека от полной реализации своего идеала эгалитаризма и плюрализма. Не все евреи разделяют еврейский плюрализм и прогрессивный взгляд на Америку: племенной национализм здесь также процветает. Американская материалистическая этика индивидуальной самодостаточности противостоит усилиям сохранить смысл еврейской общины, основанной на духовных и этических ценностях (посмотрите, как устоявшиеся общины выбирают своих официальных лидеров!). Ассимиляция — неизбежная плата за жизнь в открытом обществе — приняла угрожающие размеры, а уровень еврейского образования, даже среди евреев, приверженных еврейской традиции, скандально низок. Для таких, как я, секуляризованных евреев, приверженных еврейской культуре, развитие этой культуры в Америке значит больше, чем в Израиле, где секулярная ивритская культура, несомненно, процветает и где нарождающийся интерес секулярных израильтян к еврейским источникам стимулируется возможностью прямого языкового доступа. С другой стороны, само по себе отсутствие государственной поддержки ортодоксального иудаизма

могло бы стать лучшей гарантией плюралистического характера еврейского возрождения — от духовности движения еврейского обновления до экспериментальной ортодоксии, консерватизма и реформизма, вплоть до нерелигиозных, культурных форм еврейства.

Как же ответить на исторический вопрос, который я поставил ранее? Нет простого ответа. Наоборот, давние дебаты между торжествующим еврейским национализмом и космополитическим диаспоризмом требуют новых форм. Обе эти идеологии не выполнили своих обещаний. Одно время я думал, что еврейская история может делаться только в еврейском государстве. Впоследствии я пришел к пониманию того, что еврейская история делается повсюду, где только есть евреи, хотя часть моего существа все еще чувствовала, что те мои друзья и родственники, которые выбрали Израиль, находятся ближе к центру еврейской творческой активности. Но теперь я задаюсь вопросом — разве те из нас, кто выбрал Америку, не чувствуют, что мультикультурная нация лучше подходит для создания здоровой и плюралистической еврейской жизни? Возможно, в будущем Израиль тоже станет такой нацией, но это будущее представляется очень отдаленным.

Итак, горько-сладкое пятнадцатилетие журнала «Tikkun» и той картины мира, которую он создал для сообщества своих читателей. Но я думаю, что мы не должны поддаваться пессимизму. Нам нужно возобновить наши усилия на пути создания оживленной еврейской жизни в этой стране, на основе ли социальной активности, духовной практики или изучения текстов — или, еще лучше, на сочетании всех этих подходов. Мы должны лучше интегрировать наше еврейское самосознание в решение насущных проблем американского общества. В то же время — в противоположность тем, кто превозносит только диаспору, — мы не можем повернуться спиной к Израилю. Мы должны, как и прежде, решительно поддерживать наших братьев и сестер в Израиле, которые, несмотря на сильнейшее неприятие их позиции, ведут борьбу против Оккупации, за истинно *еврейское* государство, основанное на принципах справедливости, равенства и прав человека.

Дэвид Байль — редактор американского еврейского журнала леволиберального толка «Тиккун».

Наоми РАГЕН (Израиль)

ИЗ ИЕРУСАЛИМА, С СОЛИДАРНОСТЬЮ

Назавтра после того, как три бомбиста-самоубийцы взорвали себя в разных местах Израйля, убив еще пятерых ни в чем не повинных мирных граждан, я сидела и писала о том, как я стосковалась по Америке. Из моего дома в Иерусалиме, издалека, мне казалось, что она сияет, как маяк стабильности и безопасности на приветливом берегу.

Могло ли так случиться, чтобы спустя всего 24 часа моя родина, город Нью-Йорк, где меня учили и воспитывали, с его многообразием и бесконечными перспективами, где еще живут мои братья со своими семьями, превратился в кладбище тысяч невинных людей, уничтоженных теми же убийцами, которые залили кровью улицы моей духовной родины, Иерусалима?

«Злобные, трусливые террористы, — сказал о них мэр Джулиани, — нападающие на невинных мужчин, женщин и детей, занятых своими делами». И еще: «Это нападение на свободу и наш образ жизни».

Премьер-министр Великобритании Тони Блэр назвал это атакой на свободный мир, на демократию.

Как жаждали мы в Иерусалиме, на который напали те же террористы, услышать эти слова! В восточном Иерусалиме у палестинцев праздник, спонтанное ликование по поводу этого дикого, варварского акта, короткий репортаж о котором передают CNN и BBC. Обе компании на протяжении многих месяцев источали симпатию к палестинским бомбистам, брали интервью у их родителей, копались в их тонких чувствах, в их благородных побуждениях.

Мне любопытно, как эти компании чувствуют себя теперь, когда в бойне, устроенной этими людьми, погибли сотни граждан Великобритании, тысячи американцев? Смущены ли они? Прозрели ли? Очень хотелось бы знать.

Как раз накануне, освещая тройное воскресное самоубийство в Израйле, компания BBC сообщила: «В актах насилия на Ближнем Востоке погибли восемь человек». Имелось в виду: трое бомбистов-камикадзе и пятеро израильтян, павших жертвами этих хладнокровных убийц. Я думаю, они не станут включать пилотов-самоубийц в число американских жертв или говорить, что американцы погибли в ходе непрекращающихся актов насилия. Не теперь, когда сама Британия почувствовала, что земля у нее под ногами уже не такая твердая, как раньше.

Почему снова и снова история должна учить нас одному и тому же: терпимость по отношению к антисемитизму и убийствам евреев неизбежно приводит к тысячекратному росту числа катастроф, в которых погибают невинные люди всех рас и религий во всем мире? Злоба, аморальность и расизм всегда выбирают евреев в качестве своей первой мишени, но в качестве последней — никогда. Если агрессию терпеть, ее силы растут, и она начинает пожирать остальной мир.

Умиротворение, сказал Черчилль, — это то, что чувствует крокодил, который надеется съесть вас последним. И это не помогает. И теперь, после поражения в Дурбане, где был спущен с цепи самый злобный расизм нового времени, совершается покушение на жизнь лидера свободного мира и его народ.

Я не испытываю никакого удовлетворения от того, что мир, который был так слеп в своем безразличии к евреям Израйля и кормил нами крокодилов, теперь должен испытать весь тот ужас, с которым мы вынуждены жить каждый день на протяжении месяцев, лет. Но я надеюсь, через силу вывода эти слова, что новый свет пробьется сквозь клубы злобного дыма разрушения и тьмы, унесших так много невинных жертв, погубивших так много, много невинных семей. Свет решимости и трезвого морального мышления, которое позволит всем добрым людям всего мира объединить силы и нанести сокрушительный удар по воплощению зла — фанатизму и мусульманскому фундаментализму, который рядится в религиозные одежды и ни во что не ставит человеческую жизнь.

Мне очень жаль, что прозрение приходит оплачивать такой ужасной ценой.

Я молюсь за моих соотечественников-американцев. Бог мой, спаси и сохрани их всех. Дай им силы вынести невыносимое, привести всех нас к победе над темными силами новых варваров, которые корчат из себя пролетариев Третьего Мира.

Я молюсь за своих соплеменников-евреев, особенно за тех, кто в Эрец Израэль, кто продолжает пополнять первые ряды этой ужасной войны. Пусть каждый из вас будет вписан в книгу счастья, безопасности и плодородия. И пусть все добрые мужчины и женщины во всем мире не знают горя.

Перевел с английского Л. Сокол

ДЛЯ ЕВРЕЕВ МИРА ИЗРАИЛЬ — НЕ ПРОСТО ЕЩЕ ОДНО ГОСУДАРСТВО

Мы, пожалуй, самое привилегированное поколение в современной еврейской истории. Нам посчастливилось быть свидетелями событий, о которых на протяжении двух тысячелетий наши предки могли только мечтать и молиться, но им не суждено было их увидеть и пережить. Государство Израиль было возрождено, Иерусалим был воссоединен под еврейским суверенитетом. Несмотря на бесчисленные препятствия и невероятные трудности, Израиль стал в экономике образцом для подражания и серьезным игроком на мировой арене. Кроме того, Израиль создал и сохранил демократию в регионе, где она — редкость. И мы стали свидетелями свершения пророческого видения Собираия Изгнанников: избавления пребывавших в опасности еврейских общин России, Эфиопии, Сирии и Йемена. Талмуд уподобляет Собираия Изгнанников дню Сотворения. Поистине, наше поколение узрело мир, сотворенный вновь.

Успехи Израиля — не временные. Государство Израиль — не просто еще одно государство: Сион принадлежит истории и всему еврейскому народу. Земля Израиля уникальна, ей присуща особая *кедуша* (святость), здесь с уверенностью могут быть исполнены определенные *мицвот* (заповеди). Не преуменьшая важной роли общин диаспоры, следует все же сказать, что полностью состояться еврей может только в Израиле.

Весь мир на протяжении пятидесяти лет не перестает удивляться чуду современного Израиля. Когда бывший премьер-министр Перес выдвинул концепцию нового Ближнего Востока с перспективой экономического сотрудничества всех стран региона, многих арабских лидеров охватил настоящий страх, что Израиль будет господствовать над ними. Вообразите себе сотню миллионов арабов с огромными

нефтяными доходами и огромными территориями, которые опасаются нескольких миллионов евреев, живущих на территории размером со штат Коннектикут!

Нас можно было бы назвать поколением чудес. В отличие от остального мира, евреи, однако, пресытились своей необычайно счастливой судьбой. Мы не замечаем, забываем или не ценим чудес. Как будто еврейское государство досталось нам даром, мы недооцениваем уникальности Земли Израиля и наших особых связей с ней.

Нам было бы уместно припомнить реакцию Гершля, когда его спросили, почему бы ему не основать еврейское отечество на той предлагавшейся нам земле, которая теперь называется Угандой. Гершль ответил: «Это все равно, что спрашивать меня, почему я еду за сотни миль навестить мою бабушку, когда есть сотни старух поблизости, которых мне было бы навестить гораздо проще».

В начале своих комментариев к Торе Раши говорит, что Тора начинается с предания о Сотворении мира, а не с первой заповеди, для того чтобы в будущем, когда наше право на Израиль будут оспаривать, евреи смогли заявить, что Создатель небес и земли дал нам Землю Израиля. Некоторые комментаторы отмечают, что это обоснование в действительности предназначено не для того, чтобы отвечать остальному миру, а для того, чтобы вселить уверенность в нас, евреев, — чтобы подавить любые сомнения, которые могут у нас возникнуть, когда мир бросит вызов нашему праву на Землю Израиля.

Как евреи диаспоры, мы должны работать в содружестве с евреями Израиля. Наше выживание взаимосвязано: мы зависим от Израиля, а Израиль зависит от нас. Мы не можем себе позволить разделения в этом смысле. Объединение евреев всегда предшест-

вовало крупным событиям и достижениям в еврейской истории — от Синая, где мы получали Тору и стояли как «один человек с одним сердцем», до недавней борьбы за свободу советских евреев, когда мы шагали вместе, независимо от географических, идеологических или религиозных различий. Хотя с библейских времен мы всегда были разными людьми, мы не можем позволить этим различиям взять верх. Наши враги рассматривают каждую трещину в броне еврейского единства как возможность ослабить нас и создать угрозу нашим интересам. Соответственно, мы должны найти общую почву для всех евреев и подчеркивать то, что нас связывает, а не то, что нас разделяет. Мы должны создать атмосферу, в которой можно открыто говорить о наших различиях в конструктивном и уважительном тоне. У нас одна вера и одна судьба. Если одной части еврейского народа грозит опасность, страдаем мы все. «Мы едины» — это нечто большее, чем лозунг кампании по сбору средств: это ключ к нашему выживанию. Действительно, весь еврейский народ — это гораздо больше, чем сумма его частей. Наш долг перед будущими поколениями — не растратить впустую ограниченные ресурсы на внутренние конфликты и не позволить *син'ат хинам* (беспричинной ненависти) разделить нас.

Задача диаспоры — не просто оказывать политическую поддержку и экономическую помощь Израилю. Самы евреи диаспоры переживают кризис. (Различие отношений к Израилю — симптом этого обширного кризиса.) Признавая это, многие сегодня говорят о целостности еврейского народа. К сожалению, многое из этих разговоров — всего лишь лозунги. Целостность еврейского народа должна пониматься как нечто большее, чем основание для осуществления новых общинных программ. Еврейское единство должно пониматься как сердцевина нашей ответственности, как сущность нашего еврейства — поддержания наших традиций, сохранения наших ценностей и передачи их будущим поколениям.

Два слова в иврите обозначают наследие: *мораша* и *еруша*. *Еруша* — это то, что оставляет Вам богатый дядюшка, и Вы можете делать с этим все, что пожелаете. *Мораша* — это нечто, оставленное Вам в доверительное управление. Тора относится к мораша только две вещи: Тору и Израиль.

Тора и Израиль. Они дарованы нам, чтобы мы их хранили и пестовали, и передали их в надежные руки будущих поколений. Неразрывность еврейства — передача нашего наследия и безопасности Израиля следующим поколениям — это бремя и ответственность, которые все мы разделяем. Обеспечение неразрывности еврейства — одна из причин того, что на протяжении тысячелетий, когда у неевреев образование получала только элита, еврейские общины обязаны были следить за тем, чтобы каждый ребенок получил образование. Это была коллективная ответственность и главная обязанность всей общины.

Как евреи диаспоры, мы должны распрощаться с ожиданиями, что Израиль решит наши проблемы или наоборот — мы решим его проблемы. Мы должны работать вместе, объединив ресурсы и опыт в стремлении к нашим общим целям. Посылая 16-летних американских евреев в Израиль на три недели, мы не можем рассчитывать, что они после этого станут евреями, если мы игнорировали первые 15 лет их еврейского воспитания. Израильтяне, со своей стороны, не должны указывать американским евреям, каков допустимый процент смешанных браков, чтобы из молодых израильтян не пришлось потом делать евреев. Быть гражданином Израиля недостаточно: израильтяне нуждаются в еврейской сущности, которая позволит им в полной мере почувствовать, почему Земля Израиля — это особое место, почему так много жизней отдано за нее, почему цель «в будущем году — в Иерусалиме» сохраняется и служит побудительной силой нашего народа на протяжении множества поколений.

Малколм Хонлейн — еврейский общественный деятель, директор Конференции президентов крупнейших еврейских организаций в США.

СРЕДИ НАРОДОВ МИРА

«200 ЛЕТ ВМЕСТЕ». КАКОВ ЖЕ ИТОГ?..

Лев АННИНСКИЙ

ЧЕМУ МОГУТ РУССКИЕ НАУЧИТЬСЯ У ЕВРЕЕВ?

*С двух сторон ощущаешь на себе
возможные, невозможные
и еще нарастающие упреки
и обвинения.*

*Александр Солженицын.
Двести лет вместе. Том I*

БИКФОРДОВ ШНУР ДЛИНЮЮ В ДВЕСТИ ЛЕТ

Книга Солженицына о русско-еврейском симбиозе недаром стала предметом общенационального интереса и обсуждения. Конечно, тут и момент выгодный: тема еврейства вышла, наконец, из запрета, но еще не закопелась в академизме; она еще полнится живыми обидами, но уже способна стать предметом общего разговора, где «стороны» пытаются говорить на одном языке. И литература вокруг на-капливается солидная (назову изданный под эгидой Российского Еврейского Конгресса фундаментальный том Геннадия Костырченко «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» — о решении «еврейского вопроса» большевиками; назову также книгу Сергея Кара-Мурзы «Евреи, диссиденты и еврокоммунизм», только что вышедшую в «Алгоритме», — да за любое слово на этих титулах поколение назад не только «сверху» бы прихлопнули автора, — «снизу» бы линчевали честные либералы...). Так что Солженицын не опоздал — сейчас самое время, выслушав обиды с двух сторон, попытаться все-таки понять, что свело два народа вместе и что, кроме взаимных счетов, вынесли они из своего двухвекового брака (на-

силственного ли, добровольного — однозначно не определишь).

Самый остроумный отзыв, донесшийся с *русской стороны*: для обоюдного взрыва обид хватило бы в этой книге и обложки... Соединить в одном сюжете русских и евреев! Нерасторопные русские если еще не обиделись, то обидятся непременно, как только почувствуют, что обиделись расторопные евреи. А *та сторона* уж точно в обиде. «Солженицын пишет, что у него много друзей-евреев. А зачем он их считает?»

Вообще-то я не помню, чтобы Солженицын оправдывался друзьями-евреями (такого рода оправдания действительно отдают пошлостью, но все зависит от контекста). Зачем он их считает? *Затем*, что он в данном случае исследует эту тему. Если бы он писал о шведах или о тасманийцах, считал бы и их.

Если же вы думаете, что евреев пересчитывают без повода и причины одни только антисемиты (в годы гонений в интеллигентской среде так боялись самого слова, что антисемитом казался каждый нееврей, произносящий слово «еврей»), то отвечу: их считают без повода, но не без причины. А причина та, что евреи, хотя бы они того или нет, тысячи лет являются фактором мировой истории. Если перестанут, тогда их никто и считать не будет. Вы этого хотите?

У меня появление книги Солженицына вызвало совсем иные чувства. Сам факт появления такой его книги. Подумалось: как, он и это успел?! И сил хватило, и времени! И никто не ведал, что готовится такое! Втайне, что ли, работал, как в советские времена? Во хватка, во схрон — молодец, зек!

Теперь насчет обилия материала. Иронизируют: «цитатник». Переворочил пару-тройку энциклопедий... Надрал вырезок... А с другой стороны: «неточная, тенденциозная подборка цитат».

Вы можете объяснить, что такое «точная подборка цитат»? Это, надо

думать, вся, как формулируют социологи, генеральная совокупность: все, что написано. А подборка (социологи говорят: выборка) всегда так или иначе тенденциозна. Что бы вы ни выбрали, вам скажут: у вас тенденция.

Дойдем и до тенденции, а пока — о солженицынской выборке. Там не пара-тройка энциклопедий (хотя и они тоже). Там к каждой из двенадцати глав — сотня ссылок. «Цитатник»? Да! Любый поворот исторического течения событий вышупан свидетельствами, так что от свидетельства к свидетельству выстраивается сюжет, читаемый запоем. Нет, это не «цитатник», господа заседатели, и не «фактограф», — это драма, выстроенная из исторических реплик, прошитая острым пунктиром ремарок.

Ремарки эти выдержаны в убойном солженицынском стиле — и потому, что *непоёжисты*, то есть пахнут «Словарем расширений», и — узнаваемы по неотступной точности эмоционального окраса. Кто подлец, кто трус, кто болван, кто проныра — в каждом эпизоде сказано очень даже определено.

И — главная загадка, потаенный нерв, бытийный парадокс текста: при беспощадности частных оценок — сверхзадача *щадящая*: ни на чью сторону не встать! Если обе стороны виноваты, то пусть обе и каются, причем сами, без указующего перста от правосудного автора (таких призывов к чужому покаянию сейчас полно, и всегда зовущий других выглядит самым совестью. Так вот: эту мерихлюндию Солженицын спокойно отводит. Он «погружен не в полемику, а в события». Он исследователь (подчеркну: *художественный* исследователь, то есть вооруженный писательской психологической интуицией), а не прокурор и не адвокат. И не метафизик-проповедник. Метафизику он тоже отводит. Хотя знает, что она «есть», и предупреждает об этом читателей.

Тем не менее, ему очередной упрек: зачем уклонился? Зачем не взял в расчет религиозную несовместимость евреев и русских? В ней, де, все дело: «все от иудефобии, то есть от неприятия иудаизма».

Отвечу на это так: если все упереть в несовместимость религиозных начал, то и толковать не о чем, кроме как о том, что они несовместимы. Такие начала в принципе несопрягаемы и даже необсуждаемы, они — предмет веры,

результат духовного опыта, сокровение судьбы. Ни один иудей не объяснит вам и не докажет, что хорошего в том, чтобы придерживаться шести сотен ритуальных запретов тысячелетней давности, и зачем надо быть богоизбранным народом, точно так же, как ни один православный не растолкует вам внятно, зачем ему древнее благочестие и чем ему не угоден римский папа. Это именно метафизика, с этим надо жить, то есть уживаться, не пытаясь ничего свести к общему знаменателю и признавая, что религиозная пестрота в человечестве природна и будет всегда.

Упереть русско-еврейский вопрос в юдофобию или христолюбие — значит не наплодить ничего, кроме новых обид. Правильно Солженицын «небесное оставил Богу».

Это не значит, что в его исследовании вообще нет метафизической сверхзадачи. Она есть, только возникает из «событий» как бы «сама собой». Это план «историко-бытийный», историософский, соотносимый с дальним смыслом событий и прежде всего — с судьбами стран и народов. В конце концов, это и геополитический аспект тоже, в какой-то мере теперь все время с изумлением утыкаемся. В таком общечеловеческом контексте действующие лица солженицынской драмы обретают символическую значимость и требуют от автора чистоты писательской интуиции.

Действуют тут два собирательных героя: евреи и русские.

Евреи в этой драме динамичны, практичны, беспокойны, предприимчивы, шумливы, сметливы, неугомонны, увертливы, упорны (самоупорны), фанатичны, страстны, чутки и быстры, отточенно напористы, талантливы к учению, радикальны в решениях и действиях, блистательны умом и пером, замечательно слитны духом, они «плуты и обманщики», у них «ловкость и энергия», они борцы, говоруны, теоретики и всегда знают, что делать.

Русские — не знают, что делать. Они делают все невпопад, растеряны, нерасторопны, великодушны, недальновидны, непрактичны, рыхлы духом и — в стыке с евреями, то есть в той точке, где сходится с еврейским галутом русская интеллигенция, — русские, как и евреи, — пламенно беспочвенны.

В концентрации, какую я придал этим характеристикам, они могут по-

казаться обидными (кое-что я взял в кавычки: это определения, данные другими авторами, коих Солженицын цитирует, но не оспаривает). Однако в каждом конкретном случае эти определения, четко привязанные к событиям, выдаются в авторе их не столько решительность, сколько опаску: боязнь обидеть, перейти грань.

Он нигде и не перешел грани. Он эту грань перелетел, отнесясь в сверхзадаче к смыслу драмы: к тому, что свело русских и евреев во всемирной истории, почему этот контакт оказался столь значим и чему мы научили друг друга, в том числе и горькими уроками.

Не хочется выверять, где и как Солженицын подобрал цитаты, или ловить его на фактах. А то еще и сам поймаешься. Я, например, раньше знал, что Ходасевич — внук Брафмана, но возможно, что Солженицын выяснил точнее: что — внучатый племянник. Или: у Солженицына уловка французов при Березине состоит в том, что они через евреев подбросили Чичагову ложные сведения о месте переправы, и адмирал поверил. Я знаю другую версию: обгорели французы Чичагова тоньше: подослали евреев с истинными сведениями, рассчитывая, что *евреям* адмирал не поверит, и тот не поверил-таки: попался. Вообще, обильнейшая по материалу книга содержит бездну увлекательных конкретных сюжетов, но важнее общий ее сюжет: русско-еврейский дуэт в мировой истории и смысл его.

Вопросы в связи с этим возникают вечные, то есть проклятые, окончательного решения не имеющие. Думать над ними в связи с книгой Солженицына — счастливый труд.

Вот и подумаем.

ВОПРОС НЕ СТОЛЬКО ЕВРЕЙСКИЙ, СКОЛЬКО РУССКИЙ

В 1772 году Россия прикромсала себе треть Польши со стотысячным еврейским населением; «от этого года надо датировать первое значительное скрещение еврейской и русской судьбы».

Тогда встал практический вопрос: что делать с евреями? Приснопамятные впечатления от них были какие-то... неисследимые.

Петр I говорил, что они плуты и обманщики. Однако говорил и другое: что ему безразлично, крещен ли чело-

век или обрезан, знал бы дело да был бы порядочен. Шафиров выходит аж в вице-канцлеры, хотя и мошенник. Как возвышен и куда больший мошенник Меншиков, крещеный необрезанный. Оба знают дело.

Екатерина I под давлением того же Меншикова повелевает выслать евреев из Украины и из российских городов. Год спустя выясняется, что указ не исполнен. Вы следите за лейтмотивом?

Анна Иоанновна *еще раз* указывает: евреям — убраться! Вообще за границу. Земли им в Малороссии не давать! Ничего не выполнено.

Елизавета Петровна, прославившаяся фразой: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли», — запрягает врагам «жить в нашей империи». Враги вроде бы выезжают, а потом выясняется, что они опять тут.

Екатерина II, учтя неудачи своей кроткой предшественницы, действует хитрее: она декларирует по отношению к евреям государственную строгость, но втайне им сочувствует и помогает. «Императрица... вынуждена прибегнуть к конспирации!» — не без одобрения комментирует бывший зек Солженицын.

Однако делать с евреями что-то все-таки надо. Во всяком случае, надо пресечь шинкарские их дела, от которых стонет и спивается беззащитное славянство. В целях искоренить это безобразия решено выселить евреев из деревень в города.

Исполнение буксует, потому что непостижимым образом деревни *переименованы* в города. Евреи остаются на месте. Беззащитные славяне тоже. Питье продолжается.

Гаврило Державин, отложив лирическое перо, едет в Западные губернии, чтобы разработать программу извлечения евреев из шинкарско-кагальской тьмы и вовлечения их в общероссийскую жизнь. Евреи не спорят, разве что одна ушлая винокурщица пишет кляузу, будто тот побил ее палкой, отчего она преждевременно родила. Но сей навет опровергнут. А дальше? Державинские проекты утоплены тихо и бесповоротно. Отпав от проблемы, великий поэт возносит ко Всевышнему следующий вопль: «*Ежели Всевысочайший Промысл, для исполнения каких своих неведомых намерений, сей по нравам своим опасный народ оставляет на поверхности земной и его не ис-*

требляет, то должны его терпеть и правительства, под скиптр коих он прибегнул...»

Скиптр переходит к Александру I. вновь решено выдворить сей опасный народ из деревень. Вряд ли это удалось бы и при спокойной обстановке, — замечает Солженицын, видимо, слегка уже устающий от этой песенки, — а тут еще Наполеон с войной... В общем, выселение отсрочивают, и евреи остаются на месте... а потом вдруг кидаются переселяться тайно, без позволения и даже без паспортов. Сколько ушло, сколько осталось, учесть не представляется возможным.

Даже предпринятое в Риге пустяшное дело: переехать евреев из вызывающих лапсердаков в общепринятое там «немецкое платье» — никак не исполнится: государь, смирясь, это дело откладывает.

Поначалу кажется, что этот попутный мотивчик возникает в солженицынском повествовании произвольно... да он и должен возникать как бы произвольно. Но когда мотив перетекает в лейтмотив, закрадывается мысль: не он ли определяет и мелодию?

Разумеется, не одни евреи исхитряются в уклонении от ударов державной длани; русские спокон веку делают то же самое (Иоанн Грозный, закабалая народ в крепостное бесправие, объяснял, что иначе он не может дознаться, где гуляют в тот или иной момент его подданные). И, конечно, не на одних евреях российская власть демонстрирует свою медвежью неповоротливость и воловью нераспорядительность. Но с евреями этот сюжет обретает такое виртуозное постоянство, что изворотливость описываемого племени заслуженно входит в легенды.

Николай I, чья административная решительность сравнима с моральной озабоченностью, придает делу новый и достаточно тонкий оттенок: евреям запрещено пользоваться христианской прислугой, так как это «оскорбляет в женщинах христианскую веру».

Распоряжение не исполняется. Доклады до назначения не доходят. Решено брать евреев в рекруты — они не даются, утекают, мера остановлена по причине невозможности справиться с «безотчетной и бесконтурной еврейской массой». Решено (очередной раз) выселить евреев из деревень — выселение вязнет и тормозится. Им пыта-

ются запретить торговать водкой лично — ничего не выходит. Заходят с другого боку: запрещают евреям держать почтовые станции («а при них... постоянные двory с шинками») — отменяется и это.

Наконец, октася, пробуют втянуть евреев в общероссийское просвещение. Евреи сопротивляются: «Венценосный изверг приказывает обучать евреев русской грамоте», — иронизируют они и, разгадывая в планах Уварова тайную ассимиляторскую цель, уклоняются от русских школ так же ловко, как уклонялись от рекрутчины. (А два царствования спустя кинутся поступать в школы и университеты, правдами и неправдами преодолевая процентную норму, и опять — поперек воли властей!)

Ну и народец.

Не хотят пахать — хотят ремесленничать, любыми путями самовольно уходят в ремесло, но едва это дозволено и власть пытается определить евреев в цеха, то есть в «принудительное производственное обучение», — уклоняются!

Даже такая вроде бы законно-логичная мера, как запрет контрабанды и попытка выселить евреев-контрабандистов из приграничной полосы, — выворачивается в их пользу и проваливается, произведя тот единственный эффект, что вся Европа с возмущением клеймит Россию, которая, как сказали бы теперь, плевать хотела на права человека.

Николай I пытался взнудать — Александр II отпускает поводи: никаких ограничений! Расселяйтесь! Торгуйте! Учитесь! Включайтесь в общероссийскую жизнь! Берите, наконец, землю...

Землю окончательно отказываются брать. Впрочем, с землей — особый сюжет. А наш лейтмотив продолжается: не входят евреи в общероссийскую жизнь. А входят — в антироссийскую: бунтарскую, мятежную, интернациональную, революционную.

И что же? От этого самого революционного движения они и получают погром (народовольцы: «Бей евреев, а там доберемся и до помещиков»). Однако и участие евреев в революционном движении — тоже тема особая, сейчас я о другом: о фатальном соскальзывании еврейского «вопроса» со среднеразумной линии. Русские бомбисты говорят: «Пошло против евреев — так не отстать бы от народа!» Но и еврейские бомбисты говорят то же: не отстать! Едва какое-то право добыто,

«то уже сочтено и мелочью». Давай все! Все та же своя потаенная логика. Если не назад выскальзывают и не в сторону, то — вперед.

В сторону тоже: с конца либеральной эпохи начинается эмиграция — первый вестник *конца* двухсотлетнего совместного бытия, забрезжившая развязка сюжета.

Сюжет итожит Ипатьевский Комитет, по счету девятый (!) ради разрешения еврейской проблемы. Итог: все усилия правительства по слиянию евреев с прочим населением тщетны.

Полдистанции пройдено: век усилий. Уклонились-таки!

Вот я и спрашиваю: где пружина? Независимо от конкретных причин в тот или иной период — что за тайна в поведении этого народа? Какая сверхзадача писана ему на роду? Каков, говоря державинским штилем, Всевысочайший Промысл, велящий ему так фанатично уклоняться от внешних воздействий — дурных ли, добрых? Что за инстинкт диктует ему выскальзывать — инстинкт, который для этого народа сильнее, выше (или глубже?), фундаментальнее, онтологичнее, то есть бытийно важнее всех прочих благ или жертв? Инстинкт самосохранения народа — это самоцель? Или, как мог бы сказать автор «Матренина двора» (и как сказал он по поводу прискорбного состояния *другой стороны*), — превыше всего — инстинкт народосохранения?

А если это и есть — Замысел, который ведет «сквозь все»? Опыт идентичности, мистика имени. Вот уже, кажется, ничего нет: ни языка, ни веры, ни имени... Что остается? «Что-то»... Дуновение эфира, воздух...

И висая в воздухе, питаюсь воздухом, люди воздуха из воздуха же способны вернуть все, что отдали: язык, веру, землю. Люди, более всего боявшиеся «прирасти к месту», прирастают-таки к месту... только не к тому, какое им предлагалось...

Значит, разгадка — в самом феномене сплочения? «Жить по Закону и никак не смешиваться с окружающими народами, в этом и испытание», — доводит Солженицын до формулы неисследимый дух еврейства.

И оценивает его применительно уже к *нашей стороне*: «Более чем двухтысячелетнее сохранение еврейского народа в рассеянии вызывает изумление и уважение. — И дальше, с горечью: —

Нам, русским, — даже малую долю такого изоляционизма ставят в отвратительную вину».

Так если бы! Но такой спаянности, такой обособленности, такой преданности имени нет между русскими. Вольные мы люди, гуляем!

Сознавая это, великий русский писатель говорит: «рассматриваемый вопрос — не столько еврейский, сколько русский»

По каковой причине он им так пристально и занимается.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС ДЛЯ ЛЮДЕЙ ВОЗДУХА

Оставляю в стороне все шатания и колебания русской власти, то сажающей евреев на землю, то сгоняющей их с земли: повороты здесь столь круты и неожиданны, что даже Лев Толстой высказался на сей счет невольно, так что Солженицын переспросил: «На каких облаках он жил?»

На облаках, как известно, предпочитали жить евреи. И это висение на облаках, то есть отрешение от земли, подкрепляется не столько даже реакцией на правительственные постановления (от исполнения коих евреи, как мы видели, уклоняются виртуозно), сколько некими прирожденными, то есть едва ли не биологически непреодолимыми свойствами тела и души, каковые никакому научному исследованию явно не поддаются, а именно и только художественному.

Опять ловлю лейтмотивы солженицынской книги.

Им не давали землю? Давали.

Их выселяли туда, где и без них было тесно, — в гущу конкурентов? Нет, на пустые площади в Новороссии. Конкурентов не просто не было — их отсутствие являлось одним из условий, и даже побудительным мотивом русской власти: избавить евреев от скученности местечек и расселить «попросторнее».

Так именно «попросторнее» и не захотели! Сбивались обратно в скученность. Может, не на что было подыматься и переезжать? Нет, правительство давало ссуды.

А они брали ссуды и смывались. Или — более изощренный вариант: брали землю и сдавали в наем, в аренду, за которую взымали деньги с «христиан»,

то бишь с крестьян; крестьяне землю обрабатывали, а евреи с этого жили. И еще могли себе немного портняжить, по анекдоту.

А если брались обрабатывать сами?

Ну, это вообще смех и грех. Надо пахать, а они молятся. В субботу вообще ничего делать нельзя, нельзя даже погнаться за ворами, которые сводят со двора скот. А свести проще простого: евреи за скотом не смотрят, загонов не строят, выгоняют без пастухов, а если с пастухами, так те не стерегут, а напропалую спят. И это потомки славных библейских овцеводов! Им власть даже «теплые армяки с капюшонами» выписывает — чтобы в холод могли выходить кормить скотину, — нет, не в коня корм. Ни того же коня уберечь от запала, ни корову вовремя подоить... Милей всего — всю эту живность разом продать, а самим... что? Как что? Уйти «бродяжничать».

Рядом — в той же Новороссии — живым укором — немцы-колонисты. С крепкими постройками, с тучно-нежными стадами, с богатейшими урожаями. Как тут не посыпать головы пеплом? «Земледелие запрещено еврею его народным духом, ибо, внедряясь в землю, человек всего легче прирастает к месту». Это Гершензон, которого Солженицын не комментирует. А это как раз и хочется откомментировать. Может, именно здесь зарыта собака?

К месту не прирастает. Место не то. А лучше сказать: *не то место*.

То место в еврейско-русском языке окутано лаской миниатюрности: «местечко».

Но хоть в местечке-то можно обосноваться безоговорочно?

Нет, с оговорками. В тех немногих и кратковременных порывах, когда евреи все-таки соглашаются «вместиться» и зовут соплеменников (в Новороссию или в Украину — из Литвы, Белоруссии), они зовут, заметьте, *соплеменников*. Им нужна не просто земля для прокорма, им нужна — Родина. Пусть в миниатюре. А им что предложено? Гигантская многонациональная империя. В ней они могут стать гражданами, могут — налогоплательщиками, могут, наконец, земледельцами и даже землевладельцами. Но они должны перестать быть «евреями». И этот пункт, этот неухватываемый, как дуновение воздуха, пунктик, это «непонятно что» — оказывался весомей пахоты, едче пота, сильнее страдной бессонницы.

Нужна не земля вообще, но земля, которая стала бы *своей*.

В Девятнадцатом веке никто им *такой* земли не предлагал. Только в Двадцатом, в первой половине: вот вам Биробиджан... И что же? Без надежды собрать там *все* еврейство — захирело. Может, Крым? Аргентина? Уганда?

А может, Палестина?

Чем эти священные пески и камни лучше новороссийских черноземов и дальневосточных «лесов, полей и рек»? Это ж безводье, веками иссушенное! Там же, после веков турецкого роскошества, — нежить! Вверху голые скалы, внизу болота!

И что же? Кинулись! Круговую оборону заняли! Я уж оставляю в стороне пресловутую еврейскую «трусость», в которую когда-то и Лесков не верил, но откуда такая землеустроительская прыть? Куда делась склонность к «беззаботной жизни»? Именно в эти камни, в эти болота двинулись. Осушали, пахали, цедили воду. Кто хоть раз был в кибуце и видел стада коров, меченых индивидуальными номерами (рационирование — по компьютеру), или капиллярный полив (по компьютеру же), тот вряд ли станет повторять байки про вечно дрыхнувших пастухов и про земледелие, «запрещаемое народным духом».

А если вы скажете, что земледелие должно быть не «компьютерным», а по-русски героическим, насадным, мускульно-надрывным, — так именно на такой жуткий труд, и без всяких компьютеров, — поначалу и ехали первые реэмигранты. Именно так подымали палестинскую целину, осушая топи, дробя и убирая камни и только потом впрягаясь. Было даже такое специальное понятие: *еврейский труд*. То есть возвращение имени — не через торговлю, не через оборот и оборотистость, а именно через тягло и тяготу.

Так почему *там* вышло то, что *нигде* не получалось?

Потому что там — не «место» обитания, а Родина. Которая не ставит тебе условий и которой ты не ставишь условий. Это то, что выше условий. Это вообще выше всего. В том числе и выше безопасности. Какая там безопасность, если из-за тех же святых камней осыпают тебя камнями родичи-измаилиты! Им что нужно — тоже «среду обитания»? Нет, и им — Родину. В Иордании плохо, и в Ливане не то, а вот именно этот кусочек земли подай, ко-

торый им, палестинцам, обещал Бог.

Вот и финал еврейского скитания. Ни Уганда, ни Аргентина, ни Россия не давали этого. Землю давали — прокормиться. А надо было еще и Богу вернуть кочующую и закоченевшую душу. Именно туда вернуться и там собраться, где договорено было тысячи лет назад. Договор, Завет, Замысел — вот дно проблемы. Или бездонье ее. Если учесть, сколько народов считают ту землю обетованной.

Мистическая тайна сокрыта и под армяком с капюшоном, и под лапсердаком, и под профессорскими очками, отшлифованными где-нибудь в Иене или Гааге. Из невесомости можно опуститься только на те камни, которые сто поколений назад услышали Имя. Чокнутые, да?

ФИЗИОЛОГИЯ ПОГРОМА

От первых спорадических погромов середины позапрошлого века (до 1881 года — только в Одессе громили евреев, нигде больше), через встречный взрыв слепой русской ненависти, настигший евреев после первоапрельского царубийства, к диким побоищам 1905 года («Довольно к нам врагов своих любили, мы ненавидеть их хотим!») — через все погромные страницы новейшей русской истории тянется вердикт: евреев громила царская власть.

Обманность этого вердикта я заподозрил впервые лет сорок назад, когда прочел у Шульгина (полузапретные книжки его ходили тогда по рукам), что он, Шульгин, молоденький тогда офицерик, в Киеве во главе звзда солдат пытался погром *остановить*.

Кто же устраивал погром, если власть его останавливала? Солженицын последовательно опровергает прилипшую к «еврейскому вопросу» ложь о правительственном поощрении погромов. Да, была растерянность, была нерасторопность, было, наконец, фирменное русское упование на «авось», но *устраивать* погромы для власти было просто абсурдно.

Ну, тогда — «Союз русского народа»? Солженицын опровергает и это: при зарождении и при размахе погромов «Союза» еще не было, а когда он появился, ни одного погрома устроить не сумел, уже хотя бы по причине организационного бессилия.

А — «черная сотня»?

И на нее повешено скорее от отчаяния, чем от фактов — ярлык пошел гулять как попало: «черносотенцами» и конституционных демократов клеймили, и веховцев...

Но если и те не виноваты, и эти не при чем, — откуда беда навалилась? Может, погромов не было? Или русских провоцировали против евреев какие-нибудь ушлые «инородцы»? Я, грешным делом, даже обрадовался когда-то, узнав (из полузапретной опять-таки литературы), что одесский погром 1821 года, зачинный, так сказать, в России, был начат греками, и не из какого-то там мистического антисемитизма, а из трезвой торгово-конкурентной зависти.

Очень хотелось мне тогда снять с русских это клеймо, невыносимо было думать об антисемитизме как о черте русского национального бытия, это ни с чем не вязалось, я кожей чувствовал облыжье и цеплялся за всякие «уточнения», вроде того, что в Кишиневе громили молдаване, а в Киеве украинцы, а в Елизаветграде...

А в Елизаветграде в 1881 году, как было выяснено, маятник погрома раскачивали «интернациональные» революционеры. Думали: натравим народ на евреев, потом перенатравим на царя. Вышло наоборот: гробанули царя, а народ в слепой ярости пошел громить евреев. Бывает: замыкают цепь причин-следствий, а она *другим концом* бьет «не туда». И начинается: око за око, зуб за зуб. Евреи царя не убивали, а их громят за царубийство. Они в ответ готовы пустить под откос самодержавие. С двух сторон растет счет незаслуженных обид и лживых обвинений: под них и почва подводится, и ложь оборачивается правдой безумия.

В Кишиневе толпа бьет беззащитных евреев; им говорят, что они ведут себя как трусы; в Гомеле евреи защищаются; обвинение в трусости смыто кровью; выстрелы еврейских боевиков вызывают еще большую ярость православных воинств... и уличная война достигает безумного накала, предельной взаимной беспощадности.

Еврейское встречное презрение (оружие слабейшего) замыкается на русское оскорбленное простодушие (сильнейший не вдруг соображает, где и как его ужалили). В историю входит еврей, который прорвал головой портрет государя и из золоченой рамы

орет: «Я теперь государь!» Этот цирковой аттракцион подкреплен подкопками, приправленными ядом эрудиции: «Мы вам дали веру — дадим и царя».

Из Шульгина помню онемение русских обывателей в ответ на такую приткость — ничего не могли вымолвить, кроме простецкого: «Да как они смеют?!» И далее — натуральнейший, всамделишный погром, в ходе которого уже мало кто сообщает, с чего началось, кто кого первый обидел и на ком начальная вина.

Так на ком все-таки начальная вина? Кто начал? С чего все это «вообще» начинается?

Не смейтесь, но начинается с того, что еврейская пасха по времени становится с христианской. 6 апреля 1903 года на улицах — «праздник народ», «много подростков», «пьяные». Мальчишки начинают бросать камни... (Через сто лет Ясир Арафат скажет: «Я не могу запретить мальчишкам бросать камни».)

...Бросание этих камней в стекла еврейских лавочек азартно комментирует толпа, состоящая «исключительно из чернорабочих». Толпа «пополняется гуляющим народом»...

Господи, из какого же «ничего» все это раскручивается, из какой висящей в воздухе, пустяшной вроде бы агрессивности, из какой безмотивно томящейся праздной энергии, *всегда* бродящей в людях и только ждущей, когда кака-нибудь Пасха совпадет с Пейсахом.

Умные представители *обеих сторон* пытаются «подняться над» тупой физиологией погрома. Умный, всеотзывчиво мыслящий русский говорит: это — не против евреев, это русская смута. Вообще.

Подхватывая утешительный тезис, Солженицын цитирует умного, глобально мыслящего еврея: дело тут не только в русской смуте, но в смуте века. Тоже вообще.

И еще — в подхват ускользящему от разума истоку безумия — две группы среди белостокских анархистов 1906 года: «коммунары» и «безмотивники». Первые весьма логичны, они стремятся вооруженным путем захватить власть и устроить безгосударственную коммуну, они — в собственном самоощущении — даже прагматичны (о реальной цене их проектов напишет по их осуществлению Андрей Платонов). Зато вторые, то есть «безмотивники», при всем безу-

мии их планов, куда лучше чувствуют психологический фон: *безмотивность террора*, ежесекундно нависающего над невинными, глубоко соответствует общей духовной *невинности*, то есть готовности начать бесчинство из «ничего», из случайно подвернувшегося под руку камня, из пустяка.

Бездумье провоцирует бездумье.

«Евреи не удержали своих безумцев... но ведь безумцы есть и между нами, русскими, и мы не могли их удержать», — пишет Шульгин, и Солженицын, процитировав его, заключает: «Так мы копали бездну с двух сторон».

А может, не копали, а валились в нее с *двух сторон*? А бездна уже была? Была пустота в сознании, заполнявшаяся «с двух сторон» какой-нибудь подножной чужью, «с двух сторон» разрастающаяся в дурь и гонор, заливавшая глаза гневом, улицы — кровью?

Какого же подвоха надо постоянно ждать с *другой стороны*, чтобы от безмотивного раздражения любой чепухой соскальзывать в бездну ненависти?

Тогда в чем подвох? Где та лакуна, и откуда пустота духа, которая разверзается, едва тронешь? Откуда замкнутый круг, который проламывается только яростью?

КВАДРАТУРА КАГАЛА

С кагалом сражался Державин, кагал изнутри подрывал Брафман, в кагал утыкались все попытки вывести евреев из местечковой замкнутости на простор мировой культуры. Кагальское сопротивление приводило в отчаяние широкодушную российскую власть, которая искренне хотела осчастливить евреев, сделав их полноценными подданными престола и приобщив к общему порядку жизни. Кагалы упирались и уворачивались, и поскольку учет еврейского населения находился в их и только в их руках, а веками воспитанная дисциплина еврейства была, на русский взгляд, такой, что ей «удивляться должно», — власть в конце концов признала, что перестроить кагальскую жизнь «извне» не способна, и прибегла к шагу всякой отчаявшейся власти: к запрету.

В 1844 году кагалы были упразднены.

Проблема осталась.

Проблема в следующем. Кагальская замкнутость, конечно, отсекает евреев

от всего развивающегося цивилизованного мира. Она погружает их в «средневековую тьму». Но в этой тьме еврейской душе безопасно. Ей тепло. Мир тесен, ограничен, связан со страданиями, — пишет Солженицын. — Но все же это целостный мир.

Добавлю: это мир *еврейский*.

Освобождаясь из темницы кагала, душа выходит на мировое поприще и оказывается перед дилеммой, которая шире и глубже любого кагальского принуждения. Евреи должны решиться *перестать быть евреями*.

Невозможно справиться с тем разрывающим притяжением, которое рвет душу с двух сторон.

Все «нелогичное» метание евреев — к земле и от земли... или: отказ идти в русские школы, когда их туда зовут (а они в ответ: «гимназический мундир — знак богоотступничества»), а потом — страстное стремление в русскую высшую школу, когда им ставят барьер процентной нормы (а они правдами и неправдами проникают), — это ведь все то же двоение души. Когда разрываешься между ассимиляцией, открывающей тебе мировой горизонт, и затвором, не открывающим тебе ничего, кроме факта «еврейства», а в чем оно, это «еврейство», заключается, попробуй еще пойми хоть извне, хоть «изнутри бездны».

Для тех, кто оставался в России, ассимиляция — разумный и реальный путь. Солженицын вспоминает, что ассимилятором был Ленин. Добавлю, что ассимилятором был и Пастернак; фраза «Не собирайтесь в кучу!» из романа «Доктор Живаго» поразила меня когда-то точным соответствием состоянию и моей раздвоенной на две «половинки» души. Мне было проще: русской «половинкой» я уже был как бы прирожден общей почве. Но как-то вживаться в русскость «чистому» еврею, если должен происходить такой самоотказ! Если психика расслаивается... И какова должна быть встречающая, «изнутри души», реакция на это состояние! Троицкий орал соплеменникам, что он не еврей, — да в этом крике, в самом этом самоопределении: *нееврей*, — больше еврейства, чем во всей Торе! Люди, читавшие Горенштейна, могли почувствовать, что это такое: когда еврей, искренне обрусевший, испытывает вечный страх, что его разоблачат.

Этот страх — так ли беспочвен?

Попробую это объяснить с помощью Петра Струве, которого Солженицын обильно и сочувственно цитирует: «*Национальность есть нечто гораздо более несомненное [чем раса, цвет кожи] и в то же время тонкое. Это духовные притяжения и отталкивания, и для того, чтобы осознать их, не нужно прибегать ни к антропометрическим приборам, ни к генеалогическим разысканиям. Они живут и трепещут в душе*».

Струве понял это за целую эпоху до того, как вопрос стал окрашиваться кровью.

Кровь может облегчать или затруднять осознание человеком своей национальности, особенно если это написано у него на лбу цветом кожи или зарублено на носу вырубкой этого чертова носа. Но решает все-таки акция духа. Извините, повторю каламбур: *решает решение*. «Нация — непрерывный плебисцит», — сказал испанец Ортега; еврей Бен-Гурион подтвердил со своей стороны: «Еврей — это тот, кто называет себя евреем».

Между этими *сторонами* и распята личность.

Можно выставить свое родословие. Можно выучить язык. Первое «неотменимо». Второе трудно. Кажется, что самое легкое — сказать себе: я — такой-то.

Так вот, это «самое легкое» оказывается самым тяжелым. Ты берешь на себя обет определенного поведения. Но ты не хочешь притворяться. Чтобы стать Павлом, ты убиваешь в себе Савла. И этого ожидают от тебя, ищут в тебе другие: искреннего перерождения. Разумеется, всегда могут найтись антропометристы из ведомства Розенберга или добровольные спецы из нашенского особого отдела, — но «праздной толпе» на улице совершенно наплевать на обмеры и анкеты, она чует все нутром, печенкой, шкурой. И если перед толпой человек, который не до конца выдавил из себя «еврея», особенно если он молча кричит себе, что он «нееврей» (а в этом случае комплекс еще и острее), — такую раздвоенность духа без всяких анкет шкурой *учует* самый необразованный охотнорядец, и понятно, в кого полетит камень, который подвернется под руку его томящемуся от распирающей энергии отпрыску.

Перечитайте же Горенштейна — он это очень хорошо прочувствовал.

А теперь несколько формул из книги Солженицына. . .

«Еврей стремится к получению всех гражданских прав при сохранении своей обособленности и спаянности».

«Оставаясь евреем, жить общечеловеческой жизнью...»

«Добиваться равенства, но без утери еврейства...»

«Приобщаясь к общей культуре, сохраняя свой национальный духовный облик...»

«Играть в русской культуре такую роль (как никто)... оставаясь евреями...»

Быть тем, оставаясь этим? Квадратура круга.

Подождите, но ведь любой народ, включаясь в хор мировой культуры, сохраняет свой голос, — иначе и хора нет.

Да, но «голос» не может звучать в безвоздушном пространстве. Опора нужна, почва! Проблема снимается, когда есть место, к которому можно прирасти. Проблема решается, когда есть *алия*. И не в Анголу-Уганду, Аргентину или Штаты, где еврею предстоит повиснуть в той же невесомости, — а в Израиль, где возникает много других проблем, но не эта: еврей ты или нет.

Поэтому: тот, кто хочет быть евреем, — едет в Израиль. Тот, кто, хочет быть русским, — остается в России.

Тут мне возражают русские евреи (то есть не желающие ни уехать, ни ассимилироваться): мы не евреи, — говорят они, — но мы и не русские; мы особый народ: *русские евреи*. Ох, не получится, родные мои. Для «особого народа» нужен территориальный компакт. Если же компакт будет какой-то другой (социальный, например, или профессиональный: евреи — это интеллектуалы, зубные врачи, кинематографисты, банкиры, физики-теоретики и т.д.), не избежать камней.

Нет почвы? — обрусевайте. Не во втором, так в третьем поколении. Кажется, чего плохого? — в великий народ вырастаете, в великую культуру...

И опять наталкиваемся на подводный камень, из-за которого вся эта ассимиляция грозит обернуться симуляцией. Невозможно же забыть свои корни, предать предков, смириться с тем, что прапамять теряется навсегда.

Значит, хранить, сколько хватит сил. Хранить именно как память, а не как живой образ жизни и не как поведенческий код. Американцы помнят, кто из них английских кровей («Новая Англия»), кто — немецких (весь Средний Запад выстроен выходцами из Герма-

нии), кто ирландских. И это не мешает им быть американцами. Даже и цвет кожи — черный, желтый, красный (индейцы — самый тяжелый вариант ассимиляции), — даже и эти стороны в душе постепенно примиряются.

А русские? Поскреби русского — найдешь татарина, поскреби другого — он из угров, а уж славян и вовсе к единому племени не сведешь... И это не мешает нам быть русскими. Если не возникает «территориального компакта», то не будет и соблазна раскола, автономии, государственного отделения, при котором проблема вообще переходит в иную плоскость.

Но это уже опыт нынешний, рубежа Двадцать первого века. А отступите на столетие вглубь — какая «автономия» светит российскому еврею в 1901 году? Из теплой тьмы кагала он уже вывалился — прошлое потерял. В мировую культуру вроде бы вписался, но по какому-то странному разряду: космополитическому, межнациональному, безнациональному, псевдо-национальному. Интер-национальному.

Куда ему деться от ощущения бездны под ногами?

Шесть путей перечисляет Солженицын.

Первое: сохранение в кагальском заворе. — Было. Лопнуло. Не путь.

Второе: ассимиляция. — Тоже не идет. Лопается на глазах. Камни летят.

Третье: автономия в составе России. — Где? В Жмеринке? В Одессе — пополам с греками? А может, в Крыму? Ну, за эту идею они еще расплатятся.

Четвертое: эмиграция. — Куда? В Анголу-Уганду?

Пятое: сионизм. — Вот это дело. Только лорд Бальфур должен еще с турками этот вопрос увязать. Через полвека реализуется. Но не раньше.

Шестое: революция...

В русской революции евреи так же пламенно-беспочвенны, как и русская интеллигенция, в сущности, заменившая в их сознании русский народ. И, подобно русской интеллигенции, в ходе русской революции еврейство горит голубым огнем. Да еще, в отличие от русской интеллигенции, успевают евреи услышать, что они, с их склонностью к организационным, а не кулачно-мускульным усилиям, — никакие не герои, не мученики, не жертвы революции, а — маклеры ее. После чего опыт можно считать законченным.

То-то они и не живут долго, эти евреи-революционеры. Самоубийц много. И где? В безопасности, уже вне зоны риска. Уехал из России — застрелился. Весь путь — сплошные браунинги, бомбы и мины.

Но это уже материализация духовного подрыва. Вакуум цели убивает душу. Утеря Замысла. Ни в прошлом, ни в будущем нет опоры.

Свеча горит с *двух сторон*.

ФИНАЛ. УРОК

До финала вроде бы еще далеко, еще целый том нужен Солженицыну, чтобы дорассказать вторую половину русско-еврейского сюжета, однако брезжит развязка уже теперь, на переломе от века Десятинадцатого к веку Двадцатому (если брать, по Ахматовой, «не календарный — настоящий Двадцатый век»). Брезжит — в том, как отхлынуло русское еврейство от революционности 1905 года к патриотизму 1914-го. Брезжит — в общем ощущении неудачи революции — не только русской, но — мировой, которую Россия хотела разжечь собственным самосожжением. Брезжит — в том, что сама ставка на самодостаточный человеческий разум, на идеально организованный социум и на нового человека, которого можно выковать, а ветхого — выдавить, — эта ставка оказывается битой, и евреи чувствуют это раньше многих, ибо, по справедливому наблюдению Солженицына, они умеют упредить Историю за полшага.

Не всегда, конечно. Развязка, наступившая в середине Двадцатого века, когда две *социалистические* державы сцепились в смертельной схватке и случился-таки «мировой пожар», раздутый в человечестве вестниками мировой катастрофы, — оборачивается для евреев катастрофой реальной, печами Освенцима, Холокостом.

На рубеже от Первой русской революции к Первой мировой войне это выглядит еще не так жутко, а просто как бы перекаладываются рули с «освободительного движения» к охранительному. И можно идти не на баррикады, а в Думу и там осваивать свои права (а там великодержавный остроумец, обедев жестом скамьи депута-

тов-евреев, острит на всю Россию: «Думская черта оседлости!» — и вся Россия, эта «лающая псарня», аплодирует удачной шутке.)

Нет, не получается у евреев овладеть душой русского народа. «Еврей может стать россиянином первого разряда, но *русским* — только второго». Еврей говорит с той же думской трибуны: «Мы, учителя, врачи, адвокаты, статистики, литераторы... мы — враги культуры??» и слышит в ответ: «Русской культуры, а не еврейской!» — реплика доносится «справа», то есть, уточняет Солженицын, с *русской стороны*.

Кажется, это фатально. За поворотом евреев от бунта к лояльности угадывается и другой, более глубокий поворот, всемирно-исторический, который чует быстрочувствующее русское еврейство: поворот от миражей уверенного высокоумия («учителя... адвокаты... литераторы...») к тихой, почвенной, приземленной, национально очерченной надежности.

На целый век рассчитан Историей этот поворот, но едва слышится первый скрип руля, — «духовная нация» осаживает полет.

Любопытный симптом. В 1915 году начинается массовое выселение евреев из прифронтовой полосы. То, что не удалось когда-то Николаю I, при Николае II начинает получаться: и Европа не возмущается, и евреи едут (туда пропадают, наконец, пропадом и треклятая черта оседлости, — замечает Солженицын). Однако одно обстоятельство, вроде бы попутно-техническое, поражает его. «Питательные пункты, летучие врачебные отряды, госпитали, амбулатории, приюты, консультации для матерей...» И все это сделано мгновенно возникшими еврейскими «комитетами», помогающими переселенцам. «Великолепная организованность!» — восклицает Солженицын.

Интересно, кто все это делает? Адвокаты? Литераторы? Думские златоусты? Нет, это самоорганизуется та «тихая» еврейская масса, которая оставалась «во тьме» местечек, в квадратуре кагала. Об этой стороне еврейской жизни во второй четверти славного двухсотлетия как-то забывали —

все внимание было отдано револьверщикам и бомбистам, говорунам и борцам, адвокатам и литераторам. А между тем, еврейство, «забытое» в этнографическом отстое, — жило, выживало на окраинах России тысячами инстинктами. И в критический момент оно оказалось способно мгновенно подняться и из тихой, «косной» массы превратиться в народ. И в 1915-м. И — еще через треть века, когда союзники по антигитлеровской коалиции вырвали у Сталина обещание вернуть в Польшу застрявших в Советском Союзе поляков и Сталин отмахнул органам: найти и отправить! — тогда под видом поляков были эвакуированы на Запад тысячи людей из местечек, стремительно погруженные в эшелоны. Эту операцию, проведенную «под носом у КГБ», мало кто знает в России, зато ее хорошо помнят на Брайтон-бич дети и внуки тех спасенных евреев.

Что же тогда спасло? Тысячелетняя «кагальская» дисциплина? Ребе сказал: «Надо ехать!»

Так из-под блеска еврейства мирового, воздушного, громогласного проглядывает еврейство почвенное. И высвечивается феномен «избранного народа» с *двух сторон*. И каждая сторона получает жизненный урок.

«Роль маленького, но энергичного еврейского народа в протяжной и раскидистой мировой истории — несомненна, сильна, настойчива и даже звонка. В том числе и в русской истории. Однако она остаётся — исторической загадкой для всех нас.

И для евреев тоже...»

Следующую, заключительную фразу солженицынского пассажа: «Эта странная миссия — отнюдь не приносит и счастья им» — я комментировать не буду. Не об их несчастьях речь сейчас, а о том, почему они несчастны у нас. О том, чему в результате двухсотлетнего опыта мы научились друг у друга.

Чему научились у нас евреи, о том пусть расскажут сами евреи, отъехавшие от нас «туда» (но не на Брайтон-бич, конечно, а в Израиль); там государство строили (и строят) люди с российскими корнями либо с российским опытом. Там они и называют себя — русскими. (Поневоле думаешь: в Рос-

сии мы им не дали стать русскими — так они все-таки русскими стали — там, на исторической родине).

Что же касается *нашей* исторической родины, то есть тому, чему должны бы научиться у евреев русские, — то на этот счет есть у Солженицына пронзительно-глубокий абзац, который я под занавес и приведу целиком.

Вопрос: не заговор ли жидо-масонский определил беды России за два века?

Ответ: *«Наши русские слабости — и определили печальную нашу историю, под уклон — от бессмыслицы никонианского раскола, жестоких петровских безумств и уродств, и через национальный обморок послепетровской чехарды, вековую трату русских сил на внешние, чужие задачи, столетнее зазнайство дворянства и бюрократическое костенение сквозь XIX век. Не посторонний заговор был, что мы покинули... крестьянство на вековое прозябание. Не посторонний заговор был, что величавый и жестокий Петербург подавлял теплую малороссийскую культуру. Не посторонний заговор был, что по четыре министерства не могли рассудить, кому же из них принадлежит какое-нибудь дело, и годами, изморочно прокручивали его по четырём кругам, ещё в каждом от помощника столоначальника до министра. Не посторонний заговор был, что один за другим наши императоры не понимали темпа мирового развития и истинных требований времени. Сохранялись бы в нас духовная чистота и крепость, истекавшие когда-то от Сергея Радонежского, — не страшились бы мы никаких ни заговоров, ни раззаговоров».*

Это моментальный снимок русской истории, пропущенный через фильтр «отсутствия еврейства». Расколы. Безумства скорых реформ и чехарда амбиций. Зазнайство и окостенение. Раздутая величавость и попушенное прозябание...

Высветите лакуны, восполните портрет с «другой стороны». И почувствуйте, чему может научиться великий русский народ у «маленького слитного племени» и зачем великий русский писатель потрудился рассмотреть двести лет нашей истории с *двух сторон*.

Лев Анненский — российский литературный критик и публицист

Борис БЕРГЕЛЬСОН

200 ЛЕТ «СТЕСНЕНИЙ И ОГРАНИЧЕНИЙ»

Сразу хочу подчеркнуть, что для меня, еврея, прожившего всю жизнь в России, А. Солженицын — великий русский писатель и патриот. Я преклоняюсь перед мужеством этого человека, один на один сражавшегося с безжалостным коммунистическим режимом. Как известно, противоборство, казалось бы, безнадежное, закончилось победой писателя. Но уже тогда, во времена противостояния с властью, чтение его литературных произведений, наряду с восхищением талантом и смелостью писателя, подчас оставляло на душе горький осадок. Особенно тяжкие впечатления возникли у меня после прочтения «В кругу первом». Один из основных героев повести еврей Рубин сознательно, с полной отдачей своих сил и таланта трудится в «шарашке» над совершенствованием прибора, который позволит его тюремщикам более эффективно ловить инакомыслящих. Рубину противопоставлен русский профессор Герасимович, отбывающий уже третий срок заключения в той же «шарашке». Чрезвычайно выразительно и эмоционально описано автором свидание Герасимовича с женой, умоляющей своего мужа сделать хоть что-нибудь для досрочного освобождения. «У меня нет больше сил ждать, — рыдает она, — меня выгнали с работы, соседи издеваются надо мной, я погибну и мы уже никогда не будем вместе». Профессор непреклонен. Он не в состоянии переступить через свое внутреннее Я, пожертвовать своей моралью и пойти на компромисс с тюремщиками. Он не хочет и не может помогать им совершенствовать декодер, даже ценой своей свободы и жизни горячо любимой жены. Нужно было жить в эпоху позднего советского средневековья в «шкуре советского еврея», чтобы по достоинству оценить всю несправедливость и тяжесть противопоставления Рубин — Герасимович, а фактически, — еврей — русский. В то время и позднее я убеждал себя, что все эпизоды из «Ар-

хипелага ГУЛАГА» и других произведений А. Солженицына, связанные с евреями, не являются свидетельством его негативного отношения к еврейскому народу. В том же меня убеждали знакомые, близкие к писателю. Их доводы сводились к следующему: А. Солженицыну не свойственен антисемитизм, он объективно и талантливо отражает в своем творчестве коллизии, которые происходили и происходят в окружающем нас мире. Я очень хотел верить этим объяснениям. Когда вышла в свет первая часть документальной книги А. Солженицына «200 лет вместе: 1795-1995», стало ясно, что теперь можно от самого писателя получить ответ на давно интересующий меня вопрос. Ниже изложены мои субъективные заметки, в которых отражены впечатления, возникшие после прочтения этой первой части книги, охватывающей период с 1795 года по 1916 год.

Слово «вместе» в заголовке книги противоречит сущности описываемых в ней исторических событий. Какое уж там вместе, когда еврейский народ вынужден был жить в «черте оседлости», в условиях бесправия и преследований. Правда, А. Солженицын считает, что слово «преследования» — неточно, — мол, были лишь стеснения и ограничения. Пусть так, но в русском языке понятия «вместе» и «погромы» плохо совместимы.

К книге написано замечательное предисловие, с каждым словом которого нельзя не согласиться. Автор сформулировал цель своего труда: написать объективную историю жизни евреев в России. Пройдя, как «по лезвию ножа», не поддаваясь давлению с обеих сторон, рассеять непонимание, снять ложные обвинения, напомнить об обвинениях справедливых. К великому сожалению, эта благородная цель не была достигнута. С первых же страниц автор спускается с «лезвия» и на протяжении всей книги, не сворачивая, идет по одной стороне. Читателю предлагается точка зрения, согласно которой все справедливые обвинения касаются еврейского народа, а все ложные — царского правительства и русского народа.

Многочисленные цитирования из различных источников придают книге документальный характер. Подчас даже трудно высветить слова самого ав-

тора. По утверждению А. Солженицына, он цитировал в основном либеральные и еврейские источники. Это, по-видимому, должно свидетельствовать об объективности описания и трактовки тех или иных событий. Но, как известно, с помощью цитат, вырванных из контекста, можно, преследуя определенную цель, доказать все, что угодно. В тех случаях, — а их подавляющее большинство, — когда автор книги не комментирует в отрицательном смысле цитируемый текст, можно считать, что он с ним согласен. Поэтому в дальнейшем, стараясь сохранить стилистику автора, я не делаю различий между словами самого А. Солженицына и цитируемым им текстом. Курсивом отмечены мои немногочисленные комментарии.

Вот как А. Солженицын описывает жизнь значительной части еврейского народа, попавшего (не по своей воле) в Российскую Империю при разделе Польши во время царствования Екатерины II.

В награду за присоединение восточно-европейских евреев, которые к тому времени (середина XVIII века) дошли до полного культурного оскудения, была получена вся тяжесть и нерешенность проблем, связанных с самоуправным еврейским организмом в теле России. Евреи не могли и не хотели заниматься производительным трудом (землепашеством, по Солженицыну). Духовные лица поддерживали в своих единоверцах веру в то, что они — народ избранный, не предназначенный судьбой для тяжелого труда земледельца, ибо это удел гоя. Род занятий евреев — торговля, ростовщичество и мелкое ремесленничество. Беря откупа у помещиков на виноторговлю, они спаивали русское крестьянство, а ссужая им деньги, которые тут же пропивались, разоряли крестьян. Дошло даже до того, что евреи арендовали православные храмы и только за деньги разрешали русским людям отправлять свои обряды: крещение, свадьбы, похороны.

Одна из основных целей еврейских общин — умозатемнение христиан для превращения их в фиктивных собственников принадлежащего им имущества. Христианские народы не смогут избавиться от еврейской эксплуатации до тех пор, пока не будет уничтожено все то, что способствует замкнутости

евреев. Нужда евреев, по мнению А. Солженицына, — как можно шире расселиться среди иноплеменников, чтобы как можно большему числу евреев было доступно заниматься своейственной им деятельностью. А нужда русских: удержат нерв своей хозяйственной (а затем и культурной) жизни, развивая ее самим. Поэтому неудивительно, что на протяжении полутора веков царские правительства, заботясь о русском народе, несколько «стеснялись» еврейские общины. Для государства, держащего миллионы своего населения в крепостном праве, все ограничения, налагаемые на евреев, по мнению А. Солженицына, не выделяются как система жестокостей.

Судьба еврейской общины была предметом постоянной заботы русских царей — от Павла до Николая!.. Преодолевая сопротивление кагалов (органов самоуправления евреев), которые держали своих соплеменников в нищете, невежестве и мракобесии, все царские правительства стремились приобщить еврейский народ к «полезному» труду и светскому образованию. *Ну чем не идилия! А зловредные евреи отвергали отеческую заботу царя-батюшки. Не хотели под давлением предавать забвению свои национальные обычаи, религиозные правила и обряды, которые и позволяли, несмотря на все беды и несчастия, выпавшие на их долю, сохранять себя на этой земле. Не могли отказаться от своих традиционных занятий, приносивших, как известно из всемирной истории, достаток им самим и процветание народам тех стран, в которых они жили. Не желали подчиняться ограничениям в выборе профессии и места жительства, а начиная со второй половины XIX века требовали равенства в правах с другими народами, проживавшими в империи.*

А. Солженицын приводит количественные данные о числе евреев (в процентах к остальному населению), занимавшихся запретной для них деятельностью, живших в Петербурге и Москве, учившихся в гимназиях и университетах. Автор утверждает, что установленные правительством нормы и ограничения, фактически, не выполнялись. Путем подкупа, взяток и обмана евреи, несмотря на ограничения, проникали во все сферы экономической и общественной жизни страны. Из

доклада Александру III... адвокатура наводняется евреями, вытесняющими русских. Эти евреи своими специфическими приемами нарушают моральную чистоту, требуемую от сословия присяжных поверенных. Евреи не считали для себя обязательным выполнять законы государства, в котором жили. Они исхитрялись не платить налоги и пошлины, избегать призыва в армию. В книге приведены такие цифры: недобор новобранцев по империи составлял 3309 человек, из них евреев — 92%.

Несмотря на многолетние усилия царских правительств, государству не удалось приобщить евреев к «полезному» труду, принудительно переселив их на новые земли, предоставляя им немалые ссуды и скот. *Здесь уместно отметить, что и в советское время понятие «полезный» труд не включало в себя торговлю, считавшуюся спекуляцией, с которой беспрепятственно боролось государство, труд ремесленников, сапожников, портных, часовщиков, подвергавшихся постоянному уничтожению и преследованию. Такое отношение к труду постоянно внедрялось в головы советских граждан. Поэтому на рынках они проклинали торговцев овощами и фруктами за грабеж русского народа, не понимая, что только благодаря легкому труду продавцов эти продукты и попадали на их столы.*

Вот как в книге представлена жизнь евреев-землепашцев: не умеют пашествовать, ломают инструмент, продают земельные орудия, режут полученный скот на пищу. Дома, приходящие в упадок, не поправляют. От нечистого содержания жилищ — неопрятность быта, болезни. Женщины не хотят заниматься тяжелым трудом *(Впервые сталкиваюсь с обвинением евреев в нечистоплотности. Иудейская религия предписывает еврейской женщине содержать себя в чистоте)*. В те же годы, ту же землю осваивали немецкие колонисты. И всегда были и с хлебом, и со скотом, жили в прекрасных домах, в полном достатке.

А. Солженицын уделяет много места описанию еврейских погромов и своим комментариям по поводу этих событий. Он считает, что царские правительства и местные власти не только не организовывали погромы, но и всячески стремились их предупредить или подавить. Часто не получалось. Но главным образом, из-за слабости и не-

расторопности властей. Например, Александр III, ужесточивший ограничения для евреев, был недоволен военным судом, который снисходительно отнесся к погромщикам. Много свидетельств того, что подстрекателями погромов были социалисты, для которых чем хуже — тем лучше. По мнению автора книги еврейские погромы в конце XIX века в сельских местностях объяснялись недовольством крестьян тем, что государство предоставляло евреям слишком большие льготы от казны. Евреев грабили, но не убивали. Жертв, практически, не было. Их избивали именно потому, что они наживались на чужой нужде, жили чужим трудом, а не выработывали хлеб своими руками; под палками и кнутами... ведь вот все вытерпел народ — и татарщину и неметщину, а как стал его жид донимать рублем — не вытерпел. Не погромы, а ограничительные меры правительства, введение государственной водочной монополии, экономическая конкуренция между собой стимулировали в конце века эмиграцию евреев из России в Америку.

Вот как описано начало кишиневского погрома в апреле 1903 года. На базаре собралось свыше 100 евреев, вооруженных для самозащиты кольями и некоторые даже ружьями, из которых по временам стреляли. У христиан огнестрельного оружия не было. Некоторые евреи имели при себе бутылки с серной кислотой, коей они и плескали в проходящих христиан (аптекари традиционно владели евреи — замечает А.Солженицын). Слухи о насилиях, чинимых евреями над христианами, быстро стали распространяться по городу. В книге приведено несколько цитат из публикаций известных авторов (Аксаков и др.), в которых оправдываются погромы и осуждаются евреи. Из цитируемых лишь Салтыков-Щедрин протестует против погромов.

А. Солженицын возмущается по поводу того, как были представлены погромы в русской и зарубежной прессе. По его мнению, все, что впоследствии было написано о погромах, — в особенности, о кишиневском, — преувеличение, коварная неправда, раздувание страстей. Погромами воспользовались, чтобы нарицательно и навсегда заклеймить царское правительство.

Опровержения ужасов еврейских погромов очень похожи на сегодняшние попытки доказать, что не было Холокоста во время II мировой войны.

Поражение в русско-японской войне, а также революция 1905 года вызвали новую череду погромов. В книге вскользь упомянуто, что явно преувеличенное очернение в прессе образа России после кишиневского погрома способствовало поражению в войне. Перечислены фамилии западных финансистов — таких, как Ротшильд и другие финансовые дома, — которые использовали свое влияние, чтобы предотвратить займы России. Что касается революции, то у читателя может сложиться впечатление, что во многом это была вооруженная борьба против правительства еврейских отрядов под руководством Бунда. Цитата из книги: «В стачках участвовали, в основном, еврейские рабочие. Русские препятствовали попыткам остановить фабрики и заводы».

Неистовства еврейской молодежи по случаю царского Манифеста спровоцировали погромы в Киеве, Одессе, Гомеле. Глумление и надругательства над всем, что было свято для простого народа (поругание портретов высочайших особ, изорванные национальные флаги), оскорблявшие русское народное достоинство, не могли пройти для евреев даром. В Одессе, где погром начался после того, как еврейская торговка плюнула в лицо русскому крестьянину, молодежь, в особенности еврейская, указывала простым людям: «Свобода не даром дана, а вырвана у правительства евреями. Теперь мы будем управлять вами. Мы дали вам бога, теперь дадим царя». Причиной гомельского погрома стали столкновения безоружных русских с вооруженными революционерами еврейскими отрядами самообороны, созданными после кишиневского погрома. «Бей жидов!» — после выстрелов и бомб, брошенных в мирную демонстрацию рабочих. Во время киевского погрома убито 47 человек, из них евреев — 12. Ранено 205, из них евреев — одна треть. А. Солженицын о погромах: «мещанство, мелкое купечество и даже рабочие возмутились и стихийно стали на защиту того, во что оставалась вера. Еврейская молодежь несет за это ответственность».

В период от царского Манифеста до I мировой войны в Думах I — IV созывов

непрестанно шли дебаты о необходимости равноправия для евреев, как будто не было иной, более насущной темы. От правительства непрестанно требовали отмены различных ограничений для евреев, проживавших в западных и юго-западных губерниях страны. Под равноправием евреи понимали отказ русской нации от своего лица, от своего национального достоинства. Без комментариев автора приведено высказывание Шульгина: «Еврейство прибрало к своим рукам политическую жизнь страны. Мозг нации оказался в еврейских руках и привык действовать по еврейской указке. Евреи овладели душой русского народа» и цитата из программы «Союза Русского Народа»: «...разрушительная антигосударственная деятельность сплоченной еврейской массы, ее непримиримая ненависть ко всему русскому и неразборчивость в средствах».

Начало I мировой войны породило в евреях, живших в «черте оседлости», надежду, что с приходом австро-германцев не объявится никакая новая черта оседлости, упразднится норма в учебных заведениях. В результате войны «черта оседлости» исчезла, так как евреев насильно переселяли из прифронтовой полосы во внутренние губернии. Поведение русских евреев во время войны охарактеризовано в выдержках из воспоминаний протопресвитера российской армии, осведомленного в военных и мирских делах (*известно, с каким уважением А. Солженицын относится к духовным лицам*): «С первых дней войны начали усиленно говорить, что евреи-солдаты трусы и дезертиры, евреи-жители — шпионы и предатели. Рассказывалось множество примеров, как евреи-солдаты перебежали к неприятелю или удирали с фронта; как мирные жители-евреи сигнализировали неприятелю, при наступлении противника выдавали задержавшихся солдат, офицеров и пр. и пр.». Автор книги полагает, что... «в то же время, неубедительно и нереально было бы заключить, что все обвинения — сплошь выдумка». Даже на заседании Прогрессивного Блока можно было услышать: «Какой народ доказал свой непатриотизм? — Евреи!» На самых верхах монархии — в болезненном окружении Григория Распутина — играла заметную роль кучка еврейских финансистов и грязных спекулянтов. Через Распутина они добивались желательных им назначений в правительстве и принятия

важных государственных решений, влиявших на судьбы России.

В заключение приведу несколько замечаний автора, содержащихся в хронике жизни евреев в России в 1795-1916 годах, которые, на мой взгляд, дополнительно характеризуют отношение А. Солженицына к еврейскому народу: «Евреи не враги русской культуры, но и не безраздельные друзья... Могли ли они чувствовать себя русскими по духу? А потому могли ли интересы России стать для них сердечно близкими?..

Мы, русские, приняли еврейский взгляд на нашу историю и на выводы из нее. И это важнее, чем всяческие проценты делавших революцию, участие в большевистской власти и т.д...

Троцкий в своих воспоминаниях пишет, что его отец в целях экономии кормил наемных сельскохозяйственных рабочих исключительно овощами и крупой, вследствие чего они повально заболели куриной слепотой. А мой дед таких же рабочих кормил мясом три раза в день...

В российской центральной прессе было непропорционально много евреев (и большинство — под псевдонимами). Отсюда ее необузданность по отношению к властям...

Активность и практицизм евреев — причины оградительных мер российского правительства...

Черная сотня — это ярлык для стихийного народно-патриотического движения...

Антисемитизм — это патриотизм недоумевающих людей...»

Антиеврейских высказываний и положений в книге гораздо больше, но, будучи разбавлены описанием исторических событий и различными размышлениями по поводу и без, они, конечно, не так сгущены, как здесь. На 500 страницах книги о жизни евреев в России, по большому счету, нет ни одного положительного высказывания о еврейском народе. И наоборот, практически, на любой странице можно найти критику различных аспектов жизни и поведения евреев. Автор пытается убедить читателя, что обвинения против евреев достаточно обоснованны и евреи сами виноваты в тех антисемитских настроениях, которые свойственны определенной части русского народа

В книге А. Солженицына собраны и поддержаны все известные мне негативные мнения и высказывания по поводу евреев, и потому она может служить настольным справочником для юдофобов. В наши дни левые депутаты Думы, выступающие против олигархов, земельного кодекса, засилья евреев в СМИ и т.д., могут почерпнуть из нее необходимые им обоснования и доводы.

Прочитав «200 лет вместе», я получил исчерпывающий ответ на вопрос, сформулированный мною в начале статьи.

Борис Бергельсон — научный работник, живет в Москве

Валентин ОСКОЦКИЙ ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС ПО СОЛЖЕНИЦЫНУ

Судя по неубывающему потоку откликов на «Двести лет вместе», надежда на то, что попытка «посильно разглядеть для будущего взаимодоступные и добрые пути» обоюдно заинтересованного понимания настроит «доброжелательных собеседников», не ослепленных «гневом крайних и непримиримых», а желающих и умеющих «не натягивать до звона напряженных нитей переплетения», на незапальчивый, взаимоуважительный диалог, не допуска-

ющий равно унижительной для спорящих «слишком повышенной горячности», — такая надежда писателя оказалась если не наивной, то поспешной. Какие тут понимание и согласие, тем паче взаимные, когда в одном из первых отзывов на еще не прочитанную книгу — он принадлежал политическому и общественному деятелю Константину Боровому — самое обращение Александра Солженицына к «еврейскому вопросу» в России расценено не иначе как до поры до времени утаиваемый, но наконец-то выдавший себя антисемитизм. С точностью до наоборот, но с такой же алогичностью можно объявить, будто и обращения к кавказской войне Льва Толстого («Хаджи-Мурат»), а в наши дни к чеченской войне

Владимира Маканина («Кавказский пленный»), выдают неистребимую великодержавную ксенофобию и русско-классика, и современного писателя.

В том же алогичном ряду прогноз Дмитрия Галковского («День литературы»): «...несмотря на все балансировки и эквиоки, еврейская часть аудитории (а написано к ней и для нее...) совершенно естественно воспримет книгу Солженицына как антисемитскую. Нужна балансировка серьезная, надо чем-то пожертвовать, и чем-то очень существенным. Что заставит еврейскую аудиторию по крайней мере книгу прочесть, по крайней мере удостоить сколько-нибудь реальными диалогами. Солженицын жертвует. Жертвует погибшей в 1917 году Россией, давно превратившейся у советских в тряпичную куклу для отработки штыковой атаки». Выборочно обильный пересказ отдельных сюжетов книги свидетельствует: она автором прочитана, но не столько внимательно, вдумчиво, сколько предвзято, зашоренно. Потому и пророчество Д. Галковского не срабатывает: негативные и позитивные оценки солженицынского труда вовсе не обязательно на разных национальных баррикадах.

С одной стороны — издевательски ерническая статья Давида Маркиша («Лехаим», 2001, № 9). Если бы не всемирно известное имя писателя — «бронзово-гранитный Солж!» — то его «книжку (обратим внимание на намеренно уничижительное: не книгу, а книжку) можно было бы... смело выбросить в ближайшую мусорную урну: бездарный труд ловца вполне случайных цитат, набившие оскомину перепевы и пересвисты о том, что русские еврей-де сами виноваты во всех своих несчастьях», ибо вели себя — не ахти какое свежее, блещущее новизной уподобление — как унтер-офицерская вдова у гоголевского городничего. «Не примитивный луково-редечный антисемитизм Солженицына вызывает горечь» Давида Маркиша — у Шульгина, полагает он, «все это получалось куда ярче и талантливей», — а «ощущение полного литературного крушения... подкатившего к писателю с «Красным колесом» — в его нераспутываемых узлах, в его костлявом кунсткамерном языке. «Красное колесо»... вышло из колеи и поскакало, теряя спицы, по

камням и колдобинам. А сверкающие колеса русских эпопей — «Война и мир», «Тихий Дон», «Жизнь и судьба» — продолжают свой уверенный ход».

Воля и право автора отлучать «Красное колесо» от русских эпопей. Тем более не покушаюсь на них, что первенство художественного совершенства тоже оставляю не за этим романым циклом, а за «Одним днем Ивана Денисовича», «Матрениным двором», «Раковым корпусом», за «В круге первом». Но, допуская разное отношение к «Красному колесу», считаю, что только сослепу возможно не разглядеть в нем предыстока книги «Двести лет вместе», генетически сопредельной «Архипелагу ГУЛАГу» в призме «опыта художественного исследования».

С другой стороны — аналитически вдумчивый взгляд Андрея Немзера («Время новостей»), также отозвавшегося на «Двести лет вместе» в числе первых и едва ли не первым четко выявившего болевой нерв солженицынской концепции: «... в «еврейском вопросе», как в зеркале, отражается история русского государства и русского общества, история страны, сорвавшейся в катастрофу 1917 года. В катастрофу, которой, согласно Солженицыну, можно было избежать. Не избежали. Не хватило духовной трезвости и ответственности. Не хватило рук, чтобы остановить бег Красного Колеса. В трагедии, настигнувшей Россию, отрывающейся в ее судьбе по сей день и, похоже, бросающей тень на наше будущее, виноваты не одни революционеры, но общество и власть. О том, кто более, можно дискутировать. Важно помнить точку зрения Солженицына».

Если суждения Давида Маркиша и Андрея Немзера принять за крайние полюса высоконапряженного силового поля, то в спектре между ними займут место интернетовские материалы. Доброжелательный, но безоценочный обзор Елены Дьяковой, добровольно возлагающей задачи аналитического рецензирования на «историка и мыслителя «веховского» масштаба». Poleмические заметки Дениса Иоффе, чья итоговая оценка солженицынской книги — «поднимает массу вышедших из употребления материалов, бесстрашно ставит многие острейшие вопросы и не медлит с их разрешением» — ослаблена не только сопровождаю-

щей ее оговоркой («делается это иногда на скорую руку и «живую нитку»»), но еще больше не открытым ерничеством, как у Д. Маркиша, а скрытой иронией над щедрой писательской данью устаревшему словоформотворчеству, которым реанимируется «ушедший зон российского карамзинизма». Не стану тратить впустую полемический запал, а просто, забегаая вперед, отсылаю к цитатным выдержкам из «Двести лет вместе»: пусть читатель сам судит по ним, насколько прав или не прав Д. Иоффе в такой инвективе...

Председатель Московского Антифашистского Центра Виктор Дашевский пошел дальше: «Книга Солженицына полна лжи и антисемитизма. Она представляет историю российского еврейства в лживом, искаженном виде, факты, описанные в этой книге, весьма сомнительны, а взгляды автора удивительно тенденциозны». Не реликтовый, увы, образчик упрямо выныривающей ярлыковой критики, которая, не умея опровергать исследование исследованием, предпочитает оглушную брань. Но в нашем случае и она не предел в общем-то не дозволенного ни в политической публицистике, ни в литературной критике. Другой автор, скрывшийся в Интернете под неуклюжим псевдонимом Карандашенки, заверяет, будто не далее как «в декабре 1999 года Солженицын уже открыто говорил о возможном еврейском заговоре против русского народа, то есть едва ли не скатился до позиции нездоровых лидеров русских ультранационалистических и фашистских организаций». До сих пор мне представлялось, что, внимательно следя за печатными публикациями и публичными выступлениями Александра Исаевича, разделяя одни (например, критику реформаторских пробуксовок), споря с другими (скажем, с однозначно негативными суждениями о «думской говорильне»), отторгая третьи (взбодрившее расстрельные вожделения иных наших политиков, чиновников и даже литераторов заявление о допустимом возобновлении смертной казни), я знаю их в достаточно полном объеме. Но о такой сенсации слышу впервые. И буду признателен автору, если он, рассекретив себя, внятно огласит, когда, где и как писатель утверждал подобное. Благодарно приму его подсказку как укор

собственной недочитанности. В противном случае остается лишь досадовать на старорежимные нравы, культивирующие облыжные обвинения оппонента вместо научного спора с ним.

Национальная принадлежность поносителя мне не известна. Но любопытно, что, вопреки пророчеству Д. Галковского, антисемитской книгу «Двести лет вместе» восприняли не сплошь в «еврейской части аудитории», но и многие русские литературные критики. Одни, главным образом из патриотистов, с одобрением и торжеством: А. Казинцев и В. Кожемяко в диалоге, занявшем аж полосу в национал-большевистской «Советской России», В. Бондаренко в фашиствующем «Завтра» (в упредившем его статью диалоге с главным редактором «Международной Еврейской Газеты» Танкредом Голенпольским он, сдерживаемый интеллигентным собеседником, был относительно корректен и лоялен). Другие, те, кто, повторяя расхожие новомодные ругательства, из демократов и либералов, с неприятием, доходившим до демонстративного отказа участвовать в дискуссионном «круглом столе» по солженицынской книге, какой проводился в Союзе писателей Москвы. Таким образом, и «за», и «против» Александра Солженицына отнюдь не национально стерильны...

Приспел момент, отвергая другие точки зрения, ясно и четко заявить собственную. Настаиваю категорически: на пятистах страницах плотного книжного текста я не нашел ни единого прямого повода заподозрить писателя в антисемитских пристрастиях. Хотя допускаю, что при сильном на то желании яростно нетерпимые и бурно нетерпеливые обвинители писателя постараются иные его рассуждения воспринять и истолковать именно в таком ключе.

К примеру, о 1905 годе, когда «вместо до сих пор всем ясного «равноправия» — еще не достигнутого, но, кажется, уже не поспевавшего за политическим моментом, — выдвинули лозунг еврейского *полноправия*». Вывод опирается на крайние позиции радикалов, в том числе из Бунда, но радикализм этот не был позицией всего российского еврейства. Или — о реакции еврейской молодежи, сочувствовавшей крайним социал-революционным партиям, на царский Манифест

17 октября: «... в такой неистовости ликования проявилась черта и неумная и недобрая: неспособность удержаться на границе меры». Но, во-первых, причины для ликования, отнюдь не только еврейского, были куда как основательны. Манифест знаменовал внушительный шаг России по пути превращения абсолютной монархии в монархию парламентскую. Воодушевление этим шагом предопределило приподнятую, жизнерадостную, в чем-то даже радужную атмосферу, в какой проходили учредительные съезды и октябристской, и кадетской партий, созванные всего неделю спустя после обнаружения Манифеста, который через год с небольшим был дополнен указом о рабочей курии в Государственной Думе, формируемой на основе всеобщего и прямого избирательного права. Во-вторых, неумение ликовать строго в границах меры — это не национально еврейская, а, если хотите, интернациональная, общечеловеческая черта, особенно в кризисную пору исторических разломов. В годы «перестройки» она темпераментно проявилась в восстанавливавших свою государственную независимость республиках Прибалтики, продолжает проявляться и в наши дни в Латвии, на Украине, в Грузии. А коренная Россия — что, не несла урона, не терпела, не страдала на сокрушительных ветрах отечественной истории от непомерного, даже сверх— и чрезмерного возбуждения, сомнамбулического обольщения бурнопламенным революционным энтузиазмом, не одурманивалась лозунгами «великого перелома», индустриализации и коллективизации, «великих строек коммунизма», освоения целины, борьбы за мир, не самоослеплялась верой в «ум, честь и совесть эпохи», «великого и мудрого» вождя?...

Не будут лишними коррективы к основополагающему тезису: российское еврейство «было несомненно притеснено гражданским неравноправием... Утвердилось говорить: преследованием евреев в России. Однако — слово не то. Это было не *преследование*, это была: черед *стеснений, ограничений*, — да, досадных, болезненных, даже и вопиющих». Принимая к сведению терминологические нюансы писателя, а в их ряду последний резкий эпитет, а лично не отказываюсь и от привычно-

го слова «преследование», адекватного, на мой взгляд, роли и месту антисемитизма в охранительской идеологии, но в замене его более мягким «стеснения», «ограничения» вижу не выплеск юдофобии, взывающий к незамедлительному отпору, а поиск определений, с какими можно соглашаться или не соглашаться, а, не соглашаясь, спорить. Но спорить — вовсе не значит бить истерично в набат, кричать заположенным криком.

Не находя, таким образом, весомых аргументов в пользу приписываемого А. Солженицыну антисемитизма, нахожу, напротив, множество таких положений, которые объективно звучат писательским неприятием иных клишеобразно расхожих антисемитских штампов, тиражируемых в публицистике на исторические темы. И это при всем том, что неукоснительно верный себе писатель погружается «в события, а не в полемику». Но чем не полемика — панорама 1812 года, на духоподъемном рубеже которого российское еврейство высказало не однозначно наполеоновские, как утверждается зачастую по следам Краткой Еврейской Энциклопедии, а и профранцузские, и прорусские симпатии, не сводимые к некоему единому знаменателю?

Среди многих и разных антисемитских стереотипов особое место занимает еврейский погром 1903 года в Кишиневе. А. Солженицыным лишь повторено, а Краткой Еврейской Энциклопедией засвидетельствовано, что «погромщики были в основном молдаване». Однако меня, читателя, мало заботит, русским или молдаванином был Павел Крушеван, чья газета «Бессарабец» сыграла, по писательскому определению, «поджигающую роль». Важнее признать: независимо от национальности, он, как идеолог погрома, исповедовал и пропагандировал мракобесные взгляды российского черносотничества, в отношении к которому А. Солженицын куда сдержаннее неумного апологета В. Кожина (см. главы «Кто такие «черносотенцы»?», «Неправедный суд», «Истинная причина травли «черносотенцев»» в его книге «Россия. Век XX-й. 1903-1939»). Не кто иной, как Крушеван, приложил немало усилий к тому, чтобы и после погрома правдивая информация о кровопролитных событиях не проникла в

печать. Однако, как ни педалирует тот же В. Кожин, что махровый юдофоб «принадлежал к знатному молдавскому роду», национальность и тут никакой роли не играет. Сея дезинформацию, погребаящую жуткую правду под навалами лжи, предприимчивый издатель по-охранительски рьяно выполнял социальный заказ, следовал идеологическим установкам сверху. «Неуклюжий шаг», — говорит А. Солженицын о правительственном запрете «на газетные публикации о погроме, как разжигающие вражду и гнев». И дает повод уточнить: неуклюжесть была преднамеренной, ибо отвечала негласным ориентациям правительства в национальной политике. Но нет надобности уточнять общую оценку погрома: «грандиозное мировое поражение» России, «явный признак застоявшегося дряхлеющего правительственного аппарата. Или уж вовсе не держать Империи... — или уж отвечать за порядок повсюду в ней».

Вот нам и облегченная будто бы картина погрома, упрощенная и спрямленная. В чем облегчение? В призыве «отличить ужасную правду о Кишиневе от коварной о нем неправды»? В обнажении причин, по которым «лжеистория кишиневского погрома стала громче его подлинной скорбной истории»? Но ведь правда ужасна, а история скорбна — достаточные, по писателю, основания, чтобы и без публицистически «разжигательных преувеличений» разглядеть деготное пятно, какое легло «на всю российскую историю, на мировые представления о России в целом, — и черное зарево его предвозвестило и ускорило все близкие сотрясения нашей страны». Не просто о «бессилии царского правительства», о «дряхлости власти» речь, но о неизвлеченном уроке историческом: «... государство, попускающее такую резню, постыдно недееспособно». А еще о том, как в кишиневском и других последовавших за ним погромах «трагически сказался и тот долгогосударственный грех императорской России, что православное духовенство, давно задавленное властью, бессильное в своем общественном положении, уже никак не имело авторитета духовного водительства массами». И хотя звучали «увещевания иерархов к православному люду против погромов, — не могли они остановить их.

Они даже не смогли помешать, чтобы впереди погромных толп не качались бы распятия и церковные хоругви». Не преувеличение признать: включая эту струю в поток своих раздумий, А. Солженицын стимулирует внимание исторической науки к теме, если не совсем обойденной, то не достаточно раскрытой. Углубляясь в нее, важно акцентировать «долгогосударственный грех» не столько подавления властью Православной Церкви, сколько прагматического отношения к ней. Это ставило духовенство не рядом с тронном, а под ним, и в положение не равноправного партнера, а подчиненной обслуги, когда в самом деле униженной, а когда — в отведенных ей рамках — и влиятельной. Не случайно ведь с утилитарным расчетом на пусть не духовное водительство, но несомненное воздействие на народные массы Манифест об освобождении крестьян оглашался не в феврале 1861 года, как был подписан Александром II, а зачитывался V спустя несколько недель с амвонов не[^] пахальных службах. Не менее закономерно, что в 80-е годы ведущую, наравне с Катковым (см. монографию В. А. Твардовской «Идеология пореформенного самодержавия. М. Н. Катков и его издания»), роль в формировании государственной идеологии охранительства сыграл обер-прокурор святейшего Синода Победоносцев, чье преобладающее влияние на Александра III засвидетельствовано наставническими письмами той поры, когда последний был не императором, а цесаревичем.

От «сотрясающего, неизгладимого впечатления» кишиневской резни ведет А. Солженицын родословную еврейских отрядов самообороны, считая создание их «вполне естественным»: если не приходится надеяться на защиту властей, то надо защищаться самим. Снова невольная полемика с В. Кожин, склонным списать на еврейскую самооборону кровопролития как гомельского (1903 год), так и киевского, одесского, черниговского погромов 1904-1905 гг. Столь же внутренне полемично солженицынское отношение к Союзу русского народа, который он хоть и называет «от начала бутафорским» (в действительности ни Союз русского народа, ни Союз Михаила Архангела бутафорскими не были: охранка, создавшая их, бутафорией не развлекалась!), но вовсе

не апологетизирует, напротив, признает и подтверждает цитатно, что в его изначальной программе «действительно были положения противоеврейские, против евреев всех без разбора»...

Точны исторические оценки «дела Бейлиса» как «опозорения юстиции», судебной Цусимы России: «Да как возможно было в XX веке, не имея фактически обоснованного обвинения, вздывать такой процесс в угрозу целому народу? Перешагнув частную судьбу Бейлиса, оно уже выросло в обвинение против еврейства», обретало «международный накал, накал на всю Европу и Америку». Жаль, правда, что, характеризуя накал внутрироссийский, писатель не коснулся того высокого взлета общественного мнения, спасавшего честь и достоинство России, каким явился коллективный протест русских гуманистов, «во имя справедливости, во имя разума и человеколюбия» возвысивших свои авторитетные голоса «против вспышки фанатизма и черной неправды». Легенда о ритуальном убийстве, предостерегали они, призвана возбудить «самые темные и преступные страсти... ослепить и загуманить толпу, и извратить правосудие... Бойтесь сеющих ложь. Не верьте мрачной неправде, которая много раз уже обгадрялась кровью, убивала одних, других покрывала грехом и позором!». Под гневным протестом — подписи именитых и знаменитых людей, представлявших цвет тогдашней России, ее духовную элиту, политическую, научную, художественную мысль, олицетворявших в канун Первой мировой войны беспокойную совесть нации. Не только известные стране и миру писатели В. Короленко, М. Горький, Л. Андреев, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Вяч. Иванов, Ф. Сологуб, А. Блок или ученые В. И. Вернадский, А. Фаминицын, Д. Овсяннико-Куликовский, В. Семевский, Л. Петражицкий, И. Бодуэн-де-Куртене, Н. Зелинский, но и члены Государственного совета, общественные, политические, земские деятели, лидеры движений и партий. Каскад имен под стать масштабам бедствия, прозорливо распознанного мыслящей Россией, от которой всего четыре года спустя предательски отречется Россия большевистская...

Следует ли из всего сказанного, будто книга «Двести лет вместе» дает основания для частных и мелких пометок на

полях, но никак не для спора? Никоим образом не следует. Спор и возможен, и необходим. Но — подчеркиваю — не концептуального, а в пределах писательской концепции и на ее плацдарме методологического, историковедческого, фактологического характера.

Начать с привлечения источников, которым ощутимо недостает подчас оценочной дифференциации. В силу этого в одном безоценочном потоке исторических свидетельств идут и декабристский якобинец («пламенный республиканец») Пестель, и монархист Шульгин, и кадет Миллюков, а наравне с ними некий безымянный инспектор, доносивший о вредной еврейской «привычке к беззаботной жизни, малой старательности и неопытности к сельским работам». Между тем, дифференцирующие оценки настоятельно необходимы в каждом отдельном случае: обширное цитирование документального первоисточника не избавляет от необходимости аналитически выявить и многослойность, и противоречивость заключенной в нем мысли. Так, наблюдение несостоявшегося российского Робеспьера о «зависимости евреев от раввинов», простирающейся «так далеко, что всякое приказание, сими данное, исполняется свято и беспрекословно», указывает не столько на привычный евреям изоляционизм, сколько на двойное бесправие большинства еврейского населения. В книге же «Двести лет вместе» «цитатно, со ссылкой на «Русскую правду» выделен лишь первый мотив: «... не может далее длиться такой порядок вещей, утвердивший неприязненные отношения евреев к христианам и поставивший их в положение, противное общественному порядку в государстве»...

С пережимом поданы в книге «шинкарские», виноторговые мотивы. Одно из красноречивых подтверждений этому — полемика с теми, кто, в отличие от писателя, не считает черту оседлости обширной, коль скоро «из нее исключены пространства вне городов и местечек. Однако ведь и те пространства — земледельческие и для земледелия, оно и было открыто евреям, но они не прельщались им, а весь спор шел: как приспособить те пространства для виноторговли». Но прибыль от нее в последующей перспективе составила треть банковского капитала, ко-

торый принадлежал не только еврейским банкирам. Что же до природной предрасположенности евреев к питейным откупам, то допущение ее убедительно побивается самим А. Солженицыным. Сначала через критику правительства, которое после повсеместного введения в 1827 году откупной системы на винные промыслы небескорыстно «складывало организационные заботы с себя на евреев-откупщиков питейных сборов» и, приобщая их «к винным откупам и в городах, и в сельской местности, и даже вне черты оседлости», получало в казну устойчивый доход. Затем благодаря ссылке на «знатока русской народной жизни» Лескова, писавшего о «евреях в России»: «В великорусских губерниях, где евреи не живут, число судимых за пьянство, равно как и число преступлений в пьяном виде, постоянно гораздо более, чем число таких же случаев в черте еврейской оседлости. То же самое представляют и цифры смертных случаев от опойства... И так стало это не теперь, а точно так истари было».

Похожий пережим допущен в рассказе о поездке Александра I на Урал. Заметив, что «значительное число евреев», занимаясь на горных заводах тайной закупкой драгоценных металлов, развращает «тамошних жителей ко вреду казны и частных заводчиков», император предписал указом 1824 года, чтобы евреи «отнюдь не были терпимы как на казенных, так и на частных заводах в горном ведомстве». Но ведь скупка-перекупка осуществлялась не в обход заводчиков, не без их ведома, а к их выгоде, тайному, в ущерб казне обогащению...

Характеризуя александровские и николаевские царствования, А. Солженицын нередко предпочитает психологические объяснения «еврейского вопроса», так или иначе, но неизменно остро встававшего перед каждым императором, социальным, политическим, экономическим мотивировкам их действий, безуспешно ориентированных на ассимиляцию, которой «власти не только не мешали, ... но звали в нее — однако массы, оставаясь под кагальным влиянием, опасаясь принудительных мер в области религии, — не шли». Но так ли уж беспричинно опасались? И такое ли уж благо — насильственная ассимиляция?

Спору нет: и Александр I частенько пребывал «в ненастоятельности порывов и недостатке последовательной воли», и у Николая I был «прямолинейный ум... склонный к начертанию легкого проглядываемых перспектив», превышающе представлявший «и всеирие российской императорской власти, и успешность военно-административных методов». Но дело не в одних этих личных качествах монархов, но и в механизмах их безраздельной власти, в культивируемой ее атмосфере. Взять, скажем, «велижское дело», напрасно вынесенное на периферию исследования. На его мутной волне появилась не такого масштаба, как будущие «Протоколы сионских мудрецов», но тоже фальшивка — фальсификаторская «Записка о ритуальных убийствах», составленная по наказу Николая I тайным советником В. В. Скрипицыным и приписанная впоследствии Владимиру Далю. Под его авторитетным именем она была провокационно издана в канун процесса по «делу Бейлиса». К месту напомнить: история подлога, растянувшаяся на 60 без малого лет, распутана и воссоздана Семеном Резником в книге историко-документальных очерков «Растление ненавистны. Кровавый навет в России» (Москва-Иерусалим, «Даат/ Знание», 2001).

Не будем гадать, почему и как получилось, что и в этот отнюдь не побочный, и в аналогичных случаях другие столь же колоритные сюжеты обойдены писателем. Из нежелания бесконечно удлиннять и без того объемное, но вовсе не всеохватное повествование? Но десяток-другой страниц вряд ли бы его утяжелили. Из опасения публицистически непомерного сгущения черных красок? Но о их нагнетании, преизбытке с лихвой позаботилась двухсотлетняя история, облегчать, обелять которую — труд и зряшный, и неблагодарный, опасно чреватый недоговоренностями, оставляющий неотвеченными существенные вопросы. Не в том проблема, в самом ли деле и в какой мере «оградительные меры российского правительства» питались его опасениями перед порывом еврейской экспансии, а — в том и суть — сопрягались ли они и насколько тесно сопрягались с унижением национального достоинства диаспоры, ее социальными ущемлениями, порождали ли неравенство в правах.

То же — черта оседлости. Как ни обширна она, по Солженицыну, а все одно черта. Как, скажем для сравнения, Берлинская стена не собственно Берлинская, поскольку на годы и десятилетия раскрыла не просто город, а мир. И что с того, если еврейская оседлость в сравнении с крепостным правом «выглядит не столь мрачно»? При внешней типологической общности этих сторон российского бытия социально-исторические основы обоих столь различны, что сопоставление одного с другим допустимо как литературная метафора, но теряет строгий научный смысл. К тому же иные солженицынские интерпретации черты оседлости не свободны от противоречий друг другу. То она к концу XIX века «с каждым десятилетием становилась все проницаемей», а к началу XX совсем себя изжила, то ее смыло лишь массовым выселением евреев из районов боевых действий в Первую мировую. Но если черты фактически уже не существовало, то, стало быть, и смывать было нечего! Однако же было: свидетельством тому автобиографическая повесть-воспоминание Льва Разгона «Позавчера и сегодня» — о детстве и отрочестве писателя, будущего на 17 сталинских лет политзека, чей жизненный путь начинался в белорусском городе Горки как раз за чертой оседлости...

На другой очередной вопрос настраивает сопоставление двух тезисов о национальной политике царизма в «еврейском вопросе»: был ли российский антисемитизм государственным или лишь бытовым? С одной стороны, «... Российская Империя и весь XIX век и предреволюционные десятилетия, по медлительности и закосненности бюрократического аппарата и мышления верхов, — где только и в чем не опоздала? Она не справлялась с дюжиной самых кардинальных проблем существования страны: и с гражданским местным самоуправлением, и с волостным земством, и с земельной реформой, и с губительно униженным положением Церкви, и с разрывением государственного мышления обществом, и с подъемом массового народного образования, и с развитием украинской культуры. В этом ряду она роково опаздывала также и: пересмотреть реальные условия черты оседлости и как они влияют на положение в государстве — россий-

ские власти больше чем за столетие так и не сумели решить проблемы еврейского населения». С другой, — в разнокалиберных антисемитских настроениях на разных уровнях общественной и частной жизни, в «настороженном (но никак не враждебном! — В. О.) отношении» к идеям и проектам еврейского равноправия, помимо самих евреев, повинны все, кто угодно, — разрушители-революционеры, радикальная печать, финансовые и торговые конкуренты, но только «не круги правительственные».

Как часто случается в книге, категорическое «не» тут же снимается самим писателем. В данном случае — соседствующей ссылкой «на стесненного Горчакова», который призывал на Берлинском конгрессе 1878 года не смешивать «религиозную свободу с предоставлением евреям политических и гражданских прав». А спустя почти сотню страниц — на Александра III, который после долгих «раздумий или нерешимости... уже определенно повернул к тому, чтобы сдерживать российское еврейство стеснениями гражданскими и политическими, и проводил эту политику до своей смерти». Не ахти как согласуется с гневной иронией над «кем-то безымянным», кто «изобрел и пустил по миру ядовитую клевету: будто Александр III — неизвестно кому, неизвестно когда и при каких обстоятельствах — сказал: «А я, признаться, сам рад, когда бьют евреев!». И — принялось, печаталось в эмигрантских освобожденческих брошюрах, вошло в либеральный фольклор, и вот даже через 100 лет, поныне, это выныривает в публикациях как историческая достоверность».

В трехтомной «Истории Российской Империи» Михаила Геллера (М., «МИК», 1997; 2001) такое императорское откровение не зафиксировано. Но приведены другие, не менее юдофобские. Они, в частности, позволили ученому и на примере «еврейского вопроса» рассуждать о том, что «система Александра III, ставившая во главу угла полный контроль над обществом и государством, видевшая своей главной задачей сохранение абсолютного самодержавия, была на пути к тоталитарному режиму». Вывод, хотя и не такой резкий, как у Ричарда Пайпса, но сопредельный его определению России при Александре III как полицейского

государства. Но как ни назови ее тогдашнюю — идущей к тоталитаризму или сложившейся полицейской, — антисемитизм всех уровней, принимавший крайнюю форму еврейских погромов, сродни тому и другому как звено идеологии государственной. И потому полемический камень в Льва Толстого, заметившего «Захотят — накликают погром, не захотят — и погрома не будет», кинут А. Солженицыным понапрасну. Накликать — не значит организовать, направить. Достаточно не воспрепятствовать, создав потворствующую атмосферу...

А сколь велика в этом плане вина социалистов, воспринимавших те же погромы игровой картой в революционной борьбе? «Поднять народное движение на какой удобной почве, в том силе и антисемитской», — цитатный пересказ первоисточника, усиленный добавлением писателя: «Бей евреев, а там доберемся и до помещиков!». И ни слова при этом о правительственном Комитете охраны общественного порядка как наделенном карательными функциями органе тайной жандармерии, из которого упомянутый выше Ричард Пайпс выводит преемственную родословную большевистской ЧК. К слову: современная американская историография представлена в книге А. Солженицына до обидного скудно, что не могло не сузить ее исследовательские плацдармы и обобщающие выводы.

Это напрямую касается и темы революционистов. Сокрушительна ирония в их адрес: «Вот и толкуй о безграничном злостном произволе российского самодержавия». Но вопреки ей толковать есть о чем. Не о бессилии власти против стихии, бурно выплеснувшейся после трагедии 1 марта 1881 года, а о неполноте заключения, будто убийством царя-освободителя народовольцы остановили, «перешлибли» «много либеральных процессов, в том числе и движение к полному уравниванию евреев». Но откат от либеральных реформ начался много раньше — после кровавого подавления русской армией польского восстания 1863 года.

Не отнести к безусловно точным и такой тезис: «От самого начала... освободительных шагов Александра II радикальная революционность стала растущей стезей активности среди еврейской молодежи. Еврейское револю-

ционное движение стало качественно важной составляющей революционности общерусской. Количественное соотношение русских и еврейских революционеров в разные годы — впечатляет». Но не впечатляют конкретные цифры, приведенные А. Солженицыным в этой части книги. По нашумевшему «процессу 193-х» подсудимыми проходили 13 евреев. И всего 10-12 евреев участвовали в народовольческом терроре (свидетельство Л. Дейча, повторенное А. Солженицыным). От себя добавлю: Геся Гельфман — единственная еврейка на весь исполком «Народной воли». Не удивительно: народовольчество, как и народничество в целом, — явление сугубо русское.

Возможны уточняющие комментарии и по другим разделам книги, также развивающим тему еврейской революционности. 42 процента русских и 37 процентов евреев среди политических ссыльных Сибири на 1 января 1905 года не подтверждают ни министра Витте, сетовавшего на пятипроцентную часть еврейства в населении России (6 миллионов из 136), которое, однако, составляет 50 процентов революционеров, ни безымянную эсерку, заявлявшую от имени всех евреев чохом, будто в торжестве революции они видят собственное торжество.

На пороге и в ходе большевистского переворота, и в первые годы после него процентное соотношение русских и евреев изменится, но осмысление этого процесса — ожидаемый сюжет второго тома солженицынского исследования. Пока же в преддверии его обратим внимание на принципиальной важности тезис, относящийся к начальному подъему революционных брожений, но имеющий куда более широкое гуманистическое значение: «И никак нельзя первым еврейским революционерам 70-х годов XIX века приписывать мотивы исконно антирусские, как это сегодня представляется некоторым в России. Отнюдь!». Между прочим, допредставлялись до того, что и Азефа, всплывшего на вспененной волне революционистского бомбизма, объявили не искусным провокатором с двойным дном в душе, а послушным исполнителем тайного наказа законспирированных сионистов (они же масоны) по истреблению политически активной части русского

народа, независимо от того, кого и как обрекали на заклятие: чиновных бонз или революционеров-экстремистов. Как не полюбопытствовать: чьи и какие, помимо полицейских, секретные директивы исполнял предвосхитивший Азефа провокатор в «Народной воле» Сергей Дегаев, не знавший в своей девственно русской крови никаких инородных примесей, тем паче зловредных семитских?

Не обойтись без уточнений, касающихся остро поставленного вопроса об официальных ограничениях для евреев права на образование: «противодействие еврейскому приумноженному потоку» в университетах, других высших учебных заведениях, а также гимназиях было для власти борьбой с революцией, выражало стремление превратить школу «из рассадника социализма в рассадник науки». Уместно вспомнить о благих намерениях, мостящих ад. И, продолжая логически, признать, что в последние присталинские годы советская власть тоже была одержима благородным порывом, не допуская евреев сначала в гуманитарные, а потом и в технические вузы, оградить чистопородных русских от закордонного чужебесия вообще и безродного космополитизма в особенности...

Не иначе как зыбкость аргументации побудила А. Солженицына дополнить приведенный тезис еще одним: процентная норма для евреев в гимназиях и университетах, помимо противореволюционной цели, преследовала «и цель национальной защиты от проступавшего неравновесия в образовании». Разумеется, средства достижения цели оказывались не всегда хороши и вызывали «озлобление грубостью применения административной силы», однако в целом она и при этом, вне сомнения, была «обоснована ограждением интересов и русских и национальных меньшинств, а не стремлением к порабощению евреев». Но тут возникает по аналогии новый логически закономерный вопрос: чьи, если не самой власти сословные интересы, ограждались генерал-губернаторским указом Великого князя Сергея Александровича о принудительном, вплоть до тюремных этапов, выселении из Москвы 20 тысяч евреев-ремесленников (1891 год) или таком же тотальном выселении евреев из Ялты (1893 год)? В обоих слу-

чаях жесткий спрос с верховной власти и верхних эшелонов ее аппарата. Не предъявляя такого спроса впрямую, поскольку винит правительство в нераспоротности, а не в злонамеренности, А. Солженицын тем не менее считает нужным различать Россию и Российскую Империю, отделять одну от другой: не Империя, а Россия перед всем миром «клеимена как погромная, как черносотенная, — и присохло еще на сколько столетий вперед?» Не следует ли отсюда, что Империя подобных определений вполне заслуживала? И что в таком случае олицетворяло Империя, как не властные структуры на всех уровнях и во всех звеньях? Кому как, а мне лично — возможно, субъективно, пристрастно — слышится в таких рассуждениях писателя объективное признание антисемитизма политикой государственной...

Завершая первый том своего труда, охватывающий 120 из двухсот лет жизни русских и евреев в одном государстве, мысленно оглядывая выделенные им сложности и трудности этого совместного проживания, писатель полагает, что одни из них «разрешались с ходом времени, другие возникали и набухли в последние годы — вот к весне 1917. Но *эволюционность развития* (на сей раз курсив мой, — В. О.) определенно брала верх и обещала строительную основательность впереди». Все смело, «разнесло взрывом» сначала Февральской революции, затем Октябрьского переворота. Роковым для России и российского еврейства последствиям этого взрыва будет посвящен второй том. Но нет нужды откладывать до него итоговый вывод, какой настоятельно диктуется содержанием тома первого. Не принимать предложенного в нем освещения «еврейского вопроса» в России — значит отвергать сокровенную для Александра Солженицына идею эволюционного движения российской истории, его упущенных, неиспользованных возможностей. Кто тоскует по революционным крушениям с их бесславным эпилогом развитого социализма, — пусть себе грезит. Но так, чтобы не застить свет...

Валентин Оскоцкий — писатель и публицист, секретарь Союза писателей Москвы

КРАСНО-КОРИЧНЕВЫЕ В АМЕРИКЕ

ПУТЕМ ВЗАИМНОЙ ПЕРЕПИСКИ

1

В то время, когда Америку потрясал очередной шпионский скандал, — я говорю о разоблачении высокопоставленного сотрудника контрразведки Роберта Хэнссена, который пятнадцать лет тайно работал на КГБ-ФСБ, — когда Америка высылала из страны российских дипломатов, дабы уменьшить присутствие под их маской потенциальных шпионов, агенты другого типа продолжали орудовать в разных сферах американской жизни, оставаясь в полной безопасности. Формально они не нарушают законов, а всего лишь пользуются конституционными гарантиями свободного общества. Вред, наносимый ими Америке, невозможно измерить такими показателями, как число выданных и отправленных на смерть американских разведчиков или стоимость военных и промышленных секретов, перекочевавших в сейфы Лубянки. Однако их пропаганда, воздействуя на общественное сознание американцев, наносит интересам страны не меньший урон.

В Соединенных Штатах издается весьма популярный журнал «The Nation» («Нация»), который даже среди самых либеральных изданий отличается особой левизной. В разгар холодной войны журнал не скрывал своих просоветских симпатий и во всех случаях *blamed America first* (первым делом осуждал Америку). Мне впервые пришлось столкнуться с этим изданием через год с небольшим после приезда в Америку, примерно в конце 1983 или начале 1984 года, по вполне конкретному поводу. Я был тогда заместителем главного редактора недолго просуществовавшей в Нью-Йорке ежедневной русской газеты «Новости». Большая по объему газета делалась шумно, хаотично и беспорядочно. Сотрудников не хватало, и большинство из них не были профессиональными журналистами. О расширении штата не могло быть и речи: денег не хвата-

ло и на тех, кто уже работал. Каждый день шла жестокая борьба за выживание, то есть за то, чтобы успеть хотя бы к ночи отправить номер в типографию. И вот, как-то поздно вечером, просматривая уже почти готовый номер, я обнаружил перевод статьи известного советолога Стивена Коэна из журнала «The Nation». Это был комментарий, в котором автор очередной раз возлагал вину за напряженные отношения между двумя сверхдержавами на американскую сторону и, в частности, обвинял президента Джимми Картера в том, что в 1980 году тот без всяких оснований ввел эмбарго на поставки зерна Советскому Союзу.

Я сказал главному редактору Анатолию Антохину, что данная статья — это дезинформация, рассчитанная на короткую память рядовых американцев. Они могут и не помнить, как и почему было введено эмбарго. Но нашим читателям — выходцам из Советского Союза — очень даже памятно, что эмбарго было введено в ответ на вторжение советских войск в Афганистан. О целесообразности этой меры можно высказывать разные мнения. Можно упрекать Картера в том, что эмбарго было чрезмерной реакцией, а можно говорить о недостаточности этой меры, доказывая, что Америка в тех обстоятельствах должна была действовать более жестко. Любое из этих мнений может быть изложено в нашей газете. Но Стивен Коэн просто врет, и мне совершенно непонятно, почему мы должны публиковать эту ложь.

Долго убеждать Антохина нужды не было. В Советском Союзе он был драматургом и театральным режиссером, считался весьма перспективным талантом, перед ним открывались заманчивые перспективы театральной карьеры. Но он променял ее на трудную долю перебежчика именно потому, что не мог и не хотел лгать в своем искусстве в угоду агитпропу. Как попала в номер статья Стивена Коэна, он не знал так же, как и я. Но заме-

нить ее было нечем, а готовить другой материал некогда: газету надо было везти в типографию. Как-то исправить положение можно было только одним способом: сопроводить статью Коэна кратким послесловием, в котором выразить нашу позицию. Что я и сделал.

Мне и в голову не могло придти, что известный профессор удостоит наше малотиражное этническое издание своим вниманием. Однако позднее мне стало известно, что мое послесловие Коэн читал, выражал крайнее недовольство, но в публичную полемику предпочел не вступать. Он хорошо знал, что молчание — это тоже полемический прием. Особенно если нечего возразить по существу.

2

Вспомнить о журнале «The Nation» мне пришлось в феврале 2001 года, когда Алекс Сафьян, глава Бостонского отделения организации CAMERA, которая добивается правдивого освещения в американских средствах информации израильско-палестинского конфликта, обратил мое внимание на статью постоянного комментатора этого журнала Кристофера Хитченса «Wiesel Words» («Слова Визеля»).

Статья, прежде всего, поражала разнузданностью тона. В последние годы такой тон стал обычен в российских изданиях, но он считается совершенно неуместным в Америке. Первой же фразой своей статьи автор огорошивает читателя: до приведения каких-либо аргументов он называет бывшего узника Освенцима, одного из самых выдающихся писателей современности, лауреата Нобелевской премии мира, к чьему голосу прислушиваются во всех уголках планеты, «презренным болтуном и позером».

Конечно, на разнузданный стиль, который говорил только об отсутствии у автора и редакции элементарного такта, можно было бы не обращать внимания, если бы не содержание, которое показывало, что автор статьи преисполнен злобы отнюдь не только лично к Эли Визелю. Кристофера Хитченса задело не мнимое позерство большого писателя, а его скорбь и страдание при виде того, как на святой земле предков померкли надежды на мир и очередной раз поднялась волна

насилия. Об этом Э. Визель написал в статье «Мой Иерусалим», опубликованной в газете «Нью-Йорк Таймс» (24 января), на которую и обрушился неистовый критик.

Эли Визель не предлагал никаких рецептов — лишь объяснял, почему так важна, так трудна и так болезненна проблема Иерусалима для обеих сторон, то есть для израильян и палестинцев. В статье сказаны простые, искренние, проникновенные слова человека, знающего, что такое кровь, муки и сострадание. Проблема Иерусалима, о которую разбились надежды простых людей на мир, для Визеля не абстрактна. Он пишет о том, что хотя сам живет далеко от священного города, но, как всякий еврей, носит его в своем сердце.

Кристоферу Хитченсу такой язык оказался не по нраву. Не обладая ни знаниями, ни талантом, ни душевной тонкостью человека, избранного им мишенью для своей атаки, полностью равнодушный к тому, что терзает сердце Визеля, он не способен понять всю сложность того, что обсуждает писатель в своей статье. Все, что он может противопоставить Эли Визелю, — это злобное охаивание. Но и для этого, как было видно из текста статьи, у публициста журнала «The Nation» не нашлось достаточного интеллектуального ресурса, так что ему пришлось позвать на подмогу «блестящего израильского журналиста» Израэля Шамира, которого он представил читателям как сотрудника «самой крупной в Израиле русскоязычной газеты «Вести»». Приводимый им абзац из неназванной статьи Шамира (библиографическая ссылка отсутствовала) выдержан в столь же наглом, как у Хитченса, тоне. В переводе с английского он звучит примерно так: «Где твои мозги, старикан! Держись хотя бы внешнего правдоподобия. Дон-Кихот не врывается на джипе в Тобосо, чтобы изнасиловать предмет своей давней любви. Пусть он любил ее и думал о ней, но это не дает ему право убивать ее детей, перепахивать ее сад и водружаться с сапожищами на ее обеденном столе».

Итак, Эли Визель — это некий извращенный Дон-Кихот, изнасиловавший свою Дульцинею и передувший ее детей!

3

Первое правило профессиональной журналистской работы — проверяй свои источники. Кристофер Хитченс этим правилом пренебрег: «не выполнил домашнего задания», как говорят в таких случаях американцы. А попросту говоря, схалтурил. Так мне показалось после прочтения его статьи (лишь много позднее я понял, что, скорее всего, ошибался). Русский язык для автора журнала «The Nation» наверняка чужой, цитату Шамира он, скорее всего, выхватил — в уже переведенной на английский версии — из какого-то вторичного источника; из него же, видимо, и почерпнул упоминание об израильской газете «Вести», после чего без всякой проверки зачислил в ее штат полюбившегося ему собрата по перу.

Но для меня имя Исраэля Шамира звучало не отвлеченно. Впервые оно попало мне на глаза года три-четыре назад в какой-то российской газете, опубликовавшей его обширное интервью. К сожалению, найти сейчас эту вырезку я не смог, однако аналогичное (или то же самое) интервью можно найти в интернетовском «Русском журнале» от 6.02.1998. Апломб и высокомерие в нем перемешаны с воинственным антисемитизмом, особенно гадким в устах еврея. Цинизм автора доходит до того, что он почти не скрывает: в Израиль он эмигрировал не по зову сердца, а по заданию компетентных советских органов. Отвечая на вопросы, касающиеся его биографии, Шамир рассказывает, что в конце 60-х годов, будучи студентом Новосибирского университета, составил «законопроект о правах и свободах человека в СССР, за что, естественно, из вуза был отчислен». Однако эта наука не пошла впрок молодому забияке, и когда советские танки вторглись в Чехословакию, он разукрасил стены домов в своем родном городе звонким призывом: «Руки прочь от Чехословакии!»

Хорошо известно, как КГБ поступал в тот суровый год с подобными смельчаками, а в том, что компетентные органы тотчас «вычислили» автора антисоветской акции, можно не сомневаться: ведь его имя уже находилось в черном списке диссидентов, который в те времена в далеком Новосибирске вряд ли был велик. Казалось бы, должны были последовать репрессии. Однако, вместо того, чтобы отправиться в

Мордовские или иные лагеря усиленного режима, начинающий диссидент, по его словам, «организовал кампанию по выдвиганию Сахарова в Верховный Совет СССР». И опять в интервью ни слова о каких-либо неприятностях с ведомством Андропова. Бывший диссидент сообщает, что поехал в Москву, где «познакомился с сионистами, которые достаточно высоко оценили мой опыт самиздата и конспиративной деятельности», а затем... А затем он с молниеносной быстротой выезжает в Израиль! Это в то время, когда движение евреев за эмиграцию только зарождалось, и власти никого не выпускали без длительной изнурительной борьбы. Можно не сомневаться, что «чудо» с Исраэлем Шамиром могло свершиться только на определенных условиях.

Из интервью видно и другое: «блестящий израильский журналист» Исраэль Шамир давно уже практически реэмигрировал из Израиля обратно в Россию. На исторической родине он бывает лишь наездами, чтобы поддерживать имидж израильского журналиста, ибо в другом качестве он никому не нужен.

Недавно имя Шамира снова попало мне на глаза — на страницах профашистской российской газеты «Завтра». В статье под названием «Кровавая порука. Взгляд из Тель-Авива» (5 декабря 2000, № 49 (366)) он с тем же апломбом «просвещал» российских национал-профанов относительно того, почему израильтяне (не палестинцы во главе с Арафатом!) сорвали мирный процесс. Каждое слово этой статьи дышало ненавистью и ложью. Чего стоит хотя бы такой опус: «Израильский народ» — это химера, он не может существовать без подпитки кровью, он нуждается в энергии извне. Он выпил энергию палестинцев, энергию восточных евреев, ашкеназов превратил в военную касту, сейчас пьет энергию русских. В криминальном мире молодого урку посылают пырнуть ножом случайного прохожего, чтобы крепче связать круговой порукой с воровским братством. Именно на этот шаг и пошли Барак и Шарон, два израильских генерала, дети одной формации».

Но это далеко не самое «сильное» место. Шамиру недостаточно превратить «химеру» израильского народа в вампира, высасывающего «энергию крови» из всех и вся; он еще «обосновывает» свой чудовищный навет на

соплеменников лже-историческими и лже-теологическими параллелями: «Раввин в русской израильской газете «Вести» объявляет палестинцев — детьми Сатаны, как его предшественник-фарисей называл Христа».

Каково же имя этого ужасного раввина и в каком именно номере газеты «Вести» он высказался о палестинцах столь непозволительным образом? Автор не дает точной ссылки. А что это за предшественник-фарисей, приобшивший к детям Сатаны самого Иисуса Христа? Такого высказывания не приписывается никаким фарисеям даже в самых «крутых» антиеврейских сентенциях Евангелий. Известно как раз обратное: многие христианские идеологи — иные из них причислены к лику святых, — в отместку за то, что евреи не уверовали в Божественность Иисуса, клеймили их как отродье Сатаны!

Но дальше — больше. «В Израиле снова ждут Мессию, и каждый вкладывает в это слово свой смысл, — продолжает автор нанизывать одну зловонную ложь на другую. — Как и две тысячи лет назад, одни ждут Спасителя всего человечества, от Газы до Калуги. Другие ждут Антихриста, который возвеличит иудеев и навеки поработит гоев» (Знакомый мотив гитлеровской пропаганды, служивший «ордером на геноцид», как выразился по аналогичному поводу американский исследователь Норман Кон).

Почти в любой европейской стране автора таких пассажей упрятали бы за решетку вместе с опубликовавшим их редактором, ибо пропаганда нацизма в них запрещена законом. В Америке подобных законов нет, но впрямую ничего подобного не решилось бы напечатать ни одно издание, мало-мальски дорожащее своей репутацией, даже журнал «The Nation». Только в современной России подобные публикации в порядке вещей, и главный редактор публикующей их газеты, Александр Проханов, — желанный гость самого президента, после встречи с которым заявляет: «Кремль снова стал наш!»

4

Прочитав статью Исраэля Шамира в газете «Завтра», я ознакомил с ней своих коллег по Совету директоров Американской ассоциации евреев из бывшего СССР и Американской антифашист-

ской ассоциации, после чего мы опубликовали в ряде русскоязычных американских изданий краткий протест против провокационной вылазки. Вот его текст: «В ведущей газете российских патриотов красно-коричневой окраски «Завтра» появилась очередная антисемитская и анти-израильская провокация: статья Исраэля Шамира «Кровавая порука (взгляд из Тель-Авива)». В глазах простаков, на которых рассчитана эта публикация, она может показаться убедительной, так как исходит от израильского еврея. Однако людей, хотя бы немного знакомых с работами этого автора, она обмануть не может. Перед нами очередная вылазка агента влияния, либо намеренно засланного в свое время в Израиль компетентными органами, либо по собственному почину выполняющего их социальный заказ.

Всем хорошо известно, что израильское общество трагически расколото в вопросе о том, на сколь значительные уступки палестинским арабам можно и нужно пойти в обмен на мирный договор. Премьер-министру Эхуду Барак и его сторонникам, готовым на весьма значительные уступки, противостоят не менее влиятельные силы, возглавляемые генералом Ариэлем Шароном. Этим расколом и воспользовался Ясир Арафат, чтобы сорвать мирный процесс и начать новую интифаду. В том, что в столкновениях снова льется кровь, что гибнут преимущественно палестинцы, повинен именно он, посылающий толпы ослепленных ненавистью юнцов забрасывать камнями хорошо вооруженных и обученных солдат армии Израиля. Ставить демагогический вопрос о том, «почему Барак и Шарон, эти два генерала-близнеца, ... решили прекратить хрупкий мир и пуститься на военную авантюру», можно только с целью обмана доверчивого читателя.

«Эрудиция» автора статьи простирается столь широко, что он пытается опереться на псевдонаучные рассуждения покойного Льва Гумилева, слышущего оракулом среди красно-коричневых патриотов. Однако в поле зрения глядящего из Тель-Авива автора не попали слова бывшего премьер-министра Израиля Голды Меир, говорившей, что мир в регионе наступит тогда, «когда арабские лидеры станут любить своих детей больше, чем они ненавидят нас».

Лицемерные стенания по «жертвам нового геноцида» на Ближнем Востоке особенно циничны в газете, из номера в номер ратующей за силовое «окончательное решение» вопроса Чечни, где ежедневно и ежечасно осуществляется подлинный геноцид мирного населения, что неоднократно удостоверено международными правозащитными организациями.

Статья Исраэля Шамира в газете «Завтра» — это очередной выплеск масла в огонь палестино-израильского конфликта, это новая инъекция ненависти к евреям, впрыснутая в общественное сознание России.

Леонид Стонов, Президент Американской Ассоциации евреев из бывшего СССР.

Иосиф Лахман, Президент Американской Антифашистской Ассоциации иммигрантов из бывшего СССР.

Семен Резник, член правления обеих ассоциаций».

5

И вот, буквально через пару недель имя Исраэля Шамира попадаете мне в журнале «The Nation», где он фигурирует как respectable израильский журналист, сотрудник газеты «Вести». У меня практически не оказалось выбора, кроме как написать письмо в редакцию, чтобы объяснить ей, в какое нелепое положение она себя поставила. Вот текст письма в переводе с английского.

«Уважаемый г-н редактор.

В статье «Слова Визеля» («The Nation», 19 февраля 2001 г.) Кристофер Хитченс утверждает, что в 40-е годы Эли Визель «был членом возглавлявшейся Менахемом Бегинем группы «Иргун», когда эта организация использовала тактику крайнего насилия против мирных арабов и была более чем готова использовать ее против евреев». Поскольку я не смог найти упоминания о членстве Визеля в «Иргуне» ни в одной из нескольких просмотренных мною биографических статей о нем, я позвонил ему самому и получил подтверждение, что он в этой организации не состоял и в 40-е годы вообще не бывал на Ближнем Востоке. Похоже, что эти сведения г-н Хитченс позаимствовал у «израильского журналиста Исраэля Шамира», чей «блестя-

щий ответ Визелю» он нашел «в крупнейшей русскоязычной газете Израиля «Вести». Согласно г-ну Хитченсу, «Шамир только напрасно тратит время на Визеля, утверждающего, что Палестина была пустыней до того, как он прибыл туда в качестве одного из головорезов Бегина». Я могу поздравить г-на Хитченса с приобретением столь ценного источника информации.

Израэль Шамир эмигрировал из Новосибирска в Израиль в конце 60-х годов. Там он с завидным упорством создавал себе имидж супер-сиониста и супер-патриота. Позднее, однако, он с еще большим упорством стал «разоблачать» Израиль, сионизм, иудаизм, пользуясь шаблонами советской антисемитской пропаганды. Его скандальные выступления в печати были столь примитивными, что он приобрел репутацию то ли клоуна, то ли агента влияния КГБ. (Однако из-за примитивности его эскапад они не могли ни на кого повлиять.) После полного провала его миссии Шамир практически реэмигрировал в Россию: последние десять лет он живет гораздо больше в Москве, чем в Израиле. Он любимый автор ведущей российской коммунистической газеты «Правда» и ведущей российской ультранационалистической (профашистской) газеты «Завтра». Хотя Шамир отрицает свое формальное членство в компартии, он признает, что является коммунистом по убеждениям. Его самая последняя статья в «Завтра» восхваляет Фиделя Кастро, одного из последних оставшихся коммунистических тиранов.

Что же касается израильской русскоязычной газеты «Вести», то некоторое время назад она действительно печатала статьи Исраэля Шамира, но только под рубрикой «Заметки прокуратора». Это мне подтвердили два редактора «Вестей» Сергей Подражанский и Илья Кричевский, с которыми я говорил по телефону. Оба объяснили эти публикации тем, что их читатели обладают хорошим чувством юмора и клоунада Шамира их забавляла. Однако несколько месяцев назад, когда напряженность в стране резко возросла, «Вести» перестали публиковать злобно-забавные фантазии Шамира, «потому что стало не до шуток», как выразился Сергей Подражанский.

Насколько мне известно, в Америке до сих пор никто не ставил под сомнение высокий нравственный авторитет Эли Визеля. Если амбициозный литератор решил заклеить его как «позера», «болтуна» и даже «головореза», он должен знать то, о чем говорит. Если он утверждает, что Визель пишет «дешевую ложь», «опровергнутую ложь» и даже «Большую Ложь», ему следовало бы опереться на более надежные факты и документы, чем те, которые он смог почерпнуть у «блестящего израильского журналиста» Исраэля Шамира.

6

Отправив письмо в «The Nation» по электронной почте и не дождавшись ответа в течение недели, я послал напоминание с просьбой сообщить, намерен ли журнал опубликовать мое письмо или нет.

На этот раз ответ пришел незамедлительно. Он гласил (в переводе с английского): «Дорогой Семен Резник, если вы пришлете мне копию Вашего письма, я смогу ответить на ваш вопрос. Я работаю дома и не имею доступа к моей корреспонденции. Джудит Лонг, редактор отдела писем».

Послание показалось мне странным. Если госпожа Лонг дома не имеет доступа к электронной почте, входящей в редакцию, то как к ней попало мое второе письмо, посланное по тому же адресу, что и первое?

Повторно отправив письмо, я сопроводил его ремаркой: «Дорогая г-жа Лонг. Благодарю Вас за быстрый ответ. При сем посылаю мое письмо от 18 февраля. Уважающий Вас Семен Резник».

Теперь ответ последовал еще быстрее — в тот же день. Он был краток и категоричен: «Нет. Я не буду публиковать его. У нас накопилось много писем».

Еще большая странность, не так ли?

Запрашивая повторно мой отзыв, г-жа Лонг не слатила пилюлю возможного отказа ссылкой на завал письмами. Публикацию письма она ставила в четкую зависимость от его содержания. А тут всплыли совсем иные обстоятельства. Причем форма, в которую был облачен ответ, как бы приглашала ему не верить. Грубый тон — без обращения, без извинения или сожаления, с категоричным «Нет» в качест-

ве первой фразы — говорил одно: «Знай наших! Что хотим, то и воротим!» Сразу пахнуло «родным и знакомым». Хотя я покинул Россию почти двадцать лет назад, но отечественное хамство — это «праздник, который всегда со мной».

Я ответил: «Дорогая госпожа Лонг, благодарю вас за быстрый и недвусмысленный ответ. Честно говоря, я не удивлен. Примерно 20-25 лет назад я получал десятки похожих ответов из многих советских редакций, когда пытался критиковать наиболее одиозные из их антисемитских выступлений. С уважением, Ваш Семен Резник».

7

Я полагал, что переписка окончена, но мое замечание, видимо, задело какую-то чувствительную струну. Не знаю, что больше повлияло на редактора отдела писем «The Nation» — преподанный ли ей урок вежливости или параллель с советскими изданиями, но ее следующее послание, во всяком случае, выдержано в пристойных выражениях: «Дорогой Семен Резник, как вы знаете, у меня нет места для публикации вашего письма. Однако в номере, который уйдет в печать 28 февраля (он датирован 19 марта), Кристофер Хитченс ответит на ваше утверждение, что Эли Визель никогда не состоял в «Иргуне». (Подпись)»

Итак, тон ответа Джудит Лонг изменила, но по существу она пошла на еще одно безобразие чисто советского образца: отдала мое письмо на растерзание тому самому автору, которого я подверг критике.

«Дорогая г-жа Лонг, какой великолепный ход! У вас не нашлось места, чтобы опубликовать мое письмо, открывающее правду Вашим читателям, но у вас есть место на то, чтобы продолжать их обманывать публикацией ответа того самого автора, чью профессиональную несостоятельность я продемонстрировал. С сожалением должен снова заметить, что это напоминает мне приемы советского агитпропа. Я был лучшего мнения о Вашем журнале. (Подпись)»

Ответ: «Я не имею контроля над тем, что он пишет, но я полагала, что вам будет интересно узнать, что он ответит таким критикам, как вы, в своей новой статье».

Нет, все-таки советские функционеры изворачивались гораздо ловчее. Я написал: «Дорогая г-жа Лонг. Если вы не можете контролировать то, что пишет г-н Хитченс, то у вас не было права передавать ему мое неопубликованное письмо. Оно было адресовано редактору журнала «The Nation», а не г-ну Хитченсу. Похоже, что вы никогда не слышали о том, что такое профессиональная этика. С уважением, Семен Резник».

Ответ: «Дорогой Семен Резник, по заданному порядку, все письма, касающиеся любой статьи, редакционного комментария или колонки препровождаются автору. Вы не единственный человек,отреагировавший на статью Кристофера Хитченса о Визеле (как вы можете вообразить). Из-за большого числа полученных писем Хитченс решил обратиться к этому вопросу в своей колонке. Дж.Л.»

Мой ответ: «Дорогая г-жа Лонг, по заведенному порядку, вы могли и даже должны были переслать мое письмо г-ну Хитченсу, если бы вы планировали его опубликовать, то есть сделать общеизвестным. В этом случае ему должна была быть дана возможность ответить. Но так как Вы решили придать моему письму частный характер (это Ваше решение, а не мое!), Вы не имели права никому показывать его без моего разрешения, в особенности г-ну Хитченсу. Это очевидно.

На интернетовском сайте журнала «The Nation» говорится: «Имея репутацию беспощадного срывателя масок, Хитченс разоблачает лицемерие в Вашингтоне и во всем мире». Не значит ли это, что он и его редакторы обязаны в первую очередь выжигать лицемерие из его собственных писаний? Можно ли представить себе большее лицемерие, чем в этом конкретном случае? Я направил в журнал письмо, в котором показал, что в своей статье Хитченс дезинформировал читателей, выдав красно-коричневого антисемита, у которого он позаимствовал основные «факты» и суждения, за «блестящего израильского журналиста». А журнал, вместо того, чтобы напечатать мое письмо и извиниться перед читателями, посылает его тому же автору, предлагая «выбрать», что с ним делать. Если первоначально я полагал, что Хитченс допустил ошибку из-за того, что, не владея русским языком, не сумел должным образом про-

анализировать надежность своих источников, то теперь я вижу, что это была намеренная ложь и что редакторы покрывают его. Я могу только догадываться о его и их мотивах.

Что же касается других писем, то — да, я очень даже могу себе представить, что я не единственный человек на свете, возмущенный лицемерным памфлетом Хитченса. Поскольку вы подтверждаете, что получили целый ряд аналогичных писем, то я хочу попросить вас об одолжении: пожалуйста, помогите мне установить прямую связь с их авторами. Я понимаю, что без их разрешения Вы не можете сообщить мне их электронные адреса, но я разрешаю и прошу вас сообщить им мое. Пожалуйста, перешлите им следующее сообщение: «Дорогой (гая) господин или госпожа, меня зовут Семен Резник. Я писатель, историк и журналист. Я направил письмо в журнал «The Nation» в ответ на возмутительную статью Кристофера Хитченса «Слова Визеля». Я знаю, что вы тоже отреагировали на эту статью и что редакция отказалась печатать ваше письмо, как и мое. Может быть, мы можем совместно что-то сделать для того, чтобы наше мнение было опубликовано. Если Вы заинтересованы в этом, давайте вступим в контакт (сообщается адрес моей электронной почты, номер телефона, факса, почтовый адрес). Благодарю Вас. Семен Резник».

Ваше одолжение, г-жа Лонг, будет воспринято с большой благодарностью; пожалуйста заранее сказать вам спасибо за оказанную помощь».

Ответа на это послание не было несколько дней, а когда я направил его повторно — с припиской, что делаю это для того, чтобы быть уверенным, что оно дошло до адресата, г-жа Лонг ответила следующее: «Я получила Ваше последнее письмо. У меня нет ресурсов или (так в тексте! — С.Р.) времени заново просматривать почту — сотни писем ежедневно — чтобы найти другие письма на эту же тему. -Дж.Л».

8

Между тем, в интернете появился номер журнала «The Nation» от 19 марта, но новая статья Хитченса на сайте помещена не была. Пришлось ждать еще несколько дней, пока номер по-

явился в библиотеке. Как и было обещано мне г-жой Лонг, в нем имелся короткий, но более чем выразительный ответ критикам, возмущенным статьей «Слова Визеля». Если до этого ответа еще можно было подозревать, что Хитченс просто профессионально недобросовестный журналист, севший в лужу из-за излишней самоуверенности и безответственности, то теперь стало ясно: проблема не столько в этом, сколько в его аморальности, позволяющей ему протаскивать в печать свои наветы любыми, в том числе самыми нечистоплотными средствами. У меня опять не осталось иного выбора, как направить в журнал новое письмо:

«Дорогая г-жа Лонг.

Как я уже писал на имя редактора журнала «The Nation», клеветническое нападение Кристофера Хитченса на доктора Эли Визеля в основном базировалось на фальсификациях, заимствованных из антисемитских публикаций Исраэля Шамира, которого Хитченс ложно представил блестящим журналистом, работающим в крупнейшей русскоязычной газете Израйла «Вести», хотя на самом деле Шамир пишет в основном для ведущих коммунистических и ультранационалистических газет России, таких, как «Правда» и «Завтра». (Если «Вести» иногда печатали его эссе, то под рубрикой «Заметки провокатора»).

Вместо того, чтобы опубликовать мое письмо к пользе ваших читателей, вы переслали его самому Хитченсу для его собственной пользы, а затем осчастливили меня благой вестью: он-де оспорит мое «утверждение», будто он неверно «уличал» Эли Визеля в том, что тот в 40-е годы был «членом «Иргуна»» и «прибыл (в Палестину) как один из головорезов Бегина».

В новой колонке («The Nation» от 19 марта) Хитченс действительно отвечает критикам, но на свой особый манер. Фактически, он отказывается от своего первоначального утверждения, признав косвенно, что в конце 40-х годов Эли Визель НЕ БЫЛ в Палестине, а жил в Париже, и что он НЕ БЫЛ членом «Иргуна», а только работал в газете, финансировавшейся этой организацией. Это точно совпадает с тем, что Эли Визель написал в своей автобиографии и что он подтвердил в телефонном разговоре со мной всего пару недель назад.

Однако Хитченс не приносит извинений. Он делает вид, что «это недоразумение» возникло не из-за его (и Шамира) фальсификаций, но «частично из-за того, что те люди, которые купили книгу его [Визеля] мемуаров (со склизким названием «Все реки текут в море»), не смогли решить устрашающе тяжелой задачи — их прочитать».

Г-н Хитченс снова ошибается. Я не могу говорить за других читателей, пришедших письма в журнал, но что касается меня, то я прочитал книгу Визеля от доски до доски, и эта задача не показалась мне ни устрашающей, ни тяжелой. Это одна из лучших автобиографий, которые мне довелось читать — благодаря как литературному таланту автора, так и его выдающейся личности.

У людей могут быть разные вкусы. И ценности. Хитченс имеет полное право восхищаться писаниями своего красно-коричневого близнеца от КГБ Исраэля Шамира. Но это не значит, что он может лишать меня права отдавать предпочтение авторам другого типа и калибра.

Ненависть Хитченса ко всему еврейскому выпирает как из его первоначальной статьи, так и из ответа критикам, вопреки его лицемерным попыткам замаскировать свои постыдные предвзятости. Как антисемит левого уклона, он выражает свою ненависть не в столь прямолинейной форме, как Дэвид Дьюк или Луис Фаррахан. Он не отрицает напрямую Холокост как изобретение сионистов; он «только» пишет о «постоянной бесчестности», которой якобы отмечены все работы Визеля, клеймит как «Большого Лгуна» писателя, повсеместно признанного одним из наиболее ярких представителей шести миллионов евреев — жертв нацистского геноцида. Он не отрицает напрямую право еврейского государства на существование, а «только» демонизирует тех, кто воевал — и многие отдали свои жизни — за его создание. Он не приравнивает сионизм к расизму, как печально знаменитая резолюция ООН, навязанная большинством коммунистических и арабских стран в разгар холодной войны; он «только» заявляет что «Иргун» и «Лехи» до недавнего времени [sic] открыто выражали свое восхищение Муссолини и Гитлером».

Еще одно «недоразумение»? Дайте перевести дух!

Обе боевые еврейские организации, «Иргун» и «Лехи», были распущены и прекратили свое существование в сентябре 1948 года, еще до рождения Кристофера Хитченса. Одно это красноречиво говорит о «безукоризненной честности» этого автора, как и освобождает меня от необходимости доказывать абсурдность его утверждений, что еврейские бойцы могли восхищаться нацистами или фашистами. Законно задать вопрос: кем из двух названных Великих Вождей (или, может быть, третьим — товарищем Сталиным) восхищается Хитченс, когда восхваляет, цитирует, превозносит их духовного отпрыска Исроэля Шамира?

Многие бы любопытно получить ответ на этот вопрос.

Увы, мое любопытство осталось неудовлетворенным — ответа не последовало.

Обо всей этой истории я написал небольшую статью — в русском и английском вариантах. Но если русский вариант был охотно опубликован в газете «Русский Форвард» (Нью-Йорк) и в журнале «Чайка» (Балтимор, 7 мая 2001) (а затем перепечатан в израильской газете «Еврейский камертон», 24 мая), то английский вариант пробить в печать мне не удалось, хотя я посылал ее во многие издания. В газете «Вашингтон Таймс» ее приняли к публикации, работали над ней, просили несколько сократить текст, что я и сделал. Но потом перестали отвечать на мои телефонные звонки и электронные послания — верный признак того, что что-то сорвалось. И ведь это консервативная газета, которая публикует мои статьи и рецензии уже почти пятнадцать лет! Похоже, что появлению данной статьи противодействовали влиятельные силы, но какие именно — это редакционная тайна.

9

Между тем, круги от статьи Хитченса пошли довольно далеко. Одна из ведущих газет Германии, «Ди Вельт», перепечатала из «Нью-Йорк Таймс» эссе Эли Визеля «Мой Иерусалим» и сопроводила ее ... полным текстом издательской статьи Исроэля Шамира «Изнасилование Дульцинеи» — той

самой, из которой Хитченс привел только короткий абзац. К этому времени я уже знал, что эта статья опубликована по-английски в интернете — на сайте самого автора и на сайте пропалестинской лоббистской организации «The Struggle». В «Вестях» она не печаталась. Однако, используя саморекламу Шамира и подачу Хитченса, «Ди Вельт» тоже подала Шамира как сотрудника газеты «Вести».

Мне снова пришлось взяться за перо:

«Поместив статью Эли Визеля (9 апреля), ваша уважаемая газета сослужила хорошую службу своим читателям. Германская общественность должна знать мнение д-ра Визеля, одного из наиболее видных борцов за мир и справедливость, по такому острому вопросу, как судьба Иерусалима. Его эссе — это эмоциональный призыв к миру, но не к умиротворению, к разумному компромиссу, но не к поощрению террористов.

Однако было очень странно читать на той же странице о «Доне Визель-Кихоте», который «изнасиловал» свою возлюбленную Дульцинею, а затем совершил другие страшные преступления, «чтобы оправдать изнасилование». В своих разнужданных комментариях Исроэль Шамир не высказывает ни единой конструктивной идеи о том, как решить израильско-палестинский конфликт. Зато по ходу он делает множество исторических, археологических и теологических «открытий», таких как «евреи даже не упоминаются в еврейской Библии», «название Иерусалима не упомянуто ни в одной из еврейских священных книг» и много других.

Над этими экстравагантными «открытиями» — часть из них с явным антисемитским запашком — можно было бы только посмеяться, если бы г-н Шамир был вами правильно представлен. К сожалению, вы представили его как «одного из наиболее известных и уважаемых русско-израильских писателей и журналистов», который «выступает с еженедельным комментарием в крупнейшей русско-язычной газете Израиля «Вести»».

Вы указываете, что взяли статью Шамира с его собственной странички в интернете, так что можно полагать, что оттуда же вы почерпнули сведения об авторе, не страдающем нескромностью. Правда, те же сведения вы мог-

ли найти на сайте организации «The Struggle», американской пропалестинской лоббистской группы. Трудно ждать объективности и точности от таких источников».

Далее я излагал сведения о Шамире, приводившиеся выше, цитировал некоторые его высказывания из публикаций в «Завтра» и заключал: «Я полагаю, что нападение Шамира на «Дона Визель-Кихота» свидетельствует о том, что лауреат нобелевской премии мира Эли Визель сказал что-то действительно важное в своем эссе о Иерусалиме».

К моему удивлению — не без проволочек — я получил извещение из редакции «Ди Вельт», что письмо мое будет опубликовано. И действительно, вскоре оно появилось.

Однако ведущая американская пресса продолжала хранить молчание, что позволило организации «The Struggle» прокатить Израэля Шамира по кампусам многих американских университетов как «ведущего и наиболее уважаемого русско-израильского журналиста». Об этом я узнал из маленькой профшистской газетенки «Спотлайт», издающейся в Вашингтоне (7 мая, 2001). Оказалось, что Шамир побывал в Гарвардском, Колумбийском, Джорджтаунском и других ведущих университетах, в которых внушал доверчивой и малоопытной молодежи, что Израиль — это «государство Ку-Клукс-Клана, во главе которого стоят сумасшедшие», что израильтяне ненавидят Христа и христиан, а христиане, выступающие в поддержку Израиля, — «это люди, имеющие хорошие намерения, но лишённые знаний. Они думают, что они поддерживают евреев, а на самом деле они только подогревают дух ненависти к Христу среди евреев». Будущее покажет, чем отзовется эта злонамеренная пропаганда.

А в настоящем... А в настоящем, «разделавшись» с Эли Визелем, Кристофер Хитченс взялся за другого лауреата Нобелевской премии мира (и тоже еврея) — Генри Киссенджера. О нем неистовый разоблачитель написал целую книгу, в которой обвинил известного дипломата и политика в аморальности и даже в... военных преступлениях. А после того как Киссенджер, спрошенный о том, как он относится к этой книге, в телевизионном интервью назвал Хитченса отри-

цателем Холокоста, тот заявил, что подаст в суд за клевету. По поводу этого мини-скандала газета «Вашингтон пост» опубликовала комментарий своего постоянного сотрудника Ричарда Коэна. Суть комментария сводилась к тому, что хотя Хитченс безусловно тип аморальный, замаранный многими грязными поступками, но Холокоста он не отрицал. Он, правда, выступал за то, чтобы книга о Геббельсе известного британского отрицателя Холокоста Дэвида Ирвинга была издана в Соединенных Штатах, но этого он требовал во имя свободы слова. «Хитченс — провокатор, — говорилось в статье. — Он пишет против шерсти, всегда хорошо, иногда умно. Он имеет абсолютное право быть неправым».

Ну а Киссенджер? На словах Стивен Коэн признает и за ним «право быть неправым», но на деле... он предлагает Киссенджеру извиниться перед оклеветавшим его борзописцем, чтобы избежать судебного иска. Прочитав это, я написал письмо в газету «Вашингтон Пост». Изложив факты, уже известные читателю, я заключал свое письмо следующим образом:

«Я не знаю, отрицал ли он (Хитченс) Холокост *прямо*. Но *косвенно* он делал это самыми разными способами: и тем, что отстаивал «право» Дэвида Ирвинга публиковать свою отрицающую Холокост книгу в Соединенных Штатах, и тем, что клеймил как лгуна писателя, чей голос широко признан одним из наиболее авторитетных голосов в защиту жертв Холокоста, и тем, что обвинил еврейских бойцов в том, будто они восхищаются Гитлером, и тем, что выдал вскорпленного КГБ антисемитского пропагандиста за авторитетного израильского литератора. Если господин Хитченс готов к тому, чтобы все это стало предметом судебного разбирательства, то он очень храбрый человек».

Ответа на письмо я не получил, зато через несколько дней газета «Вашингтон Пост», назвав Кристофера Хитченса «нашим другом», сообщила, что его адвокаты направили Генри Киссенджеру письмо, в котором требуют публичного извинения, а в противном случае грозят подать на него в суд за диффамацию.

10

В книге «Растление ненавистью: Кровавый навет в России» (Москва-Иерусалим, «ДААТ/Знание», 2001) мне довелось писать о том, что с фашистами хватает забот во многих странах, в том числе и в Америке. Они могут взорвать правительственное здание, протащить несколько миль по асфальту привязанного к машине «нигера», пустить автоматную очередь в еврейских детей, застрелить почтальона-филиппинца... Но они вытеснены из основной магистралей общественно-го сознания и вынуждены вывариваться в котлах, наполненных их собственными параноидальными испарениями. Говоря это, я имел в виду *праворадикальные* группы: расистов, ку-клукс-клановцев, фанатиков-сектантов. Не случайно наиболее известный представитель этих кругов Дэвид Дьюк за признанием своих заслуг в разоблачении еврейского заговора должен был ехать в Россию. В Америке его книг не читают, выступлений не слушают, в духовном мире американцев его просто не существует.

Иное дело — такие, как Кристофер Хитченс. Вместе с журналом «The Nation» и другими изданиями, которые его охотно печатают, он и ему подобные, несомненно, входят в то, что называется основным руслом (main stream) общественного сознания Америки, хотя Америки они не знают, не любят ее, презирают ее демократический строй и традиции, а свободу слова понимают именно в том духе, что она якобы дает им (но не их оппонентам) «абсолютное право быть неправыми», то есть узурпируют право на абсолютную безответственность. Хитченсу не откажешь в известной ловкости и бойкости пера (это на языке близкого ему Ричарда Коэна называется «писать всегда хорошо, порой умно»), в умении чутко улавливать некоторые общественные настроения и подыгрывать им. Самоуверенное невежество позволяет авторам такого типа с неве-

роятной скоростью строчить статьи на любые темы, обо всем высказывать безапелляционные суждения, толком не зная ничего и маскируя свое скудоумие непомерной наглостью.

Не думаю, что Кристофер Хитченс завербован КГБ или, например, соответствующими органами арафатовской администрации. Но он социально и идейно близок тем и другим, и если не по прямому заданию, то стихийно играет роль их агента влияния. И, в отличие от Шамира, действительно имеет влияние.

Такие, как он и его редакторы, пользуясь преимуществами свободного общества, в пределах доступной им власти готовы давить всякое инакомыслие, всякое критическое суждение. Они хорошо знают, что публикация критических, порой крайне нелюбимых писем читателей, возражающих авторам тех или иных статей, — это для ведущих американских газет и журналов является нормой, а не исключением. Но такие издания, как «The Nation», позволить себе этого не могут, — более того, используя личные и иные связи, они пытаются не допустить критики в свой адрес в других изданиях, что, как мы видели, им нередко удается. В условиях действительно свободного рынка информации и идей им не выжить, поэтому они — злейшие враги интеллектуальной свободы. Они отгорожены от открытого мира бастионами красно-коричневой паранойи, откуда и ведут обстрел основных ценностей демократической цивилизации, таких, как плюрализм, терпимость к инакомыслию, готовность к взаимопониманию. В эти бастионы нет входа таким людям, как лауреат Нобелевской премии мира Эли Визель, зато ворота распахнуты перед «блестящими журналистами» от КГБ типа Исраэля Шамира.

Семен Резник — писатель и публицист, с 1982 г. живет в США.

Широко публикуется в русскоязычной и англоязычной печати, сотрудник русской службы «Голоса Америки»

Песак АРОНСОН, Иосиф БЕГУН

ВРЕМЯ ДРУЖИТЬ

Пришло время создать объединение дружбы и сотрудничества Израиль-Россия

Скоротечно время на переломе тысячелетий! События, одно масштабнее другого, сменяют друг друга. В их числе и возникновение новых суверенных государств на обломках СССР — огромной коммунистической сверхдержавы. Радикальные либерально-демократические перемены в СССР, начатые более 10 лет назад, решающим образом коснулись отношений между еврейским государством и Россией и положения еврейского населения в этой стране.

За время перестройки были нормализованы дипломатические отношения между Израилем и Россией, которые были разорваны сразу после Шестидневной войны, и в настоящее время отношения между двумя странами носят весьма позитивный характер. Это привело к оживлению торговых и экономических связей между двумя странами, которые в коммунистические времена приносились в жертву проарабской политике советского руководства. В Израиле, к слову сказать, всегда существовало стремление к доброжелательным отношениям с «великой северной страной» — Россией, где проживала очень большая еврейская община, страной, которая одна из первых признала создание еврейского государства в 1948 году. В то же время, в период тоталитарной власти в бывшем СССР евреи были объектом дискриминационной политики со стороны государства, которая включала в себя большие ограничения на выезд в Израиль и право евреев на свой язык и национальную культуру. Такая политика советских властей не только ухудшала имидж СССР в глазах цивилизованного мира, но и не давала никаких условий для нормальных отношений между Россией и еврейским государством.

Всему этому был положен конец более 10 лет назад, когда в странах СНГ был взят курс на демократизацию, что создало благоприятные условия для восстановления и развития отношений между Израилем и Россией. В рамках новой политической реальности еврейское население в России получило все необходи-

мые условия для развития национальной жизни — воссозданы еврейские религиозные общины, культурные центры, институты еврейского образования. Все это несет в себе дополнительные предпосылки для более тесных взаимоотношений между двумя государствами, а также и для расширения культурных контактов между страной — национальной родиной еврейского народа и еврейской общиной в России и других странах СНГ.

Многое в прошлом и настоящем народов двух стран образует благоприятную почву для широкого сотрудничества в разнообразных сферах социальной, экономической, культурной жизни. Оба народа — израильский и русский, — притом, что они прошли разные исторические пути, — могут быть и интересными, и полезными друг другу. Разные эти страны — Россию и Израиль — объединяет и то обстоятельство, что обе они относительно молоды. В своей новейшей истории еврейское государство насчитывает немногим более полувека, т.е. оно еще весьма молодо в масштабе исторического времени. В еще большей мере это относится к России, где на руинах советской империи строится совершенно новое для великой страны с тысячелетней историей общество. Взаимный обмен опытом и деловое сотрудничество между двумя странами несомненно могли бы быть полезными для обеих стран. Именно этому призвано содействовать создаваемое в двух странах общественное движение за взаимопонимание, дружбу и сотрудничество.

Одним из важных факторов, определяющих перспективу широких связей между двумя странами, является миллион «русских» граждан Израиля — выходцы из России и других стран СНГ, общее число которых составляет почти 20 % еврейского населения страны. Этот русскоязычный Израиль образует прочный мост взаимопонимания и естественного человеческого интереса между двумя странами. «Русские» израильтяне сохраняют устойчивый интерес к стране своего недавнего исхода, многие продолжают поддерживать с ней широкие

личные или деловые связи. Очевидное значение имеет и тот факт, что культура страны исхода, великая русская культура, надолго остается для них важным притягательным элементом, что создает широкую базу для культурного обмена между двумя странами.

Разумеется, недавний еще массовый отъезд евреев из России не мог не сказаться негативным образом на ее развитии, особенно в тех областях, где евреи имели традиционную профессиональную занятость. Этот современный исход был обусловлен сложным комплексом причин, включая и антисемитизм, который, как известно, живуч и не изжит до сих пор (демонстрирует себя и в Госдуме, и в среде высоких должностных лиц, не говоря уже о том, что открыто пропагандируется легальными(!) профашистскими организациями и издательствами). Но сейчас, когда Россия вступила в эпоху радикальных демократических преобразований, пришло время «склеивать разбитый сосуд» российско-израильских отношений. Приведенное выражение принадлежит заместителю премьер-министра Израиля, депутату Кнессета Ю.Штерну, который возглавляет парламентскую комиссию по связям с Россией и отражает заинтересованность израильского руководства в положительном развитии отношений с Россией.

Мы живем в сложное время, в мире, который изменился после 11 сентября 2001 года. Волею исторических судеб Россия и Израиль оказались «по одну сторону баррикад», став целями и жертвами темных и фанатичных сил исламского террора и разрушения. Обе страны объединяют свои усилия вместе с другими странами цивилизованного мира, и это делает более перспективными развитие отношений дружбы и сотрудничества между ними. Не секрет, что за долгий период — «200 лет вместе», по выражению выдающегося писателя, — в отношениях между двумя народами скопилось немало предубеждений, которые сознательно культивировались теми или иными группами в своих политических и идеологических интересах. В новой ситуации отношений между нашими странами необходимо решительно противостоять этим рудиментам прошлого. Одним из важных направлений деятельности АИР должна стать пропаганда положительных достижений в русско-еврейских отношениях

и решительное противодействие попыткам сеять семена ксенофобии и вражды.

В традициях евреев — оказывать помощь другим, — людям, народам. И отнюдь не только представителям своего народа. Это ведет свое начало от библейских заповедей: «Помоги пришельцу ... ибо ты сам был пришельцем в земле египетской...» — и проходит красной линией через всю многовековую историю еврейского народа. Подвергаясь гонениям на протяжении столетий своей национальной бездомности, еврейский народ хорошо знает цену дружеского расположения и помощи. Пользуясь гостеприимством других народов, евреи всегда воздавали сторицей — их вклад в прогресс и благополучие страны проживания нередко был непропорционально большим. Имена выдающихся евреев — деятелей культуры и науки, прославивших страны, где они жили, — хорошо известны.

За последние полвека, со времени воссоздания еврейского государства, эта тенденция к оказанию помощи тем, кто в ней нуждается, приняла новые масштабы. Вторая половина 20-го века в жизни еврейского народа была отмечена не только судьбоносными войнами во имя защиты самого существования молодого государства, но и значительными, а иногда и выдающимися успехами во многих областях хозяйствования и развития. Среди них агрокультура и мелиорация, наука и здравоохранение, всеобщее образование, социальное обеспечение и т.п. И вновь, продолжая национальную традицию, еврейское государство охотно делилось своими достижениями с теми, кто в этом нуждался. Наиболее большим спросом израильский опыт пользовался у молодых независимых стран развивающегося «третьего мира» в Африке, Азии, Латинской Америке.

Положительным примером такого опыта в России могут служить отношения этой великой страны с небольшой страной-соседом с совершенно иной идеологией, политикой и культурой — Финляндией. Хотя у финского народа еще долго будет сохраняться память о жестокой, не спровоцированной агрессии могущественного Советского Союза в 1939-40 гг., отношения дружбы и сотрудничества, направляемые обществом «Финляндия-Россия», в котором участвует почти четверть жителей страны, протекают успешно, что оказывает положительное влияние на многие стороны жиз-

ни этой страны. Положительный пример такого рода имеется и у Израиля в его отношениях с Китайской Народной Республикой. Общество израильско-китайской дружбы возникло более 45 лет назад и было основано русскоязычными евреями — выходцами из Харбина. Сейчас это разветвленная общественная организация, в состав которой входят не только семь тысяч израильтян, отцы и деды которых имели русское происхождение и десятки лет тому назад проживали в Харбине, но и многие израильтяне — сабры самого различного этнического происхождения. Это общество имеет серьезные финансовые возможности, ряд его членов занимают важные посты в государственной, общественной или хозяйственной жизни страны. Общество выпускает свои периодические издания, выплачивает стипендии студентам университетов — членам Общества. Активная деятельность Общества оказывает непосредственное влияние на плодотворное развитие отношений Израиля с самой населенной (1,3 млрд. чел.) державой мира.

Надо сказать, что для развития отношений дружбы и сотрудничества между Россией и Израилем в обеих странах имеются необходимые для этого организационные условия.

Для того чтобы пропагандировать, расширять и углублять отношения дружбы и сотрудничества между двумя странами и народами, содействовать их прогрессу в разнообразных сферах культурной и хозяйственной жизни, в Израиле создана Ассоциация Израиль — Россия (АИР) — некоммерческая, непартийная общественная организация, задачей которой является координация деятельности большого числа лиц и организаций, заинтересованных в связях с Россией.

Эта ассоциация представляет собой израильский компонент такой двусторонней деятельности, в которой включены ряд амутов — общественных организаций, объединяющих выходцев из России. Среди них — организации, занятые в сфере работы с молодежью, образования, землячества и др. В ряде городов Израиля созданы отделения АИР. Отношения между двумя странами лишь тогда будут иметь по-настоящему дружественную и прочную основу, если их официальная часть, осуществляемая должностными лицами, будет дополняться широкой инициативой «снизу», т.е. в данном случае общественностью двух стран, которые и должны будут

инициировать и осуществлять деловые и культурные связи между Россией и Израилем. В этих целях АИР будет привлекать многочисленные инициативы на разных уровнях и перспективные коллективы и организации для разработки и реализации совместных проектов.

Что касается России, то в этой стране еще со времен Советского Союза проводилась широкая общественная работа по развитию дружественных связей с зарубежными странами. Жители Москвы хорошо знают, что в красивейшем здании в самом центре советской столицы (бывший особняк С. Морозова) располагалось большое учреждение — Всесоюзный Совет Обществ Дружбы, — которое ведало в те времена такого рода связями с другими странами. В наше время деятельность по общественным (негосударственным) связям России с другими странами осуществляется — разумеется, уже на другой основе — Российской Ассоциацией Международного Сотрудничества (президент этой РАМС — знаменитая женщина-космонавт Валентина Терешкова). Между двумя ассоциациями, АИР и РАМС, уже установились рабочие контакты, проводились консультативные встречи, как в Москве, так и в Израиле. К слову сказать, функции представителя РАМС в Израиле исполняет один из советников посольства России в Израиле (чего нельзя, к сожалению, сказать пока в отношении аналогичной должности в посольстве Израиля в Москве).

Создание действенной структуры для развития отношений дружбы и сотрудничества Израиля с Россией упирается прежде всего в финансовые ограничения. Инициаторы движения рассчитывают, что государственные инстанции сочтут это начинание отвечающим далеко идущим интересам страны и поддержат эту инициативу, которая уже привлекает внимание большого числа лиц и организаций, представляющих многочисленные направления деятельности в культурной и хозяйственной жизни страны. Такая государственная поддержка является необходимой только на самой начальной стадии становления, тогда как в дальнейшем ее деятельность по реализации тех или других проектов должна стать самокупаемой или получать спонсорскую поддержку. Следует сказать, что несмотря на отсутствие какой-либо поддержки, АИР

проводила определенную деятельность; к настоящему времени установлены рабочие контакты с представителями российского центра зарубежных связей. В Москве, осенью 2001 года, состоялась встреча инициативной группы по созданию АИР с руководством РАМС, которую возглавляла г-жа С. Шевцова (первый заместитель председателя РАМС), на которой была проявлена явная заинтересованность обеих сторон в развитии широких контактов.

В Израиле деятельность РАМС представлена посольством РФ, с которым у АИР также установились рабочие контакты. Одной из тем, которая сейчас находится на обсуждении, является проведение мероприятий, посвященных 10-летию нормализации отношений между Израилем и Россией, в рамках которых предполагается провести в обеих странах выставки изобразительного искусства, театральные фестивали, а также семинары и выставки, посвященные достижениям в разных сферах жизни двух стран. Надо сказать, что в России ощущается очень большой интерес к заимствованию израильского опыта в экономической и социальной сферах, и здесь существует непочтатый край для инициатив, сулящих немалую пользу для обеих сторон. В частности, по инициативе АИР достигнута принципиальная договоренность о том, что специалисты Израиля, ученые и практические сотрудники в сфере налоговой службы проведут семинарские циклы со своими российскими коллегами. Перспективным представляется деятельность по установлению прямых связей между городами-побратимами, крупнейшими центрами России и Израиля. В этом плане следует сказать, что между двумя странами установилась добрая традиция обмена визитами столичных мэров — Юрий Михайлович Лужков и Эхуд Ольмерт посетили каждый со своей представительной делегацией Иерусалим и Москву соответственно в связи с юбилейными торжествами — 3000-летием Иерусалима и 850-летием Москвы. Отделение АИР в Хайфе выступило с инициативой установления отношений городов-побратимов с Санкт-Петербургом, и предстоящий вскоре 300-летний юбилей основания Петром Великим северной столицы на Неве предполагается отметить также и в Израиле.

Среди многих предложений о путях и темах сотрудничества следует выделить

идею о проведении межрелигиозного диалога всех трех основных религий монотеизма. Вряд ли можно сомневаться, что святая для иудаизма, христианства и ислама Земля Израиля — наиболее адекватное место для проведения такой встречи. С другой стороны, переживаемое миром время (после 11 сентября 2001 года) требует новых усилий, чтобы остановить эскалацию взаимного непонимания и дальнейшего обострения «конфронтации цивилизаций» со всеми вытекающими из этого кровавыми последствиями. Высокая и благородная цель встречи — продемонстрировать идею человеколюбия и братства всех людей, исходящую из морально-этических принципов всех трех религий. Местом для проведения межрелигиозной встречи предлагается сделать Бахайский Храм в Хайфе — всемирный центр религиозного движения, проповедующий единение и братство всех людей независимо от вероисповедания.

Инициаторами движения дружбы и сотрудничества Израиль — Россия выступили — по вполне очевидным причинам — русскоязычные граждане Израиля, репатрианты из бывшего СССР. Важно подчеркнуть при этом, что российско-израильские отношения дружбы и сотрудничества лишь в том случае обретут существенное значение и содержание, если это движение станет действительно общенациональным, т.е. когда в нем примут заинтересованное и активное участие коренные граждане страны, т.е. широкие круги израильского общества. Таким образом, важнейшей задачей движения на этом этапе становления становится пропаганда его идей в разнообразных кругах израильского общества. Вряд ли будет ошибкой сказать, что в данном случае немного найдется таких кругов, где отсутствовал бы интерес к тем или иным связям с Россией. Это вселяет надежду, что большая подготовительная работа, проделанная до сего дня энтузиастами развития отношений дружбы и сотрудничества Израиля с Россией, не останется втуне, но получит понимание и поддержку — в интересах страны и ее граждан, так же как и в интересах международного мира, взаимопонимания и сотрудничества.

Январь 2002

*Павел Арансон — репатриант из России.
Живет в Самарии, в поселении Офра*

СТАРАЯ-НОВАЯ НЕНАВИСТЬ

Реувен ШАБАТ (Израиль)

АНТИСЕМИТИЗМ ОБРАЗЦА ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

В начале третьего тысячелетия вопрос «почему они ненавидят нас» может задать любой еврей, живущий в любой стране мира — во Франции, Японии, в благополучной Голландии или экзотичной Новой Зеландии. И каждый еврей — вне зависимости от своего пола или социального статуса — может в любой момент столкнуться с проявлениями антисемитизма. По-видимому, огромные изменения, происходящие на наших глазах в мире, никак не коснулись этой застарелой болезни человечества. Развитие передовых технологий, падение коммунизма, создание мировой экономики, свобода личности, невиданное распространение средств коммуникации не уничтожили, да и не уменьшили антисемитизм, проявляющийся отменную живучесть не только в тех странах, где проживают евреи, но и там, где их вовсе нет.

Хаим Офаз, работавший в течение 40 лет в крупной фирме по связям с прессой, собрал огромный материал по этому вопросу, вошедший в его книгу «Антисемитизм в начале третьего тысячелетия». В ней представлена впечатляющая информация и о веке уходящем, и о нынешнем состоянии проблемы.

Офаз собрал значительную библиотеку о жизни еврейских общин в разных государствах мира, в том числе и о положении евреев в бывшем СССР, а ныне проживающих в государствах СНГ.

— **Что представляет собой современный антисемитизм?**

— Ненависть к чужакам стала составной частью политических партий, возникших в последнее время в некоторых государствах Европы, где все больше усиливаются националистические настроения. Наглядный пример — успех Йорга Хайдера в Австрии. В Германии и в некоторых сопредельных с нею странах — Голландии, Бельгии, Фран-

ции — увеличилось количество крайне правых и неонацистских группировок.

Хаим Офаз, автор ряда книг о еврейских общинах в разных странах мира и редактор ежегодников, посвященных вопросам антисемитизма и жизни евреев диаспоры, настойчиво проводит мысль о том, что антисемитизм по-прежнему смертельно опасен и не следует думать, что в современном мире невозможна новая вспышка этой «эпидемии», как уже неоднократно случилось в истории. Вновь и вновь пробуждается ненависть к евреям. За причинами далеко ходить не надо. Одна из них — требования евреев о возврате их собственности и выплате компенсаций за ущерб, нанесенный им во времена Катастрофы. Споры, вспыхнувшие по поводу этой проблемы, всколыхнули антисемитские настроения.

В своей книге Хаим Офаз развенчивает некоторые ставшие привычными мифы. Например, он подчеркивает, что такие во всех отношениях «приятные государства», как Голландия и Швеция, сотрудничали с нацистами в деле «окончательного решения еврейского вопроса». Швеция, которая как будто соблюдала нейтралитет, на самом деле играла роль экономического придатка Германии, и имеются доказательства того, что она предоставила Германии возможность переводить денежные средства через свои банки, снабжала ее комплектующими деталями для создания вооружений, а также поставляла ей железнодорожные вагоны. Кроме того, сотни шведов служили в частях СС.

Что касается Голландии, то в ней погибло больше евреев, чем в большинстве государств Западной Европы, — и это несмотря на распространенный образ Голландии как неантисемитской страны. Те, кто выдали Анну Франк, были ведь голландцами.

«Новое слово» в распространении антисемитизма принадлежит Интернету — в нем существует множество антисемитских сайтов, агрессивности которых не сдерживается фактически никакой цензурой. Это новое и очень опасное явление. К этому следует добавить расширение географии антисемитизма — распространение его на такие страны, как Япония, Индонезия, Малайзия, некоторые из государств Африки. Это явление не существовало раньше, поскольку там почти нет евреев. Антисемитизм имеет в этих государствах политическую окраску и используется в политических целях.

Но даже сейчас, в начале третьего тысячелетия, тот, кто непредубежденно читает газеты и другую печатную продукцию, выпускаемую на Западе, а также в Египте, приходит в ужас: там изображаются карикатуры на евреев, ничем не отличающиеся от аналогичной продукции, появлявшейся в нацистской Германии: с длинными носами, выпирающими губами, с руками по локоть в крови... Печатные издания этих стран используют классические антисемитские тексты наподобие «Протоколов сионских мудрецов» в качестве подручного материала для написания статей. Причем, эти материалы распространяются, не ведая границ, и способствуют объединению и усилению позиций антисемитов, ненавидящих самое имя «еврей». Исследование, проведенное на основании трех учебников, выпущенных палестинской автономией, свидетельствует, что палестинцы отрицают Катастрофу и воспитывают подрастающее поколение в ненависти к евреям и еврейскому государству. Это может иметь самые отрицательные последствия в будущем и всерьез осложнить мирный процесс и грядущие соглашения с палестинцами, если таковое вообще произойдет. Офаз отметил, что Арафат, несмотря на приглашение, отказался посетить Музей Холокоста в Вашингтоне. И это еще одно доказательство того, что антисемитизм — составная часть мировоззрения Арафата и его отношения к Израилю.

Полтора столетия назад один из предтеч сионистского движения Иегуда Пинскер, врач по профессии, утверждал, что антисемитизм — психическая болезнь, и назвал эту болезнь «юдофобия». В своей книге «Автоэмансипация» он утверждал, что единственный выход — это переселение евреев на свою историческую родину, — тогда антисемитизм со временем сам собой прекратится. Но выясняется, что главный тезис Пинскера не выдержал испытания временем.

Существуют государства, в которых нет евреев, а антисемитизм расцветает там все больше. Например, в Японии действуют эзотерические секты, публикующие материалы, в которых проповедуется ненависть к евреям, причем используются как традиционные средства пропаганды, так и Интернет... А ведь речь идет о государстве с населением в 125 миллионов человек, среди которых проживают... 2000 евреев! Их влияния никогда не чувствовалось в Японии, да и сейчас оно близко к нулю. В государствах Африки, занимающих антиизраильскую позицию и находившихся под колониальным господством Запада, их лидеры используют западные технологии для «промывки мозгов» подданных и укрепления своей власти. И одно из таких средств — антисемитизм. Европейские «интеллектуалы» типа профессора Дэвида Ирвинга поставляют антисемитам «теоретические основания» для их ненависти и отрицания Катастрофы.

В США ситуация не менее опасна. Там существуют десятки неонацистских организаций, объединенных ненавистью к евреям. Снова и снова повторяются древние обвинения евреев в том, что они «убили Христа» и что их ожидает расплата. Такая аргументация характерна для религиозных антисемитов, тогда как нерелигиозные обвиняют евреев в стремлении установить свое господство и в порче «чистой крови белого человека».

— Как можно бороться с современным антисемитизмом?

— Прежде всего, с помощью образования, просвещения. Израиль должен принять участие в разработке учебно-образовательной программы по этой проблеме в целях ее внедрения в образовательные системы других государств. Некоторые страны уже сейчас проявляют готовность к сотрудничеству. Так, Чехия и Словакия направили в Израиль ученых-специалистов, чтобы они прошли подготовку по проблематике антисемитизма. Проходят конференции, встречи, существуют международные комиссии и академические разработки... Но нужно объединить все усилия, направив их к единой цели. А для этого как раз и необходимы возможности еврейского государства, созданного с целью защиты евреев, в каком бы месте мира они не проживали.

«Макор ришон»

ПОЗОР И УРОКИ ДУРБАНА

Антисемитизм и делегитимизация еврейского государства

Беспрецедентные террористические акты в Нью-Йорке и Вашингтоне, совершенные исламскими фанатиками, естественно, заслонили в памяти многих Всемирную конференцию против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости, состоявшуюся в конце августа 2001 года в Дурбане (ЮАР). Ее устроители, в числе которых был и генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, явно ожидали, что им удастся избежать судьбы подобных форумов ООН 1978 и 1983 гг., когда США и Израиль бойкотировали оба эти форума, протестуя против их антиссионистской повестки дня. Следует напомнить, что в 1991 году Генеральная Ассамблея отменила свою позорную резолюцию от 1975 года, определившую сионизм как форму расизма, что создало благоприятные возможности для согласия международных организаций в осуждении национальной вражды на почве ксенофобии.

Однако в Дурбане произошло нечто прямо противоположное.

Коалиция тоталитарных режимов, преследующих свои собственные народы, а в некоторых случаях и укрывающих международных террористов, стремилась к делегитимизации еврейского государства и использовала трибуну ООН для выражения антисемитизма и ненависти к Израилю, против его существования как такового. Открыто высказывались мнения о том, что Израиль заслуживает не только осуждения, но и уничтожения...

Организаторы этой кампании проявили себя противниками либерализма и демократии, придав конференции антиамериканский характер. В то время как самые большие оскорбления выпали на долю Израиля, США трактовались как общество, которое с презрением относится к темнокожим народам. Решение Вашингтона покинуть конференцию в знак солидарности с Израилем только сгустило эту враждебную атмосферу.

Вполне обоснованным поэтому стало мнение, что именно подобное оголтелое выражение вражды к демократическим ценностям свободы и морали сделало возможным события беспрецедентной бесчеловечности 11 сентября.

Любому непредвзятому наблюдателю было ясно, что примирение не стоит на повестке дня у арабского мира. Ряд докладов по теме израильско-арабского конфликта были односторонними и необъективными, в них почти не уделялось внимания актам насилия и терроризма, совершаемые палестинской стороной.

Делегаты от исламских стран получили руководящие материалы для подготовки выступлений с оскорбительными антиссионистскими и антисемитскими формулировками на подготовительном совещании, состоявшемся в феврале 2001 года в Тегеране. Об их содержании можно судить хотя бы по тому, что государственный секретарь США Колин Пауэлл предупредил, что Соединенные Штаты именно по этим причинам будут бойкотировать Дурбан.

Не ведая меры цинизму и святотатству, составители заявления предложили для дальнейшего обсуждения вопрос о том, как писать слово Холокост — с большой или маленькой буквы. Некоторые страны шли дальше, утверждая, будто гитлеровский геноцид был сфабрикован израильской пропагандой; другие отрицали тот факт, что евреи явились главной жертвой нацистов.

Один за другим на трибуну Дурбана поднимались ораторы, клеймившие Израиль самыми отвратительными словами. Тон задал председатель Палестинской автономии Ясир Арафат. От него не отставали кубинский лидер Фидель Кастро (который приберег самые язвительные замечания для Америки) и другие представители самых деспотических режимов планеты. Делегат из Ирана назвал сионизм «величайшим проявлением расизма» и потребовал вычеркнуть антисемитизм из официального перечня проявлений современного расизма. Египет поставил ультиматум, что не проголосует за такую резолюцию, которая не объявляет Израиль расистским государством.

Официальная декларация конференции оказалась столь односторонней и тенденциозной, что даже основатель Всемирной организации по борьбе с расизмом (1997), член комиссии ООН по правам человека 2-жа Мэри Робинсон отказалась принять ее. Этот документ обвинял Израиль в расизме нового рода, в колониализме, военных преступлениях, расистских преступлениях против человечества, геноциде, этнических чистках и массовых нарушениях прав человека и законов гуманизма. Он призывал к восстановлению действия резолюции о приравнивании сионизма к расизму и декларировал право палестинских беженцев на возвращение в Израиль (а не только в ПА). Израильский Закон о возвращении был назван «инструментом апартеида». Предлагалось также создать специальный комитет ООН для наказания Израиля за военные преступления и изолировать еврейское государство от международного сообщества.

Делегаты из исламских стран распространяли антиизраильские лозунги и злобную антисемитскую литературу. Ни слова не говорилось о современном рабстве, потому что это поставило бы в неловкое положение исламские страны (такие, как Мавритания или Судан) и могло напомнить, что именно после того, как колонии обрели независимость, там восстановилось рабство. Но в Дурбане виновными за свои прошлые грехи были признаны западные страны, исповедующие ценности свободного рынка и демократии.

К сожалению, почин Соединенных Штатов, в знак протеста покинувших дурбанский шабаш раньше срока, не был поддержан другими западными странами. Тем самым Западная Европа молчаливо признала вынесенный ей вердикт. Не самый лучший пример взаимной солидарности демократических держав... Остается надеяться на то, что уроки Дурбана будут усвоены, и никакой цивилизованной стране, будь то США, Израиль или какая-либо еще, впредь не придется отражать атаки в одиночку.

О конференции в Дурбане размышляет заместитель главы правительства Израиля раввин Михаэль МАЛЬХИОР

Почему, создавая мир, Бог сотворил только одного мужчину, Адама, и одну женщину, Хаву? Раввины отвечают: для того, чтобы весь род человеческий произошел от одного брачного союза и все мы были братьями и сестрами. Конференция в Дурбане была изначально посвящена незамысловатой теме. У всех нас общее происхождение, и независимо от расы, религии и пола все мы созданы по образу и подобию Божию. Одна лишь идея признания равенства и достоинства всех людей, неведомая остальным древним цивилизациям, может считаться величайшим даром, который еврейский народ преподнес миру.

Первейшее право, которое следует из этого принципа, — это право быть свободным, а не рабом. Настало время, чтобы мировое сообщество надлежащим образом заявило о своем признании — хотя и очень запоздалом — всей тяжести трагедии рабства.

Ужасы рабства оставили глубокие следы в жизни евреев — людей, сформировавшихся в условиях рабства. На

протяжении столетий дети Израиля были рабами в Египте, пока, как сказано в книге Исход, призыв «Отпусти народ мой» не возвестил начало первого в истории движения за национальное освобождение, послужившего примером для всех последующих освободительных движений.

Примечательна реакция евреев на рабство. Вместо того, чтобы забыть или сублимировать страдания рабского периода, еврейская традиция требует, чтобы каждый еврей помнил и переживал их в душе вновь и вновь. И в наши дни во время Песаха каждая еврейская семья воскрешает в памяти переживания рабства, чтобы еще раз почувствовать вкус свободы. За столетия нашего изгнания эта драма оказалась глубокое влияние на еврейскую психику: каждый ребенок, рожденный в комфорте, знает о боли угнетения и каждый ребенок, рожденный в условиях гнета, знает, что такое надежда на избавление.

Но память о наших страданиях в рабстве несет на себе и более важную функцию — напоминать нам о нашем

моральном долге. Жизненный опыт, приобретенный в условиях угнетения, не дает никаких привилегий — он налагает ответственность. Мы обязаны защищать слабых, вдов, сирот, пришельцев, ибо сказано в Торе: «Пришельцами были вы в земле египетской». Даже Бог в первой из десяти заповедей определяет Себя не как «Создателя мира» и не как «Раздвинувшего воды Красного моря», а как «Того, кто освободил вас из рабства».

В каждой стране, где жили евреи, они были в первых рядах борцов за права человека и освобождение от гнета. Стремление к национальному освобождению, которое привело к Исходу и мечте сионистов о том, чтобы евреи жили свободно в своей собственной стране, было неразрывно связано с верой в то, что не только один народ, но и все народы должны быть свободны. Именно эту убежденность выразил основатель сионистского движения Теодор Герцль в своей книге «Старо-новая страна» в 1902 г.:

«Остается еще одна нерешенная проблема национального бедствия. Глубину этой проблемы может понять только еврей. Я имею в виду проблему чернокожих людей. Только вспомните все эти кошмарные случаи торговли рабами, человеческими существами, которых только за то, что они черные, похищали, как скот, лишали свободы, ловили и продавали. Их дети росли в чужой стране, становились объектами презрения и ненависти из-за того, что они выглядели не так, как другие дети. Мне не стыдно сказать, хотя, возможно, я и выставлю себя этим на посмешище, что если бы я дождался освобождения моего народа, я стал бы помогать освобождению черных». Герцль понимал, что воспоминания о рабстве неразрывно связаны с еврейскими переживаниями. Еврей не может быть истинно свободным, не ощущая сострадания к рабам.

Если рабство — одна из форм расистских злодеяний, то антисемитизм — другая их форма. Но чтобы не было неясностей, давайте сразу договоримся, что под антисемитизмом мы понимаем ненависть к евреям. Слово «антисемитизм» в 1879 г. умышленно ввел в обиход Вильгельм Марр, немецкий

антиеврейский расист, взамен термина *Judenhass* (ненависть к евреям), который стал непопулярен. Попытки выкорчевать ясное первоначальное значение этого слова являются не только антисемитскими — они еще и антисемантические. Те, кому не с руки признавать существование антисемитизма, пытаются не только дать этому термину другое определение, но и отрицать тот факт, что это явление отличается от любой другой формы дискриминации. Но это — уникальная форма ненависти, единственная в своем роде. Она направлена и на тех, кто отличается от других своим рождением независимо от их веры, и на тех, кто отличается от других своей верой независимо от своего рождения. Это древнейшая и самая живучая форма групповой ненависти. Эта величайшая ненависть привела к величайшему преступлению в истории человечества — Холокосту.

Но антисемитизм гораздо шире ненависти к евреям. Он возник там, где евреи никогда не жили, и живет там, где остались одни еврейские кладбища. И хотя евреям выпало первыми пострадать от него, они редко оказывались последними. Антисемитизм — показатель внутреннего разложения общества, поскольку его корни питаются отказом от общечеловеческих и моральных ценностей, которые еврейский народ завещал миру. Как писала в своем «Дневнике» Анна Франк — еврейская школьница, которая пряталась от нацистов в оккупированном Амстердаме: «Если мы перенесем все эти страдания и если еще будут живы евреи, когда все это кончится, тогда евреев не будут осуждать, а будут брать с них пример. Кто знает — может быть, мы страдаем за нашу религию, за то, что весь мир и все народы учатся у нее добру».

Анна Франк была убита нацистами в лагере Берген-Бельзен за то, что была еврейкой, всего лишь одной из миллиона еврейских детей, уничтоженных во Второй мировой войне.

Тревожный рост числа попыток отрицать сам факт Холокоста наблюдается в последнее десятилетие, в то самое время, когда Катастрофа из памяти живых переходит в историю. После того, как с лица Земли были стерты шесть миллионов еврейских

жизней, находятся те, кто хотел бы стереть и их смерти. Увы, на конференции в Дурбане нам пришлось стать свидетелями недостойной попытки придать слову «Холокост» более общий смысл, изъять его привязку к определенному историческому событию, его отчетливое и важное значение для всего человечества.

Может ли быть что-либо худшее, чем жестоко, систематически уничтожать людей: увозить гордых евреев Вильно, Варшавы, Минска, Лодзи; сжигать их святые книги; лишать их достоинства, свободы, волос, зубов; превращать их в номера, в рабов, в пепел Освенцима, Трешлинка, Майданека, Дахау? Да, может: сделать все это, а затем все отрицать, банализировать, пытаться отнять у скорбящих, у детей и внуков их право на горе, а у всего человечества — крайне важный для него урок, который мог бы удержать его от повторения катастрофы.

XX век, ставший свидетелем Холокоста, увидел, как сбылась мечта сионистов: на исторической земле Израиля было создано еврейское государство. Сионизм — это просто национальное движение еврейского народа, в основе которого лежит неразрывная связь между Народом Книги и Землей Книги, возникшая около 4000 лет тому назад. Оно подобно освободительным движениям Африки и Азии, это национально-освободительное движение еврейского народа. Это движение, которым могут по праву гордиться и другие национально-освободительные движения. Оно постоянно стремилось к построению общества, в котором осуществились бы высочайшие идеалы демократии и справедливости для всех его граждан, в котором евреи и арабы могли бы жить вместе, в котором женщины и мужчины имели бы равные права, в котором существовала бы свобода мысли, ее выражения и в котором каждый имел бы доступ к процессу правосудия для обеспечения защиты всех этих прав.

Стремление построить такое общество включено в Декларацию независимости Израиля с самого начала: «Государство Израиль приложит все усилия к развитию страны на благо всех ее жителей. Оно будет зиждиться на основах свободы, справедливости и ми-

ра, в соответствии с идеалами еврейских пророков. Оно осуществит полное политическое равноправие всех своих граждан без различия религии, расы и пола. Оно обеспечит свободу вероисповедания и совести, право пользоваться родным языком, право на образование и культуру».

Это возвышенная цель. Это постоянная борьба. Она не всегда приводит к успеху. Но даже перед лицом открытой враждебности своих соседей и постоянной угрозы своему существованию Израиль прилагает такие усилия для осуществления этой мечты, как немногие другие страны. Не много найдется стран такого возраста и размеров, как Израиль, которые принимают репатриантов более чем из 100 стран, всех цветов кожи, говорящих на всех языках, отправляют врачей и спасателей в регионы, пострадавшие от гуманитарных и природных бедствий, поддерживают свободную прессу, включая самую свободную арабскую прессу на всем Ближнем Востоке.

И все же те, кому никак не удается произнести слово «Холокост» или признать, что антисемитизм сам по себе — это зло, пытаются обвинить нас в «расистской практике сионизма». Могут ли арабские государства, иницировавшие это бесстыдство, остановиться на момент и задуматься о собственных достижениях? Например, подумать о положении евреев и других меньшинств во всех арабских странах.

Эти государства хотят убедить нас в том, что они антисионисты, а не антисемиты, но снова и снова их ложь выходит на поверхность. Что это за подлые карикатуры на евреев, которыми полна арабская пресса и которые наводнили эту конференцию? Что это за злобные измышления, которые в изобилии сочиняют и распространяют наши враги — о применении отравляющих газов или пуль из обедненного урана, или об инъекциях детям вируса СПИД — что это, если не возрождение антисемитских мифов вековой давности?

Критика политики государства Израиль — или любой другой страны — оправдана и даже необходима; поскольку Израиль — демократическое государство, многие израильтяне его и критикуют. Но между критикой стра-

ны и отрицанием ее права на существование — огромная разница. Антисемизм, отрицание основного права евреев — права на собственный дом — есть не что иное, как антисемитизм, голый и неприкрытый. Как писал д-р Мартин Лютер Кинг-младший: «Вы утверждаете, друг мой, что не питаете ненависти к евреям, что вы просто «антисионист». Но я говорю, да грянет истина с горных вершин, да отзовется она эхом в зеленых долинах земли Божьей: когда люди критикуют сионизм, они имеют в виду евреев. Сионизм — это не что иное, как идеал и мечта еврейского народа возвратиться в свою собственную страну и жить там. А что такое антисионизм? Это отрицание такого фундаментального права евреев, какое мы с полным основанием провозглашаем для народов Африки и щедро даруем всем остальным нациям земного шара. Это дискриминация евреев за то, что они евреи. Короче говоря, это антисемитизм».

Продажная ненависть к евреям, которая приняла форму антисионизма и всплыла на этой конференции, в одном аспекте существенно отличается от антисемитизма прошлого. Сегодня она намеренно распространяется, и ею манипулируют в политических целях. Дети не рождаются расистами: расизм — это результат недостатков образования и политических манипуляций. И сегодня поколениям палестинских детей с помощью учебников, запятнанных кровавыми наветами, и детских телевизионных программ, сочащихся ненавистью, намеренно и систематически внушают эти идеи и чувства.

Конфликт между Израилем и палестинскими арабами — не расовый, и ему не место на этой конференции. Это конфликт политический и территориальный. Как таковой он может и должен быть разрешен, дабы положить конец страданиям, дать мир и безопасность палестинскому и израильскому народам. Путь к такому решению ясен: немедленно прекратить насилие и террор и вернуться к переговорам, как рекомендует Отчет комиссии Митчелла, принятый обеими сторонами. Оскорбительные, маниакальные обвинения, которые мы здесь выслушали, — это попытки обратить политичес-

кую проблему в расовую, у которой почти нет шансов на решение.

В июле 2000 года в Кэмп-Дэвиде израильское правительство продемонстрировало свою глубокую приверженность к миру, предложив своим соседям ряд далеко идущих компромиссов. вспомните, как приветствовала эти компромиссы вся мировая общественность. Но палестинские арабы не приняли эти предложения и не выдвинули никаких компромиссных предложений со своей стороны. К большому смятению Израиля, они ответили волной актов насилия. За прошедшие полтора года акты насилия переросли в продолжительные бесчеловечные атаки на гражданское население Израиля, вынудив Израиль взять на себя роль, которой он старался избежать, — защищать своих граждан вооруженными средствами. А мы-то надеялись и молились, чтобы все это ушло в прошлое.

Я не буду здесь останавливаться на деталях разочаровавшего нас заявления главы Палестинской Автономии. Вместо того, чтобы с трибуны этого высокого форума призвать свой народ и другие народы к поискам мира, достоинства, гармонии, он предпочел использовать ее для разжигания горечи и ненависти. Лидер палестинского народа упустил еще одну возможность.

Две маленьких дочери и сын моего двоюродного брата лишились ног несколько месяцев назад во время взрыва школьного автобуса, перевозившего детей. Многие палестинские дети подобным образом были искалечены на всю жизнь. Злобная клевета, которую мы услышали на этой конференции, делегитимизация и дегуманизация — ничего не дают для того, чтобы израильские и палестинские матери и отцы перестали относить своих юных детей на кладбища. Но сегодня здесь приносят в жертву нечто большее, чем даже мир на Ближнем Востоке, — в жертву приносят высшие ценности гуманизма. Расизм во всех его формах — это одно из самых распространенных и разрушительных зол, которое лишает миллионы надежды и фундаментальных прав. Можно было надеяться, что эта первая в XXI веке конференция примет вызов расизма и попытается если не

искоренить его, то хотя бы разоружить. Всего десять лет спустя после того, как ООН отменила печально известную резолюцию «Сионизм — это расизм», которую генеральный секретарь Кофи Аннан с характерной для него сдержанностью описал как «нижнюю точку» в истории ООН, группа государств, во внутреннем лексиконе которых слова «расизм», «дискриминация» и даже «права человека» просто не находят употребления, по-бандитски захватила эту конференцию и погрузила нас еще ниже.

Возможна ли большая ирония, чем тот факт, что конференция, созванная для борьбы с бичом расизма, поддерживает самую расистскую из всех деклараций, принятых крупными международными организациями со времен второй мировой войны? Несмотря на злобный антисемитизм, прозвучавший здесь в наш адрес, я не опасаясь за еврейский народ, который научился не унывать и крепко держаться за свою веру.

Несмотря на злобные подстрекательства против моей страны, я не боюсь за Израиль, который силен не только отвагой, но и волей. Но мне очень страшно за судьбу жертв расизма — рабов, бесправных, угнетенных, беспричинно ненавидимых, презирае-

мых, — миллионов, обративших свои взоры к этому залу в робкой надежде, что он заметит их муки, и увидевших вместо этого, что слепая и продажная ненависть к евреям превратила их надежды в фарс.

Мы находились в Дурбане в качестве представителей государств, каждое из которых имеет собственные политические интересы. Но мы еще и люди, братья и сестры, созданные по образу и подобию Божью. И в минуты спокойствия, когда мы осознаем нашу общую человечность и заглядываем в свои души, давайте задумаемся, для чего мы сюда пришли — и что в действительности сделали.

Мы пришли, чтобы учиться у нашей истории, но увидели, как ее разрушают, чтобы скрыть ее уроки. Мы пришли, чтобы общаться на языке гуманизма, но слышим, как его слова искажаются до полной потери смысла. Мы рассчитывали на уважение к священным ценностям, в которые верим, но мы видим, что здесь их извращают в политических целях. Мы пришли защищать жертв расизма, но стали свидетелями еще одного зверства, совершенного от их имени.

«Midstream» (Израиль)

Марк ХАРАХ, Шломо ГРОМАН

АРАБСКАЯ ШКОЛА НЕНАВИСТИ: ИЗРАИЛЬ СТЕРТ С ПАЛЕСТИНСКОЙ КАРТЫ

Под влиянием небывалого всплеска арабского террора и нежелания председателя ПА Ясира Арафата бороться с насилием израильский премьер-министр Ариэль Шарон заявил в декабре 2001 года, что «как партнер по переговорам» Арафат более не релевантен и «Израиль будет ждать следующего палестинского лидера».

Но оправданы ли ожидания израильтян? Насколько высока вероятность того, что молодое поколение палестинских лидеров вырастет более умеренным? Судя по тому, чему и как учат в школах автономии, оснований для оптимизма немного.

До 1995 года арабские дети в Иудее, Самарии и секторе Газа учились по программам и пособиям, разработанным в Иордании и Египте. Затем Палестинская администрация начала выпуск собственных учебников. Для этой цели канадское правительство пожертвовало 165 млн долларов. Недавно нью-йоркский «Центр исследований влияния мира» (СМIP) проверил 58 учебников и 2 пособия для учителей, выпущенных на канадские деньги, и пришел к следующему выводу: «С младших классов палестинские дети воспитываются в атмосфере ненависти к израильтянам, учатся восхищаться камикадзе и террористами, внимают прославлениям освобождения всей Палестины «огнем и кровью» от сионистских захватчиков».

В пособии по арабскому языку для 4-го класса (часть 2-я, стр. 17) предлагается следующее упражнение:

«Заполни пробел подходящим словом из списка:

- 1) ... — столица Иордании;
- 2) ... — столица Сирии;
- 3) ... — столица Ирака;
- 4) ... — столица Египта;
- 5) ... — столица Палестины.

Список: Иерусалим, Дамаск, Амман, Каир, Багдад».

Важно отметить, что Израиль в этом учебнике не упоминается вовсе — при-

том, что пособие вышло в 1999 году, в самый разгар «мирного процесса». На стр. 2 указано: «Книга выпущена отделом печати при министерстве культуры и образования, Рамалла, Палестина».

Еще пример: на карте, по которой школьники ПА изучают наш регион, обозначена Палестина, а Израиля нет. Из городов нанесены Иерусалим, Хеврон, Шхем, Бейт-Лехем, Хайфа, Акко и Яффо. Тель-Авива как не бывало...

Строго говоря, кое-какие упоминания об Израиле есть. Сотрудник Центра политических исследований «Ариэль» Шломо Шаран разделил их на три подгруппы: «Враждебность к евреям, иудаизму, Израилю и сионизму»; «Воспитание юных шахидов»; «Передергивание исторических фактов».

Вот ряд цитат, иллюстрирующих первую категорию:

«Евреи — враги арабов, ислама, всех верующих и всего человечества. Это злые и опасные люди, убийцы и грабители, они украли арабскую страну. Сионизм — это синоним нацизма, и оба они являются разновидностями расизма» (учебник арабского языка для 3-го класса, часть 2-я, стр. 9).

«Евреи — коварные и вероломные люди... Они убили или изгнали мусульманское и христианское население Палестины. Те арабы, которые смогли здесь остаться, страдают от угнетения и преследований со стороны еврейской расистской администрации» (учебник «Исламское воспитание» для 9-го класса, стр. 79 и 182).

«Ярчайшими примерами расистских возрений и расовой дискриминации служат нацизм и сионизм... Сионизм — это агрессивное, колониалистское политическое движение, стремящееся к иудаизации Палестины и изгнанию ее арабских жителей» (учебник истории для 10-го класса, стр. 49).

Цитаты, относящиеся ко второй категории:

«Джихад — это противостояние врагам в войнах и битвах с риском для жизни во

имя Аллаха и его веры, во имя защиты исламской нации... Если враг оккупировал часть мусульманской земли и прогнать его обычными способами не представляется возможным, то индивидуальным религиозным долгом каждого мусульманина становится самопожертвование, вплоть до полного освобождения нашей земли... Человек, который так поступает, получает статус великомученика и попадает в рай, который заготовил ему Аллах» («Исламское воспитание», 7-й класс, стр. 107-112).

«Мусульманину неведома трусость, потому что он знает: гораздо почетнее умереть на поле битвы, чем в постели» («Исламское воспитание», 8-й класс, стр. 176).

К третьей группе относятся попытки переписать историю, призванные не только отказать евреям в правах на любую часть Эрец Исраэль, но и дискредитировать их как народ, а то и «доказать» отсутствие такого народа в принципе. Для этого производится ревизия ТАНАХА:

«Авраам был мусульманином-монотеистом, а не язычником» («Исламское воспитание», 5-й класс, стр. 143).

«Аллах отправил Моисея к его народу и послал им Книгу Торы... Но позднее израэлиты восстали против своего Господа и исказили Его учение. Они спорили и портили землю, а Аллах, в свою очередь, угрожал им пытками Судного дня» («Исламское воспитание», 6-й класс, стр. 31-32).

«Иерусалим — это древний арабский город, построенный арабами до возникновения ислама» («Исламская культура», 8-й класс, стр. 50).

«Евреи имеют неумные аппетиты в отношении Иерусалима. Они полагают, что их государство будет неполным без Иерусалима, который они произвольно провозгласили своей столицей... Наша задача — освободить Иерусалим от врагов, укравших у нас город» («Книга для чтения по литературе», 8-й класс, стр. 96-99).

Не менее любопытные примеры приводит главный редактор израильского интернет-издания «Новости недели» Александр Коган: «Дети во втором классе в качестве домашнего задания описывают яркие картинки, на которых израильские солдаты выкорчевывают оливковые деревья, разрушают дома, избивают арабов. На уроках физики, изучая оптику, в лупу рассматривают микроскопические надписи «Палестина — арабская!» Учебники истории считают евреев, не покидавших три тысячи лет Эрец Исраэль (то есть Палестину), «просочившимися элементами», хотя и

признают, что здесь когда-то было еврейское государство. Иврит палестинские учебники называют «местным диалектом», еврейские религиозные святыни в учебниках не указаны — есть только мусульманские и христианские. Правда, есть приписка, что некоторые святыни — Стена Плача и гробница Праотцев в Хевроне — «евреизированы», хотя непонятно, кем. Ведь судя по пособиям по географии, в Палестине проживают: 1,9 млн палестинских арабов на Западном берегу реки Иордан, 1,1 млн палестинцев в секторе Газа и 1,1 млн «внутренних палестинцев» (имеются в виду израильские арабы). О наличии 5 миллионов евреев в учебниках информации нет...»

Со стороны может показаться, что учебники — дело десятое. Тем не менее, проект японского школьного учебника выпуска 2001 года чуть не привел к разрыву дипотношений между Японией и Южной Кореей. Начиная с марта, правительство Южной Кореи отменило военные контракты с Японией, закрыло свои порты для японских кораблей, отказалось пустить японские суда в один из портов и даже отозвало своего посла. Южнокорейский МИД заявил, что в тексте проекта учебника содержатся материалы, «оправдывающие и прославляющие прошлые неправомерные деяния Японии на основании неправомерного толкования истории». Граждан Южной Кореи особенно разгневал тот факт, что в учебнике нет упоминания о том, что японские солдаты использовали в годы войны корейских женщин в качестве секс-рабынь. В тексте говорилось, что «не встретившая сопротивления» аннексия Корейского полуострова была «необходимой для безопасности Японии». А резня 1937 года в китайском городе Нанкин, когда было убито около 300000 мирных жителей, по мнению авторов, «не имела ничего общего» с геноцидом.

Как следствие этих критических выступлений и дипломатического давления, проект японского школьного учебника претерпел 130 изменений и поправок.

Что касается учебников ПА, то в них никаких позитивных изменений не наблюдается. Стоит ли после этого удивляться тому, что, едва сойдя со школьной скамьи, арабские дети вливаются в ряды бойцов интифады?

Марк Хаарах, Шломо Громан — израильские журналисты

Протоиерей Александр БОРИСОВ

ОТНОШЕНИЕ К НАРОДУ БОЖИЮ — ВОПРОС СУДЬБЫ НАШЕГО СОБСТВЕННОГО НАРОДА

Из проповедей на Апостольские чтения

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В апостольских чтениях часто звучит одна и та же тема — тема отношения апостола Павла к Израилю, к своему собственному народу, народу избранному, народу, усыновленному Богом и в этом своем качестве избавленному из египетского рабства и получившему от Бога, своего Отца, и славу, и заветы, и обетования...

Эта тема трагедии израильского народа, не узнавшего и не принявшего обещанного ему Мессии, развивается апостолом Павлом на протяжении трех больших глав. Что важно нам здесь понять? Прежде всего: необходимость хорошего знания посланий апостолов, потому что послания — часть Нового Завета. Это как бы проповедь апостола Павла. Тема, о которой говорит апостол Павел в послании к Римлянам (гл. 9 — 11), как никакая другая, притрагивает сердце христианина к правильному пониманию Евангелия. Сейчас, к сожалению, для нашей страны тема отношения к еврейскому народу становится чуть ли не ключевой. По этому поводу много споров и разногласий. И нередко очень многие православные христиане, к сожалению, занимают в этом вопросе позицию, не соответствующую Священному Писанию. Это часто выражается в какой-то ненависти, враждебности, распространении клеветнических мифов и т.п.

Для апостола Павла, которого мы почитаем как верховного из апостолов, вопрос отношения к Израилю — вопрос мучительный. Он хотел бы сам быть отвергнутым от Христа за своих братьев по плоти: «Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом, что вели-

кая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти...» Говоря так, он хочет лишь показать степень своей горечи, своей озабоченности тем, что народ израильский не принял Иисуса Христа.

И вот, если Дух Святой заставляет апостола Павла эту тему обсуждать, заставляет об этом молиться, то понятно, что для Бога она важна. Понятно и то, что последователи Павла, т.е. мы — христиане всех времен и народов, — тоже не должны оставаться равнодушными к этой проблеме. Для нас она не может быть чуждой, и мы должны к ней присоединяться, должны разделять желание первых христиан об обращении народа израильского.

Апостол Павел спрашивает: почему же народ, от которого отцы, законы, обетования, от них Христос по плоти, остался в стороне?

В 11 главе и других отрывках он приходит как бы к открытию некоторой тайны, что отвержение Израиля произошло до времени, до той поры, пока не обратится полное число язычников. «В отношении к благовестию, они враги ради вас», — говорит апостол. Эти слова надо понимать в том смысле, что именно ради язычников, во имя их спасения, произошло отвержение Израиля.

Говоря об одном из аспектов этой тайны, мы можем сказать следующее, на очень простом уровне: если бы Израиль принял Христа после Распятия и Воскресения, то христианство осталось бы национальной религией, входя в которую, человек бы понимал, что он входит в национальную религию такого-то народа. И апостол Павел усматривает особый промысел

Божий, что отвержение Израиля происходит для того, чтобы, входя в христианство, ни один народ не думал, что он принимает на себя, как некое ярмо, религию какого-то другого народа. Религию христианскую ему открывает Сам Господь.

Ради этого народ израильский остается как бы в стороне, в тени на какое-то историческое время, для того чтобы ни один народ не мог рассматривать принятие христианства как принятие религии другого народа.

Он принимает веру, которую открыл Господь, но открыл через определенный народ. Поэтому мы с вами в этом отношении должны твердо стоять на позиции Священного Писания.

Многие люди, с которыми я говорил на эту тему и которые на эту проблему смотрят иначе, на вопрос: «Вы читали послания апостола Павла?» — отвечают: «Нет, не читал». Потом выясняется, что человек и Евангелия никогда не читал. Такое впечатление, будто он православный только по факту крещения и на этом все его религиозное образование закончилось. От невежества происходит и неправильное отношение к проблеме. Что порождает предрассудки, какова их почва? Всегда — невежество и необразованность.

Помню, в одной сельской местности люди уничтожали воробьев. Почему? — В отместку за то, что они якобы клевали распятого Христа! Кто это выдумал? Где это написано? И вот этих несчастных птишек по всей деревне ребята ловили и уничтожали. Безумие какое-то! Как в Китае! Но там была ложно понятая экономическая причина, хотя потом пришлось завозить воробьев, потому что оказалось, что они уничтожают много всяких вредителей.

Такое воинствующее невежество часто оказывается препятствием для самого человека, тупиком в его вере. Вместо того чтобы христианство становилось религией любви и единения, путем добра, снисхождения, путем привлечения людей к истине, оно становится религией вражды и разделения. И не только отделения христиан от иудеев, но и христиан — друг от друга.

Вл. Соловьев хорошо писал, правда, применительно не к евреям, а к католикам, призывая задуматься об отношении к ним. Если католики — наши

братья, то мы их должны любить, как братьев, — это понятно. Если же они наши враги, то нам прямо заповедано: любите врагов ваших!

Вот такое ошибочное отношение возникает тогда, когда люди берутся по-своему решать те проблемы, на которые уже давно даны ответы в Священном Писании.

Но мы, конечно, должны учитывать и некоторую неподготовленность народа нашего, и об этих острых вопросах говорить, как правило, очень осторожно. И когда видим сопротивление, посоветовать — прочтите Писание, подумайте. Конечно, будут всякие идти в наш адрес обвинения — продали Россию и пр. К этому надо отнестись спокойно, просто как к предрассудкам: понимать, что отношение к народу Божию — это не просто вопрос вкусов, симпатий, антипатий, а вопрос судьбы нашего собственного народа.

Вот Германия, которая начала свою новейшую историю при Гитлере с антисемитизма, — закончила бесславным поражением. Польша из-за антисемитских настроений имела тяжелые последствия для самих поляков.

И сбываются слова Господа, сказанные в 12-ой главе Книги Бытия, когда Он говорит Аврааму: «Я произведу от тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословении; Я благословлю благословляющих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные». Так что мы должны понимать, что человек, который восстает на народ израильский, восстает на Бога. Потому что отвержение Израиля произошло до времени. Бог хранит этот народ для того, чтобы и его привести ко Христу своими путями. «Кто ты, осуждающий чужого раба? Перед своим Господом стоит он или падает». Поэтому я думаю, что мы должны разделять озабоченность апостола Павла и его желание, жажду обращения народа израильского, так же, как желать обращения своего собственного народа. Как апостол Павел песя о своем народе, так и мы должны иметь такую же жажду обращения нашего народа к Богу, ко Христу. И в этом отношении он для нас является примером, чтобы и нас побудить к молитвам и, конечно, прежде всего, о наших близких,

которые еще не уверовали. Если вы внимательно читали послания апостола Павла, то там говорится: «Муж неверующий освящается женой верующей, почему ты знаешь, жена, не обратишь ли ты своего мужа». И Павел приводит пример того, сколько прекрасных мужей были обращаемы через житие своих жен. У нас такие примеры есть. Князь Владимир фактически был обращен верой бабки своей, княгини Ольги; блаженный Августин — молитвами своей матери, св. Моники; и много, много других подобных примеров.

Поэтому мы не должны отчаиваться, если в семье один из супругов неверующий. Мы не должны форсировать — сразу его за шиворот и в Церковь. Тут, конечно, необходимы терпение и молитва. Приводить ко Христу — только любовью. И, конечно, необходима мо-

литва обо всем нашем народе, чтобы Господь просветил его.

Надо сказать, что падение коммунистического режима произошло совершенно поразительным, потрясающим образом. Машина, которая, казалось, снаряжена была на века, вдруг рассыпалась за несколько дней — и ничего не осталось. Но этому предшествовали многие годы молитв о России в других христианских странах. Буквально перед началом перестройки был год молитвы о России; и миллионы христиан по всему миру молились о нашей стране.

Так что молитва — великая сила. Мы должны верить, доверять Богу и тоже молиться о нашем народе и о его полном обращении. Чтобы не просто называть себя православными, а чтобы действительно, по сердцу своему, по жизни своей быть учениками Христа — христианами. Аминь.

НАШЕ НАСЛЕДИЕ

ПЕСНЯ ПЕСЕН

В переводе Якова ЛАХА (Израиль)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

** Название, имя автора:*

1. Песня песен царя Соломона.

Хвала милому:

2. Да целуют меня эти губы,
ибо слаще вина твои ласки.
3. Чуден твой аромат,
маслом имя течет,
потому тебя девушки любят.
4. Позови, побежим вдогонку -
в покои я царские приведена -
нам радость-веселье с тобой,
нам слаще вина твои ласки,
ведь не зря тебя любят.

К подружкам

5. Черна я, но хороша,
девушки Иерусалима,
словно шатры Кедара,
словно завесы царя.
6. Не глядите, что я смугла,
что солнцем опалена;
братья со мною суровы,
приставили к виноградникам,
остался мой без призора.

К милому

7. Скажи, любимый, душа моя,
где ты пасешь,
где стадо в полдень заляжет?
Не то бродить мне, лицо
укрывая,
меж стадами твоих друзей.

Его ответ:

8. Если с пути собьешься,
ты, что милее всех,
по овечьим тропам иди,
и козляток своих паси
у пастушьих шатров.
9. Кобылицей из выезда фараона
воображаю тебя, подруга моя.

10. Подвески тебе к лицу
и бусы на шее;
11. Мы золотые подвески подарим
в крапинках серебра.

Девушка:

12. Покуда царь у себя пировал,
мой нард аромат разливал.
13. Мне милый - связкою мирры
ночует между грудей.
14. Мне милый - цветком кипрея
в садах-виноградниках Эйн Геди.

Юноша:

15. Ты хороша, подруга моя,
ты хороша, глаза твои - два голубка.

Девушка:

16. Ты хорош, милый мой,
и пригож,
и зелено наше ложе.

Вдвоем:

17. Кровлею нашего дома - кедров,
стенами - кипарисы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Девушка:

1. Я Саронская лилия,
белый цветок полевой.

Юноша:

2. Как роза среди шипов -
так милая между подруг.

Девушка

3. Как яблоня в чаще леса,
к подружкам:
так милый среди парней.
Под кроною я сидела
и сладко яблоко мне.
4. На пир я приведена,
и любовь осеняет меня.

5. Сладстями меня подкрепите,
яблоки приложите,
ведь я любовью больна.

**Примечания переводчика,
не входящие в текст поэмы.*

6. Он левой рукой -
под моей головой,
а правой меня обнимает.
7. Заклинаю вас,
девушки Иерусалима,
газелями, ланями легконогими:
не будить,
не тревожить любовь, пока
не очнется сама.
8. Голос милого!
Вот он -
прыгает по холмам,
носится по горам.
9. На оленя милый похож,
на молодую газель.
Вот он стоит за стеною,
заглядывает в окошки,
засматривает в проемы.
10. Голос подал и сказал:
поднимайся,
подруга-краса,
выходи!
11. Вот и зима позади,
дожди прошли, отшумели.
12. Цветы показались повсюду,
пора соловья наступила,
и в нашем краю голубка воркует.
13. У смоковниц набухла завязь,
молодая лоза запахла.
Поднимайся,
подруга-краса,
выходи!

Юноша:

14. Голубка моя, на уступе горы
в укрытье скалы
дай на тебя взглянуть,
дай услышать тебя,
ибо сладок голос
и мил твой вид.

Песенка девушки в ответ:

15. Держите лисиц,
малых лисят,
что нашей лозе вредят,
когда виноград еще зелен.

Заверение

16. Мой друг - для меня,
а я - для него,
пасущего среди лилий.

Разлука

17. Пока не дохнул
полуденный зной
и не пропали тени,
милый, оленем вернись
или юной газелью
на уступы гор.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сон девушки

1. На постели своей
по ночам
искала того,
в ком души не чаю;
искала
и не находила.
2. Встану я, обойду весь город
по улицам, переулкам,
поищу того,
в ком души не чаю;
искала
и не находила.
3. Стража меня нашла,
обходившая город:
того, в ком души не чаю,
вы не встречали?

Глава 1 стих 6

*... братья со мною суровы,
приставили к виноградникам,
остался мой без призора.*

4. Едва я их миновала,
как того отыскала,
в ком души не чаю,
обхватила его, не отпускала,
покуда к родимой не привела,
к матушке в дом.
5. Заклинаю вас,
девушки Иерусалима,
газелями и легконогими ланями:
не будить,
не тревожить любовь, пока
не очнется сама.

Хвала невесте

6. Это кто
подымается из пустыни
подобно дымным столбам,
в облаке мирры, сладкого ладана,
пудры разной, что от купца?

Глава 7 стих 2

*Как хороши, царевна,
ступни твоих ног обутых,
и округлые бедра...*

- Свадьба царя Соломона*
7. Вот ложе царское Соломона,
вокруг шесть десятков воителей,
героев Израиля.
 8. Все они при оружии,
обучены ратному делу,
каждый мечом опоясан
против страха ночного.
 9. Паланкин себе сделал
царь Соломон
из ливанского кедра.
 10. Столбы его - серебро,
золотого шитья ковер,
пурпурное сидение,
а внутри
выслано все любовью
девушек Иерусалима.
 11. Выходите, глядите, девы Сиона,
на царя Соломона
в короне, что мать
на него возложила
в день свадьбы его,
в день праздника сердца.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Любимой

1. Ты хороша, подруга моя,
ты хороша,
глаза твои - два голубка
из-под кудрей,
волосы - козье стадо,
что скатилось с высот Гилада,
2. Зубы - гладкие овцы
после купанья,
овечки - одна в одну
без изъяна.
3. Алою лентой губы,
и мила твоя речь,
половинкой граната щека
из-под кудрей.
4. Шея твоя - как башня Давида
во всей красе,
тысяча щитов висят на ней,
все колчаны героев.
5. Груды твои -
близнецы-оленята,
двойня у лани
на пажити среди лилий.
6. Пока не дохнул
полуденный зной
и не пропали тени,
я на гору взойду,
где мирра в цвету,
на холм душистого ладана.

7. Ты всем хороша, подруга моя,
и нету в тебе изъяна.
8. С Ливана, невеста моя,
с Ливана вместе со мной приди,
погляди с вершины Хермона,
с гор Амана и Снир,
оттуда, где водятся львы
и леопарды.
9. Пленила невеста, сестра моя,
сердце пленила единым взглядом,
одним самоцветом из ожерелья.
10. Как хороши твои ласки,
невеста, сестра моя,
вина они слаще,
и запах твоих умащений
всех ароматов милей.
11. Губы твои медвяны, невеста,
мед-молоко под языком,
и платья запах - цветенье Ливана.
12. Запертый сад - невеста моя,
потаенный ручей,
заповедный ключ.
13. Ты орошаешь гранатовый сад,
кусты дорогие
алоз и нард,
14. где корица, шафран и хна,
ароматный тростник,
дерево мирры,
душистый ладан
и лучший бальзам.
15. Садовый ручей,
источник живительных вод
с Ливанских высот.

Девушка

16. Северный ветер, проснись,
в ответ и южный - явись,
овей же мой сад,
где разлит аромат,
милый в сад свой придет,
драгоценный отведает плод.

ГЛАВА ПЯТАЯ*Ответ юноши в виде
свадебной песни*

1. В саду я, сестра, невеста моя,
мирру собрал и бальзам,
отведал сотовый мед,
выпил вина и молока,
ешьте, милые,
допьяна пейте, друзья!

Второй сон девушки

2. Я сплю, но сердце не спит.
Голос! Милый стучится в дверь:
Отвори, сестра,
голубица, подружка, дитя,
моя голова в росе,
на кудрях ночная влага.

3. Я разделась уже -
не одеваться ж опять!
Я вымыла ноги -
неужто снова марать!
4. Он руку просунул в щель,
и все во мне задрожало.
5. Поднялась ему отворить,
и мирра стекала с рук,
с пальцев капала влага
на скобы замка.
6. Отворила милому я,
а он из виду пропал;
тоскою душу объял,
его искала - не находила,
звала его - не отвечал.
7. Стража меня нашла,
обходившая город;
побили меня, изранили,
покрывало сорвали
стражи порядка.
8. Заклинаю вас,
девушки Иерусалима,
если милого вы найдете,
расскажите ему,
что я любовью больна.

Подружки

9. Чем же твой друг,
подружка-краса,
лучше других,
что ты нас так заклинаешь?
10. Мой милый бел и румян,
особенный он.
11. Голова - золотой самородок,
а кудри его -
воронье крыло.
12. Глаза у него -
голубки у ручья,
омытые пеной,
самоцветы в оправе.
13. На щеках словно грядка
душистых трав,
губы - лилии,
мирра капает с них.
14. Руки округлые золотые
украшены хризолитом,
живот - слоновая кость
в сапфировом обрамленьи.
15. Ноги - мраморные колонны
на золотом постаменте,
видом подобен Ливану,
могуч, как ливанский кедр.
16. Сладостны губы, и весь он мил -
вот мой любимый, вот мой дружок,
девушки Иерусалима!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Подружки предлагают помощь

1. Куда твой милый ушел,
подружка-краса?
Куда твой милый пропал?
Поищем с тобою его.

Девушка уклоняется от ответа

2. Милый спустился в сад,
где душистые травы,
в садах любимый пасет
и лилии собирает.
3. Мой друг - для меня,
а я - для него,
пасущего среди лилий.

Любимой

4. Ты мила, как Тирца, подруга моя,
хороша, как Иерусалим,
величава, как звезды в небе.
5. Глаза свои отведи,
от них я в смятенье;
твои волосы - козье стадо,
что скатилось с высот Гилада.
6. Зубы - гладкие овцы
после купанья,
овечки - одна в одну,
без изъяна.
7. Половинкой граната щека
из-под кудрей.
8. Вот шестьдесят цариц
и восемьдесят наложниц,
и девушкам нет числа.
9. Она же одна, голубка, дитя,
единственная у матери,
свет очей родимой своей;
девушки ее хвалят,
царицы, наложницы славят:

Хвала девушке

10. Не она ли зарделась зарей,
светит луной, солнцем сияет,
звездами блещет?

«...я любовью больна»

11. В ореховый сад сошла я
поглядеть на тростник у ручья,
поглядеть на лозы цветенья,
зацвел ли гранат.
12. Себя позабыла,
сердце свое положила
славному на колесницу.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Девушки Иерусалима

1. Вернись, обернись, Шуламит,*
дай поглядеть на тебя!

* Шуламит здесь - не имя, а прозвище (как Золушка или Белоснежка); подробнее см. в послесловии.

Ответ

Что вы нашли в Шуламит,
плясунье из хоровода?

Хвала невесте

2. Как хороши, царевна,
ступни твоих ног обутых,
и округлые бедра,
как редкие украшенья,
вятелем сотворены.
3. Лунною чашей пупок -
вино в нем не иссякает,
живот - как пшеничный сноп,
что лилиями обвязан.
4. Груды твои -
близнецы-оленьята,
двойня у лани.
5. Шея - как башня слоновой кости,
глаза - водоемы в Хешбоне
у городских ворот,
а лицо - вершина Ливана,
что к Дамаску обращена.
6. Голова на плечах - Кармель,
и волосы блещут кармином -
царь, что кудрями пленен.

Грезы юноши

7. Как ты мила и как хороша,
сладостная любовь!
8. Твой стан на пальму похож,
и грудь - виноградная гроздь.
9. Мне бы на пальму влезть,
за ветви ее ухватиться;
вот и груди твои -
виноградные гроздья,
и дыхание - запах яблок.

10. Ласковым добрым вином
твои поцелуй мне,
и губы шепчут во сне.

Ответ девушки

11. Милому я отдана,
и ко мне его страсть.
12. Давай же в поля уйдем
и заночуем в травах.
13. Проснемся у виноградника,
поглядим, отцвела ли лоза,
набухла ли завязь,
пробился ли цвет граната;
там я ласки тебе подарю.
14. Мандрагор аромат источает,
и сахарные плоды,
свежие, да и прежние,
припрятала я для тебя.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Финал

1. Были б мы братом-сестрою
от материнской груди,
встречала бы, целовала
и никто бы меня не стыдил.
2. Взяла бы да привела
тебя к наставнице-матери,
напоила б душистым вином,
соком граната.
3. Он левой рукой - под моей головой,
а правой - меня обнимает.
4. Заклинаю вас,
девушки Иерусалима,
не будить,
не тревожить любовь, пока
не очнется сама.
5. Это кто
из пустыни восходит,
на любимого опираясь?
Под яблонею тебя разбудила,
здесь ты на свет появился,
здесь тебя мать родила.
6. Печатью на сердце меня положи,
печатью - на руку,
ибо сильна любовь, как смерть,
ревность, как ад, тяжела,
стрелы ее - огонь,
искры и пламя.
7. Наводненья
не смогут любовь погасить,
полноводные реки
не смоят;
кто отдаст
все добро свое за любовь, -
осмеют его.

Братья девушки

8. Наша сестра мала
и нет у нее груди,
что же мы ей подарим,
когда женихи нагрянут?
9. Если она - как стена,
над нею воздвигнем
башню из серебра,
а если как дверь она,
мы обошьем ее кедром.

Ответ братьям

10. Я - стена,
и башнями груди мои,
давно известно ему
про счастье мое.

11. Виноградник был
плодородный у Соломона,
он доверил его сторожам,
и каждый в уплату принес
тысячу серебром.
12. Виноградник же мой со мной,
а тебе, Соломон, твоя тысяча,
и пятая часть - сторожам.

Юноша зовет

13. Обитающая в садах!
Товарищи слышат тебя,
отзовись!

К любимому

14. Милый, беги
словно олень
или газель молодая
на душистых холмах.

Глава 8 стих 6

*Печатью на сердце меня положи,
печатью - на руку,
ибо сильна любовь, как смерть...*

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

(от переводчика)

*«...О ты едина прекрасная
сладкая любви,
чудная милости Божия!»*

Из послесловия о любви
к южно-русскому переводу
«Песни песней» (XV-нач. XVI в.)

О ЧЕМ, СОБСТВЕННО, ЗДЕСЬ ГОВОРИТСЯ?

Версия художницы Ольги Рубиной:

Разве вы не видите? Это похоже на оперу, где каждый голос, каждая партия со своей темой вступают в свой черед; перемена декораций и смена персонажей не упомянуты, словно это пересказ представления, а не либретто.

В первой сцене юную деревенскую красавицу, может быть, еще слишком молодую для вступления в брак с царем, приводят во дворец на осмотр обитательницами гарема. Разговоры о поцелуях и ласках царя, которые слышит она там со всех сторон, волнуют и ее, она непрочь похвастаться своей внешностью да и пококетничать темным своим загаром, но сама-то давно уж влюблена в молодого пастуха, с которым встречается во второй сцене после «смотрины» (гл.1, ст.7). Парню все известно, но она еще не просватана, а внимание царя и его окружения к его избраннице даже льстит самолюбию («Кобылицей из выезда фараона воображаю тебя...») Вся вторая сцена — это нежное воркование влюбленных на буколической поляне недалеко от дворца.

Сцена третья (гл.2, ст.1-7) представляет собой вечернее обсуждение с подружками всего произошедшего; в нем идет речь и о любовном свидании, что было «не на пиру».

Сцена четвертая (гл.2, ст.8-17): вот и ночь, томимый любовью пастух под ее окном просит выйти к нему, да такими словами, что отказать ему трудно. Ночью, конечно, ей выйти нельзя, и она просит его вернуться в горы.

Сцена пятая (гл.3). Так жаль, что ушел, и душа рвется за ним, и в беспокойном сне видится ей, что нужно его найти и не отпускать. Но и во сне она — царская избранница, и свадьба предстает событи-

ем приятным и торжественным (кому ж не хочется побыть царицей!).

Сцена шестая (гл.4). Приходит следующий день, снова пылкие признания в любви, дуэт становится все более чувственным, и уже не так-то просто уйти в царский гарем и потерять любимого.

Сцена седьмая (гл.5, ст.3-7). Мысли мучат ее во сне, и сон этот тяжок и ясен: я теряю милого, а бежать за ним невозможно — избili ее стражи порядка, опозорили, и болезнь овладевает ею. Приходится поделиться бедой с подругами.

Сцена восьмая (гл.5, ст.8-гл.6, ст.3). Подруги хотят узнать секрет — по кому так страдает девушка? Но даже теперя она не готова выдать свою тайну и назвать любимого.

Сцена девятая (гл.6, ст.4-12). Они встречаются вновь, и в их отношениях видны изменения. Парень влюблен уже не на шутку, он смущен, он повторяет свои же слова, он, наконец, осознал, что влюблен в царскую избранницу; уходит, оставляя ее в саду.

Сцена десятая (гл.7, ст.1-6). Вот и официальные смотрины! Она танцует перед гаремом, царь же, вероятно, наблюдает из-за завес. Все в восхищении, царь «кудрями пленен», не за горами и сватовство.

Сцена одиннадцатая (гл.7, ст. 7-14, гл.8, ст.1-7). Снова свидание влюбленных, и, похоже, последнее. Если не сейчас, то уж никогда больше не обнимут они друг друга. И слова парня куда откровенней выражают его желание, и девушка решила тоже. Утром, уже мужем и женой проснулись они под яблоней, и кульминация всей поэмы — слова женщины «печатью на сердце меня положи... ибо сильна любовь, как смерть...»

Сцена двенадцатая (гл.8, ст.8-14). А дома братья готовятся к приему сватов, намереваясь повыгодней отдать единственную сестру. Она все это слышит, и вот заключительная сцена: в дверях появляется сияющая женская фигура, и всем становится ясно, что зря Соломон доверил виноградник сторожам. Вышло так, что он сам оказался в роли сторожа, и нет у него прав на ее виноградник. Она знает, на что идет, ведь после такого не бывает ей ни ни царской, ни пастушьей женой. Опасно показать, кто украл невесту у царя, и бегство — единственный путь любимого.

Современные концепции и исследования. Найдутся ли еще любовные стихи, написанные в далекой древности и способные по сей день вызывать живые и пылкие споры, которые художница затеяла с переводчиком? Впрочем, и сама дискус-

сия о смысле этого текста длится уже более двух тысячелетий.

Драматическое толкование «Песни песен» как сюжетного действия с участием реальных персонажей известно со II в. н.э. и несколько раз с тех пор «открывалось» наново в различных вариантах, однако, по мнению современных специалистов, авторы их вынуждены были изначально принимать различные произвольные допущения, текстом поэмы не продиктованные, а также пренебрегать частью текста.

В первой половине XX века считали, что «Песня Песен» состоит из песенных отрывков, созданных в древности в разных местах и собранных в книгу без всякого плана; теперь большинство исследователей полагают, что это отдельные стихотворения и песни, собранные одним составителем с определенной целью и расположенные в книге по некоей системе. Часть стихов кратки и просты, другие — более пространны и достаточно сложны, но каждый из них воспринимается как цельное самодостаточное произведение. Вместе же они представляют собой сборник любовной и свадебной лирики, искусно составленный в начале эпохи Второго Храма, хотя отдельные его части написаны еще до Вавилонского пленения.

Современные исследователи достигли успеха в текстологическом анализе поэмы, установив время создания ее отдельных частей, а также в изучении особенностей древнееврейского стихосложения — судя по «Песне Песен» и другим произведениям библейского канона, оно существенно не отличалось от стихосложения аккадцев, финикийцев и древних египтян. Связь с поэзией других народов Древнего Востока находят и в образном строе поэмы. Вот несколько примеров: в аккадских стихах тело любимой сравнивалось с виноградником; в угаритских, шумерских и аккадских текстах возлюбленную называли «сестрой». А со словом «брат» связывалась любовная ласка; «кобылица» — возвышенное сравнение молодой женщины в лирике Древнего Египта; у аккадцев выражение «спуститься в сад» имело эротический смысл, женщина в любовном экстазе говорит о себе во множественном числе... Полагают, что поэма написана от лица женщины: она, по большей части, проявляет инициативу, говорит о своей любви страстно, пылко и без стеснения (например, гл. 7, ст. 11: «Милому я отдана, и ко мне его страсть»).

К современным концепциям относят и выдвинутую в начале XX века теорию, представляющую «Песню Песен» в качестве древнейшей еврейской литургии,

берущей начало от языческого культа Таммуза: юноша — это умирающий и воскресающий бог, а девушка — богиня, оплакивающая его смерть, за которой следует воскрешение и священный брак.

«Земля-невеста и Солнце-жених» — предание персидского сказочника. Известный русский богослов, палестиновед и гебраист, автор обширного труда о Ветхозаветном храме Аким Алексеевич Олесницкий (1842 — 1904) посетил Палестину в 1874 г. с целью изучения представлений жителей Востока. В своей работе «Книга Песнь Песней и ее новейшие критики» он, среди прочего, приводит версию Самуила Тайара, старого еврея (по некоторым сведениям — прозелита из персов), в молодости жившего в Иерусалиме и Твери, заброшенного судьбой в Тегеран, где долгое время он был сказочником в кофейнях, и на склоне дней ставшего знахарем.

Ключом к пониманию поэмы С. Тайар считает ответ на вопрос: кто такая невеста? Во все времена, описывая возлюбленную, поэты обращали внимание на внешние черты, доступные наблюдению: глаза, голова, руки, ноги, талия. Здесь же речь идет не только об устах, но о зубах и небе, не только о ногах, но о бедрах и пупе. При этом довольно краткое перечисление частей тела сопровождается развернутыми сравнениями с картинами природы: *волосы — козые стадо, что скапилось с высот Гилада, зубы — гладкие овцы после купанья, овечки одна в одну без изъяна, шея твоя, как башня Давида во всей красе...* Примеры можно продолжить, но и в тех, что приведены, обращает на себя внимание то обстоятельство, что картины природы интересуют автора больше, чем черты девушки. С. Тайар считает, что поэт в образе невесты представляет окружающую его природу в ее спокойном виде. Рассматривая подробности описываемого в поэме, он приходит к выводу, что речь идет о природе древней родины евреев, земли двенадцати колен Израиля, орошенном цветущем крае, полным виноградников и пастбищ.

Но кто же возлюбленный жених, о котором тоскует невеста? Обратясь к его описанию, мы видим, что и его части тела сравнены с образами природы, однако более возвышенными: *не овечки, а голубки у ручья, омытые пеной, самоцветы в оправе... живот — слоновая кость в сапфировом обрамлении... могуч, как ливанский кедр.* Особенно важны для С. Тайара «золотые» сравнения: *голова — золотой самородок* (в оригинале: *кэтем наз, оба сло-*

ва связаны с золотом), *руки округлые золотые... ноги... на золотом постаменте... Выясняется, таким образом, что и жених принадлежит видимой природе, но в ее высшем проявлении — в образе солнца. Только при женихе-солнце понятно, почему невеста не может его удержать и особенно тоскует по ночам.*

Образ Земли-невесты, конечно, связан с народом, на этой земле живущим, а Солнце-жених — с царем Соломоном, упомянутым в поэме шестикратно (С. Тайар указывает на то, что сол по-персидски означает солнце). Внешне «Песня Песен» — это сочетание двух беседующих голосов: голоса земли и голоса неба, который дважды прямо упомянут (гл.2, ст.8 и гл.5, ст.2), и все это сводит на нет вероятность реальности персонажей. С.Тайар рассказал, что евреи-каббалисты в праздник Песах обращаются к невидимому гостю со словами невесты из «Песни Песен», надеясь услышать от него речь жениха.

Свадебный театр Ренана. Знаменитый французский историк-семиолог, мыслитель и писатель Жозеф Эрнест Ренан (1823 — 1892) в работе «Песня песней», вышедшей в свет в 1861 г., предлагает остроумную театральную версию пьесы — список действующих лиц (три главных персонажа, два хора, мужской и женский, второстепенные персонажи и статисты), а затем пересказ пьесы в пяти актах с эпилогом:

Акт первый (гл.1, ст.2 — гл.2, ст.7): мы в гареме царя Соломона, рвение чувственной любви вокруг владыки; вводят молодую сироту-новенькую, она произносит несколько простодушных фраз, неуместных здесь, потом девушка обращается к своему далекому другу. Ее увещивают, а царь сулит богатые украшения. В отсутствие царя она вновь обращается к возлюбленному, вдруг он является и они (может быть, мысленно) вместе переносятся в родные места.

Из 117 строф (псуким) поэмы 68 произносит девушка, 32 — юноша, остальные — хор, братья девушки и пр. Местоимение «я» встречается в тексте 12 раз, во всех случаях оно относится к девушке.

Акт второй (гл.2, ст.8 — гл.3, ст.5): девушка слышит голос возлюбленного, который побуждает ее выйти из дома; она просит его повременить и вернуться потом. Ночью девушка ищет его по всему городу и, встретившись, они возвращаются в материнский дом.

Акт третий (гл.3, ст.6 — гл.5, ст.1): торжественный въезд Соломона в Иерусалим с девушкой, которой он говорит слад-

кие речи, намереваясь взять ее в жены. Возлюбленный девушки находится поблизости, по ее зову он входит и вместе с хором торжествует свою победу.

Акт четвертый (гл.5, ст.2 — гл.6, ст.3): во сне девушка слышит, как стучится возлюбленный. Она медлит открыть, и он исчезает. Девушка ищет его по городу, встречает ночных сторожей, которые ее оскорбляют. Хор женщин предлагает ей помощь в поисках, и она сообщает им его приметы. Но в эту минуту он появляется.

Акт пятый (гл.6, ст.4 — гл.8, ст.7). Соломон пытается преодолеть упорство девушки; является возлюбленный, и она рассказывает ему, как во время прогулки ее захватили люди царя. Женщины гарема пытаются развлечь ее танцами и смягчить упорство похвалами, но это еще сильнее обращает ее к воспоминаниям о любимом. Девушка, победив все испытания, без чувств падает в объятия возлюбленного, который ее, спящую, переносит в родную деревню и кладет под яблоней у дома, где она родилась. Она просыпается, и они клянутся друг другу в верности. Появляется мудрец — ведущий хора и произносит нравоучительное заключение.

Эпилог (гл.8, ст.8 — гл.8, ст.14): братья девушки, которым ничего не известно о ее похождениях, рассуждают о том, что им делать с младшей сестрой. Она появляется, посмеивается над их ненужными предосторожностями, объявляет им, что сама уже распорядилась своей судьбой, и с презрением отвергает все богатства Соломона. Между тем, слышится голос пастуха, пришедшего к ней со своими друзьями. Девушка просит его подождать еще.

Итак, все это — театр, поэтическая драма, однако, не столь совершенная и профессиональная, как у древних греков. Здесь персонажи появляются самым неожиданным и неправдоподобным образом, во многих отрывках рассказывается, какое действие следует вообразить вместо того, чтобы действовать; в этом театре, конечно, не было декораций, иначе невозможно объяснить быструю смену ситуаций и места действия. Можно представить себе временную эстраду, площадку или возвышение, на котором в течение всего представления находятся главные герои: царь, пастух и девушка между ними (даже и в те моменты, когда кто-либо из них не участвует в действии); по бокам от них и вокруг размещаются два хора, мужской и женский. Кроме текстовых партий, они выполняют по ходу представления и некоторые действия, например, участие в церемонии (гл.3), в танцах (гл.7); некоторые отрывки, несомненно, писались.

В этом месте своего рассуждения Ж.Э. Ренан сталкивается с серьезной трудностью: во всей еврейской истории (до римского правления) нет ни следа театра или чего-нибудь похожего. Не может быть сомнения в том, что театральным представлениям, появившись они в тогдашней жизни, нашлось бы место в гневных осуждениях пророков; власти, скорее всего, пресекли бы подобную деятельность, а народ увидел бы в этом празднестве Ваала. Ренан формулирует эту ситуацию так: *«Монотеизм, задушивший развитие мифологии, должен был тем же ударом атрофировать у семитов театр...»*. Выход он находит в остроумном предположении своих предшественников Боссюэта и Лойтса о том, что поэма должна быть разделена по дням, составлявшим свадебное празднество. Ренан знает, что свадьба у древних евреев не носила характера религиозной литургии, она праздновалась в кругу родственников и соплеменников и сопровождалась песнями, плясками, угощением, шествиями с факелами, музыкой, хоровыми песнями, шутками и играми, соревнованиями в остроумии, например, загадками в стихах. Автор полагает, что *«Песня песен»* была самой известной из этих свадебных игр, в ней жених и невеста, преодолевая препятствия, ищут и счастливо находят друг друга.

«Песни любви». Великий немецкий поэт Иоганн-Вольфганг фон Гете (1749 — 1832) писал о поэме: *«Кругом веет мягкий воздух милого ханаанского ландшафта; простые душевные отношения, работа в винограднике, садоводство и разведение пряных кореньев; кое-что говорит и о городском стеснении, а на фоне всего — царский двор. Сюжетом остается цветущая склонность двух молодых сердец, которые то ищут, то находят друг друга, взаимно отталкиваются и снова притягиваются... под влиянием самых простых обстоятельств...»*

По его мнению, это — неподражаемое выражение страстной и нежной любви, своеобразное литературное произведение, не входящее в рамки известных форм, и напрасным трудом считал он все попытки доказать драматическую форму поэмы.

Здесь приводятся отрывки из первой работы о *«Песне песен»* современника и близкого друга Гете выдающегося немецкого исследователя библейской литературы Иоганна-Готфрида фон Гердера (1744-1803), которые представляют следующую версию содержания поэмы:

Вдох (гл. 1, ст. 1-4).

Это зарождение любви в самой ранней ее точке, первый росток. В толпе других

девушек героиня мечтает о первом поцелуе. Все они бегут, и этот подавленный вздох звучит у них у всех как «О, если он меня введет к себе!»

Представим окруженного лестью владыку в благоуханном гареме и голос, который с настойчивой робостью любви выбивается из хора своих сестер.

Любовь в бедности (гл. 1, ст. 5-8)

Там девушка вздыхала среди благоухания масел, среди развлечений и подруг. Здесь пастушка на пастбище, здоровая загорелая девушка, дышит и томится любовью в солнечном зное. Она уже знает, что нравится ему, что бедностью своей богата, своей чернотой мила. Пусть и черным шатрам подобна, но знает, что лишь в любви Соломона счастье ее. Так отражает она взгляды глазующих красавиц, великолепная в своем неблеске...

Песня дремы (гл. 2, ст. 7)

Эта песня повторится еще два раза в качестве финала больших сцен. Но как прекрасно мгновение первого блаженного наслаждения жизнью, не прерывайте его, девы Иерусалима, пронесите мимо газелями и ланями быстроногими...

В разлуке (гл. 2, ст. 16-17)

Возлюбленный далеко, и все же он — ее, все же она — его. Теперь он за своей работой (среди лилий и роз!) в зное дня. Пока должна она жить вдали, песнями о нем, его образом наполнять свое одиночество. Вечером же, когда станет свежо, когда удлинятся тени, завидит она его на холмах быстро бегущим оленем, мчащейся ланью. Так крепнет любовь отдалением.

Сладкое появление — (гл. 3, ст. 6)

Этот отрывок расположен прекрасно — сразу же после того, как девушка ищет любимого. И вот сладкое ее появление ночью, вдали. Как правдиво это и как нежно! Согласно чувствам Востока, не могло быть лучшего сравнения для светлого, стройного восходящего образа девушки.

Ложь Соломона (гл. 3, ст. 7-11)

Какое удивительное восхождение от ложа любви, охраняемого воинами, к брачному престолу! Любовь всех дев Иерусалима уступит дорогу.

Какой шая! Какая победа! И все же невеста показывает его, не себя: она сама наслаждается в нем лишь его красотой, его радостью. Она не сияет ни на каком троне. Все — ее, ложе героя и ложе любви, но не благодаря ей и ее красоте, а благодаря ему и подаркам его матери.

Неверность (гл. 5, ст. 2-17; гл. 6, ст. 1-2)

О, если б я мог окропить холодными каплями росы с головы любовника память моих читательниц ради забвения, чтобы эта несравненная ночная картина проплыла перед

ними как единая, целая, новая! Здесь нет ни царевны, ни одалиски, ни царской невесты; опять деревенская девушка, к бедной двери которой приходит ее любовник. Это его стук, его голос, такой нежный: «Моя голова в росе, на кудрях ночная влага». А ты борешься с желаньем-нежеланьем в дремотной лени: «Но раздета я — не одеваться ж опять! Вымыла ноги — неужто снова мартать!» Где же то слово, которым ты убояла себя: «Я сплю, но сердце не спит»?

Что-то шумит у засова: просовывает он руку? И вот трепещет она вся: что если он сам себе отперет? — Но он не захотел открыть, ворваться силой... Умастил дверь, вот зашумел засов, и он исчез.

Исчез? В шутку это? Серьезно? Она идет за ним, зовет, бродит, спрашивает, допытывается, подвергается оскорблениям, побоям, — это еще небольшое наказание за ее лень и глупость!.. Она больна от любви, и — не скрывай, девушка, — больна также от раскаяния...

Невинная любовь (гл. 7, ст. 10-13; гл. 8, ст. 1-3)

Конечно, ты любишь меня, как я люблю тебя! Но здесь для каждого глаза, для каждого уха невыносима твоя невинность! Прочь отсюда из жилища простоты! Там все еще спит, там лишь одна молодая невинная почка видит и слышит. О, Природа, Природа! Ты святой и оскверненный храм Божий! Когда девический стыд изгоняется отовсюду, не признается более в кругах со вкусом и любовью к прекрасному или подвергается насмешкам и издевательствам, тогда раскрывающаяся почка все еще почувствует тебя, поле и цветы сельской хижины еще будут дышать тобой!

Посещение в саду (гл. 8, 13-14)

Так кончается книга — вздох, молодое эхо любви на вольном, широком воздухе. Времени нет, он должен лететь, спешить туда, за рошу пряностей, скрыться.

«Песни души» — комментарий МАЛБИМа. Рабби Меир Лейб бен Йихиэль Михаэль (1809-1879) — раввин, проповедник, комментатор Библии и Талмуда, яркая и значительная личность в еврейской духовной жизни Восточной Европы XIX века. Он был известен горячей полемикой как с приверженцами еврейской эмансипации и реформистами, так и с хасидами, чем нажил немало врагов и навлек на себя серьезные неприятности. В Бухаресте, где он занимал должность главного раввина, из-за бескомпромиссного отношения к реформистам был оговорен руководством еврейской общины перед властями и заключен в тюрьму, из

которой ему удалось освободиться благодаря личному вмешательству влиятельного Моше Монтефиоре с условием, однако, покинуть Румынию навсегда. Остаток жизни МАЛБИМ провел в скитаниях, был раввином в Херсоне, Могилеве; приглашенный в Майнц, поселился в Кенигсберге, где несколько лет возглавлял тамошнюю еврейскую общину. Умер он в Киеве по дороге в Кременчуг, куда был приглашен на должность раввина.

Широкую известность приобрели комментарии МАЛБИМа к Пятикнижию, к книгам Эсфири и пророка Исаяи; особое место в его творчестве занял комментарий к «Песне песен», рассматривающий поэму как повествование о душе царя Соломона: «...книга песен о том, как царь Соломон любил одну из своих жен, красивейшую из женщин, заключил ее в царском дворце и приставил к ней для надзора дев Иерусалима. Но любила она друга своего, пасшего стадо в пустыне, и убежала пять раз из дворца к нему, четыре раза ее возвращали, но на пятый — не смогли удержать, она ушла и больше не вернулась...»

Так начинается МАЛБИМ свою «Притчу» (машал) и, разделив поэму на пять песен (а не на восемь, как принято в каноне), рассказывает захватывающую историю о побегах девушки из царского дворца к любимому; при этом совершенно меняются характеры персонажей и смысл известных образов. Притча МАЛБИМа кажется развитием интерпретации, появившейся в конце XVIII века, согласно которой «Песня песен» трактуется как рассказ о реальных действующих лицах, с сюжетной линией и моральной идеей. Действие развивается между двумя персонажами: Соломоном (Шломо) и Суламифью (Шуламит); сперва царь увлечен юной красавицей, но затем она вдохновляет его на более возвышенное чувство. Некоторые интерпретаторы того периода видели в поэме драму трех персонажей: Соломон пытается завоевать любовь девушки, но ее любовь к пастуху побеждает, и царь вынужден вернуть ее домой. Однако, там, где у моралистов конца XVIII века всего лишь торжествует добродетель, дух МАЛБИМа воспаряет ввысь. Остросюжетная Притча служит ему опорой для развиваемой параллельно религиозно-мистической версии — «Высшая мудрость» (мелица):

«...Соломон любил одну из своих жен, рожденную небом, дух, божественную душу, заключенную в ее тело... и приставил дев Иерусалима — различные телесные силы — охранять ее, окунуть в обы-

денное и склонить ее волю к тому, чтобы стала царской наложницей. Но связывали ее узы любви с женихом небесным, пасущим сонмы, им сотворенные. И пять раз покидала она тело, пристанище страстей земных, и соединялась с возлюбленным в долинах первозданного неба. Четыре раза расставалась она с телом при жизни Соломона... и всякий раз, увидев Господа, возвращалась, ибо девы Иерусалима — материальные силы — просыпались ото сна, а на пятый — душа покинула тело в час, когда присоединился Соломон к народу своему...»

Эти текущие рядом две струи комментария МАЛБИМА — Притча и Мудрость — представляют собой мистическую концепцию не только судьбы царя Соломона из «Песни песен», но и жизни человека вообще, как стремления неземной души вырваться из телесной оболочки, где властвует материальное, к небесной любви.

Примечательно, что и Притча, и Мудрость со вниманием и любовью вчитываются в буквальный смысл стихов. В этом, по его собственному признанию, МАЛБИМ явился учеником и последователем РАШИ, полагавшего, что религиозная аллегория не отменяет в «Песне песен» любовного содержания, но добавляет святости.

«**Всем песням песня**», обращенная общиной Израиля к Всевышнему — толкование РАШИ.

Рабби Шломо Ицхаки (1040 — 1105), крупнейший комментатор Талмуда и Библии, родился на севере Франции в г. Труа, столице провинции Шампань, в семье ученого-талмудиста и образование получил в знаменитых религиозных учебных заведениях Майнца и Вормса. Вернувшись в Труа, он основал свой ешибот, ставший со временем центром еврейской учености Северной Франции и Рейнской области. РАШИ был также раввином в своем городе, однако, по преданию, зарабатывал на жизнь виноградарством. Сыновей у него не было, но дочери отличались глубоким знанием Талмуда, одна из них даже помогла отцу в составлении комментариев. Конец его жизни совпал с кровавыми событиями первого крестового похода, в которых погибли многие его ученики и родственники. РАШИ оплакивает их в стихах, выражая соболезнование вдовам и сиротам убитых и сочувствие тем, кто под угрозой смерти вынужден был принять крещение. О последних годах его жизни нет достоверных данных. Предание говорит о том, что он перенес свой ешибот в Вормс; одно из помещений городской

синагоги связывают с именем РАШИ (хотя оно построено гораздо позднее). Место его погребения неизвестно.

Язык комментариев РАШИ точен и прост. Бывает, что трудные места объяснены всего одним словом или даже намеком; иногда он умышленно избегает подробного объяснения своей концепции и даже готов признаться в собственном незнании. Пользуясь известными ему источниками, он выбирает из них толкования, которые ближе всего к буквальному пониманию библейского текста, а для объяснения трудных слов и выражений нередко обращается к разговорному старофранцузскому языку или приводит поясняющие иллюстрации. Некоторые из своих трудов он предваряет изложением концепции, на которую они опираются. Вот отрывок из вступления в комментарий к «Песне песен», относящийся к главной героине: «...несчастливая женщина, соломенная вдова, она душой исходит по мужу, надеется на милого, хранит неизменно любовь к нему и сознает совершенные ею проступки; муж сочувствует ей и помнит ее любовь, прелесть юности, красоту и праведность деяний, потому и связан с нею узами сильной любви; знак подаст, что из сердца ее не выкинул, усладит от себя не услад, и она ему жена, и он ей муж и еще к ней вернется».

Таково, по РАШИ, содержание «Песни Песен» в простоте своей (*нишат*), но идущий вслед комментарий (*дуга* — пример, образец) связывает образы поэмы с событиями, описанными Библией, и со страданиями евреев в изгнании (в древнем Египте и во времена РАШИ). При этом происходит непрерывный диалог между общиной Израиля (девушка) и Богом Израиля (юноша, царь Соломон), связанными между собой узами общности и взаимным соответствием (см. параллелизм сравнений девушки и юноши в начале второй главы: «как роза среди шипов...», «как яблоня между лесных деревьев...»).

Начальные стихи поэмы — это просьба к Всевышнему открыть причину изгнания. Он не дает прямого ответа, но намекает, что нужно следовать путями отцов и учить детей Торе («...и козляток своих паси у пастушьих шатров»). Лошади и выезд фараона — это упоминание о гибели египетского войска в водах Черного моря и чудесное спасение евреев, «...золотые подвески в крапинках серебра...» — принятие скрижалей завета, а свадьба царя Соломона — дарование Торы на горе Синай. Одухотворенность всего сущего, идея духа Божьего (Шехина) находит, по РАШИ, свое выражение во многих образах

поэмы: в душистом пучке мирры «ноует между грудей», в двойном хороводе («маханам»), в котором пляшет Шуламит, в величественном появлении той, которая «из пустыни восходит... в облаке...», в смертельном могуществе любви и адском ужасе ревности. К этому примыкают образы Храма: «...кровлей нашего дома — кедры, стенами — кипарисы» соответствует началу его возведения, «паланкин себе сделал царь Соломон...» — завершение, «праздник сердца...» — освящение Храма, ложе Соломона — место пребывания Шехины (т.е. Святая святых), а «шесть десятков воителей» — мудрецы и храмовые священники.

Мотивы Храма у РАШИ неотделимы от другой струи его толкования — темы изгнания. «В ореховый сад сошла я...» — это образ Храма, «себя позабыла...» — сожаление о пропусках, из-за которых «сердце свое положила... на колесницу...», то есть попала в рабство к иноплеменникам.

«Встану я, обойду весь город по улицам, переулкам...» — скитания Израиля среди иных народов, а поиски «Того, в ком души не чаю» — попытка увидеть лик Всевышнего, узнать Его волю. «Виноградник был плодородный... Он доверил его сторожам»; сторожа — это цари стран изгнания, они поработили общину Израиля, но Всевышний заставит их все вернуть и уплатить по закону пятую часть дохода.

РАШИ утверждает, что наступили времена, когда человеку следует откликнуться на зов извращения, однако община Израиля медлит («Но раздета я — не одеваться ж опять! Вымыла ноги — неужто снова марать!»), ей привычно и удобно в рабстве у иноплеменников, и потому Всевышний насыпает беды и испытания и лицо Свое скрыл от нее: «Он руку просунул в щель, и все во мне задрожало». Но и в страданиях верна община Израиля Всевышнему; иноплеменники распрашивают евреев об их Боге: «Чем же твой друг... лучше других?» Она отвечает: «Ведь я любовью больна...» и заклинает иные народы (дев Иерусалима) не принуждать ее к измене Суженому. Затем следует хвала ему: «Мой милый свеж и румян...». Иноплеменники хотели бы участвовать в поисках Его, но она им в этом отказывает: «В садах любимый посет... Мой друг — для меня, а я — для него, пасущего среди лилий».

РАШИ находит в образах поэмы свидетельства непреходящей любви Всевышнего к избранному народу («Заповедный родник, потаенный ключ») и обещания будущего возвращения в Землю Израиля («С Ливана, невеста моя, с Ли-

вана со мною приди... Взяла бы да привела тебя к наставнице — матери»). И заключительная строфа поэмы («Милый, беги...») объяснена в этом же смысле: отошли от Себя друзей (т.е. иные народы) и приведи меня в Землю Израиля.

Читателю этих кратких пояснений, ранее не заглядывавшему в традиционные толкования библейских текстов, могут показаться немного «притянутыми» у РАШИ сравнения и аналогии, а общая идея — несколько нарочитой. Но это — с непривычки. Тому, кто прочтет чуть побольше из размышлений знаменитого толкователя, откроется живая и ясная система. Речь идет о многовековой культурной традиции, о методе прочтения уникальных текстов, духовный и эстетический уровень которых был настолько выше обыденной речи, что они несомненно казались знаками невидимого присутствия высших сил; все поголовно верили (многие верят и теперь) в то, что толкование этих текстов и есть познание мировых тайн, а также будущего. По РАШИ, цельность текста, непрерывность описываемого в поэме указывают на заданный заранее срок жизни народа Израиля: от его зарождения в глубокой древности и вплоть до исхода времен. Жива любовь, и потому неистребима жизнь.

Ответ Астраханскому губернатору. В 1730 г. Архиепископ Новгородский и Великих Лук Феофан Прокопович (1681 — 1736), известный проповедник и русский государственный деятель, издал «Разсуждение о книге, нарицаемой Песни песней, яко она есть не человеческою волею, но Духа Святаго вдохновением написана от Соломона... сопротиво неискусных и малоразсудных мудрецов, легко о книге сей помышляющих...». Трактат этот интересен как выражение церковно-христианской концепции поэмы, но в особенности привлекает его выразительный, свежий и милый в своей угловатой важности язык начала XVIII века.

В предисловии автор рассказывает, что «некто господин Василий Никитич Татищев, Тайный советник и Астраханский Губернатор... по внешнему виду человек негрубый, поворотя лицо свое в сторону, ругательно усмехнулся... и перстами стол долбя, презорный вид на себе показывал. Вопросы мы его с почтением, что ему на мысль пришло? И тотчас от него нечаянный ответ получили: давно, рече, удивлялся я, чем понужденные не токмо простые невежи, но и сильно ученые мужи возмечтали, что Песни Песней есть то книга Священного Писания и слово Божие. А по всему видно, что

Соломон, раздизаяся похотью к невесте своей, Царевне Египетской, сия писал, как то и у прочих, любовью жжемых, обычай есть; понеже любовь есть страсть многоречивая и молчания не терпящая; чего ради и во всяком народе ни о чем ином так многия песни не слышаться, как о плотских любезностях».

Святой отец признается в том, что «сим ответом так пораженное содрогнулось в нас сердце, что не могли мы придумать, что сказать». А поскольку Татищев «еще и повторял тожде свое злоречье, мы ему с кротостью предложили, что надеемся так... честь и силу книги сей... объяснить, что он... о нынешнем смехе своем восплачется». Хотя он сперва и сам «не надеялся, чтоб мы нечто важное и сильное о сем произнести могли», в результате вышло сочинение в трех частях, находящее своего читателя по сей день.

В первой части трактата «О чести книги Песни песней» доказательство ее святости архиепископ находит, прежде всего, в том, что «книги сия в числе Священного Писания всегда имела ветхозаветная Израильская церковь (т.е. древняя иудейская религия — прим. пер.), и ныне имеют и яко слово Божие почитают все Иудейския синагоги... а от них и нам известно».

Из того же источника он приводит и доказательства духовных и художественных достоинств поэмы: «...ради высочайших заключенных в себе таинств Песни Песней вся прочая песни и пения превосходят; не всю Песни Песней нарицаются, ради великого между прочими пения прязящества по природному обычаю языка Еврейского...».

Возможно ли, задается он вопросом, чтобы древняя иудейская религия, «которая с прилежным опасением и непрестанным бодрым наблюдением книги Святого Писания... особо от прочих писаний человеческих соблюдала... как бы не могла ведать, что Соломон, телесною похотью к плотской своей невесте жегомый, сия писал?» Да и христианские учителя, «между которыми многие были и всякого рода учениями и святого жития нелицемерным благолепием велицы и славны, как бы в Песнях сих плотской вони не обоняли?»

Во второй части своего сочинения «О божественном разуме в Песнях Песней» автор сознательно отказывается от подробного толкования диалога жениха и невесты; он всего лишь намерен показать, что речи эти (они, собственно, и составляют поэму) не только не противоречат «лицу Христову, церковь свою любящему», но и более приличны и уместны духовным супругам, чем «плотским любителям

и любимицам». Однако в части третьей «Возражение противного мнения» Феофан обращается к тексту «Песни...» и приводит свой комментарий. Здесь примечательно различие в стиле отрывков (подчеркнуты в тексте) из «Острожской Библии» (изд. 1580 г.) и авторского текста начала XVIII века: «... гл.2, ст.10, **восстани, приди, ближняя моя, добрая моя, голубице моя, которая любовныя призывания истинной церкви Христовой весьма приличная суть... но zde токмо примечаем нарицание голубицы, которой природные свойства три... (1)простота и незлобие... (2)в гонениях терпение... (3)свойство голубицы красота...»**

«... гл.4, ст.4, глаголы жениха к невесте: **яко столп Давидов выя твоя... тысяща щитов висит на нем, все стрелы сильных. Которая похвала ... Фараоновой дщери непрстойна..., а в разуме духовном являет воистину, что Христова церковь в земном сем пребывании обретается всегда в брани; силу же непобедимую и победительное на соспротивных имеет от Бога оружие...»**

«... в гл. 1, ст.2 невесты к жениху изречение: **миро излианное имя твое... мощно... показать Соломона, яко Царя мирнаго, и все дни царствования своего в мире и тишине прожившего, но такового сходство может только быть в Славенском диалекте; понеже мир и миро в гласном изречении сходны, да и то не по силе единого языка Славенского; ибо мир Славенское, а миро Еллинское наречие... разумно же есть, что zde ни на Еллинский, ни на Славенский язык, в котором содержатся переводы, смотреть не надлежит, но на един Еврейский, яко первоначальный...»**

Каким образом, недоумевает автор, можно отнести к славной Египетской принцессе и царской невесте следующее изречение:

Гл. 1, ст. 6. **«Не зрите меня, яко аз есмь, очернена, яко опали мя солнце, сынове матери моея сваряхуся о мне, положиша мя стража в виноградех: винограда моего не сохраних».**

Гл. 1, ст. 7. **«Возвести ми, его же возлюби душа моя, где пасеши и где почиашеши в полудне? Да не когда буду, яко облагающаяся над стади друзей твоих».**

И уж никак не вяжется со статусом Царевны то, что невеста рассказывает о себе в гл. 5, ст. 7: **«Обретоша мя стражие обходящие во граде: биша мя, язвиша мя; взяша верхнюю ризу от мене стражи стеници». Где и зачем бродила Царевна, да и сама без служителей, и в таком подлом виде, что не только городовые сторожа не познали ее, но аки бы подозренного**

человека били, ранили и ограбили? Кто здесь и помыслити может о Царевне мирской и о плотской невесте Соломона человека? А церковь, истинная невеста Христова, околь много и часто сия на себе узняет!..

А описание жениха? Гл. 5, ст. 10, 11, 12: *«Брат мой бел и чермен, избран от тем. Глава Его злато избранно, влады Его кудрявы, черны яко вран. Очи его яко голубицы на исполнениях вод, излювени в млеце...»* Так ли о себе писать не устыдится просто человек, когда не лишен ума? Кольми паче премудрый Соломон... Не возможно же и по сему не исповедать, что... написал не о себе самом, но о другом, который не может иным быть, кроме церковного жениха Христа...

Под конец Феофан задается вопросом: почему понадобилось Соломону *«...образом брака описывать любовь Христову с церковью своего, и что к таковому необычному иносказательству... позвало его?»* (Иносказание и вправду необычно для поэта, жившего за тысячу лет до зарождения христианства). Это противоречие находит следующее объяснение: хотя обстоятельства написания поэмы неизвестны, однако, по мнению архиепископа, Соломон *«писал сия, принимая вину от своего с Фараоновой дочерью сочетания; Божиим духом водимый человек, смотря на некие вещественные дела, часто... восходит путем подобия к разсуждению духовных дел... Так Павел, видя между многими в Афинах кумирами кумир с надписанием: невидимому Богу, начал об истинном Боге проповедовать»*.

«Все песни святы, но Песня песен...» Текст поэмы был включен в еврейский религиозный канон в первой половине II в. н. э., когда главой Синедриона стал рабби Элазар бен Азария, а святость ее отстаивал его ученик рабби Акива бен Йосеф (50 ? — 135 г. н. э.), один из выдающихся основоположников раввинистического иудаизма. Он родился в простой и бедной семье и, согласно талмудической легенде, оставался безграмотным до сорокалетнего возраста, служа пастухом у богатого иерусалимца Калба Савеа. Дочь хозяина Рахель полюбила его, и они поженились вопреки воле ее отца. Под влиянием жены Акива обучился грамоте (вместе со своим маленьким сыном) и в течение 24-х лет изучал еврейскую религиозную мудрость в Лоде у знаменитых тогда наставников. Вскоре он и сам стал признанным авторитетом, внося решающий вклад в систематизацию религиозного законодательства, что в дальнейшем послужило основой для разработки Талмуда. Р. Акива был включен в делегацию,

направленную в Рим с ходатайством об отмене декрета императора Домициана о запрещении изучения Торы и соблюдении еврейских законов. Впоследствии он поддержал восстание Бар-Кохбы (132 — 135 г. н.э.) и в его вожде признал Мессию. Вскоре после разгрома восстания р. Акива был схвачен римлянами, заключен в тюрьму и погиб мученической смертью.

Причины решения, столь благодатного для будущего поэмы, полностью не ясны и в наши дни. Ведь Синедрион отказался канонизировать такие известные произведения, как «Книга Маккавеев», «Книга Юдифи», «Книга Иисуса сына Сирахова», несмотря на то, что в них говорится о глубоко религиозном чувстве и о важных событиях в истории древних иудеев. Здесь же нет вовсе упоминания о Боге, речь идет о пылкой любви двух молодых людей, о природе, о благовониях, о садах и пастбищах. Известно, что в те времена «Песню Песен» не преподавали вообще, и евреям, не достигшим совершеннолетия, запрещалось ее чтение. Поэма, однако, была весьма популярна, что явствует из запрета р. Акивы: *«Распевающим песни эти на пирах нет доли в царстве небесном»*.

Еще в начале II в. до н. э. члены Синедриона, разбиравшие вопрос о канонизации каждой из библейских книг в отдельности, дискутировали по поводу святости «Песни песен», однако вопрос о ее включении в канон решен не был. В 65 г. н. э. за несколько лет до разрушения Храма весь библейский канон подвергся пересмотру, но в отношении поэмы к единому мнению не пришли. Полагают, что главным доводом в ее пользу явилась, в конце концов, иудейская религиозная аллегория (жених — Всевышний, невеста — община Израиля), возникновение которой приписывается р. Акиве. Отстаивая ее святость, он утверждал, что *«все песни святы, но Песня песен — святая святых»*, а также: *«ничто в мире не сравнится с тем днем, когда была дана Израилю Песня песен»*. Законоучители II в. н. э., заложившие основы Талмуда, связывали эти изречения с историей любви Акивы и Рахели, дочери Калба Савеа, имея в виду фундаментальную концепцию иудаизма, гласящую, что отношения между мужем и женой происходят из святого источника.

Место и время написания, авторство поэмы. Почти все, описываемое в «Песне песен», происходит в деревне Эйн Геди и ее окрестностях, а также в царском дворце в Иерусалиме, т.е. в Иудее, южной части объединенного Израильского царства Давида и Соломона. Можно привести,

однако, несколько доводов в пользу «не-южного» происхождения поэмы. Известно, например, что представители северных колен Израиля потребовали от Рехавама, сына и преемника царя Соломона, среди прочего, отмены указа о посылке девушек из знатных семей в царский дворец, где их превращали в служанок. Конеч поэмы: «Виноградник же мой со мной, а тебе, Соломон, твоя тысяча...» может восприниматься и как свидетельство этих свободолюбивых устремлений северян. Примечательно и то, что большинство географических названий, упомянутых в «Песне...», относится к местам, расположенным к северу от Иерусалима (который и сам близок к северной границе Иудеи и географически находится уже в Самарии): Ливан, Гилад, горы Кармель, Хермон, Амана, Снир. О юге напоминают, пожалуй, лишь две сцены восхождения из пустыни (гл. 3, ст.6; гл. 8, ст.5). Но слово «мидбар», употребленное в оригинальном тексте, кроме безводной пустыни, может означать и пастбище, и степь, зеленеющую зимой и выгорающую летом.

Известно точное местонахождение древнего поселения Эйн Геди на холме Тель Горен неподалеку от нынешнего киббуца Эйн Геди. Но всякий, посетивший эти места на западном побережье Мертвого моря, согласится с тем, что суровый пейзаж обожженной керамики отвесных скал, вряд ли существенно изменившийся за последние три тысячи лет, мало напоминает (даже весной) цветущий зеленый край, описанный в поэме. Холмы Самарии и Галилеи с их сочными пастбищами, ручьями, рощами и виноградниками лучше подходят под это описание. Но, может быть, главное несоответствие пейзажа из «Песни Песен» виду, открывающемуся в районе Эйн Геди, — это изумительная, широко раскинувшаяся перед глазами, бирюзовая гладь Мертвого (на иврите — Соленого) моря; кажется невероятным, что поэт, воспевая этот пейзаж, не обратил внимания на главную его составляющую. Вероятно, речь в поэме не идет о реальной деревне Эйн Геди: крепостные стены и их стражи, путаница улиц и переулков, бродя которые ночью, девушка ищет любимого, — все это наводит на мысль о большом городе, где и живет поэт, слагающий поэму о любви, в которой сквозной метафорой проходят ароматы душистых масел и благовоний; деревня же Эйн Геди, овеванная тайной их приготовления, своей недоступностью (там опасались принимать гостей и могли казнить за разглашение секрета) манит воображение поэта.

Современные исследователи обнаружи-

ли в каноническом тексте обилие арамеизмов при почти полном отсутствии греческих слов. Такое сочетание было возможно в древнем еврейском тексте лишь в V — IV вв. до н.э. Впрочем, это верно, если речь идет о так называемой имперско-арамейской лексике (700 — 300 гг. до н.э.), старо-арамейский же язык был издавна распространен на всей территории древнего Ханаана, а затем и в объединенном Израильском царстве, так что арамеизмы могли широко использоваться в народной речи без того, чтобы попасть в канонические тексты. Да и содержание некоторых отрывков наводит на мысль о их более раннем происхождении. Давно замечено, что сравнение красоты возлюбленной с величием столичных городов Тирцы и Иерусалима (гл.6, ст. 4) могло возникнуть лишь в период, когда Тирца была столицей Северного Израильского царства, т.е. с 928 г. до н.э. (смерть царя Соломона и раскол единого государства на две независимые части) и до 800 г. до н.э. (перенос царем Омри столицы в Самарию, после чего Тирца быстро приходит в упадок).

Влияние образного строя поэзии народов древнего Востока на «Песню Песен» также может служить доводом в пользу более ранней датировки ее текста (или хотя бы его отдельных частей). В дальнейшем будут приведены тому примеры, но здесь уместно заметить, что в поэме встречается немало образов, прямо навеянных древне-египетской лирикой XV — XII вв. до н.э, а также аккадскими и шумерскими любовными стихами еще более раннего периода. Эти влияния вероятнее на рубеже второго и первого тысячелетий до н.э., когда древние государства Двуречья и Египет находились в расцвете своего могущества, чем во второй половине первого тысячелетия до н.э., т.е. в период их распада и исчезновения.

Основываясь на указании в тексте «Притчи Соломоновы», составители «Барайта» («внешних» легенд, положенных в основание Талмуда) полагали, что три библейские книги, связанные с именем Соломона («Экклесиаст», «Притчи» и «Песня песен»), записаны приближенными иудейского царя Хизкии (727 — 698 гг. до н.э.), который очистил страну от языческих культов, возобновил службу в Храме, отстроил Иерусалим и отстоял его от нападения войск ассирийского царя Санхериба в 701 г. до н.э. Сказано, что люди царя собрали и просмотрели многочисленные песни, приписываемые Соломону, отобрав наиболее достойные для пере-

дачи будущим поколениям и создав из них книгу «Песня песен».

В библейской «Третьей книге царств» говорится, что было у Соломона три тысячи притч и пять тысяч песен. Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» сообщает, что Соломон сочинил тысячу пятьсот книг стихов и песен, три тысячи книг историй и притч, а также сочинял заклинания против болезней и злых духов, и что сам римский полководец Веспасиан во время осады Иерусалима присутствовал при изгнании демона неким иудеем посредством одной из Соломоновых песен. Иосиф Флавий упоминает еще две книги: «Мудрость Соломона» и «Песни Соломона».

Самое количество книг, приписываемых Соломону потомками, вызывает в воображении образ книгохранилища, а также свидетельствует о могучей многовековой письменной культуре древних евреев, лишь верхушка которой сохранилась в виде библейских книг. О литературной деятельности самого царя Соломона достоверных данных нет, как и о первоначальном тексте, переработанном, возможно, приближенными царя Хизкии. Мог ли Соломон быть его автором?

Легенда гласит: юноша написал песню, взрослый — притчи, старец — откровения проповедника. Известно, что в главном легенды не лгут. Скорее всего, царь Соломон сам слогал стихи и песни или стоял во главе группы поэтов, находившихся при его дворе. Но, судя по дошедшему до нас тексту «Песни Песен», вероятность его авторства невелика. Поэма открывается посвящением Соломону, и в двух местах о нем говорится прямо как о царе. Если это написал Соломон, то он таким образом постарался свое авторство скрыть. Вообще говоря, вопрос авторства текстов на Древнем Востоке важным не считался, и приписывание «Песни Песен» царю Соломону, возможно, не что иное, как более поздняя (не позже, однако, середины I-го тысячелетия до н. э.) аллегория, повлекшая за собой превращение его в романтический персонаж «собственного» произведения (вспомним «Суламифь» А.И. Куприна). В противовес этой традиции не могла не появиться в литературе тенденция «развенчивания» автора «Песни Песен». Образцом такого подхода может служить следующее стихотворение современного израильского поэта Иеуды Амихая: У автора «Песни песен», искавшего ту,

в ком души не чаял,
ум за разум зашел, и решил он ее
найти по карте сравнений,
и влюбился в то, что выдумал сам.

И спустился в Египет
вслед за словами: «кобылицей из выезда
фараона воображаю тебя»,
и на гору взошел, где «волосы —
так написано — козье стадо,
что скатилось с высот Гилада»,
и на башню Давида влез, ведь сам
написал: «шея твоя, как башня Давида»,
и до Ливана добрался,
не находя покоя, ибо сказал: «лицо —
вершина Ливана,
что к Дамаску обращена», и плакал
у водопада Эйн Геди,
потому что знал: «наводненья не смогут
любовь погасить»,
и пошел голубей искать в Бейт-Говрин,
и добрел до Венеции
из-за того, что писал: «голубка моя
на уступе скалы».

И в пустыню спешил, когда говорил:
«это кто поднимается
из пустыни подобно дымным столбам».

Юродивым
бедуины его полагали, он же
царем Соломоном
себя считал. До сих пор —
бездомный скиталец,
и клеймо любви на лбу у него.

А иногда приходит во времена
другие к любви других, и к нам
явился однажды
в дом с проломанной крышей
на границе
Иерусалима с Иерусалимом.

Но мы не видали его потому,
что обнимались тогда, и до сих пор
он скитается
и кричит «ты хороша, подруга моя»,
как из глубокой ямы
забвенья. И тот, кто писал
«сильна любовь, как смерть»,
лишь под конец осознал сравненья,
что сам создал,
и узнал, и любил, и умер (и притча
взлетела на воздух, и поученье).

*Из книги «Открыто закрыто открыто»,
1998 (Перевод Я.Л.)*

«Но быть живым, живым и только...». Двадцатому веку было не до «Песни песен»: после первого поэтического (вне Библии) перевода А.М. Эфроса 1909 г. следующий был выполнен лишь в 1973 г. И.М. Дьяконовым. Но теперь, в начале нового века, «пора соловья наступила» — переиздаются известные переводы, выходят в свет новые. За новый же перевод

берутся, когда известных «не хватает». Чувства читающего библейский текст в оригинале и одновременно заглядывающего в перевод достоверно описал современный русский философ и исследователь древних литератур Сергей Сергеевич Аверинцев: *«Когда мы переходим от русских и церковно-славянских текстов Библии, что у нас на слуху, и от тех греческих оборотов Септуагинты, к которым восходят предлагаемые ими решения, и от привычных из западной словесности латинских библеизмов к древнееврейскому оригиналу, нас потрясает прямота выражения: такая прямота, при которой каждый раз выбирается поистине кратчайший путь от реальности к слову и от слова к сердцу. В сравнении с этой прямо-той любое самое прекрасное переложение покажется искусственным и декоративным: торжественность вместо перво-зданности и благочестие вместо святости. А там слова все больше краткие, никакого «плетения словес» ...ритм свободный, но отчетливый и сжатый... Естественный, как дыхание, речитативный распев. И такие созвучия!..»*

Да, конечно, как дыхание... Оно оживает слова при чтении вслух, когда дрожат голосовые связки и ритму вдоха-выдоха подчиняются движения плеч и рук, и мышц лица. Такого перевода — с дыханием прежде всего — я и пытался достичь. И еще — чтобы в разноголосии версий и прочтений мой перевод был бы на стороне любого из спорящих, как это происходит с оригиналом поэмы; она кажется чудным деревом, которое вырос-тил садовод редкого дарования, но сад давно сошел на нет, а дерево это из детали пейзажа превратилось, похоже, в некое явление природы, как олень на уступе горы или звезда на небе. И так же, как всякий раз верны новые разгадки тайн происхождения видов или небесных тел, так и многие версии «Песни Песен» хороши и уместны — они будто кусты, выросшие вокруг старого ореха на месте пропавшего сада.

Основным справочным пособием при переводе послужила мне работа Амоса Хахама о «Песне песен» из пятитомника

комментариев «Хамеш мегилот» (книго-издательство института им. р. Кука в Иерусалиме). А. Хахам просто, но без упрощений, объясняет все 117 стихов поэмы как литературовед и историк литературы, как знаток древнееврейской грамматики и как традиционный религиозный комментатор (толкования РАШИ приведены во главе каждого раздела). По примеру А.Хахама, ни с чем в спор не вступая, я старался избежать пышности слога («Песня песен» для ивритского уха не звучит в наши дни архаичней, чем, скажем, «Руслан и Людмила» для уха русского) и воспроизвести не только знаменитые образы, но и ритмический строй, и звучание этого «стиха стихов».

Шир а-ширим. Вы, конечно, обратили внимание на то, что название поэмы переведено как «Песня песен» и, надо полагать, мысленно исправляли «ошибку». Старое название настолько укоренилось, что стало как бы единым словом: *песнипесней*.

В переводах поэмы на другие языки подобного «отвердения» названия как будто нет. На английском, например, наряду с «The song of songs» существует и «Songs of Solomon», а на Украине имеют хождение два перевода: «Пісня пісень» и «Пісня над піснями». Впрочем, и на русском языке известно в прошлом различие: «Песнь песней» (разумеется, с «ятями»).

Бытующее поныне название «Песни песней» взято из Синодального (канонического) перевода Библии (1868-1872 гг.), и мне кажется, что замена его на более современное вполне могла бы произойти вскоре после реформы русского правописания. Давайте же решимся на это хотя бы сейчас и так избавимся от привнесенного старым названием двусмыслия (мол, песня песней, а дело делом), от самого архаизма (осиротевшего после гибели буквы «ять»), а также и от некоторой неточности: ведь *шир* на иврите означает стих или песню в единственном числе, а *ширим* — во множественном. Итак, «Песня песен».

Беер-Шева, декабрь 2001 г.

АВРААМ ИБН ЭЗРА КАК ПЕРВЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ЕВРЕЙ

Двусмысленность славы (поскольку, несмотря ни на что, это все-таки слава), доставшейся на долю средневековой еврейской поэзии, не может не вызывать сожалений. Ибо речь идет о книгах почитаемых, но редко читаемых.

Впрочем, даже на фоне этого ущербного величия лицо ибн Эзры в том виде, в каком его донесла до нас традиция, кажется особенно странным — одновременно вызывающим и необъяснимо лишенным индивидуальных черт. В нем нет ни философской надменности и трагического одиночества ибн Габироля, ни мощи, спокойного изыщества и внутренней цельности Иегуды Галеви. Его имя не вызывает в памяти никакого устойчивого чувственного образа, его портрет — это портрет человека, обращенного к нам спиной. Невидимое лицо уходящего странника. Память о его жизни не ассоциируется ни с чем, за исключением разве что постоянного чувства бездомности. Даже его смерть — ее местом разные источники называют Калаорру, Лондон или Рим — носит отпечаток отчетливого равнодушия, проявленного к нему памятью традиции. Создавая образ ибн Эзры, традиция отказала его последним часам в ореоле мученика или героя, столь важном для литературной славы, — точно так же, как его посмертному, воображаемому портрету было отказано в любых характерных и, безотнositельно к качеству поэзии, узнаваемых чертах — тех самых, из которых обычно и строится образ «поэта». Смерть ибн Эзры не окрашена ни в темно-лимонный цвет таинственной розы, выросшей, согласно преданию, на могиле ибн Габироля и разоблачившей его убийцу, ни в светло-охристый цвет теней, осветивших смерть Иегуды Галеви надмирными и в то же время столь земными, белесыми отблесками камней Иерусалима, у ворот которого поэт по легенде был убит.

Если смерть ибн Эзры и можно назвать его «последним творческим актом», то только в смысле ее немифологической активности, ставшей последним отражением его предельно приватной, почти анонимной жизни.

И все же ибн Эзра представляется фигурой в высшей степени примечательной. Кажущаяся безликость его стихов, провал, разделяющий рассказчика и автора, покрытый низкостелющимся туманом скромности ли, высокомерия ли, самопренебрежения, является осознанным созданием надменного и отстраненного ума. Его безупречный вкус был неодолимым препятствием на пути всего того, что его пристрастный и безжалостный к себе взгляд мог расценить как самолюбование или манерность. Ему были одинаково чужды и гордый, надорванный голос ибн Габироля, и романтические страдания Моше ибн Эзры, и подчеркнутая гармоничность поэзии Иегуды Галеви. Ни одного из них (исключая, может быть, Габироля) он не мог бы назвать по праву своим учителем. Впрочем, даже подражание габиroleвской «Кетер а-малхут» становится для ибн Эзры пищей для отвлеченной игры ума, лишеной какой бы то ни было непосредственности восприятия или упоения чувствами. Отвращение к любой мелодраматичности, преследовавшее его с первых строк, написанных в юности, когда чувствительность и исповедальность часто кажутся адекватной формой выражения опыта и — что более важно — гарантией успеха, — это отвращение с годами превратилось в навязчивую идею, узнаваемо печальный признак его поэзии. Человек, прошедший от моря до моря чуть ли не всю поднебесную и видевший великие города Европы, Азии, Африки, не нашел в жизни ничего достойного не быть им забытым... В своем стремлении к подлинности мгновенного ощущения мира во всей его слу-

чайности он предпочел раствориться без какого бы то ни было фабульного остатка в холодном эфире своих стихов, не оставив потомкам ни одной нити, ни одной фальшивой монеты для обязательного подношения Литературе — того подношения, которое позволило бы его книгам стать материалом для многозначительных упоминаний и узнаваемых цитат, а его тени — объектом самоотжествления и сентиментального страдания.

Я думаю, он хотел быть забытым.

Место «Поэта» с его неповторимой биографией и сюжетной самодостаточностью его внутренней жизни в поэзии ибн Эзра занял язык. Точнее — единственный язык, сохранивший в себе и пронесший через хаос и кровь истории изначальный образ Божественной мысли: иврит. В этом смысле (по крайней мере, на первый взгляд) ибн Эзра следовал еврейской традиции. Но на самом деле это было не совсем так. Его поэтические предшественники, многократно восславившие язык Торы как совершеннейшее средство миротворения, а позже — как образ смыслового саморазвертывания мира, наполняющий хаос мгновенными иерархическими смыслами, были далеки от подлинной веры в сказанное ими же о языке. Прославляя на словах иврит, они практически продолжали видеть в нем не объект поэзии, а только средство, пассивное орудие поэтической речи. Они использовали его исключительно инструментально. Ибн Эзра был первым, действительно поверившим в метафизическое, а впоследствии и каббалистическое определение языка. Он действительно поверил, что язык Торы — сущность мироздания и хранитель смыслов человеческого существования. Поверил верой, лишеной какого бы то ни было дуализма. Не только утверждал так существование языка, но и сделал это признание основой и активным принципом действия. Насколько мне известно, он был единственным из своих современников, увидевшим в языке самоцель: онтологический статус языка почитался несравнимо более высоко, чем статус того, что он описывает.

Не только разнообразные грамматики и грамматические комментарии, написанные ибн Эзрой, свидетельствуют об этой незатихающей страсти, одной из

немногих подлинных страстей его жизни. Нет, также и многочисленные стихи, чьим единственным содержанием является язык, облаченный в формы, поражающие воображение и открывающие его бесчисленные выразительные и музыкальные возможности! Среди этих странных стихотворных текстов — загадки, фантастические акростиhi, трактаты по натурфилософии и астрономии, кулинарные рецепты, комментарии к календарю, язвительные и не всегда уместные шутки, навязчивые дидактические поучения, руководство по игре в шахматы, рекомендации относительно диеты и гигиены и, наконец, казалось бы, совсем бессмысленные тексты и стихи, почти всецело состоящие из аллитераций. Похоже, ибн Эзра исходил из странного и нигде им не объясненного убеждения, что любой предмет достаточно значим, чтобы стать частью поэзии, или что все существующее в мире — безразлично и одинаково ничтожно, и потому-то оно может без остатка превратиться в материал для волшебных стихов.

В то же время слепая любовь к языку не могла не сослужить ему предательской службы, наделив безграничной и ни на чем не основанной уверенностью, что сила и красота языка достаточны для достижения абсолютно любой цели — в том числе, для написания философских трактатов. Среди многих странностей его книг нет ничего более странного (возможно, и поучительного), чем картина отстраненного и сдержанного ума, неожиданно согнутого под бременем покорного и раздражительного философского учения. Длинные ряды навязчивых банальностей превращают его трактаты в блистательные образцы философской бессмыслицы, обрамленной драгоценной оправой его необычного и почти всегда узнаваемого стиля. Был ли холодный и высокомерный разум ибн Эзра столь очарован признанной возможностью проникнуть в недоступное или же ослеплен ореолом, окружавшим освященные традицией источники? Какова бы ни была причина, кажется, что мысль ибн Эзра стала послушным пленником его чувств. Однако возможно и другое объяснение. Вероятно, что фанатичный и бескорыстный праведник языка, поэт для поэтов, он и здесь сделал язык единственным

содержанием книг. Провозглашая, вопреки своему знаменитому скепсису, целью своих трудов подлинное познание мира, он искал его не среди тяжеловесных метафизических пирамид, не в лабиринтах силлогизмов и схолий и даже не в мистическом созерцании концентрических кругов Божественных эманаций, но в самой музыке магических сопряжений ивритской речи.

Впрочем, гладкость и кристальная безупречность речи тоже обманчивы. Осторожный рационализм доказательств соседствует в ней со стилистическими густками, пустотами и провалами смысла, против которых бессилён даже самый хитроумный комментарий. Смятение, иррациональность и неясность проступают в них с особой болезненной конкретностью. В его текстах почти за каждым словом внимательному уху открывается нечто вроде тяжелого дрожащего гула сфер. За стремлением к ясности, непротиворечивости и схоластической стройности проступает беспокойное шевеление хаоса; внутренняя талмудическая раздвоенность и подлинность глубины противоречия выливаются в принятие сознательной антинормичности бытия. Эта двойственность, сочетание иллюзорной прозрачности речи с неразрешимыми темнотами и крайностями иррационализма, еще долго будет оставаться одним из самых характерных признаков книг, написанных евреями как на иврите, так и на других языках. В XX веке они особенно и неизбежно узнаваемы.

Еще более интересна двусмысленность религиозных взглядов ибн Эзры. Его комментарии к Танаху (Библии), несмотря на ярко выраженный рационализм, каноничны. Те же комментарии через 500 лет после его смерти будут использованы Спинозой в «Богословско-политическом трактате» как скрытые, хотя вполне осознанные доказательства в пользу историчности Торы, ее религиозной неаутентичности и небожественного происхождения. Но даже если согласиться с этим толкованием комментариев ибн Эзры, подобная интерпретация не способна сделать его экзегетические тексты менее религиозными. Хотя трудно не заметить, что вера окрашена в особые, часто нехарактерные для его времени цвета. Утомительный и неизобретательный в метафизических построени-

ях и нравоучениях, ибн Эзра преобразуется в религиозных стихах: больше обращается, чем объясняет, больше сомневается, чем прославляет, больше требует, чем просит. Отсутствие пиетета компенсируется умеренностью, настойчивостью и подлинностью голоса. Похоже, что небеса — единственное место, где он чувствует себя дома.

Что касается прочих мест, то, проведя большую часть жизни в бродяжничестве (в путешествиях, скитаниях, бомжеваниях или странствиях — как кому нравится), ибн Эзра принимал свою бездомность со сдержанным равнодушием и, как ни странно, с удивительной ясностью и спокойствием духа. Его часто сравнивают с другим ибн Эзрой, Моше, старшим его современником, тоже поэтом и вечным изгнанником, полагая, кажется, что бездомность ибн Эзры была как бы предрешена фатальным совпадением имен. На самом же деле, аналогия достаточно неудачна. Рожденный в благополучной, изобильной, по-восточному чувственной и защищенной горами Гранаде, Моше был с юности разлучен с возлюбленной, что явилось причиной его вынужденных странствий. Он воспринимал их как трагическую случайность, разрушившую его жизнь, как чистую несправедливую единичных обстоятельств и личной судьбы. Этот ярко выраженный диссонанс между окружавшим его пышным южным счастьем и собственной печальной участью, в которой он увидел незаслуженную насмешку провидения, явился не только трагическим фоном, но и благодатной почвой для стихов. Он оставил чудесные образцы скорби и плача по несбывшейся жизни, неразделенной и не воплотившейся любви.

В отличие от него, Авраам ибн Эзра родился в Сарагосском эмирате, в Туделе, которая через 22 года после его рождения была захвачена христианами. Он пережил ужасы Реконкисты и, что важнее, неожиданный крах вечно-го, незыблемого, как казалось, миропорядка. Поэт предпочел видеть в своей бездомности чистую беспричинность, некую трагическую парадигму бытия, которая для него, в отличие от его предшественника, в значительной мере предмет свободного выбора. Уже поэтому он не допускал сочувствия к себе, сострадания своей судьбе. Был

ли этот свободный выбор бездомности единственно возможным или отражал некую экзистенциальную реальность, трагическую подоснову бытия, он, тем не менее, предполагал возможность иного существования. Этот вопрос, как мне кажется, ибн Эзра считал принципиально неразрешимым.

Возможно, у его бесконечных странствий по трем континентам действительно была какая-то причина, но, равнодушный к пафосу и чуждый поэтической позе, ибн Эзра не счел ее достойной упоминания, растворил среди строк, забыв либо стараясь забыть как одну из случайных подробностей своей жизни.

Бездомность, воспринимаемая ибн Эзрой как данность, без экзальтации, без трагического ореола, оставила след буквально на всем, что он писал. Привычность к страданиям он связывал со спокойствием духа и необходимостью быть правдивым. Отсюда берут начало его знаменитый скепсис и просветленная легкость стиля. Даже его Палестина — это не земная и материальная Палестина Иегуды Галеви, предмет тоски по Дому, реальная сухая земля, на которой будет восстановлено царство Израиля, конечная точка странствий, где возможна какая-то иная жизнь — для него и для всего народа. Для ибн Эзры это скорее религиозная и лингвистическая утопия, в силу своей сложности и утопичности глубоко личная и малодоступная, хотя связанная с реальной тысячами нитей.

С постоянными странствиями ибн Эзры и подчеркнуто личным характером его поэтического пространства связана еще одна особенность его книг: болезненное ощущение индивидуального начала, хрупкости и переходности мира, воспринимаемых им обычно (хотя — не всегда!) без трагической экзальтации. «Поэту», «Философу» или кому бы то ни было с большой буквы ибн Эзра противопоставляет принципиальную приватность существования и постоянное осознание переходности существующего. Вечным истинам — единичность переживаний, неповторимость описаний. Непрерывному всеведущему религиозному экстазу — внимательное, скептическое, хотя несколько грустное, созерцание вещей. Но и вещам он чужд. В его стихах нет места плотной и густой ма-

териальности мира, как у Иегуды Галеви, внимательный и пристальный взгляд, задерживаясь на окружающих вещах, постоянно соскальзывает, повисая в разреженном воздухе горных сфер. Легко заметить, что, разглядывая вещи, он стремится ощутить их в мгновенной истинности, что, по всей вероятности, его целью является что-то вроде демифологизации. Разрушается коллективный миф ради неповторимости и частности единичного существования и конкретного восприятия, которые, в противовес собирательным формам, предстают в стихах как единственно подлинными.

Но и в этом смысле поэзия ибн Эзры более двусмысленна, чем может показаться на первый взгляд. Его внутренняя чуждость вещам преграждает путь его же внимательному взгляду, их однообразие мешает сосредоточению, создавая странное ощущение то ли полунеясности образов, то ли принципиальной непознаваемости. От человека, посетившего полмира, обычно ждут красочных географических набросков или метких психологических наблюдений. Хотя при чтении ибн Эзры подобные ожидания иногда сбываются, но над психологическими зарисовками, яркими экзотическими красками, мгновенной несхожестью этюдов витает странная атмосфера повторяемости — черные и белые лица, кресты и полумесяцы сливаются в единый расплывчатый колышющийся круг, а унаследованный поэтом от предшественников арабский поэтический канон превращается из условности в трагическую констатацию повторяемости опыта. Странные лица в его стихах — как изображения на египетских рельефах: они различаются лишь в рамках вариаций канона. Столь важная для него приватность и индивидуальность опыта ограничена. Сознывая это, ибн Эзра пытается убедить нас в бесконечности богатств, сокрытых в глубинах литературной традиции, которую он считает подлинной, — после своего опыта о человеческой природе. Это фанатичное стремление к объективности неизбежно делает стихи сложными — тем более сложными, что их сложность существует вопреки прозрачной природе слога.

Более того: двусмысленность заложена в сути его намерений. Внимание

к единичным воплощениям канона требует повышенной чувствительности к полутонам, а принципиальное отсутствие пафоса означает безнадежность, невозможность их акцентирования.

Пытаясь найти мыслительные и поэтические формы для своего обостренного внимания к человеческому существованию (сочетающемуся для него с неизбежным одиночеством), ибн Эзра ставит впереди всего проблему притяжения и отталкивания мира, корысти или бескорыстия (пользуясь современным языком, «проблему внутренней свободы»). Он сделал ее не только центральной в своем творчестве, но и безнадежно неразрешимой. В отличие, скажем, от ибн Габироля, для него дистанция, разделяющая небо и землю, бесконечна и непреодолима. Сомнительное и двусмысленное решение, предлагаемое им, можно назвать «высшим бескорытием». Ибн Эзра принимает мир в безличной материальной и плоской конкретности, выхватывая его осколки прозрачным рассеянным взглядом. Для него нет ничего более постоянного, чем ощущение

быстротечности существования и неизбежной гибели, будущее же — воистину ненавистная часть триады времени. Нельзя не поражаться тому чудовищному самомнению, с которым он настаивает на возможности подобного бескорыстия и доказывает свою гипотетическую свободу от будущего.

Эта странная вера пронизывает его книги во всем их бесконечном разнообразии: религиозную и светскую поэзию, гимны, молитвы, похоронные песни, философские и астрономические трактаты, грамматики и комментарии. В сочетании с подчеркнутой приватностью существования и безупречным вкусом, изяществом речи и болезненным пристрастием к языку, сознательным одиночеством и обостренным вниманием к гулу небесных сфер, столь осязаемым в стихах, эта вера делает ибн Эзру первым европейцем в еще не существующей Европе — в том смысле термина, в каком мы привыкли считать себя европейцами Нового времени.

И что не менее важно — она делает его первым европейским евреем.

Лев УТЕВСКИЙ (Израиль)

ТОРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

Попытка понимания арабо-израильского конфликта в рамках книги Второзаконие

Я верю, что Тора помогает нам оценивать серьезные проблемы нашего времени с точки зрения тех вневременных задач, которые Господь поставил перед нашим народом. Считаю необходимым сразу же оговориться, что Тора не только открыта для толкований, но, в сущности, беззащитна перед ними. Соответственно, мое понимание — это лишь еще одна попытка понять проблемы современности с помощью Торы.

Я попытался рассмотреть наш конфликт с палестинскими арабами, основываясь на словах Бога, обращенных к народу Израиля: «*Они досаждали Мне не богом, гневили Меня суетами своими; и Я досажу им не народом, народом-извергом гневить их буду*» (Втор., 32:21).

Комментаторы (РАШИ, РАМБАН, Хизкуни, Сфорно) для объяснения понятия «*не народ, народ-изверг*» привлекают следующие слова пророка Исайи: «*Вот земля Касдим, народа, которого (прежде) не было...*» (Исайя, 23:13).

Традиция комментирования рассматривает слова Библии (ТаНаХ) как применимые на все времена, а не только для какой-то одной конкретной ситуации. Соответственно, комментарии предлагают большой выбор кандидатов на роль вышеупомянутого «*не народа, народа-изверга*»: от наших собственных еретиков до таких строителей империй, как вавилоняне или римляне — так что в этом применении терминов к палестинским арабам нет ничего, что могло бы оскорбить их. С другой стороны, к ним несомненно применимы слова «*народ, которого (прежде) не было*», как, впрочем, и к так хорошо знакомому нам понятию «*новая национальная общность — советский народ*».

Есть еще один важный аспект. Понятие народа несомненно предполагает понятие народной ответственности. Традиционное еврейское понимание народной ответственности выражено словами «*... Я Господь Бог твой, Бог-ревнитель, карающий за вину отцов де-*

тей до третьего и четвертого поколения, тех, которые ненавидят Меня...» (Исход, 20:5), объясняемыми как наказание тем поколениям, которые повторяют грехи отцов. В этом плане палестинские арабы (или те вожди, за которыми они шли) занимают одно из первых мест, упорно выбирая на протяжении их недолгой истории именно те решения, которые навлекали на них наибольшие несчастья. События последнего года позволяют предположить, что вожди палестинских арабов в своей стратегии исходили не из соображений блага своего народа, а из страха перед независимостью, о которой они так долго и так громко кричали. Они вдруг осознали, что им угрожает резкое снижение статуса: от роли героев-вождей, знамен борьбы народа за независимость — до роли чиновников в очень проблематичном государстве. Эта новая роль предполагает тяжелую работу и еще более тяжелую ответственность перед нищим народом, который все более и более начинает понимать коррумпированность вождей. В то же время активное меньшинство этого народа все еще готово убивать нас и быть убитыми в нелепой надежде, что мы испугаемся и отдадим все, что они требуют. Что же касается молчаливого большинства, то оно ведет себя так же, как и у других народов, т.е. молчит.

То, что именно этот народ был избран Господом в качестве орудия нашего наказания, приводит к целому ряду выводов. Мы обязаны понять, за что Господь наказывает нас и почему именно палестинцами.

Думаю, что прежде всего за нашу неспособность найти решения наших внутренних межэтнических, религиозных и социальных конфликтов, за сочетание национального чванства и забвения нашей истории и наших традиций. За дерзкую уверенность в том, что именно нашему поколению со всеми его пороками подобает честь унаследовать всю Землю Изра-

ия. За то, что мы превратили эту самую «всю Землю Израиля» в некий заменитель Бога, т. е. создали того самого «не бога», о котором говорится во Второзаконии, 32:21.

Искупление этих грехов перед Богом (а не перед той или иной группой людей) — наша главная задача на обозримое будущее. Это долгий и трудный процесс поиска места каждого из нас в нашей стране и нашего народа в мире, это — освоение гигантского фонда еврейских духовных ценностей, это — развитие — если не уважения, то хотя бы желания — понять тех, кто думает и чувствует не так, как мы.

Почему именно палестинцы были выбраны орудием нашего наказания? Может быть, потому, что их национализм взял все худшее из нашего сионизма — не случайно Абу Мазен делал свою диссертацию по сионизму — может быть, за наше презрение к палестинским арабам, выразившееся в уверенности, что наши подачики обеспечат их лояльность.

Соглашения, заключенные в Осло, — запоздалая попытка раскаяния. Те, кто вопят об ошибочности и даже преступности этих соглашений, стыдливо забывают о том, что первая Интифада началась задолго до них, что наша власть на оккупированных территориях была иллюзорной, что террор нарастал, что использование армии в качестве жандармерии не могло не вести к утрате ею квалификации и даже к деморализации и т.п.

Барак в пору своего премьерства попытался форсировать выполнение этого соглашения и потерял власть под напором требований: «Шарон принесет мир!» и «Дайте армии победить!» Теперь Шарон, в сущности, продолжает политику Барака, проявляя тем самым ответственность настоящего государственного деятеля и большое гражданское мужество — и да поможет ему Господь.

Из Библии и из истории мы знаем, что Господь обычно сам наказывает тех, кто были избраны (за их грехи, а не за их добродетели) орудием наказания народа Израиля — по крайней мере в тех случаях, когда орудием наказания Израиля избирался «не-народ».

Об обязанности принятия мер, необходимых для того, чтобы не оказаться орудием наказания даже для отдельно-

го грешника, особенно наглядно говорится в комментариях на стих Второзакония: «*Когда будешь строить дом новый, то сделай перила к кровле твоей, чтобы не навести тебе крови на дом твой, если упадет кто-нибудь с него*». РАШИ обращает внимание на слова оригинального текста *ки-иполь ха-нофель...* (упадет) и предлагает следующее объяснение: «тот, кому суждено упасть (в наказание за какое-то преступление, которое он совершил), упадет, и, тем не менее, не следует тебе оказываться орудием его смерти, так как воздаяние за добро осуществляется через добрых людей, а воздаяние за зло — через злых...»

Соответственно, мы не можем надеяться на уничтожение нашими руками орудия наказания за наши грехи (в данном случае — палестинских арабов) при сохранении и усугублении этих грехов.

Мы имеем право и мы обязаны перед Богом защищать себя, вплоть до уничтожения наших врагов; но мы не можем позволить себе убивать любого палестинского араба — даже если их террористы готовы убивать любого еврея. Один молодой человек рассказывал, как во время войны в Ливане его часть столкнулась с интенсивным огнем палестинцев, прячущихся за спинами женщин. Командир запросил начальство: «Допустимо ли не различать мясо и молоко?» и получил ответ «Нет». Пришлось залечь и ждать, пока не прилетел вертолет со снайпером, выборочно отстрелившим тех, кто вел огонь. Эта чудовищно трудная тактика не всегда возможна, но всегда желательна, и не из-за туманного понятия общечеловеческой гуманности, а как выполнение миссии, возложенной на нас Богом.

Эта миссия яснее всего представлена в рассказе о поединке нашего праотца Яакова с неким неизвестным.

«И остался Яаков один. И боролся человек с ним до восхода зари. И увидел, что не одолевает его, и коснулся сустава бедра его, и вывихнулся сустав бедра Яакова, когда он боролся с ним. И сказал: отпусти меня, ибо взошла заря. Но он сказал: не отпущу тебя, пока не благословишь меня. И сказал тот ему: как имя твое? И сказал: не Яаков отныне имя тебе будет, а Исраэль, ибо ты боролся с ангелом и с людьми, и по-

бедил... *И благословил он его там*» (Бытие, 32:25-30).

В *Брэйшит Раба* (77:3, мидраш-толкование на книгу Бытие) предлагается следующий комментарий: «Сказал р. Хама бар Ханина: это был ангел-хранитель Эсава, так как сказано (Яковом Эсаву): «... я увидел лицо твое, как увидел лицо ангела, и ты был благосклонен ко мне» (Бытие, 33:10).

В еврейской традиции Эсав — символ нееврейского мира, противостоящего евреям: от Римской Империи до современного западного, считающего себя духовным наследником древнего Рима.

Яков становится Израилем, только вырвав благословение от Эсава в результате длительной и тяжелой борьбы и даже ценой увечья. Так и мы обязаны добиваться весьма неохотного благословения у других народов в тяжелой, неравной (и с их стороны часто нечестной) борьбе. Сейчас это называется пропагандистская война. Мы обязаны вести ее не только и не столько ради экономических и политических благ, сколько потому, что эта тяжелая миссия возложена на нас Богом. Без выполнения этой миссии неосуществимы пророчества, обращенные Богом к народу Израиля:

«...и благословятся в тебе и в потомстве твоём все племена земные» (Бытие, 28:14); «...и сделаю тебя народом завета, светом народов, чтобы открыть глаза слепые...» (Исайя, 42:6-7).

Что будет?

Я не разделяю любимого кошмара (или любимой страшилки) наших ультра-правых о гибели государства Израиль под ударами какого-то мусульманского союза или в результате выдуманной теми же ультра-правыми готовности левых принять толпы палестинских беженцев. Два сценария дальнейшего развития событий представляются мне наиболее вероятными.

Первый: наш народ, устав от постоянного напряжения быть мишенью для палестинских террористов, толкает правительство на такие действия, которые приведут к серьезным военным столкновениям уже не только с палестинцами, а с Египтом, Иорданией, Сирией и неизвестно с кем еще. Надеюсь, что и в этом случае мы победим. Естественно, за победу придется заплатить многими человеческими жизнями.

Как же будет выглядеть эта победа?

Новая оккупация тех же Газы и Шхема, новая интифада в условиях враждебности мирового сообщества — вплоть до экономического бойкота, имеющего достаточно хорошие шансы разрушить нашу экономику, и в конечном счете — вынужденное повторение того пути, который мы уже прошли, если не что-то еще более болезненное.

Второй сценарий предполагает долгие и тяжелые переговоры в условиях той войны на истощение, которая уже идет. Они завершатся созданием независимого палестинского государства. Это государство может стать началом превращения палестинских арабов из *не-народа* в народ, отвечающий за свои действия и решающий свои проблемы, а не предающийся психопатическим мечтам о нашем уничтожении. Еврейская традиция показывает, что и такое возможно, приводя примеры тех потомков врагов Израиля, которые стали благочестивыми евреями: р. Акива (потомок Сисры), Шемайа и Авталион (потомки Санхериба) и даже сыны сынов Амана, изучающие Тору в Бней Браке (Вавилонский Талмуд: Гитин 57 бет; Санхедрин 96 бет). Если же палестинские арабы не используют этот шанс, — их ждет судьба других *не-народов*, служивших орудием Божьего наказания и гордившихся этим (ассирийцев, вавилонян, римлян): национальное унижение, рассеяние и поглощение другими.

Что же касается нас, то наша обязанность перед Богом — искать пути к миру и стремиться к нему даже тогда, когда Господь разрешает нам воевать.

Корни этого подхода — опять-таки в Торе, и наглядный пример — предыстория войны с Сихоном. Она начинается с четких и недвусмысленных указаний Господа, который запрещает евреям захват земель сынов Эдома, Моава и Аммона, но приказывает завоевать царство Сихона: «... смотри, Я предаю в руку твою Сихона, царя Хешбонского, зморья и землю его: начиная завладевать ею, затеяв с ним войну» (Втор., 2:24).

Что же делает Моше, получивший эти четкие указания свыше? Он сам рассказывает об этом так: «И послал я послов к Сихону, царю Хешбонскому, со словами мира, чтобы сказать: Дай мне пройти через землю твою; только по до-

роге пойду я, не сверну ни вправо, ни влево; Пищу за серебро продавать будешь мне, и я буду есть, и воду за серебро дашь мне, и я буду пить, только ногами моими пройду я...» (Втор., 2:26-28).

Сихон отверг мирные предложения Моше и вышел на войну с Израилем. В результате этой войны он и его народ были уничтожены, а их земля была завоевана Израилем. Однако, мирные предложения Моше при наличии указания Бога воевать заслужили специальных разъяснений еврейских комментаторов.

Нехама Лейбович приводит следующие слова дона Ицхака Абраванеля, который был не только блестящим комментатором Танаха, но и выдающимся политическим деятелем своего времени: «А если бы Сихон согласился — Моше не стал бы воевать с ним? Это было бы преступным нарушением слова Божьего. А если бы Моше, несмотря на свое мирное заявление, начал войну, — это несомненно было бы нарушением слова...». И далее, один из возможных ответов можно найти в Мидраш Танхума:

«Уклоняйся от зла и делай добро, ищи мира и стремись к нему» (Псалмы, 34:15). Тора не требует от нас искать выполнения мицвот. Напротив того: *«Если попадетя тебе птичье гнездо...»* (Втор., 22:6); *«Если застанешь быка врага...»* (Исход, 23:4); *«Когда будешь жать на поле твоём и забудешь сноп на поле... для пришельца, сироты и вдовы да будет он...»*

(Втор., 24:19). Во всех этих случаях, если возможность выполнить мицвот оказывается на твоём пути, — ты обязан их выполнить. Однако ты не обязан искать их. Относительно мира ситуация другая: *«ищи мира»* — на твоём собственном месте; *«стремись к нему»* — в другом месте. Так и поступил Израиль, хотя Святой, да будет Он Благословен, сказал ему: *«...начинай завладевать ею, затеяв с ним войну»*; они искали мира, ибо сказано: *«И послал я послов к Сихону... со словами мира...»* (Nehama Leibowitz «Studies in Devarim (Deuteronomy)», pp. 30-31, Jerusalem 5740/1980).

Так еврейская традиция обязывает нас добиваться мира даже тогда, когда мы имеем право начать войну.

Особое отношение к миру проявилось и в обещании благословения и проклятия Господа на войны Израиля.

Благословение обещано за соблюдение Завета, а проклятие — за его нарушение. Но при этом благословение связано с оборонительной, а проклятие — с наступательной войной.

«Поразит пред тобою Господь врагов твоих, восстающих против тебя; путем одним они выступят против тебя, а семью путями побегут от тебя» (Втор., 28:7).

«Предаст тебя Господь на поражение врагам твоим; путем одним выступишь ты против них, и семью путями победишь от них, и станешь ты ужасом для всех царств земли» (Втор., 28:25).

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Лариса МИЛЛЕР

СТИХИ

* * *

Что ж. Пой и радуйся дарам
Своей долины плодородной.
Да только жизнь осталась там,
Где был ты тварью инородной.
Да только жизнь осталась там,
Среди шатров и пыльных скиний,
Где выпадал по временам
Небесной манны сладкий иней,
Где пепла горсть, где близких прах,
Где нет ни молока, ни мёда -
В навек покинутых краях,
На горестных путях исхода.

1972

* * *

Господи, не дай мне жить, взирая вчуже,
Как чужие листья чуждым ветром кружит;
Господи, оставь мне весны мои, зимы -
Все, что мною с детства познано и зримо;
Зори и закаты, звуки те, что слышу;
Не влеки меня ты под чужую крышу;
Не лиши возможности из родимых окон
Наблюдать за облаком на небе далеком.

1973

* * *

Дiasпора. Рассеянье.
Чужого ветра веянье.
На чуждой тверди трещина.
Чьим богом нам завещано
Своими делать нуждами
Дела народа чуждого
И жить у человечества
В гостях, забыв отечество?
Мне речки эти сонные
Роднее, чем исконные.
И коль живу обидами,
То не земли Давидовой.
Ростовские. Тулонские.
Мы толпы Вавилонские,
Чужие, многоязыкие,
Давно разноязыкие.
И нет конца кружению.
И лишь уничтожение
Сводило нас в единую
Полоску дыма длинную.
Но вечно ветра веянье
И всех дымов рассеянье.

1976

* * *

Но в хаосе надо за что-то держаться,
 А пальцы устали и могут разжаться.
 Держаться бы надо за вежи земные,
 Которых не смыли дожди проливные,
 За ежесекундный простой распорядок
 С настольною лампой над кипой тетрадок,
 С часами на стенке, поющими звонко,
 За старое фото и руку ребенка.

1989

* * *

Нельзя так серьезно к себе относиться.
 Себя изводить и с собою носиться,
 С собою вести нескончаемый бой
 И в оба глядеть за постылым собой,
 Почти задохнувшись, как Рим при Нероне.
 Забыть бы себя, как багаж на перроне.
 Забыть, потерять на огромной земле
 В сплошном многолюдье, в тумане, во мгле.
 Легко, невзначай обронить, как монету:
 Вот был и не стало. Маячил и нету.

1990

* * *

Опять минуты роковые.
 Опять всей тяжестью на вые
 Стоит История сама
 И сводит смертного с ума,
 И гнет деревья вековые.
 И снова некогда дышать
 И надо срочно поспешать
 В необходимом направлении,
 Осуществляя становленье
 И помогая разрушать.
 А что до жизни до самой -
 То до нее ли, милый мой?
 И думать не моги об этом:
 Мятеж весной, реформы - летом,
 И перевыборы зимой.

1993

* * *

Надоел ты, человек, нету сил.
 Ну зачем ты плод запретный надкусил?
 Потерял ты в результате райский сад
 И навек тебе заказан путь назад.
 Надоел ты, человек, надоел.
 Ты, должно быть, плод запретный не доел,
 Ты, наверно, до конца не догрешил, -
 Оттого тебя Господь не порешил.
 Лишь обрек на тягомотный путь земной.
 Сам ты всем своим превратностям виной,
 И живешь, все время Бога теребя
 И упрашивая выслушать тебя.

1993

* * *

Кнutom и пряником. Кнutom
И сладким пряником потом.
Кнutom и сдобною ватрушкой...
А ежели кнutom и сушкой,
Кнutom и корочкой сухой?
Но вариант совсем плохой,
Когда судьба по твари кроткой -
Кнutom и плеткой, плеткой, плеткой.

1994

* * *

А между тем, а между тем,
А между воспаленных тем
И жарких слов о том, об этом
Струится свет. И вечным светом
Озарены и ты и я,
Пропитанные злобой дня.

* * *

Откуда ты?
Как все - из мамы,
Из темноты, из старой драмы,
Из счастья пополам с бедой,
Из анекдота с бородой.
Ну а куда?
Туда куда-то,
Где все свежо: цветы и дата,
И снег, и елка в Новый год,
И кровь, и боль, и анекдот.

1996

* * *

Всё вполне выносимо, но в общих чертах,
А в деталях... постылые эти детали!
Не от них ли мы так безнадежно устали,
И особенно те, кто сегодня в летах.
Эти ритмы попсовые над головой,
Эта дрель за стеной, что проникла в печёнки,
Уголовного вида хозяин лавчонки,
Одинокой собаки полуночный вой,
Этот ключ, что, хоть тресни, не лезет в замок,
Полутёмный подъезд и оружие краны,
Тараканы и мыши, и вновь тараканы,
В жаркой схватке с которыми всяк изнемог.
Бог деталей, я всё же не смею роптать.
Толи Ты мне шепнул, то ли выскочка-дьявол,
Что на тех, кто в мирском этом хаосе плавал
И тонул, - лишь на них снизойдёт Благодать.

* * *

Когда сгину, Господи, когда сгину,
На кого покину я ту осину,
На ветру дрожащую, эти тропы,
Эти дни, скользкие, как синкопы,
На кого покину я птичью стаю,
Три сосны, в которых всегда блуждаю,
Эту золотистую листьев пену...
Подыщи же, Господи, мне замену.

1999

* * *

Хоть бы памятку дали какую-то, что ли,
Научили бы, как принимать
Эту горькую жизнь и как в случае боли
Эту боль побыстрее снимать.
Хоть бы дали инструкцию, как обращаться
С этой жизнью, как справиться с ней -
Беспощадной и нежной - и как с ней прощаться
На исходе отпущенных дней.

1999

* * *

Манна с неба, манна, манна...
До чего же негуманно
Так обманывать людей,
Обещая им туманно
Манну с неба: «На, владей!»
То не манна - просто манка,
Просто жалкая приманка,
На которую клюём,
Чуда бледная изнанка...
Но взгляни на окоём:
Облака на небосклоне,
Стая птиц на дивном фоне
Ослепительных небес,
К коим тянутся ладони
В ожидании чудес.

2000

ИЗРАИЛЬСКИЕ ПИСАТЕЛИ ОБ ИЗРАИЛЕ И ИЗРАИЛЬТЯНАХ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

*...Из уст определенной части русской алии
можно услышать: «Нет культуры в Израиле!»
Сразу всех успокою. Культура в Израиле есть.
Культура сильная, весьма сильная.*

А.Б. Ехошуа

Современная израильская литература на иврите — это динамично развивающийся уникальный идейно-художественный процесс. Одновременно это составная часть новой ивритской литературы, становление которой началось в конце XIX века в силу двух основных социально-исторических предпосылок: рождения национальной идеологии — сионизма и возрождения национального языка — иврита. Наконец, израильская литература сегодня — это неотъемлемая и полноправная составляющая мирового литературного процесса, часть все более заметная, интересующая все более широкие круги читателей в мире, — и в силу этого неуклонно растет число языков, на которые переводятся произведения израильских писателей.

Ивритская литература сегодня — яркое и разнообразное по темам и художественно-стилистическим приемам творческое явление. Это вызвано целым рядом объективных обстоятельств.

Во-первых, к удовольствию читателей всех возрастов и жанровых пристрастий, в наши дни плодотворно работают три поколения мастеров слова. Продолжают творить патриархи, уже именуемые классиками новой ивритской литературы — Самех Изхар (род. в 1916 г.), Моше Шамир (род. в 1921 г.), Хаим Гури (род. в 1923 г.), Ханох Бартош (род. в 1926 г.), — профессиональный авторитет и высокий художественный стиль которых глубоко почитаемы. Именно они еще в 40 — 50-е годы возглавили группу литераторов, ставшую известной как «Поколение Палмах» (Палмах — наиболее эффективные вооруженные отряды еврейской общины в Палестине).

В середине 60-х годов к ним добавилось несколько молодых прозаиков — представителей «Новой волны», вскоре также ставших гордостью израильской словесности на иврите. Это Аарон Аппельфельд, Ицхак Авербух-Орпаз, А. Б. Ехошуа, Йорам Канюк, Амалия Кахана-Кармон, Амос Оз. Тогда же заявила о себе группа одаренных поэтов («Молодая поэзия»), многие из которых творчески энергичны и сегодня. Наиболее известны из них Ехуда Амихай (скончавшийся в 2000 г.), Натан Зах, Далия Равикович и некоторые другие.

Наконец, в 80 — 90-е годы в поток современной израильской литературы влились молодые, а сегодня уже популярные, широко издаваемые и переводимые на многие языки Меир Шалев, Давид Гроссман, Батья Гур, Орли Кастель-Блюм, Этгар Керет, Ехудит Кацир и Ирит Линор. Такова расстановка сил.

Во-вторых, в завершившемся столетии новая ивритская литература овладела, а также в той или иной форме и степени впитала практически весь спектр литературно-художественных жанров, стилей и приемов классической русской, а также других лучших литератур мира — французской, немецкой, английской, американской. Сложно назвать кого-либо из известных в мире идейно-духовных властителей умов, кто бы не нашел своих последователей или оппонентов в новой ивритской словесности.

В-третьих, современная ивритская литература уникальна в силу своей этнической цветистости — насыщенности темами, идеями, образами и проблемами многих других литератур мира, поскольку в Израиль приезжали и становились его гражданами, а также творцами литературного процесса многие еврейские литераторы почти из 80 стран мира. Эту ситуацию точно охарактеризовал современный израильский писатель и литературовед Ефрем Баух: «Как некогда вышедшие

из Египта евреи танцевали вокруг золотого тельца, так в последнее десятилетие литературные критики в Израиле ожесточенно полемизируют по поводу слова «побег»: чем является современная ивритская литература — побегом от своих корней или побегами единого корня, беством или бегом в единой упряжке?»

В-четвертых, в-пятых... Анализ и характеристику современного литературного процесса в Израиле можно продолжить, но не в этом задача данного очерка. Переводчик и составитель предлагаемой подборки рассказов поставил перед собой цель показать Израиль и израильтян такими, какими их видят современники — израильские писатели. Это был единственный и принципиальный критерий при отборе рассказов для перевода из десятка сборников, опубликованных в Израиле в последние годы. Хронологически период, охватываемый в рассказах, достаточно велик — от начала 50-х годов до осени 2000 г., то есть — почти вся пока короткая, но необыкновенно динамичная и драматическая новая история Государства Израиль.

Читателю предстоит познакомиться с образцами творчества нескольких известных израильских прозаиков — Эфраима Кишона, Йосла Бириштейна, Этгара Керета, Асафа Гаврона и Меира Шалева. Промежуточное положение между «ветеранами» списка (Бириштейн родился в 1920 г., Кишон — в 1924 г.) занимает один из самых популярных сегодня в Израиле прозаиков Меир Шалев (род. в 1948 г.), автор уже нескольких романов, неизбежно расходящихся очень большими для Израйля тиражами. Разнообразны тематические и стилевые пристрастия указанных прозаиков.

Приверженцем психологического реализма является Й. Бириштейн. Книги Шалева написаны прекрасным и богатым литературным ивритом, а в жанрово-стилевом плане прозаик исповедует неторопливую и раздумчивую манеру изложения, как правило, конкретно привязанную к конкретным месту и периоду описываемых событий.

Группу молодых в данной подборке возглавляет Этгар Керет (род. в 1967 г.), несомненно, самый одаренный и наиболее читаемый кумир израильской молодежи. Керет, Кастель-Блюм и отецности Гаврон представляют в современной ивритской прозе стилевое направление, которое литературоведы называют постмодернистским абсурдизмом. На самом деле все очень просто: литераторы иногда используют гиперболизированные, абсурдные, а то и фантастические средства для описания самых обыденных, порой сугубо прозаических и банальных жизненных ситуаций. (Сразу отметим, что данная общая характеристика может не касаться конкретных рассказов, предлагаемых ниже.) Керет обладает удивительной способностью в произведении самой малой формы поднять острую жизненную проблему, а также отличается собственным художественно-лексическим стилем. Автор уже трех сборников рассказов, ставших бестселлерами, Керет потенциально имеет возможности вырасти в серьезно литератора национального уровня. Его юмор — особый, он — последняя надежда, душевная гавань для обиженных, отвергнутых и рефлексирующих.

Современный израильский короткий рассказ порой являет собой яркий, буквально кинематографически объемный клип. Это повседневный язык, на котором говорит сегодня израильская молодежь. Он отличается целым рядом отступлений от нормативной грамматики, обилием англицизмов и арабизмов, присутствием армейского сленга, аббревиатур...

Публикуемые рассказы могут быть интересны российскому читателю в силу целого ряда причин. Во-первых, при кажущейся легкости и даже поверхностности они глубоки и содержательны. При внимательном чтении начинает «играть» вся система деталей и намеков, которая присутствует практически в каждом рассказе, каким бы коротким он ни был. Во-вторых, эти небольшие произведения охватывают широкий спектр тем современного Израйля: любовь («Пассивный и напряженная»), поиски смысла жизни и счастья («Мой брат в тоске»), повседневная жизнь во всем спектре как трагических, так и юмористических проявлений («Партиачия, любовь моя» Кишона и «Как я задавил павлина Давида Леви» М. Шалева). И в-третьих, известно, что настоящая литература не знает ни границ, ни национальностей, и это в полной мере относится к лучшим образцам современной израильской прозы. Еще в 70 — 80-е годы, поднявшись над уровнем мононациональности, она стала достоянием заинтересованных читателей во многих странах мира. Сборники рассказов израильских писателей постоянно издаются в различных странах мира на многих языках. Таким образом, подтверждаются приведенные в эпитафии к этому очерку слова одного из ведущих сегодня израильских прозаиков А.Б.

Ехошуа о том, что литература сегодняшнего Израиля представляет собой очень разнообразное, интересное и глубокое идейно-художественное явление, важнейшую составную часть культуры народа.

Что же касается некоего имеющего место снобизма значительной части «олим» из России, выражающегося в скептическом отношении к ивритской литературе и культуре, то, к сожалению, это вполне очевидная проблема самих этих новых израильтян. Большинство гордых носителей культуры Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, приехав на постоянное жительство в Израиль уже в зрелом возрасте, не может овладеть ивритом настолько, чтобы свободно читать в оригинале художественные произведения израильских литераторов. Поэтому совершенно прав тот же А.Б. Ехошуа, когда говорит, обращаясь к своим новым согражданам: «Иврит очень важен. И не только для писателя или актера. Любому необходим иврит, ибо тогда он сможет читать книгу, общаться с коллегами. Только так он ощутит свою сопричастность, свою вовлеченность, свою связь с Израилем».

А для нас, россиян всех национальностей, израильская литература сегодня — это огромное мозаичное полотно, составленное из сотен и сотен разноцветных сложных составляющих — этнических, возрастных, географических, культурных, языковых, модных и архаичных, религиозных и светских (этот перечень можно продолжать еще и еще). Но есть одно, что скрепляет это обилие разного в единое целое — это литература еврейского народа.

Любите израильскую книгу, перефразируя советского классика, скажу я вам, тогда вы поймете, почему у этого народа такая драматическая и гордая судьба, почему эта маленькая страна десятилетиями занимает центральное место в международных новостях и что же, наконец, такое — загадочная еврейская душа, да еще на еврейской земле и в еврейском государстве...

Александр КРЮКОВ,
профессор Еврейского университета в Москве

Эфраим КИШОН

ПОД ДАВЛЕНИЕМ ОБЩЕСТВЕННОСТИ

Жил да был некогда один министр, который как-то раз совершил некий глупый поступок, впрочем, как обычно. Хотя этот поступок особенно и не выделялся из того, что происходило ежедневно, общественное мнение все же отреагировало на него остро и потребовало отставки министра. Тот сразу все сообразил и тут же обратился к премьер-министру с просьбой направить его в служебную командировку в США «по состоянию здоровья».

Министр провел в Америке пару месяцев и вернулся, но общественность его почему-то не забыла. Газеты пошли на него в лобовую атаку и побуждали уйти в отставку. Публикации в прессе немало льстили министру, он даже дал указание своим секретарям каждое утро вырезать из газет все статьи, где упоминалось его имя. Противники министра проводили демонстрации напротив его министерства, в ходе которых громко скандировали:

*В отставку, ради Бога, уходи!
Драгоценное здоровье сбереги!*

Министр уступил воле народа и, действительно, позаботился о своем здоровье — заткнул уши ватой и вообще перестал что-либо слышать.

После всего этого поднялась молодежь и организовала факельное шествие возле дома, где проживал министр, и кто-то написал огромными буквами на стене его дома: «Послушай, может, ты, наконец, уйдешь к чертям собачьим?» Тогда министр переехал жить в гостиницу.

Затем руководство всех профсоюзов страны собралось на массовый съезд, на котором было принято очень серьезное постановление: объявить всеобщую забастовку с требованием отставки министра. Сразу после этого встал общественный транспорт, прекратили функционировать службы электро- и водоснабжения, остановилось производство льда и выпуск мороженого. В течение семи дней жизнь в стране была полностью парализована, и положение стало просто невыносимым. Все почувствовали, что наступил решающий момент противостояния между министром и общественностью...

Так и случилось. На восьмой день общественность подала в отставку.

ВОЛШЕБНАЯ СИЛА СЛОВА

Где-то прочитав, что власти в полной растерянности перед стремительно растущим количеством дорожно-транспортных происшествий в Тель-Авиве — втором по величине городе Израиля, — я решил выявить причины этого явления.

Прежде всего, внимательно читателю следует знать, что в среде водителей в нашей стране существует неписанный закон, который именуется «Закон об обязательном выкрике «Осел!»». То есть всегда и обязательно нужно кричать «Осел!» коллеге-водителю. Это у нас традиция, вроде неперемennого «Мазл тов!» на свадьбах. Шофер, который не исполняет оскорбление «Осел!» при каждом удобном случае, — это не профессионал, а опасный на дороге любитель, у которого следует отобрать водительские права, или же это турист, или просто псих.

Я, например, прекрасно знаю, что положено выполнять. Вот еду я на своем мотоцикле, и, скажем, вдруг грузовик пронесется совсем рядом с моим локтем... Я обычно немного привстаю на сидении и издаю неперемennое «Осел!» Как правило, в ответ на мое «Осел!» я слышу аналогичное, и мы едем себе дальше, ненавидя друг друга лютой ненавистью. Однако изредка случается, что мой оппонент останавливается, выходит из машины и подходит ко мне:

— Водить научись, псих ненормальный! На это я, не теряя душевного равно-

весия, с достоинством отвечаю:

— Сам научись, а-идийот! («А-идийот» здесь очень подходит, по-моему мнению, поскольку звучит почти как «идиот», однако не так оскорбительно, а?)

Так все это шло до настоящего времени. И вот недели две назад со мной произошел фантастический случай. Я подъезжал на своем «докторе» к перекрестку и сделал левый поворот, не вытянув заблаговременно, как это положено, левую руку в сторону. Тут же раздался пронзительный скрежет тормозов, и огромный грузовик остановился буквально перед моим носом...

Сначала все было как обычно: «Осел!» — заорал на меня вылезший из кабины шофер. И тут я — черт знает, что со мной вдруг произошло?! — вопреки собственной воле обратился к нему с совершенно немислимым:

— Вы правы: я совершенно забыл обозначить маневр рукой...

Водитель грузовика вздрогнул всем телом, словно от удара хлыстом по лицу, сделался белый как мел, вернулся в свою кабину и, не издав ни звука, тронулся. А поскольку он поехал в этом немом молчании, то через несколько метров выехал на тротуар и задавил собаку.

С тех пор я пользуюсь этим чудесным оружием. Теперь, когда из соседней машины мне кричат: «Осел! У тебя что, глаз нет?», я немедленно отвечаю: «Извините, вы совершенно правы». Тем самым я привожу всех в полную растерянность... Таким образом, вот она — причина роста дорожно-транспортных происшествий в нашем городе.

ПАРТАЧИЯ, ЛЮБОВЬ МОЯ

На восточном побережье Средиземного моря, в районе кинотеатра «Мограби» (популярный в 60-70-е годы кинотеатр, находившийся недалеко от моря в южной части Тель-Авива — прим. перев.), расположена маленькая, но заметная республика — Верхняя Партачия. Климат в этой стране очень субтропический, особенно высоки там влажность и налоги, поэтому в этом месте образовался новый вид населения, отличающийся ярко выраженным галицийско-восточным

образом мышления. Это и есть знаменитое племя партачианцев.

Среднего партачианца легко узнать по характерной особенности — в 3.30 он должен быть в Хайфе. Помимо этого, он опаздывает. То есть не то чтобы опаздывает, он просто не приходит. Если где и можно его обнаружить, так это, как правило, в местах, обозначенных табличкой «Вход категорически воспрещен». Если маленький партачианец куда-нибудь входит, он сразу начинает все трогать, чтобы проверить — настоящее ли это. Увидит бутерброд — отхватит кусочек, увидит выключатель — включит. Любит копать — в карманах, в ящиках стола, в носу.

Национальный признак подданного Верхней Партачии — бутылка под ногами. В любом месте мира, там, где сидят, — в концертном зале или кинотеатре, — если вы слышите громкий звук катящейся по полу пустой бутылки, сразу понятно — там сидит партачианец.

Еще одна национальная особенность — ключи. В кармане партачианца находится в среднем двадцать один ключ, из которых двенадцать — неизвестно от чего. Когда партачианец вечером возвращается домой, он каждый раз начинает вставлять в замок восемь разных ключей, пока не обнаружит нужный, но его это не беспокоит — он партачианец. Хотя решение-то очень простое — потерять всю связку.

Он вообще любит терять. В этом месяце один партачианский агент правительственной службы безопасности прибыл в Стамбул с секретными разведдокументами, а когда стал открывать саквояж с дипломатической почтой, то оказалось, что это косметичка его жены Зельмы, в девичестве Фридман. Так он заявил, этот партачианский агент, что ему так сказали — доставить косметику, да еще добавил: «А в чем дело-то?» Ну, получил порицание и выходное пособие. Сейчас он страховой агент.

Очень характерно для типичного партачианца враждебное отношение ко всяким инструкциям по использованию. Если на коробке написано «Этой стороной вверх!», он ставит ее этой стороной вниз. Если красными буквами написано «Осторожно: стекло!», он подбрасывает коробку вверх, затыкает уши пальцами и отбегает в сторону... Если написано «Хранить в сухом прохладном месте», он ставит коробку на электрический водонагреватель в ванной. Ничего не происходит, так как водонагреватель не работает. Партачианец пригласил слесаря еще два месяца назад, но тот не приходит (он ведь тоже партачианец). Тогда он заново покрасил бойлер.

Чистокровный партачианец любит, когда свежепокрашено. Если что-нибудь пачкается, он это красит. Если ржавеет — еще слой краски. При ремонте, когда нужна электросварка, он использует канцелярский клей, а вместо шурупов применяет клейкую ленту. Если уж заворачивает шурупы, то только один, максимум — два, и так будет держать!

Партачианец ест шумно, идет — топает, разговаривает — громко. Жалуются на шум. Если его радиоприемник начинает хрипеть, то спустя год он звонит в бюро ремонта. Мастер говорит: попробуйте приподнять одну сторону. Партачианец приподнимает, и хрип пропадает. Он подкладывает спичечный коробок под левый край приемника. Если хрип возобновляется — меняет коробок. Или пристукнет по аппарату — сбоку и сверху, так, несильно. И вообще, если что-нибудь ломается, партачианец стучит по этому. Особенно — по проигрывателю. Если диск не крутится, ждет день-другой и еще стукнет по корпусу, сбоку. Обычно начинает вращаться. Стерео...

По большим механизмам он бьет ногой. Вот уже лет двенадцать система отопления у него в доме начинает работать, только если хорошенько врезать ногой по термостату. Каждое утро партачианец спускается в подвал и пинает. Наконец, он сломал большой палец на ноге и уж тогда вызвал слесаря. Тот не приходит — уехал в Хайфу в 3.30. Вместо неисправного центрального отопления партачианец покупает шесть новых отопителей, работающих на солярке. Два из них действуют — произведено в Партачии.

Если кран у партачианца не капает, так это потому, что отключили воду. И электричество отключают изо дня в день. Турбины на электростанции установлены наоборот. Сейчас их красят.

В товарах местного производства часто попадают сопутствующие компоненты. В хлебе — гайка, в пакетах с молоком — помой, в пите — таракан, в банке консервов — часы.

Партачианцы — народ книги. Поэтому можно сразу определить, что книга принадлежит партачианцу — на полях опечатки пальцев пролетария.

Настоящий партачианец верит в переселение душ у вещей. В футляре косметического набора он держит шурупы, ногти чистит — карандашом, пишет — горелыми спичками. Обычно он записывает номер телефона на той части сигаретной пачки, которую отрывает и выбрасывает, — чтобы потерять.

Если партачианец нервничает, он начинает звонить по телефону, поскольку сигнал «занято» успокаивает его. А если не занято, то сразу кладет трубку, понимая, что ошибся номером. Если нервозность нарастает, он берет машинистку (долговременный крупный заем в банке на покупку жилья — прим. перев.) и уезжает из страны.

Гордый партачианец любит свободу, свинные отбивные. Покупает в рассрочку, обычно — миксеры. Любит гигиену, чистоту: заворачивает творог только в свежую утреннюю газету. Партачианцы обладают развитым эстетическим чувством: опору электролинии ставят обязательно перед главным входом. Любят давать указания. Часто вскрывают асфальтовое полотно шоссе — кабели, трубы — им любопытно.

В партачианском языке много устойчивых выражений. «Все будет хорошо», то есть — катастрофа. «Рядом!» — то есть недосыгаемо. «Сразу» — два часа. «День-два» — год. «После праздников» — никогда. Если партачианец отказывается, он говорит «позвоните». «В чем дело?» — действительно «В чем дело?» То есть — чепуха.

В войнах он обычно побеждает. Партачианец едет в танке в направлении, противоположном нужному, — ну, слегка задремал. Разбивает врага наголову, возвращается, победитель. Едет на войну колонной грузовиков, все у него есть — пушка, снаряды, консервный нож — все, кроме баллонного ключа. Если по дороге прокалывает колесо, он застревает на полпути к фронту. Но если не прокалывает, — побеждает.

Главное для него — национальная безопасность, ну, правда, после турнирного положения «Макаби» (Яффо) и празднования бар-мицвы Авиغدора. Еще он любит пикники. Сыр. Всякие бумаги. Если республика Партачия высадится на Луне, то там можно будет увидеть американский флаг, советскую эмблему в виде серпа и молота, полпачки маргарина, завернутую в спортивную газету, и 138 пустых бутылок из-под «Швепса».

Вообще-то хороший он парень, этот обычный партачианец. Загорал бы себе целый день на пляже, если бы шезлонг не сломался. Он закрепил ножку пластилином, но не держало. Нужно покрасить. А в остальном все в порядке. Так что вполне возможно жить по-партачиански, это только вопрос привычки.

Йосл БИРШТЕЙН КРАСОТКА

Водителю было трудно закрыть переднюю дверь. Он просил, чтобы больше не поднимались, но люди его не слушали и продолжали проталкиваться в автобус. Один застрял, и когда двери закрывались, его рука осталась снаружи. Водитель взглянул в зеркало заднего вида на толпу в салоне и про себя пожаловался на странное поведение людей. Когда пассажира в дверях освободил руку, автобус тронулся...

Тут же одна женщина, сидевшая сразу за водителем, вспомнила вдруг, что ей нужно было сойти. Она просунула руку в окошко в пластиковой перегородке и стала тыкать пальцем в спину водителя, громко восклицая: «Минутку! Минутку!»

Водитель остановил автобус, но женщина не успокаивалась. В ужасе от мысли, что если бы автобус не остановился, ей пришлось бы пешком идти назад целую остановку, она почти закричала: «Посмотрите на мою ногу!»

При этом она подняла свою палку, а из-за тесноты в салоне никто не мог увидеть ее искривленную ногу. Палка

была тонкая, из какого-то сухого дерева, вся в сучках до самой ручки.

К передней двери было не пройти, поэтому женщина начала проталкиваться к заднему выходу.

«Ох ты, Господи!» — сокрушенно причитала она, опасаясь, как бы водитель не передумал и не поехал, пока она не успела сойти. Водитель, в свою очередь, начал ее поторапливать, произнося: «Ну, госпожа», а за ним и некоторые пассажиры стали понукать ее: «Ну же, госпожа...»

С горем пополам, под взглядами всего автобуса, женщина было уже добралась до заднего выхода, где ее ждала широко открытая дверь, как вдруг взглянула на мужчину, который помогал ей выносить корзину: «Шломо! Шломале Гартштейн!»

И тут, вместо того, чтобы выходить, она начала расспрашивать мужчину, где это он пропал вот уже тридцать лет, и говорит ему, что вообще не знала, что он жив и находится здесь в стране, в Иерусалиме, и какое чудо, что она встретила его здесь в автобусе. Она взглянула на распахнутую дверь и

растерялась, не зная, что делать: то ли сойти и опять потерять друга юности, то ли поехать с ним, но потом терпеть боль, возвращаясь назад пешком.

Автобус тем временем начал подавать голос. Водитель возвысил тон своего «Ну, госпожа», и уже почти все пассажиры вторили ему.

Человек, которого называли Шломо, взглянул на распухшую ногу женщины, на ее палку... Лицо женщины было покрыто темными пятнами, которые напоминали сучки на палке. Из одного такого пятна, на шее, рос длинный и жесткий волосок.

— Шифра! Шифрале ди шейне, красотка! — воскликнул мужчина на идише и тут же поведал всем, что там, в местечке, не было ни одного молодого парня, кто не был бы готов умереть ради нее.

Водитель было тронул автобус, так и не закрыв дверь, но тут же остановил его. Женщина вышла под гром неслышающих «Ну же, госпожа!»

Она обернулась в сторону удаляющегося автобуса и закричала: «Где же я снова найду тебя, Шломо? Ву бисту Шломале, ву бисту?...»

Эдгар КЕРЕТ

МОЙ БРАТ В ТОСКЕ

Это совсем не то, когда какой-то человек на улице рассказывает вам, что он подавлен. Это — мой брат, и он хочет покончить с собой. И изо всех людей он выбрал именно меня, чтобы сказать это. Потому что меня он любит больше всех, а я — его, но у него проблема. Да еще какая.

Я и мой младший брат стоим в саду на Шенкина (улица в Тель-Авиве, место расположения многочисленных кафе и встреч стильной молодежи. Здесь свои представления о моде, красоте, поведении и даже свой иврит. — прим. перев.), и моя собака, Хендрикс, изо всех сил тянет поводок, пытаясь укунить за лицо какого-то ребенка в комбинезончике. Я одной рукой сражаюсь с Хендриксом, а другой ищу в карманах зажигалку.

— Не делай этого, — говорю я своему брату. Зажигалки нет ни в одном из карманов.

— Почему — нет? — спрашивает мой младший брат. — Моя девушка бросила меня ради пожарного. Я ненавижу

учебу в университете. И мои родители — самые жалкие люди на свете. На, возьми зажигалку.

Он бросает мне свой Cricket. Я ловлю. Хендрикс вырывается. Он набрасывается на малыша в комбинезоне, валит его на траву и смыкает свои страшные челюсти, в точности как у ротвеллера, на лице ребенка. Я и мой брат пытаемся оторвать Хендрикса от малыша, но пес упорствует. Мать комбинезончика визжит. Сам ребенок подозрительно тих. Я со всей силы пинаю Хендрикса ногой, но он даже не регистрирует. Мой брат находит в траве металлический прут и бьет им Хендрикса по башке. Раздается противный хруст, и Хендрикс валится на землю. Мамаша жутко

кричит — Хендрикс откусил ее ребенку нос, напрочь.

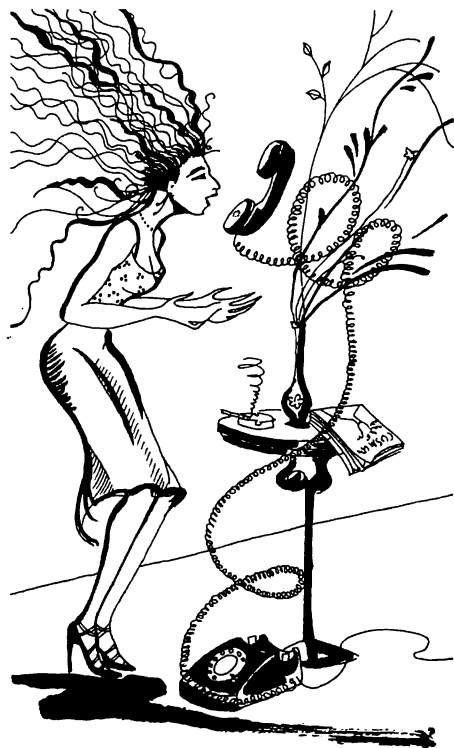
Теперь Хендрикс мертв. Мой брат убил его. И кроме того, он еще хочет покончить с собой, так как то, что его подруга изменила ему с пожарным, кажется ему самым унижительным на свете. Мне профессия пожарного кажется почетной — спасти людей и все такое. Но брат считает, что было бы лучше, если бы она трахалась с кем-нибудь другим.

Теперь мать ребенка набрасывается на меня. Она пытается выцарапать мне глаза своими длинными ногтями, которые покрыты отвратительным белым лаком. Мой брат высоко поднимает железяку и дает и этой по башке. Ему можно, он — в тоске.

Асаф ГАВРОН

ПАССИВНЫЙ И НАПРЯЖЕННАЯ

Они познакомились на вечеринке вечером в пятницу. Началось все это после того, как они обменялись приветствиями возле чаши с пуншем. После вечерушки

они пошли к ней домой и почти сутки не вылезали из кровати — трахались до потери пульса: ночь с пятницы на субботу и весь день в субботу. Только к вечеру он включил телевизор и начал смотреть трансляцию футбольного матча, а она болтала с подружками по телефону, но о нем ничего не говорила. Это было как волшебство, она не хотела делать это обычным, как бы частью жизни. После футбола они вернулись в постель и опять понеслось...

Весь вечер и всю ночь в субботу — и так, и сяк, и сверху, и снизу, и в этой позиции, и в той, и..., и...

Наутро, в первый день недели он отправился на работу. И она пошла на работу. Вечером она пришла домой и стала ждать его звонка, а он не позвонил. И на следующий день тоже. Она ему сама не звонила, продолжала ждать. Она ждала звонка от него всю неделю. В пятницу она не пошла на работу — неважно себя чувствовала — и весь день просидела возле телефона, глотая таблетки от головной боли. В шабат она уже не могла более ждать, чувствуя, что сейчас взорвется. Ногти уже были обгрызены донельзя, все подружки — на взводе.

Ну, она и позвонила.

Он поднял трубку после второго гудка, будто всегда ждал там, на другом конце провода. У него там не звучала громкая музыка, не было слышно женского голоса, только он после двух гудков.

Она завизжала в трубку.

Она кричала: «Прекрати, наконец! Хватит! Я не могу больше! Оставь меня в покое!»

Через четыре месяца они поженились, церемония была скромная.

Меир ШАЛЕВ

КАК Я ЗАДАВИЛ ПАВЛИНА ДАВИДА ЛЕВИ

На прошлой неделе в «Едиот ахронот» было опубликовано большое интервью с бывшим министром иностранных дел Давидом Леви. Среди прочего он поведал о том, что очень привязан к своему любимцу — павлину, которого растит во дворе своего дома в Бейт Шеане.

— Павлин просыпается рано утром, — рассказывал г-н Леви, — подходит к моему окну и кричит. А кричит он так, что мигом вскопишь.

И добавил: «Я еще не видел столько врожденного благородства и величия в другом животном».

Можно продолжить разговор о причине выбора Давидом Леви именно павлина в качестве домашнего питомца, можно также назвать еще некоторых животных, которые пробуждают в сердцах и других политиков чувства симпатии и сопричастности. Это, например, львы, ослы, лисы и хамелеоны. Но что касается меня, то слова Давида Леви о его любимом павлине пробудили во мне глубоко скрытые и болезненные воспоминания, которыми я хочу поделиться и, наконец, снять с души тяжелый камень.

Вот как это было.

Около двух лет назад я отправился на своем джипе в Рамат Исасхар. Это район, который расположен к северу от долины Бейт Шеана, там еще проходит базальтовое русло Нахал Исасхар, вообще место очень пустынное — живой души не встретишь, разве что попадутся какие-то старые коровы на грани превращения в бифштексы да семейства непуганых черепашек. Изредка встречаются родники, растут акация и дикая слива. Короче: отличное место для прогулки в одиночестве или небольшой компанией, если хотите предстать себя почти в Африке.

В тот раз я был один и к вечеру завернул на ужин, о котором договорился заранее, к друзьям в один из близлежащих кибуцов. По дороге туда я проезжал через город Бейт Шеан. Я не знаю его хорошо, поэтому старался придерживаться общего направления своего движения. Вскоре я оказался на

симпатичной улице, по обеим сторонам которой стояли красивые частные дома. Я ехал медленно — что было очень правильно, как оказалось впоследствии — и смотрел по сторонам.

Спускались сумерки одного из последних дней лета. Запахи цветов из палисадников и ароматы из кухонь смешивались в воздухе. Все настраивало на мир и спокойствие, и после дня, полного прекрасных пейзажей и одиночества, я ощущал в душе и теле приятную умиротворяющую усталость. И вдруг, совершенно неожиданно, раздался ужасный пронзительный вопль, от которого кровь стынет в жилах, — показалось, будто он вырвался из соседнего подвала, в котором кого-то пытали, а может, так кричат в сумасшедшем доме, — и большое пестрое тело вылетело из ближайшего двора, снова испустило свой душераздирающий крик и всем весом рухнуло на ветровое стекло моего автомобиля, полностью закрыв мне обзор.

Потрясенный, я затормозил. Пестрая куча, лежавшая на капоте автомобиля, соскользнула с него и свалилась на асфальт. Я вышел из джипа и не поверил своим глазам: рядом с левым передним колесом лежал павлин. Признаюсь — мне стало немного легче, поскольку, во-первых, это оказался не ребенок, который сломя голову выпрыгнул из своего двора, а во-вторых, я не выношу павлинов.

Вообще-то у меня нормальные отношения с миром пернатых. Птиц я дома не держу, но мне очень нравится куриный бульон. Помимо этого, я люблю наблюдать за шеглами, соколами, медноносами и дроздами, когда они появляются возле моего дома. Я даже прошую ворон, которые таскают у меня с веранды всякую мелочь, и улыбаюсь воробьям, хотя они будят меня утром. Я беседую с сойками, несмотря на то, что они трещат своими клювами, я даже к дятлам отношусь с симпатией, хотя они уже достали меня тем, что постоянно дырявят лежащие на земле шланги для полива. Но павлин? Если уж существует птица с дурным характером, самодовольная, кичливая, помпезная, никчемная, вульгарная и совершенно ненужная на Божьем свете, так это павлин.

Однако у меня доброе сердце, и этот пернатый балбес, что свалился на мою машину, вдруг показался мне испуганным и печальным, и я забеспокоился, что он здорово пострадал. Я наклонился и тихонько тронул его. К

моей радости, павлин подскочил и за-семенял по тротуару такой смешной походкой, будто ничего особенного не произошло. Он старался принять величественную осанку, приличествующую птице с врожденным благородством и высокой репутацией, как у него. В таком виде — с растрепанным и опавшим хвостом, который волочился за ним по асфальту, и поникшим хохолком на голове, однако в позе, выражавшей максимальную гордость и достоинство, — павлин был очень смешон. Я не мог сдержаться и громко рассмеялся.

К моему великому присоединился один из откуда-то появившихся жителей, который внимательно посмотрел на меня и произнес:

— Вы знаете, кто это был?

— Кто?

— Ну, тот павлин, что врезался в вас. Вы знаете, кто он?

— Нет, — ответил я, — я не знаю, кто этот павлин, что врезался в меня.

Улыбка моего собеседника стала еще шире. Он приблизил лицо ко мне и прошептал: «Это павлин Давида Леви».

На этот раз я уже просто расхохотался, да и мужчина издал что-то похожее на смехок. Признайтесь себе, что выражение «павлин Давида Леви» смешное, а? Гораздо смешнее, чем «пудель Переса», «Валаамова ослица» и «собака полковника Шульца». Тем временем на улице собралось еще несколько человек, и через минуту новость уже летала над толпой во всей живописности и с подробностями. Люди перешептывались, цокали языками, показывали на меня пальцем, а когда я еще услышал негромкое «Он задавил павлина министра», то понял, что наступил момент практического использования тактики «бей и беги», ибо известно, сколько катастроф случилось от непонимания. Я мирно попрощался с симпатичным собеседником, пока он еще не перестал улыбаться, и продолжил свою поездку.

Я ехал и думал, что же я скажу своим друзьям в кибуце, когда они спросят меня, почему я опоздал к ужину. Что по дороге я сбил павлина Давида Леви? Да кто мне поверит? Ведь вся эта история выглядит как чушь, которую, возвращаясь домой под утро, несет не очень умный женатый мужчина, а от него при этом пахнет духами...

— И где это ты был до сего времени? — спрашивает его звереющая жена.

— Ты не поверишь, что со мной

случилось, — отвечает ей изобретательный дурень, — я сбил павлина Давида Леви.

И тут же получает скалкой по голове — и поделом. А вы бы поверили в такое? Бывают случаи, когда лучше что-нибудь соврать, чем говорить правду.

В комнате моих друзей в кибуце уже и еда остыла, и настроение было никудышное.

— И где это ты был до сего времени? — спросили они меня.

— Да шину проколот, — сделал я честное лицо.

— Шину... Как банально, — процедила хозяйка презрительно.

— Да еще забуксовал в вадии Исасхар, — попытался я реабилитироваться.

— В сентябре? — удивился хозяин. — Да там сейчас все пересохло.

— Ну ладно, — сдался я, — по правде говоря, я сбил павлина Давида Леви.

Мои друзья даже головы от тарелок не подняли.

— Ну что ж, — проговорили они с каким-то странным безразличием, — добро пожаловать в наш клуб.

И тут мне рассказали то, что уже давно известно всей округе: раз в неделю павлин Давида Леви, тот самый, величественный, с исключительно благородной осанкой, имеет обыкновение перелетать через забор двора своего хозяина и с безумным криком падать на невинные автомобили, проезжающие мимо.

— Но почему? — удивился я. — Ему там что — плохо?

— Скажи, — спросил меня мой кибуцный приятель, — а будь ты павлином, стал бы ты жить у Давида Леви?

И тут с незаурядным литературным талантом он описал мне тяжелую жизнь этого павлина, который распускает свой хвост во всей красе, ходит кругами по двору, верещит во весь голос, одним словом — строит из себя «с врожденным благородством», но никто не обращает на него внимания. Почему? Да потому что все смотрят только на министра!

— Поэтому разве удивительно, что павлин огорчается и улетает? — спросил мой друг.

— С другой стороны, — сказала жена друга, — если его не задавят насмерть, у него есть шанс стать консулом в Нью-Йорке.

Вот и весь мой рассказ, и все это — правда.

С Новым годом!

Владимир ПОРУДОМИНСКИЙ

ВЕЛИКИЕ МАСТЕРА МУЗЫКИ

Доктор Лазарь Розенцвейг был горбат. Дети называли его Кубиком. Город был небольшой, и едва не каждый ребенок, которого мы встречали на улице, был пациентом доктора Розенцвейга. Дети как-то удивительно быстро становились взрослыми. «Ицик, давно ли твоя мама Фрида Марковна вот так же приносила ко мне тебя? Ты был на редкость чахлым ребенком». Доктор весело взглядывал снизу вверх на возвышавшегося над ним рыжебородого силача. Его чуткие пальцы тут, там касались тельца младенца, которого он держал на коленях. «Всему свое время и время всякой вещи под небом», — без огорчения вспоминал он слова священной Книги, выписывая рецепт.

Доктор Розенцвейг был давний приятель моего отца: они учились вместе в Германии, в Лейпцигском университете. После революции город, где жил Лазарь Розенцвейг, оказался на территории Польши, а сам доктор, соответственно, иностранцем. Однажды, в начале тридцатых годов (тогда это еще было возможно), он приехал ненадолго по какому-то делу в Москву. Заграничный гость удивил меня — мне было лет семь или восемь — длинным ярко-желтым в крупную клетку пиджаком (я видел похожий у клоуна в цирке) и большими очками с толстыми стеклами в квадратной роговой оправе. На лице доктора, когда он говорил, часто появлялась добродушная улыбка; я заметил, что он улыбался, рассказывая о чем-нибудь печальном. Беседуя, Лазарь и отец вдруг переходили на идиш, я впервые слышал, что мой отец говорит по-еврейски, и по тому, как весело вспыхивали его небольшие черные глаза, понимал, что это доставляет ему удовольствие. В разговоре отец упомянул, что у меня часто бывают ангины, и доктор Розенцвейг пожелал тотчас взглянуть на мои гланды. Я до сих пор помню прикосновение его пальцев: как-то по-особенному легко придерживая мою голову, он бережным движением поворачивал ее к све-

ту. Теперь мне приходит на ум сравнение с антикваром-археологом, взявшим в руки бесценный старинный сосуд. В выходной день дядя Лазарь, как я его уже называл, повел меня на дневной концерт в Консерваторию. Я оказался там впервые, и он рассказывал мне про композиторов, чьи сочинения исполняли музыканты, про сами эти сочинения и про инструменты оркестра. Он говорил подробно, слегка задыхаясь и жестикулируя на ходу, а я, когда мы прогуливались по фойе и когда в антракте пили ситро в буфете, схватывал обращенные на нас заинтересованные, подчас насмешливые взгляды заполнивших Консерваторию детей, и мне было неловко оттого, что они могли принять этого маленького,

чуть выше меня ростом, горбатого человека в клоунском пиджаке за моего отца. Перед отъездом доктор Розенцвейг успел пройтись по книжным магазинам, — его желтый кожаный портфель неимоверно разбух, один замочек невозможно было защелкнуть. Он подарил мне красиво изданную книгу о путешествиях Гулливера. «Вот видишь, — его быстрые пальцы перелистывали страницы, отыскивая картинку, — сперва Гулливер попал к лилипутам и казался им и самому себе великаном. А потом он попал к великанам, и тут обнаружилось, что рядом с ними он сам лилипут. Ты понимаешь? — доктор, улыбаясь, легко коснулся пальцем моего лба. — Надо учиться думать!». Эта книга с надписью «Моему дорогому другу... от Лазаря Розенцвейга» и сегодня стоит у меня в шкафу.

Лазарь Розенцвейг родился в том самом городе, где прошла вся его жизнь. Его отец имел небольшое, но достаточно доходное дело — две лесопилки и торговля строительным лесом. Он души не чаял в своем маленьком бедном горбунчике и не жалел средств на его образование. Лазарь был к тому же способным мальчиком. Он на одни пятерки окончил дорогую частную гимназию в губернском городе и, чтобы не подвергаться превратностям судьбы, таившимся в процентной норме, поступил на медицинский факультет в немецком городе Лейпциге. Отец посылал ему сто рублей в месяц и говорил родным и знакомым: «Когда Лазарь станет доктором, я умру спокойно». Он не дожидая двух лет до того дня, когда Лазарь получил врачебный диплом, на глянцевой бумаге, с подвешенной на плетеном шнурке красной печатью. Лесопилки и торговля перешли в руки зятя, мужа сестры Лазаря. Зять жаловался, что дело приносит меньше прибыли, чем можно было ожидать по отцовским разговорам, и стал посылать Лазарю двадцать пять рублей вместо ста. Скоро зятю показалось, что в городе для него не достает размаха, и он с собственным семейством и матерью Лазаря отправился искать счастья в Америку. Он и Лазаря звал ехать, но Лазарь отвечал, что сначала окончит университет, а потом подумает.

В Лейпциге Лазарь не посещал вместе с другими студентами ни пивных, ни танцевальных залов, за девицами

тоже не ухаживал, — вечера его тянулись уединенно. Однажды, проходя мимо магазина музыкальных инструментов, он по какому-то наитию купил себе скрипку и до изумления быстро по самоучителю овладел ею. Пока поступали отцовские деньги, он брал уроки у хорошего мастера и настолько продвинулся в искусстве, что профессор патологической анатомии, знаток и ценитель музыки, после тщательного прослушивания, пригласил его участвовать в домашнем музицировании. Многие не хотели верить, что Розенцвейг лишь девятнадцати лет от роду взял в руки скрипку, но профессор, считавший себя юдофилом, объяснял, что века гонений выработали у евреев не только психологические, но и физиологические способности быстро и успешно обретать знания и умения.

В Америку Лазарь не поехал, четыре года работал в Вильне. Здесь оценили его врачебное дарование и трудолюбие, сам Выгодский благоволил к нему, и когда в родном городе Лазаря объявилась вакансия старшего врача в еврейской детской больнице, без колебания снабдил отличной рекомендацией. Среди горожан доктор Розенцвейг, не прилагая к этому усилий, скоро завоевал известность, и это не было лишь признание достоинств специалиста, — дети и родители любили Кубика, к нему во множестве стремились также больные из окрестных местечек, нередко приезжали и дальние, даже из больших городов, хотя там имелись свои хорошие врачи. Он открыл домашнюю практику — принимал после обеда и по вечерам. Значительную часть заработанных денег он тратил на больницу — выписывал из-за границы новое оборудование, завел аптеку для неимущих пациентов, и если выпадала особенно холодная зима, руководителям общины не приходилось беспокоиться, что в больнице не хватит угля для отопления. Многие из посещавших доктора Розенцвейга на дому могли припомнить, как заталкивали обратно в кошелек деньги, приготовленные, чтобы оплатить визит.

Семью Лазарь Розенцвейг не завел — жил один в просторной квартире на центральной улице города. В свободные часы редко выходил из дома. Было в городе несколько семейств, которые он навещал. Первый пасхальный

седег всегда проводил в доме своего приятеля Якова Ашкенази, основателя и директора музыкальной школы. За праздничным столом сидели четыре сына и три дочери Якова, и так весело было стареющему доктору, знавшему и пользовавшему этих детей со дня их рождения, петь с ними хором песенку про козлика, которого отец купил и две зузы заплатил, или, пристукивая ладонью по столу, выкрикивать наперебой слова считалки: «Одного кто знает? Одного я знаю. Один у нас Б-г на небе и земле. Двоих кто знает? Двоих я знаю. Две скрижали Завета. Один у нас Б-г на небе и земле...» и так до тринадцати. Два-три раза в месяц по вечерам Яков Ашкенази приходил домой к доктору заниматься музыкой.

Несколько часов они с наслаждением исполняли и разучивали пьесы для скрипки и фортепьяно. У Лазаря Розенцвейга была теперь великолепная скрипка Гварнери, построенная в начале столетия. Яков Ашкенази был вспыльчив и, когда не получалось что-то, кричал на доктора так же, как кричал в классе на своих учеников:

«Играйте по нотам — там все написано!» Лазарь улыбался виновато: «Простите, мой дорогой. Кажется, я задумался. Начнем сначала». Потом они распивали за ужином бутылочку хорошего красного вина и еще долго говорили о музыке. Доктор Розенцвейг собрал отличную библиотеку, в отдельном шкафу хранились ноты и книги о композиторах, он выписывал их из Вильны, из Варшавы, даже из Берлина — поддерживал постоянную связь с берлинским книжным магазином Общества гуманитарных и естественных наук. Перелистывая страницы, Лазарь Розенцвейг размышлял вслух о взаимоотношениях музыки с жизнью и судьбой сочинителя.

«Вы не профессионал! — сердился Яков Ашкенази. — Вы слишком все психологизируете. То, что вы видите на картине, для живописца прежде всего сочетание цветовых пятен. Когда композитор бьется над сопряжением звуков, он забывает, что у его детей прохудились подметки. Он занят тем, чтобы записать нотами то, что напевает ему Б-г».

«Нет, нет, тут что-то есть, — возражал Лазарь Розенцвейг, задумчиво улыбаясь. — Не так уж оно все порознь: Б-

г, музыка, подметки... Вспомните, что говорит Б-г из бури несчастному Иову, когда объясняет ему Свое могущество. Разве только о творении Вселенной? «Кто приговляет ворону корм его, когда птенцы его кричат к Б-гу, бродя без пищи?» — вот что он говорит...»

Совсем поздно он отправлялся проводить гостя. Они шли вдоль пустынного ночного бульвара. В руках у обоих были разной формы пакеты в разноцветной оберточной бумаге -доктор всякий раз припасал подарки детям Якова. По дороге они беседовали о политике, о городских новостях. Возле дома Ашкенази, прощаясь, Лазарь пожимал руку приятеля сразу двумя руками и дождался, пока за тем затворится дверь. Глубоко засунув руки в карманы широкого клетчатого пальто, он неторопливо возвращался в свое одинокое жилище. Ветер гнал ему навстречу покоробленные шуршащие листья, в воздухе был разлит терпкий осенний запах, перемешанный с дымом, — в домах уже начали топить печи. «Eine strasse muss ich gehen, die noch keiner ging zuguck», — негромко высоким голосом пел Лазарь любимого Шуберта: «Я должен идти по дороге, по которой еще никто не возвращался назад»...

Пани Ядвига, пожилая вдова, которая вела хозяйство у Лазаря Розенцвейга, часто повторяла: «Наш доктор — святой человек. Если бы он перешел в католичество! Он пел бы с ангелами на небе», — и обращала вверх пышущее румянцем лицо.

В разговорах людей все чаще упоминалось имя Гитлера, скоро оно и вовсе замелькало с неукротимой частотой, как бесконечно мелькали на экране кинематографа кадры хроники, запечатлевшие лицо человека с темным квадратиком усов под острым настырным носом, челкой волос, пересекавшей наискось узкий лоб, и круглыми пуговками разъяренных глаз. На белой простыне экрана четко шагали, сверкая высокими сапогами, строгие ряды военных колонн; шагавшие одинаково вскидывали в приветствии руку со свастикой на рукаве. Однажды Лазарь Розенцвейг увидел в кинохронике знакомую улицу Лейпцига, магазин, где он каждый день покупал на завтрак горячие крендели и свежие сливки к кофе: на витрине была намалевана шестико-

нечная звезда и сверху призыв ничего не покупать у евреев; у дверей магазина стояли крепкие ребята в нацистской форме и отгоняли покупателей. Лазарь ясно вспомнил шуструю, черную, как скворец, девушку, продававшую булочки. Окрестные жители называли ее «Крошка Хана»...

Сестра звала Лазаря в Америку, зять, преуспевший в бизнесе, обещал устроить визу. «Что тебе раздумывать? — писала сестра. — У тебя же никого нет. Сел и поехал». Сестра была, наверно, права, но он чувствовал, что сняться с места, запереть дверь и отправиться за океан для него так же непросто, как непросто дереву выпростать из-под земли всю систему своих корней и перебраться на другую сторону леса, чтобы заново врасти там в землю. «Ах, господин доктор, — говорила пани Ядвига, наливая ему из супницы в тарелку его любимый куриный бульон с манной крупой, — что русские, что немцы: У них только одно в голове — как бы поделить Польшу. Мы с вами сто лет жили при русских, в мировую войну жили при немцах, — и ничего: курочка в кастрюле, слава Б-гу, варится».

Приехал из Берлина брат Якова Ашкенази, Арнольд, адвокат, с женой Луизой. Они говорили между собой по-немецки и одевались, как привыкли одеваться в Берлине. Арнольд носил пальто с пелериной, черную визитку, черные полосатые брюки и белые гамаша, Луиза — меховое манто, широкое в плечах и суженное книзу, лаковые туфли на высоких тонких каблуках. Арнольд рассказывал, как нацисты подождгли синагогу, как из горящего здания вытащили за бороду старика-раввина и били его свитком Торы по голове, как бежал по улице еврейский мальчик лет пятнадцати, а за ним гнались штурмовики. На перекрестке, где улица делала крутой поворот, мальчик попытался скрыться за тяжелыми дверями какого-то важного учреждения, но штурмовики догнали его на широкой лестнице подъезда, бросили на землю, принялись бить дубинками и ногами. Мальчик сперва кричал, а потом затих. «И знаете, что было страшнее всего? — Арнольд одну за другой зажигал спички, чтобы закурить сигару, но не закуривал: задувал спичку, когда она начинала жечь ему пальцы, и бросал в пепельницу. —

Страшнее всего были люди на улице. Они не возмущались, не сострадали, не смеялись, даже не натравливали этих зверей на мальчика. Они просто делали вид, что ничего не замечают. Можно было подумать, что вся эта сцена — горящая синагога, старик-раввин, убийство ребенка — для них не больше, чем повозка молочника, светофор на перекрестке, дым из трубы...» Арнольд, наконец, раскурил сигару, быстро прошелся туда-обратно по тесноватой комнате — прежде это была спальня девочек, дочерей Якова Ашкенази, теперь в ней разместились он с Луизой: «Мы охнуть не успеем, как они будут здесь! Надо быть слепоглухонемым, чтобы не сознавать это!» — он жадно вдохнул ароматный дым и тут же отчаянно закашлялся. В кинематографе показывали кадры кинохроники: «хрустальную ночь», горящие здания, любопытствующих немцев, стоявших у открытых окон и на балконах и смотревших, как рушится охваченный пламенем гигантский купол берлинской синагоги. Как раз в эти дни доктор Розенцвейг получил выпитую из магазина Общества гуманитарных и естественных наук в Берлине книгу «Великие мастера музыки». Он открыл главу, посвященную Шуберту, и тотчас набрел взглядом на строки его дневника: «Никого вокруг, кто понимал бы боль другого, и никого, кто понимал бы радость другого. Люди думают, что идут один к другому, а проходят рядом, мимо». Неужели и Шуберт, направляясь куда-нибудь в кафе встретиться с друзьями, предпочел бы не заметить, как на улице толпа убийц затаптывает в землю мальчика?»

Скоро Арнольд и Луиза отправились в Палестину. «Можете считать меня трусом, но я не в силах сомкнуть глаз по соседству с Гитлером», — Арнольд то ли нападал, то ли оправдывался, долго пожимая при прощании руки Лазаря Розенцвейга: «И не говорите мне про нацию Гегеля и Гете! Я видел своими глазами, как нация Гегеля и Гете устраивает костры из книг!» Едва добравшись до места, Арнольд начал вытребовать к себе брата. «Ты вправе быть самоубийцей, — писал он, — но быть убийцей своих детей, а у тебя их семь, ты не вправе!» Яков сердился, кричал, что никому не позволит вмешиваться в свои семейные дела, но,

неделя за неделей, чувствовалось, что он, быстрее даже, чем можно было ожидать, склоняется к тому, чтобы ехать. «А не махнуть ли нам вместе, — с несколько деланным весельем предложил он однажды Лазарю, когда, окончив музыкальные занятия, они потягивали французское вино, присланное доктору из Варшавы благодарным пациентом. — Боюсь, играть там будет не с кем. Арнольд строит в кибуце курятники, мне, в лучшем случае, предстоит высиживать цыплят». Лазарь Розенцвейг выслушал его без улыбки. Он сидел, вобрав голову в свои криво поднятые плечи, сведя одну руку с другой концами пальцев. «Представьте себе, вы поехали в Палестину, а ваши дети остались здесь (я говорю: «представьте себе»), — сказал он, медля над каждым словом. — И представьте себе, немцы в самом деле захватили Польшу, захватили город и начали гонения на евреев. До музыки ли вам будет, когда вы узнаете об этом? У меня в больнице шестьдесят кроваток и в практике несколько сот карточек больных детей. И я почти всех помню в лицо. И помню в лицо многих родителей, когда они были детьми...» Доктор виновато улыбнулся и обмакнул в вино миндальный сухарик с изюмом — печь такие пани Ядвига была великая мастерица. Он долго не мог заснуть в эту ночь. В книге о великих музыкантах ему попалось исполненное печали письмо Шуберта: «Я потерял покой, и на сердце у меня тяжело, и никогда, никогда больше...»

(Уже в конце 1980-х годов в Беер-Шеве семидесятилетний Дани Ашке-нази, сын Якова, один из первостроителей тамошнего химического предприятия, показал мне красивую старинную тетрадь в черном кожаном переплете с вытисненными золотом инициалами «О.А». Все листы в тетради остались чистыми: «Это доктор подарил мне, когда прощались. Чтобы я писал ему письма. Но пока доехали, пока устроились, то да се. А потом такое началось...»)

Все вокруг изменило свой масштаб, как для Гулливера, вдруг перешагнувшего из страны лилипутов, в страну великанов или наоборот. Многое, что еще вчера казалось важным и необходимым, потеряло интерес и значение. Доктор Розенцвейг еще не успел осно-

вательно поразмыслить, что может означать внезапно провозглашенная дружба Сталина и Гитлера, как в город уже вступили части Красной Армии. Обстриженные наголо молоденькие красноармейцы, в пропотевших гимнастерках, с тяжелыми, жаркими скатками шинелей через плечо, в серых от пыли сапогах, с длинными винтовками, к которым были примкнуты штыки, долгими колоннами шагали по главной улице. На соборной площади, там, где главную улицу пересекал бульвар, весело шумела негустая толпа городских коммунистов, развернув над головой красное полотнище с надписью: «Привет советским воинам-освободителям!» Работницы с чулочной фабрики бросали красноармейцам цветы. Обстриженные юноши с винтовками, испуганно улыбаясь, взглядывали на веселых женщин, кричавших им «ура». Войска прошли через город и стали лагерем в поле. В городе на квартирах разместились старшие командиры, штабные. «Представьте, господин доктор, у моей соседки поселился красный начальник с дамой, — рассказывала пани Ядвига. — Может, она ему жена, может, машинистка, кто их разберет. И что вы думаете! Она купила ночную рубашку с кружевами, надела вместо платья и отправилась вечером на бульвар...» Доктор покачивал головой и задумчиво улыбался, слушая ее истории. «Боюсь, дорогая пани Ядвига, нам с вами скоро предстоит пережить такое, что эта дама в ночном белье на бульваре покажется веселым сном». Быстро опустели полки магазинов. Некоторые магазины закрылись вовсе. Крестьяне из соседних деревень перестали привозить на рынок продукты. Доктор Розенцвейг послал бумагу руководству общины:

Нужно потребовать от городских властей, чтобы детская больница в первую очередь получала продовольствие и лекарства. «Я думаю, под немцем нам было бы лучше, — рассуждала пани Ядвига, смахивая метелочкой пыль с книжных корешков. — В ту войну у меня был приятель немец. Поверите, господин доктор, он ни разу не почистил в комнате обувь, — всегда выходил во двор. А этот красный начальник у моей соседки валится в сапогах на диван в гостиной. Однажды он ел обед, не снимая фуражки, — она сама видела».

Через месяц с небольшим воинские колонны опять промаршировали по улицам города, уже в обратную сторону. Коммунисты не провожали их транспарантами. Женщины-фабричные не бросали красноармейцам цветы. Выяснилось, что после раздела Польши город вместе с Вильной отошел к Литве. «Эти литовцы триста лет все зарились на Вильну, — пани Ядвига сердито стучала тарелками. — Теперь Сталин с Гитлером поднесли им ее, как агнца на блюде. И нас с вами впридачу». Но года не прошло, улицы снова заалели флагами: теперь уже вся Литва, а с ней и Вильна, и город, очутилась в составе Советского Союза.

Новая власть действовала решительно. Еврейскую детскую больницу переименовали во 2-ю городскую; доктору Розенцвейгу объяснили, что частная врачебная практика в советской стране не поощряется; в одну из комнат его квартиры, бывшую гостиную, вселили командира Красной Армии.

Командир оказался евреем. Натан Львович Штульман работал в редакции военной газеты. Поначалу он держался настороженно, с доктором заговаривал редко, будучи дома, почти не выходил из своей комнаты, разве что в кухню — поставить чайник или приготовить что-нибудь. Он снимал сапоги в прихожей и по квартире ходил в носках. Лазарь в детстве мать за это ругала: ходить по дому в носках считалось дурной приметой. Штульман поздно возвращался домой и ложился далеко за полночь. Если дверь гостиной была притворена неплотно, Лазарь видел его полноватую спину, обтянутую распоясанной гимнастеркой, — склонившись над столом, жилец постоянно писал. При этом он быстро тряс ногой, точно шил на машинке, и курил крепкие русские папиросы, от дыма которых у Лазаря болела голова и сохло в горле.

В конце концов, они все же разговаривались. Однажды в субботу, когда жилец появился дома раньше обыкновенного, Лазарь пригласил его поужинать вместе. Пани Ядвига приготовила в этот день куриные котлеты, испекла знаменитые миндальные сухарики; в своих давних запасах Лазарь откопал бутылку старого вина. К ужину Штульман вышел в парадной суконной гимнастерке, перетянутой широким командирским ремнем, и

до блеска начищенных сапогах. После второй рюмки полное лицо его покраснелось.

«Винцо отличное, — он охотно подставил пустую рюмку, чтобы доктор налил ему снова. — Детство вспомнилось».

«Песах?» — подсказал Лазарь.

«Да, знаете ли. Родители, простые люди, отмечали, конечно. Жили в местечке, возле Житомира, это на Украине, и сейчас там живут. Отец сапожничал, девять человек детей. Помните песенку: «Зитшт а шистер, нейт унд нейт. Хот а калохес, нит а брейт»?.. В восемнадцатом году налетела банда, учинила в местечке погром. Двух сестер старших, замужних, убили, с мужьями, с детьми, мы спаслись чудом. Я тогда же ушел в Красную Армию, мне шестнадцать было. Воевал. После Гражданской послали на командирские курсы, потом в училище политсостава. Служил на Дальнем Востоке, в Средней Азии, в Белоруссии — где только не служил! Два года назад окончил школу военных корреспондентов. Пишу, знаете ли, пропагандистские статьи, очерки, даже передовицы. Вы, доктор, выросли в буржуазной стране, вам, конечно, трудно себе представить, что парень из бедной еврейской семьи может стать командиром, майором, работать в газете». Он выпил залпом налитую до краев рюмку.

Как-то в почтовом ящике доктор Розенцвейг обнаружил долго плутавшее по причине мировых событий письмо из Берлина. Книжный магазин при Обществе гуманитарных и естественных наук извещал своего клиента, что до сих пор не получил 43,24 рейхсмарки за отправленную ему книгу «Великие мастера музыки». Лазарь вспомнил, что в свое время и в самом деле не послал денег: он заказал тогда в магазине большое количество книг и намеревался оплатить все сразу. Но заказанные книги не поступили, в Европе все пошло кувырком, сперва Польша перестала существовать, потом Литва, в суматохе перемен неоплаченный счет выветрился из памяти Лазаря. Получив письмо, он ужасно смутился, ничего подобного прежде с ним никогда не случалось, поспешил на почту, но с иностранной валютой почта операций не производила, а советские рубли пересылать за границу не разрешалось. Доктор Лазарь Розенцвейг ос-

тался должником, и это его томило.

Он рассматривал облепленный черными и красными почтовыми штемпелями конверт. Казенные пометы на штемпелях читались приговором рушащейся Европе. На фиолетового цвета марке был изображен Гитлер. В памяти Лазаря вставали кадры немецкой хроники, которые показывали в польских и литовских кинотеатрах: отталкивающе неприятный лицом, каждым жестом, крикливой, злобной речью человек — и тысячи обращенных на него с любовью глаз, тысячи протянутых к нему с надеждой и желанием отдать себя рук.

«Товарищ Сталин не ошибается, — Штульман, дымя папиросой, в распоясанной гимнастерке и одних носках туда и обратно прохаживался по комнате перед доктором Розенцвейгом: они теперь нередко беседовали по вечерам. — И если кому-нибудь из нас не по душе союз с Гитлером, — (Натан Львович сокрушенно развел руки, как бы молча признаваясь, что и ему не совсем по душе), — то это лишь значит, что не всякий еще в силах понять мудрость принятого решения». Доктор сполоснул рот глотком крепкого чая: в горле совсем пересохло от едкого табачного дыма. «На Западе, конечно, рассчитывали, что Гитлер развяжет войну с Советским Союзом, а та же Англия будет по обыкновению чужими руками таскать каштаны из огня, — (Натан Львович обрадовался припомнившейся к месту цитате, на его полном лице высветилась победная улыбка, он раскурил новую папиросу). — Но не тут-то было! Скажу вам больше: лично я вообще сомневаюсь, что германский пролетариат, немецкие рабочие и крестьяне захотят воевать со страной победившего социализма».

Лазарь слушал его молча, соединив руки концами пальцев, и вспоминал кинохронику: разбитая витрина с наклеванной шестиконечной звездой, вспоминал девушку, черноволосую и черноглазую, веселую, как скворец, — каждое утро она протягивала ему пакет с горячим соленым кренделем, в котором попадались хрустящие крупинки соли, — что с ней теперь, с крошкой Ханой?..

Пани Ядвига за глаза называла Штульмана «большевиком». «Объясните этому большевику, господин доктор, чтобы не сыпал окурки из пепельницы

в унитаз. — Щеки пани Ядвиги пылали. — Ковер в гостиной провонял табаком. Я часами не могу выколотить из него пепла. И не угощайте его хорошим вином — он же привык пить водку у себя в казарме. Лучше купите ему тапочки: невозможно видеть, как плавают в ванне его заштопанные носки».

«Ах, дорогая пани Ядвига, — улыбаясь доктор Розенцвейг, — может быть, мы еще будем охотно вспоминать время, когда в ванне плавали носки Наташа Львовича».

«Вы так давно не играли на скрипке, господин доктор!» — голос пани Ядвиги наполнился страданием.

«Не играется, дорогая пани Ядвига, не играется. Но как-нибудь мы с вами выберем вечерок, вы же будете спешить домой, мы выпьем по рюмочке, и я специально для вас исполню что-нибудь».

«Только когда большевика не будет дома!» — горделиво вскинув голову, пани Ядвига уплывала из комнаты.

В середине июня приехала на летние каникулы дочка Штульмана, Таня. Жена временно оставалась в Могилеве, где последнее время служил Штульман, — отпуск ей полагался только в конце лета. Тане исполнилось двенадцать лет, у нее были голубые глаза и светлые волосы, заплетенные в косички.

«А почему вы горбатый?» — в первый же вечер спросила доктора Таня.

«В раннем детстве я перенес какую-то травму позвоночника, теперь уже трудно установить, что бы это могло быть...»

«Что-то бледненькая она, — думал доктор, приглядываясь к Тане. — И веки несколько воспалены. Не исключено, правда, что просто устала с дороги...»

«Но вы же не можете спать на спине!» — догадалась Таня.

«Я уже так привык, что я такой, какой я есть, что не задумываюсь об этом».

«А когда вы были маленький...»

«Когда я был маленький, я очень страдал из-за своего горба, но потом понял, что есть много более важных причин для страдания».

«Татьянка, прекрати!» — Натан Львович, дымя папиросой, вошел в комнату.

Но Таня не унималась с вопросами.

«Вы детский доктор?»

«Да, я лечу детей. Некоторые дети

тяжело болеют. Иногда даже умирают. И всякий раз кажется, что это невозможно перенести. Но большинство детей выздоравливает, они вырастают, становятся умными и добрыми, и, когда встречаешь их, уже взрослых, думаешь, что недаром живешь на свете. Дети в городе называют меня Кубиком».

«Вы не обижаетесь?»

«Ну, что ты! Во-первых, у меня острая спина и грудь, и, если посмотреть сбоку, я и в самом деле похож на кубик, поставленный на угол. А во-вторых, всякий человек в известном смысле — кубик. Судьба бросает его так, этак, и всякий раз выпадает разное число. И надо стараться, чтобы число выпало побольше. Желательно — шестерка».

Таня заметила скрипку.

«А вы хорошо на скрипке играете? Сыграйте что-нибудь».

Доктор послушно достал инструмент из футляра, несколько раз провел, настраивая, смычком по струнам и заиграл простую и печальную мелодию шубертовской песни. «Это песня про странника, — объяснил он. — Чужим пришел он в дом и чужим снова уходит прочь».

«Грустная песня», — сказала Таня.

«Что поделаешь. Мы все приходим в мир неизвестно откуда и уходим неизвестно куда».

«Ну, это уже идеализм!» — весело погрозил пальцем Натан Львович.

«А «Катюшу» вы можете сыграть?» — спросила Таня.

«Я попробую...»

В ближайшее воскресенье было решено ехать за город. Доктор Розенцвейг уже и не помнил, когда в последний раз выбирался из города на природу. Ему, правда, случалось ездить в соседние местечки и деревни к больным, и после его долго волновало воспоминание о зелени травы, о сквозных рощах, подбегавших к самой дороге, о запахе земли, влаги или сухой пыли хлебного поля. О голубизне неба, холодновато сверкавшей в придорожных канавах и лужах. Он вспоминал также детство: иногда отец летом вывозил всю семью в местечко, где стояла его дальняя лесопилка. В повозку громоздили корзины с наготовленной снедью, бутылки с питьем, клали старые матрасы, чтоб смягчить толчки на тряской дороге. В местечке, схватив тай-

ком из корзины какую-нибудь коврижку, он бежал на речку, долго стоял на мосту, смотрел, как тянутся по дну увлекаемые течением водоросли, бросал кусочек коврижки в желтую прозрачную воду, где сновали стайками маленькие рыбки, темные, легкие, похожие на тени.

Лазарь тайно задумал ехать именно туда, к той самой старой лесопилке, которая, кто знает, может быть, стоит и поныне, и ехать не в автомобиле, который брался добыть Штульман, а непременно лошаадьми («Девочке это гораздо интереснее», — объяснил он). Он сам условился с кривым Менделем, старейшим в городе извозчиком, про которого уже многие годы говорили, что ему не то в прошлом году исполнилось сто лет, не то исполнится в будущем. Когда однажды какой-то шутник спросил Менделя, не приходилось ли ему возить царя Давида, старик всерьез задумался и, поразмыслив, ответил, что царя Давида не приходилось, а виленского генерал-губернатора таки да, приходилось. Лазарь просил также пани Ядвигу наготовить побольше всяких вкусных вещей и вечером, накануне поездки, с удовольствием помогал ей заворачивать бутерброды, пирожки, котлеты, печенье в листки промасленной бумаги и укладывать в большую старинную корзину с крышкой, обнаруженную в кладовке.

«Вот вы, господин доктор, все возитесь с вашими постояльцами, — вполголоса, хотя Штульмана с дочкой дома не было, сердился пани Ядвига, — а они с вами церемониться не станут. На днях, рассказывают, на товарной станции опять грузили людей в вагоны, целыми семьями, со стариками, с детьми, — это они борются с буржуазией и враждебными элементами. Возле состава ходят солдаты из энкавде с винтовками — не разрешают стакан воды подать в теплушку. И высылают, между прочим, не только поляков и литовцев. Фельдмана, аптекаря, тоже погрузили со всем семейством. И этого типографщика, еврея, я забыла фамилию, у которого была печатня и переплетная мастерская на углу Пилсудского и бульвара, — так и его, и сына с женой и двумя детьми. А сын, еще когда в прошлый раз была Красная Армия, ходил с плакатом, чтобы присоединиться к Советскому Союзу. Я

на завтра миндальные сухарики испекла, пирожки с яйцами и луком, а послезавтра этот же ваш большевик вас, господин доктор, сам на станцию отвезет и в Сибирь отправит как буржуазию и враждебный элемент».

«Ну, какой я враждебный элемент, — улыбнулся доктор. — Разве что буржуазия. Вот видите — мебель, посуда, книги, скрипка очень дорогая...»

Он и сам слышал об этих страшных составах и высылках и напряженно старался понять: «зачем? зачем?» Обратиться с этим вопросом к Штульману смысла не было: Натан Львович, рассуждая о политике, либо сыпал цитатами из собственных пропагандистских статей, либо убеждал доктора, что во всяком действии власти есть некий высший смысл, который откроется всем позже. И доктор старался беседовать с ним о делах житейских, всего же охотнее слушал рассказы Натана Львовича о том, что довелось ему увидеть и пережить, потому что, в отличие от жизни доктора Розенцвейга, жизнь майора Штульмана наполнилась разнообразием впечатлений. В его рассказах мелькали названия городов, имена людей, подробности событий и приметы разнообразных занятий.

В воскресенье, часов в семь утра, Штульмана неожиданно вызвали по телефону в редакцию. Спустя некоторое время позвонил он сам, велел из дома никуда не выходить, включить радио и ждать его. Доктор Розенцвейг сел играть с Таней в шашки, но был озабочен тревожными предчувствиями и проигрывал. По радио передавали песенки о любви. Старинная корзина, дразня запахам аппетит, скучала в прихожей. На улице у подъезда дремал на козлах пролетки кривой Мендель. В одиннадцать часов выступил Молотов и сообщил, что началась война. Доктор Розенцвейг спустился к подъезду, чтобы отпустить Менделя. Он хотел заплатить ему за напрасно потраченное утро, но старый извозчик пристыдил его: «Реб Лейзер, вы лечите всех моих внуков и правнуков...» Натан Львович появился лишь к вечеру, собрал наскоро чемодан — он спешил на вокзал: через час отправлялся поезд. Просясь, доктор попытался дать ему на дорогу корзину с едой. «Что вы! — отмахнулся Натан Львович. — Я и свои-то вещи почти все оставляю. Скоро увидимся.

Война будет недолгой и на территории противника». Доктор все же сунул в карман Тане пару бутербродов в промасленной бумаге.

Весь день красноармейские части успешно покидали город. Назавтра над городом появился одиночный немецкий самолет, сбросил несколько бомб на вокзал и железнодорожный мост. В больницу привезли раненого мальчика. Доктор Розенцвейг приказал очистить складской подвал под бомбоубежище. Он попал домой уже поздно вечером. Дворник встретил его у подъезда, предупредил, что есть распоряжение плотно завесить окна или вовсе не зажигать свет. Он сидел без света, дни стояли долгие, темнолодно. За окном по серому небу медленно плыли облака. Мальчик был ранен в бедро, осколок изъяли, все вроде бы сделали, как надо, но что-то в состоянии ребенка (он старался понять — что) внушало доктору Розенцвейгу опасения: он просил сообщать ему, как идут дела.

Около полуночи в дверь резко позвонили. На пороге грузным силуэтом возник Штульман. «Слава Б-гу, вы дома! Я страшно боялся не застать вас. У меня всего одна минута». Не затворяя дверь, он прошел в комнату. Таня, спотыкаясь от усталости, плелась следом. «Город окружен, — сказал Штульман. — Поезда не идут. Железнодорожный мост разрушен. Редакцию придали одной из частей — попытаемся выбраться из окружения». Он достал из кармана папиросу; прикрывая ладонями, будто на ветру, зажег спичку; несколько раз жадно затянулся. «На улице курить запрещено», — объяснил он. Нащупал на столе пепельницу, притушил окурочок. «Ну, будем прощаться». Таня тихо заплакала. «Ну, ну, Татьяна, — Натан Львович положил девочке ладонь на голову, пригнувшись, старался в темноте взглянуть ей в глаза. — С доктором вы уже друзья, а я скоро вернусь». Доктор взял девочку за руку, почувствовал под пальцами холодную, потную ладонь. «Ничего, — сказал он. — Вон у нас в прихожей целая корзина всяких вкусных вещей. Пока все съедем, и война кончится». Штульман шагнул к доктору, неловко обнял его кривое тело: «Лазарь Соломонович, — попросил он. — Спасите Таню».

...На другой день в город вошли немцы, и евреям тотчас было приказано носить на одежде желтые звезды, одну на груди, другую на спине. Доктор Розенцвейг попросил пани Ядвигу найти такие звезды на черный сюртук, который он надевал только в особо торжественных случаях и на похороны. Пани Ядвига плакала и колола себе пальцы. «Ах, господин доктор, это же невозможно, такой человек, как вы...»

«Я намерен переселиться в больницу, — сказал доктор. — Вы, должно быть, знаете, дорогая пани Ядвига, что евреям запрещено пользоваться каким — либо транспортом и даже ходить по тротуарам. А бежать по булыжнику от дома до больницы и обратно мне, в отличие от такой же старой лошадки кривого Менделя, пожалуй, не под силу. Так что вы остаетесь хозяйкой квартиры и всего моего имущества. Если вам будет трудно, здесь есть вещи, за которые можно получить неплохие деньги...»

«Матерь Божия! — румяные щеки пани Ядвиги были мокры от слез. — Мне ваш дом, господин доктор, роднее, чем собственный. Тут без вас ни одна пылинка с места не стронется...» Она подала доктору черный сюртук с пришитыми звездами и, когда он продел руки в рукава, поцеловала его выступающее кверху острое плечо.

«Ну, что вы, что вы! — смутился Лазарь. Он снял свои большие квадратные очки и протер их полою парадного пиджака. — Я хотел бы еще посоветоваться с вами, дорогая пани Ядвига, о судьбе Тани. Нет ли возможности припрятать ее где-нибудь? Может быть, у вас в городе найдутся надежные знакомые? Или к вашей сестре — в деревню? Девочка беленькая, на еврейку совершенно не похожа. За хорошие деньги ей можно сделать нужный документ».

Заплаканное лицо пани Ядвиги побелело. «Господин доктор, вы разве не читали! В приказе так прямо сказано: «расстрел»! Она низко наклонилась к Лазарю: «Была бы ваша дочь, господин доктор, тогда еще другой разговор. Но из-за большевистского ребенка...»

«Это уже подробности, — сказал доктор Розенцвейг. — Спасибо вам, пани Ядвига, за все. Приходите, пожалуйста, Тане желтые звезды на пальце».

Поскольку евреям отныне запретили лечиться у врачей-неевреев и, наоборот, неевреям лечиться у врачей-евреев, в городе было приказано оставить одну еврейскую больницу и свезти туда евреев-пациентов из всех остальных больниц. Этой единственной еврейской больницей стала детская больница, главным врачом которой был доктор Лазарь Розенцвейг: она стояла в отдалении от центра города, в окружении улиц и переулков, издавна заселенных многочисленными семьями евреев-ремесленников, мелких торговцев, фабричных рабочих, — именно эту территорию немцы отвели под будущее гетто и уже начали поспешно огораживать ее колючей проволокой, возводить кирпичную стену, ставить ворота и шлагбаумы.

Прежде чем окончательно переселить туда евреев, в городе проводились энергичные чистки. По всякому пустяковому поводу и вовсе без повода хватили на улицах, ночью забирали из домов заложников — все они бесследно исчезали. Многих мужчин и женщин из тех, что помоложе и покрепче, уводили на железнодорожную станцию и в товарных вагонах отправляли в какие-то трудовые лагеря. Вдруг выбрали сто с чем-то стариков (среди них известный ученый раввин, девяностолетний Арон Марголис) и вывезли куда-то за город, «на поправку», как было объявлено, — вскоре пошли слухи, что их расстреляли в недалеком лесу. Больница поначалу наполнилась пациентами: они надеялись найти здесь убежище понадежнее, чем стены собственного дома, но после того, как треть из них, самых тяжелых, велено было передать «для продолжения лечения» в некое неведомое место, палаты тотчас опустели. В отделении у доктора Розенцвейга осталось семнадцать больных детей, которые не могли находиться в домашних условиях, и Таня.

Лазарь вместе и обрадовался и встревожился, когда однажды под вечер в его кабинете появилась пани Ядвига. Для нееврея наведаться в еврейскую больницу было довольно опасным делом, и пани Ядвига немало рисковала, когда решилась на это, но оттого, что решилась, у доктора посветлело на душе. Румяное лицо пани Ядвиги было печально, в глазах стояли слезы. Она сообщила, что квартиру доктора вы-

брали под жилье важные германские офицеры, и все, что оставалось в доме, отошло теперь к немцам. Всюду развешили приказ о регистрации еврейского имущества: если кто-нибудь присвоил что из этого имущества, должен немедленно заявить и сдать.

«Ну, это не самое страшное, — сказал Лазарь Розенцвейг. — Говоря откровенно, дорогая пани Ядвига, я совсем не уверен, что когда-нибудь вернусь в эту квартиру».

«И все-таки кое-что я для вас взяла, господин доктор. Эту книгу, которая всегда лежала у вас на столе, — вы так любили ее читать, — пани Ядвига порылась в просторной кошелке и извлекла толстый том «Великих мастеров музыки». — И вот еще миндальные сухарики — совсем свеженькие, утром только испекла. Это уж последние, господин доктор. Теперь не найдешь ни миндаля, ни изюма, — черный хлеб и тот по талонам. Доживем ли мы до лучших дней?»

«Всему свое время, и время всякой вещи под небом. Спасибо вам за вашу доброту, дорогая пани Ядвига. Книга для меня радость и утешение. А сухарики я раздам детям к вечернему чаю. — Доктор взял обе руки пани Ядвиги в свои и поцеловал их, одну, потом другую. — И не приходите сюда больше: чтоб с вами беды не случилось».

Она выбралась из завтрашнего гетто переулком, еще не перегороженным кирпичной стеной. Вокруг было пусто: приказ коменданта запрещал евреям выходить из домов после шести часов вечера. Пани Ядвига слышала стук собственных шагов, чудилось, кто-то за ней гонится, ее одолевали тревожные мысли. Правду сказать, прежде чем сдать ключи управдому, она взяла из квартиры доктора Розенцвейга несколько небольших вещей, главное же, унесла к себе его драгоценную скрипку. Ей казалось, она делает это, чтобы позже вернуть скрипку доктору, но отчего-то не сказала ему об этом. Да и зачем им теперь скрипки? Ничего хорошего их не ждет — это и глупому ясно. Но, боялась пани Ядвига, кто-то подсмотрел, что она уносит скрипку, за каждым окошком чужие глаза. Если же самой пойти сдать ее немцам — навлечешь на себя подозрение: тут только начать — отберут до последней нитки. И это еще не худшее. По дороге в

больницу пани Ядвига видела на бульваре казенного. Он висел на дереве, страшный, желтое восковое лицо, лиловый открытый рот, на груди дощечка: «За сокрытие еврейского имущества». Несмотря на летнюю пору, на повешенном — зимнее пальто с широким меховым воротником шалью — может быть, то самое, которое он сокрыл. И душа пани Ядвиги томилась от страха.

Рано утром, едва рассвело, к больнице подъехал черный легковой автомобиль и за ним военный грузовик. Из автомобиля вышел стройный офицер в эсэсовской форме, из кузова грузовой автомашины, покрытого брезентом, попрыгали на землю вооруженные солдаты. Доктор Розенцвейг в ожидании, когда проснутся дети, чтобы начать утренний обход, сидел у окна и, пользуясь первым утренним светом, читал книгу. Рядом на обтянутом белой клеенкой топчане спала Таня. «Я потерял покой, и на сердце у меня тяжело, — читал Лазарь в жизнеописании любимого Шуберта, — и всякую ночь, отправляясь спать, я не надеюсь проснуться снова, и всякое утро обещает мне вчерашнюю скорбь»...

Офицер быстрым шагом вошел в кабинет. Доктор Розенцвейг встал ему навстречу. Он не успел спрятать книгу, офицер потянул ее из его рук, мельком взглянул на переплет. «Как ты смеешь читать эту книгу, дурацкий еврей? — спросил он ровным тоном, не повышая голоса. — Она написана не для тебя». Он повертел книгу в руках, не зная, что с ней теперь делать. И небрежно отбросил ее в угол. Книга тяжело шлепнулась на пол. Таня вскочила с топчана и, замерев, стояла рядом с Лазарем. Он нащупал ее руку и осторожно сжал в своей большой теплой ладони.

«Я имею приказ вывезти всех детей в другое лечебное заведение», — сказал эсэсовец. Он повернулся к ожидавшим в коридоре за отворенной дверью солдатам:

«Приступайте».

«Господин офицер, я как врач обязан вас предупредить: это тяжело больные дети, они не вынесут транспортировки», — доктор старался говорить спокойно.

«Я пользуюсь советами других врачей». Эсэсовец шагнул вон из кабинета.

Лазарь побежал, было, за ним, но солдат, оставшийся у двери, оттолкнул его. Доктор Розенцвейг смотрел в окно, как солдаты торопливо выносят детей прямо на простынях, без одеяла, не одетых, в одних больничных рубашонках, и, будто неживое, ненужное имущество закидывают в кузов грузовой машины. Он знал каждого из этих детей от макушки до мизинчика на ногах и не замечал, как его губы шепчут их имена.

Офицер еще раз появился в кабинете. «Семнадцать. Это все?» Лазарь не отвечал. Он смотрел на большую черную кобурю пистолета, оттягивающего слева пояс офицера. «Сейчас я крикну ему: «Убийца!» — и все кончится», — подумал он.

«А это что за ребенок?» Эсэсовец шагнул к Тане и взял ее за плечо.

«Моя дочь. И она здорова!» — почти шепотом ответил Лазарь, прижимая к себе Таню.

«Дочь?» Офицер смерил взглядом кривое, короткое тело Лазаря, и на его бледном красивом лице промелькнула улыбка. «Разве это имеет значение?» Неожиданным сильным рывком он швырнул девочку за дверь.

«Кубик! Кубик!» — уже издали закричала Таня. Лазарь снова бросился к двери. И снова солдат, уже уходя, оттолкнул его, на этот раз так сильно, что он упал. Он лежал на боку и шарил рукой по гладкому линолеуму пола, стараясь найти слетевшие с носа очки в тяжелой квадратной оправе, а сердце в его выступающей килем груди ворочалось и толкалось, как ворочается и толкается дитя, спешащее выбраться из-под защиты материнской утробы в наш безумный мир.

Позже многие обитатели гетто завидовали доктору Розенцвейгу, умершему своей смертью в кабинете своей больницы. Были и такие, которые называли

Лазаря святым и говорили, что за святость его и была ему дана легкая смерть.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Несколько дней спустя тому самому офицеру, сотруднику еврейского отдела гестапо, который вывез детей из больницы и расстрелял их на лесной поляне в шестнадцать километрах от города, было передано письмо, полученное гебитскомиссаром из берлинского книжного магазина Общества гуманитарных и естественных наук. В письме говорилось:

«Согласно заказу, полученному от д-ра Розенцвейга (далее следует адрес), мы выслали ему книгу «Великие мастера музыки». За д-ром Розенцвейгом остались недополученных 43,28 марки. К сожалению, мы узнали лишь теперь, что Розенцвейг — еврей, местонахождение которого установить невозможно. Мы считаемся ныне с возможностью того, что наряду с прочим имуществом нашего должника, властями učinено распоряжение и относительно высланной нами книги, право собственности на которую было нами оговорено. Будем вам весьма признательны, если вы поспособствуете возвращению нам нашего имущества».

Офицер прочитал письмо. «Торгаши! — раздраженно подумал он. — Мы перекраиваем мир, а они хотят, чтобы мы искали какого-то еврея, укравшего у них сорок марок. Следующий раз будут знать, с кем связываться». Но, соблюдая порядок, подшил письмо к делу. Оно до сих пор хранится в архиве.

Владимир Порудоминский — писатель и историк, автор многих книг по истории русской культуры, в настоящее время живет в Германии

ВСПОМИНАЯ МАРИЮ ЮДИНУ

Олег ЧЕРНИКОВ
**РУКИ
МАДОННЫ**

Автор воспоминаний Олег Черников — музыкант, в настоящее время заведующий Оперой Большого театра.

Я работал учителем музыки в городе Балашихе. В марте 1968 года, узнав телефон Юдиной, я позвонил ей, представился и попросил приехать ко мне в школу — выступить перед детьми. Она спросила, подготовлены ли дети... и охотно согласилась. 9 апреля 1968 года я приехал на такси на Ростовскую набережную, в кооперативный дом ученых... Был поражен самим видом квартиры Марии Вениаминовны: узкая железная кровать, самодельные стеллажи с книгами, рояль «Бехштейн», заваленный бумагами стол и садовая скамейка, вмещавшая массу каких-то папок, бумаг и нот. И все. Дверь не запиралась. Мария Вениаминовна просто прикрыла ее, и мы вышли. Я спросил: «А как же квартира?» — «Замок не работает, я не запираю, да и брать у меня нечего». Позже Анна Даниловна Артоболевская изрекла афоризм: «Для нее весь мир был община...»

Вот мы в школе. Юдина долго-долго мыла руки, словно ей, как хирургу, предстояло извлечь осколки из раненого сердца, затем протерла их «тройным» одеколоном, и началось священнодействие. Бах-Лист «Органная прелюдия и fuga ля-минор», Бетховен — 32 вариации до-минор, Шуберт — «Экспромт ля-бемоль мажор» из опуса 90, Мусоргский — «Картинки с выставки». Дети аплодировали ей после каждой пьесы, она останавливала их властным жестом и говорила: «Не будем тратить время на мелочи, давайте работать».

Я упивался... ее руками, и властными, как у дирижера, и одновременно скульптурно прекрасными, словно руки Мадонны. Невольно думалось: как жаль, что она не дирижирует. Какие были бы великие прочтения Бетховена, Шостаковича, Стравинского.

Во втором отделении было чтение стихов Заболоцкого, Хлебникова, Пастернака.

На обратном пути мы долго ловили «частника»... Она попросила зайти в «Смоленский», дала рубль и попросила купить для кошек «рыбный консерв» — она так и произнесла это слово, в мужском роде. Мы проявили инициативу и на свои деньги купили молока, кефира, колбасы. Тут же пришлось краснеть: «Вы что же, не знаете, что сейчас пост?! Впрочем, спасибо, кошки съедят».

...Я дал ей номер нашего телефона, и мы стали перезваниваться. Но... звонила она в 2-3 часа ночи. «Вы не спите?» И всегда это была просьба помочь кому-то... Но однажды глубокой ночью она попросила поймать такси и поехать в Дмитров, где для нее одол-

Встреча с Игорем Стравинским

жат 35 рублей. «Но такси будет стоить 25 рублей» — «Ну вот, десятку мне и привезете». Я обманул ее, не поехал, а дал свою десятку. Через несколько дней сознался ... Получаю перевод на 10 рублей 30 копеек. «Бесконечно благодарна, что выручили в трудную минуту. Копейки — для почтальона».

...А вскоре она была сбита машиной и повредила палец на правой руке. Подумывали о четырехпальцевой аппликатуре, но в стенах консерватории мы ее больше не слышали.

В феврале 70-го года умерла ее сестра... Мы ездили на Введенское кладбище, где похоронен их отец. Раввин пошел к могиле, но все было занесено снегом, и он остановился у края дорожки и читал молитву. А Мария Вениаминовна, при температуре в 20 градусов — в осеннем плаще и газовой козыночке, горько-горько плакала. Так ей было тяжело... Мы пошли к директору кладбища просить место получше, он буквально выгнал нас из кабинета.

Мы сами договорились с копателями, они отвели хорошее место, взяв за это 80 рублей. Потом я ездил в Кунцево, в морг больницы... Там произошло положение в гроб, и Анну Вениаминовну понесли на 9-й этаж. И здесь была музыка. Мария Вениаминовна играла и плакала. «Старый замок» и «Катакомбы» Мусоргского, «Похоронный марш»

из 12-й сонаты Бетховена и первую часть его «Лунной». Десятки раз я ее слушал у первоклассных мастеров в залах и записи, сам могу сыграть, но такой «Лунной» не слышал больше ни у кого и никогда. Магнитофон не зафиксировал это, народу было в комнате немного, но и сегодня моя память и душа хранят в сердце Великий Шедевр.

...Мария Вениаминовна всю жизнь кого-то спасала, выручала — ее пенсии для всего этого, конечно, не хватало. Многие помогли ей деньгами взаймы. Понимая, что уже не будет играть публично, следовательно, расплатиться с терпеливыми и все понимающими кредиторами нет возможности, она решила из своей трехкомнатной квартиры (дом был кооперативный) переехать в однокомнатную и хоть с кем-то разницей в деньгах расплатиться... И сегодня с гордостью вспоминаю, что Мария Вениаминовна пригласила меня одного перевезти ее, т. е. уложить ее бумаги и нехитрый скарб... По молодости и крепкому здоровью я мог бы сделать все за 2-3 дня, но переезд тянулся месяц. Довольно быстро увязал ее библиотеку: 30-томник Диккенса, 8-томник Блока, 6 или 7 книг Пастернака, книги Эйнштейна, Пушкина, Достоевского. Она собирала пословицы и поговорки русского народа, у нее их накопилось четыре тысячи... Все было быстро упаковано. А вот с ру-

копиями шло очень медленно. Я подавал ей бумагу в руки, она перечитывала каждый лист и рассказывала, кто ей писал. А писали ей Паустовский, Стравинский, Пастернак, Тынянов, А. Толстой и другие. Пусть простят мои институтские наставники, но за этот месяц я получил больше, чем за все годы учебы. Ах, молодость и глупость, записывать бы все, но ведь в таком возрасте всегда уверен, что запомнишь все и навсегда.

Телефон звонил непрестанно. ...Звонит какая-то Татьяна Павловна. Мария Вениаминовна рассказывает мне, что познакомилась с ней в электричке, она нуждается, дети недоедают. М. В. как раз получила гонорар за пластинки с музыкой Баха и покупает корову для случайной попутчицы. «Всю эту ситуацию мои друзья называют «Татьяна Павловна Бах-корова», — смеется она... Однажды на звонок ответила: «Никак. У меня его нет». Услышал комментарий: «Это спросили, как здоровье».

...У Марии Вениаминовны не было не только своих афиш, программ, пластинок — у нее не было проигрывателя, холодильника, телевизора. Пока шел переезд, каждое мое утро начиналось с одного: М. В. давала мне рубль или рубль двадцать и записку: «Ливерной колбасы — 250 гр., помидоров — 300 гр., пакет молока». Или: «Пачкапельменей, котлеты кулинарные». Но первое, что обычно было в записке, — это 700 грамм самой дешевой рыбы для кошек. Она кормила бездомных кошек — они жили за домом, штук двенадцать.

...Разбирая бумаги, я наткнулся на счета за междугородние телефонные разговоры. Один счет был на 50 рублей. М. В. сказала: «Я называю этот счет — «парижские слезы». Я разыскала в Париже приятельницу, с которой не виделась полвека, звоню, мы друг другу повторяем: «Неужели это вы?» И плачем. А потом за эти слезы приходит счет».

...В конце августа состоялся переезд. В последний день переезда я получил в подарок ноты «Картинок с выставки», где ее рукой написано: «Последний раз играла 6 февраля 1969 г. на вечере памяти Паустовского». Мне потом рассказывали, что Юдина приехала на этот вечер, но не выступала и лишь сказала: «Советская литература с уходом Паустовского лишилась совести. Ею в такой степени ни один из ныне живущих писателей не обладает».

Эти ноты и сегодня у меня. Уже по-смертно вышли ее «Картинки с выставки» в записи и с аннотацией к ним, где ее особым, неповторимым голосом сказано: «Только гениальный первооткрыватель и провидец Мусоргский мог создать на основе «Занимательнейших картинок» Виктора Гартмана произведение всеобъемлющее и единственное... во всей истории музыки»...

В октябре... Мария Вениаминовна в доме Художника на Кузнецком мосту на вечере памяти Митурича и Ефимова играла мотеты Хиндемита и при этом сказала: «Поскольку сомневаюсь, что все сидящие в зале владеют средневековой латынью, я позволю себе сделать перевод: «Повстречал Христос пастухов в пустыне». У какой-то дамочки это вызвало протест: «Нельзя ли обойтись без упоминания Христа». Юдина ответила: «Билеты сюда не продавали, вход свободный. Я никого не держу». После мотетов она сыграла плач Орфея по Эвридике из балета Стравинского. Наверное, есть какая-то символика в том, что последнее прозвучавшее из-под пальцев пианистки — реквием Орфея Эвридике, переложенный самой Юдиной. А через две недели — обострение диабета, больница. 20 ноября на филармонических стендах рядом с красочными афишами Эмиля Гилельса и других музыкантов появилось наклонное, написанное от руки на ватмане объявление, сообщавшее, что 19 ноября скончалась Мария Вениаминовна Юдина. И мы навсегда потеряли нашего Орфея, нашу Эвридику...

...Вестибюль Большого зала консерватории — помещение с трудом пробил Д. Д. Шостакович. Оркестр играет Аллегретто из 7-й симфонии Бетховена, В. Горностаева играет «Лунную», А. Ведерников поет «Для берегов отчизны дальней», В. Пикайзен исполняет «Аве Марию», А. Любимов — Шуберта, затем — А. Наседкин, С. Нейгауз, С. Рихтер. ... Как-то она сказала мне: «Я хотела бы, чтобы на моей панихиде играла Мария Гринберг». Я передал Гринберг этот разговор, и она гениально сыграла 2-ю часть 4-го концерта Бетховена... Гроб утопал в хризантемах, плакал Козловский. Затем катафалк, дорога к кладбищу... Все провожающие стояли с зажженными свечами, мелькали лица Евгения Пастернака, Анастасии Цветаевой...

Меня часто спрашивают: что необычного было в Юдиной, почему вокруг ее имени до сих пор легенды и небывлицы? Мне трудно сказать, обычная она была или необычная. Вот она покупает незнакомой женщине корову, — как это расценить? Юдина приехала на гастроли в ГДР. Она знала, что в Лейпциге была когда-то Иоганнес-кирха, в которой похоронен Бах, а в 1949 году саркофаг Баха перенесли в церковь святого Фомы. Из вагона поезда Юдина вышла босиком и пошла к могиле Баха, точно так же, как паломники идут уже две тысячи лет поклониться Гробу Господню. Думаю, что те же порывы руководили ею, когда 31 августа 1961 года в Малом зале консерватории она опустилась на колени

перед гробом Софроницкого. Вот такой необычности в Юдиной было много: кого-то спасти, кому-то помочь, найти врача, оплатить сиделку, накормить, подарить, защитить, сыграть на панихиде... Во время войны она ходила в солдатской шинели, подпоясанной веревкой, и вешала на столбах Москвы объявления: «Лечу с концертами в Ленинград, принимаю посылки весом до 1 килограмма». И разносила незнакомым людям все до последней передачи. Думаю, что о такой необычности Юдиной легенды будут жить еще очень долго.

Я никогда не учился у Марии Вениаминовны, но она — мой Учитель Жизни, мой Учитель Совести — Великая Мария Вениаминовна Юдина.

Играет Мария Юдина

Яков НАЗАРОВ ЛИЧНОСТЬ

Яков Назаров — племянник М. В. Юдиной (из бакинской ветви этой семьи). Кинорежиссер-документалист, фотограф-художник, график. Часто снимал М. В. Юдину.

Вокруг личности Марии Вениаминовны Юдиной распространялись легенды — о ее чудачествах, о странностях характера. И она действительно не

была похожа на других. Но все, что она делала и говорила, было настолько органично, настолько вытекало из ее волевого характера, что ни о каком чудачестве и помыслить было невозможно. Она была цельной и ясной личностью, безо всяких непредсказуемых для нее поступков. Все, что она делала, было ей позволено.

Это безропотно ощущали все люди, даже случайно оказавшиеся рядом. Однажды мы ехали на окраину города на такси. Машина должна была подождать, чтобы на ней же мы вернулись в Москву. Минут через пятнадцать М. В.

берет кусок хлеба, мажет маслом и выносит на улицу водителю. И дело не в том, что он съел хлеб, а в том, с каким ожиданием он взял и с какой осторожностью и аппетитом съел его. Поистине библейская сцена.

...Казалось, ничего не забудется, а уж записать-то успею всегда. Но прошло четверть века, и я судорожно пытаюсь вырвать из памяти уцелевшие воспоминания. Многие выветрились, но за все, что написано, я несу полную ответственность, все было сделано или сказано в моем присутствии.

Я попытаюсь сгруппировать отдельные высказывания и характеристики, данные разным писателям, художникам, композиторам.

— Бедный Сергей Сергеевич Прокофьев! (после исполнения какого-то его сочинения) Он оказался до конца разгаданным!

— Бах велик, потому что царит над всеми человеческими эмоциями.

Вообще, она не ценила в искусстве то, что называется «настроением».

На письменном столе М.В. стояли фотографии Стравинского, Шенберга, Штокхаузена, Баланчина, Митропулоса, Шагала и Пастернака.

Непререкаемым авторитетом был Владимир Фаворский... но и у него она принимала не все. Она видела ошибку в русских образах к «Слову» (автор ввел черты портретного сходства со своими родственниками, а это она считала для данной темы недопустимым). И среднеазиатские циклы его оставались для нее чуждыми. Вообще, она была далека от восточной культуры и ислама, он казался ей «поздним приспособлением единобожия к жаркому климату».

От современной ей живописи 60-х гг. М.В. была далека. Она не имела возможности непосредственно познакомиться с ней, но подозревала, что эта живопись лишена истинной глубины, которая привлекала ее в любом искусстве. Последним великим течением она называла кубизм, а из современников выделяла Шагала и Поллака.

Сюрреализм и дадаизм резко не принимала. «Дадаизм» был вообще обобщенной характеристикой вульгарного снижения нравственных высот искусства.

Не любила Т. Манна, а Фрейда вместе с Марксом относила к «лжеучителям человечества».

В большой чести был А. Камю, особенно эссе «Человек в революции».

Многие пытались искать благосклонности М.В. — приблизиться пробовали Глазунов и Солоухин, но М.В. прозорливо не обманулась. А вот Евтушенко в юношеские годы привлек ее внимание. Он, как говорила М.В., «заглянул в окно к истине».

Но больше всех из молодых она любила Иосифа Бродского. «Теперь так мало греков в Ленинграде, что мы сломали Греческую церковь». За эти его строчки, говорила она, «все отдай, да мало!»

С А.И. Солженицыным отношения складывались непросто. Она высоко ценила его труд, жизненный путь, нравственную позицию, но не полностью принимала произведения: «В них нет света в конце, — говорила она, — а без этого не может быть великой литературы».

Редко видясь, они обменивались короткими письмами и телеграммами. Помню, как на нескольких телеграфных бланках М.В. отправляла Александру Исаевичу стихотворную телеграмму. Помню одну из ответных телеграмм, в которой Солженицын писал: «Уверен, настанет день, когда любой наш с вами след будут искать как великую ценность».

Далее — отдельные фразы и ситуации, характеризующие, на мой взгляд, М.В.

Администрация кооперативного дома предложила профессору самой выбрать этаж ее будущей квартиры.

— Последний, — сразу ответила М. В.

— Подумайте, вы человек немолодой, лифт может сломаться...

— Нет, независимо от высоты дома — только последний. Я не привыкла, чтобы по мне ходила интеллигенция. Хочу, чтоб надо мной было небо.

С ЖЭКом связана одна комичная история.

М.В. кормила прилетавших голубей. Часть крошек падала вниз, вызывая недовольство соседей. По этому поводу ЖЭКом была затеяна длительная переписка (до прямого разговора никто не опускался). В последнем письме профессор написала: «Я голубей кормила и кормить буду — насколько я знаю, голубь является общепризнанной птицей мира и уничтожению не подлежит». Она вышла победительницей.

Протирая тряпкой пол, приговаривала: «У меня два врага — крошки и советская власть».

...М.В. всю жизнь страдала от нехватки денег, но в день получения пенсии огромную по тем временам сумму оставляла посылной. На недоуменный вопрос ответила: «Я люблю, чтоб простолюдины были довольны».

Этажом ниже жила любившая и уважавшая ее машинистка. Последние годы М.В. много писала и, устав, поздно вечером садилась за инструмент. Однажды соседка поднялась к ней и спросила, нельзя ли поменять расписание и играть немного пораньше, «хотя я понимаю ваши трудности, мы ведь с вами одним трудом хлеб зарабатываем».

М.В. с уважением относилась ко всем профессиям, создающим что-то полезное людям, но особенным уважением у нее пользовались хирурги и священники. Она усмотрела в них даже общее профессиональное заболевание — болезнью ног из-за вечного стояния.

Интересно отношение М.В. к усталости. Она считала ее обязательным элементом постижения истины. И осуждала католиков за сидение во время службы, так как стояние на молитве помогает приблизиться к Богу. И слушатель, не говоря об исполнителе, должен устать — так как постижение искусства есть тяжелый труд.

М.В. много преподавала. Но для нее это была вынужденная деятельность, хотя это мое мнение противоречит мнению многих ее учеников. Шутя говорила мне: «Зачем мне их учить! Все равно будут играть хуже меня!».

М.В. занимала у всех деньги и умерла вся в долгах. Но я не помню, чтобы деньги она занимала для себя. Она всегда находила людей, которые нуждались, как ей казалось, больше и которым надо было помочь. Тогда она просила или даже требовала у тех, у кого, как ей казалось, деньги должны были быть. Это была своеобразная экспроприация — или более справедливое распределение. Она совершала это с какой-то веселой бесцеремонностью, с легкой искринкой в уголках глаз.

Но в глубинах сознания все время был вопрос, который обязательно зададут на пороге вечной жизни (она рассказала мне об этом сама):

— Своими средствами вы могли распорядиться, как считали нужным, но

почему вы помогали другим средствами чужими?

Ответа на этот вопрос она не знала.

После совместной записи с каким-то ансамблем М. В., очень довольная, рассказывала, как она «провела» музыкантов. Ей не хватало для качественной записи официально положенных репетиций. Она требовала дополнительных, «но у музыкантов есть семьи, дети, они не должны страдать из-за моих трудностей». И она их «обманула», сказав, что добилась от бухгалтерии оплаты дополнительных репетиций. Достала какие-то бланки, попросила заполнить и оплатила сама всем музыкантам.

Одно чувство сопровождало М.В. всю жизнь — чувство вины... Часто оно приобретало фантастические черты...

Один из ее ближайших родственников, человек совсем других взглядов и морали, вдруг надумал креститься. М.В. отнеслась к этому со всей серьезностью и просила его немного повременить, чтобы лучше подготовиться к этому шагу. Он согласился, а потом, естественно, забыл о своем желании. И с тех пор М.В. чувствовала вину, что не смогла сберечь его душу, и смиренно помогала деньгами всю жизнь, что он благосклонно принимал.

Глубокое чувство вины тлело перед М. Цветаевой — был эпизод, когда две эти полярные личности пересеклись и М.В. не почувствовала тогда необходимости протянуть руку помощи, в которой Цветаева в те дни нуждалась.

Когда М.В. сбила машина, единственное, что ее волновало в больничной палате, — это чувство вины перед водителем, которому она может принести неприятности. Она считала себя виновной в аварии и просила написать водителю письмо с просьбой о прощении.

М. В. страдала диабетом. Она пыталась не обращать на него внимания, а больше всего не хотела, чтобы о ее болезни знали другие. Диабет был для М. В. «болезнью богатых», т. к. требовал внимания, диеты, режима...

М. В. больше всего тревожилась тем, что в сознании большинства диабет ассоциировался с потерей сил: она очень не хотела, чтобы кто-нибудь думал, что у нее уменьшается жизненная энергия.

Умерла М. В. все же от диабета. После нервного срыва она впала в коматозное состояние, из которого врачи не могли ее вывести. А в первый день, когда она лежала в коридоре городской больницы, она сказала мне: «Ты же знаешь, почему я здесь оказалась». Она имела в виду историю, в которой совершенно ошибочно отводила себе одну из главных ролей.

Несколько месяцев назад в ее доме появилась Наталья Дмитриевна. Она искала путь к Богу и на этом пути приблизилась к М.В. На тех же путях М.В. способствовала ее знакомству с Солженицыным. А еще через некоторое время М.В. услышала, что Александр Исаевич разводится со своей женой и собирается соединить свою жизнь с Натальей Дмитриевной.

Для М.В. это был удар. Разводов она

не прощала никому, даже любимому Борису Леонидовичу. А здесь, как ей казалось, сама способствовала... В реальной жизни, конечно, было не так. Для своей судьбы, для своей жизни участники этой истории оказались правы.

Но все объективные объяснения для М.В. были закрыты. Она считала себя виновницей чуть ли не краха русской интеллигенции. Это чувство вины было настолько сильным, что оно-то и привело ее к коме. Незадолго до того она отправила А.И. длинное письмо, которое я сам опустил в почтовый ящик. Черновик этого письма загадочным образом исчез из квартиры после смерти М.В. Я помню его последние строки: «Я все время была уверена, что наш с вами путь — это путь соревнования в жертве, а не потакания минутным жизненным слабостям»...

МАКСИМОВ, ОН ЖЕ РАЙКИН

Макс Райкин, он же Максим Максимов, он же Максим Райкин, родился в Ленинграде 8 февраля 1927 года.

В 2002 году ему исполнилось бы 75 лет. Этот последний в семье ребенок родился у пятидесятилетних родителей. У Лизы Борисовны и Исаака Давидовича были дочери Соня и Белла, и сын Аркадий Райкин, никому не известный тогда юноша, мечтавший стать актером. Его кумиром был кинозвезда тех лет Макс Линдер. Так по настоянию первенца последний в семье ребенок был назван Максом. Мальчику не нравилось, когда его называли Максик, ему больше нравилось обращение Максим. Младший Райкин был любимцем пожилых родителей и старших детей. Однако он не был избалованным ребенком, поскольку всегда был вполне самостоятельным человеком. Утром он сам отправлялся в детский сад, а вечером сам возвращался домой, охотно выполнял хозяйственные поручения, ходил в магазины за хлебом, молоком и керосином. Райкины жили в Ленинграде в огромной коммунальной квартире. Вечером Максик с нетерпением ждал возвращения домой своих родных. Старшие читали ему сказки, за ужином шли интересные взрослые разговоры. В гости к уже взрослым сестрам приходили поклонники. Вся эта «бурная» жизнь проходила в довольно большой, но единственной комнате, служившей семье спальней, столовой и гостиной. Такая непростая ситуация осложнялась еще и тем, что Макс был очень правильным ребенком. В девять часов вечера он громко объявлял, что детям пора спать. Он укладывался в постель и требовал, чтобы свет был погашен, радио выключено. Сестры Соня и Белла, которым сейчас уже хорошо за восемьдесят, до сих пор вспоминают, как они вынуждены были общаться со своими друзьями, стоя в подъезде дома или прогуливаясь по улицам.

Детство четырнадцатилетнего Макса закончилось, как у многих его сверстников, 22 июня 1941 года. Аркадий Райкин, ставший уже очень популярным артистом, отправился на фронт выступать перед уходившими в бой солдатами. Сестра Соня уехала в Уфу, куда из прифронтового Ленинграда эвакуировался завод, на котором она работала. Отец Исаак Давидович отказался от эвакуации, полагая, что война продлится недолго. Пожилые родители Макса, его сестра Белла и мгновенно повзрослевший Максик оказались в блокадном Ленинграде, обреченные на голод, холод и смерть. Они чудом выжили и дождались момента, когда через Ладожское озеро открылась «Дорога жизни». Собрав последние силы, Макс перетаскивал на себе полуживых родителей и казавшиеся неподъемными чемоданы и тюки. На всем пути их следования им давали поесть. Однако часто лишняя ложка супа или каши представляла смертельную опасность

для истощенных голодом людей. Исаак Давидович Райкин умер от заворота кишок, не пережив и нескольких «сытых» дней «Дороги жизни». Макс предстояло везти мать и сестру в Ташкент, где у малознакомых людей жила отправленная в эвакуацию маленькая Катя, дочка Аркадия.

В Ташкенте на попечении младшего Райкина были две истощенные голодом женщины и трехлетняя племянница. Денежные переводы и продуктыые посылки, отправляемые Аркадием, редко доходили до них. Единственный в семье мужчина — ученик седьмого класса Макс взял на себя всю ответственность за выживание семьи. Он не мог регулярно посещать занятия в школе, поскольку вынужден был регулярно посещать знаменитый в Ташкенте Алтайский базар, где продавал привезенные из Ленинграда носильные вещи, а на вырученные деньги покупал еду. Однажды учитель математики увидел на базаре своего ученика и рассказал об этом в школе, призывая учителей и детей осудить прогульщика и спекулянта Макса Райкина. В результате страдавший от жизненных невзгод и унижений мальчик совсем перестал ходить в школу.

Учитель, решивший образумить нерадивого ученика, пошел к нему домой. Увиденное повергло преподавателя в шок. В крошечной комнатухе его ученик отпаивал какими-то травами и кормил сваренным им репчатым луком троих лежащих больных. Никакой другой еды не было, потому что несколько дней подряд ничего не удавалось продать. Пожилой человек, этот учитель, не постеснялся попросить прощения у своего ученика, затем привел мальчика в школу и при всех просил у Макса прощения, сказав, что решение взять на себя ответственность за судьбу других — решение мужественного и благородного человека.

Действительно, Максим был таким человеком, настоящим человеком, отзывчивым, сочувственным, добрым и скромным. Его старший брат уже в конце тридцатых годов стал одним из самых популярных и любимых артистов нашей огромной страны. Родной брат великого актера, да с ума можно было сойти! Можно было счастливо жить, греясь в лучах славы великого, гениального Райкина... Однако никог-

да, ни в детстве, ни во взрослом возрасте, вообще никогда Макс не любил, когда упоминали о его родстве с Аркадием. Я, его бывшая одноклассница, а затем жена с сорокадевятилетним стажем, не первый и не последний тому свидетель. Однажды, еще ребенком, я была с родителями на концерте Аркадия Райкина. Я хохотала, аплодировала, а после концерта твердо заявила, что если и выйду замуж, то только за Райкина. Я обожала его, как и весь советский народ.

Случилось так, что меня определили на учебу в школу-экстернат, где не учившиеся во время войны дети за один год осваивали программу нескольких лет обучения. В один действительно прекрасный день ко мне за парту посадили мальчика. Учитель представил новичка — Макс Райкин. Я чуть не подпрыгнула от радости и сразу спросила: «Аркадий Райкин — твой родственник?» — «Нет, — ответил мальчик, — просто однофамилец». Я тут же потеряла интерес к своему соседу. Однако новенький стал проявлять интерес ко мне. Он пожелал делать уроки со мной у меня дома, сказал, что его семья приехала из эвакуации и временно, до получения квартиры в его родном Ленинграде, живет в тесном гостиничном номере.

Мы учились, много времени проводили вместе. Мальчик начал мне нравиться, я ему тоже. Однажды он пригласил меня в театр и попросил зайти за ним до спектакля к нему домой, в гостиницу. Я вошла в огромный гостиничный номер «Люкс» и увидела сидящего в кресле Аркадия Райкина. Мои ноги вросли в пол, я потеряла дар речи, не могла даже поздороваться. Максика я готова была стукнуть за наглый обман. Старший Райкин сказал, что он не кусается, к нему можно подойти ближе и познакомиться. Я подошла ближе и разглядела тридцатитрехлетнего Аркадия Исааковича, он показался мне совсем пожилым человеком, чуть моложе моего отца. Младший Райкин явно нравился мне больше старшего. Я поняла, что мой ровесник — красивый человек не только внешне, он личность, достойная уважения и любви. Пятнадцатилетний мальчик сказал, что всего добьется сам, что я буду гордиться им.

Так оно и было. Он всего достиг сам, сам строил свою жизнь. Трудно было этому талантливому и самостоятельному человеку жить и работать, вечно преодолевая отношение к себе как к брату великого Райкина. Конечно же, старший брат всегда был кумиром младшего. Макс мечтал стать актером, хотел как можно быстрее поступить в театральный институт. В год победы над Германией Аркадий Райкин с семьей вернулся в родной Ленинград. Максу нужно было получить среднее образование. К тому времени он учился в строительном техникуме, до его окончания оставалось еще долгих три года. Старший брат был на гастролях, и младший решил, что пора тоже идти в артисты, а для начала решил поступить в театральный институт. Никто лучше бывшего абитуриента не мог бы рассказать об этих первых его шагах на пути в большое искусство. В своей книге «Про то, про это» младший Райкин вспоминает:

...Это было в 1945 году, я пришел в приемную комиссию.

— Вы принесли документы? — спросила меня симпатичная девушка, сидящая за столом.

— Видите ли, у меня всего восемь классов и один курс техникума. Как вы считаете, этого достаточно?

— Конечно, нет, в вуз принимают только после десятилетки. Нужен аттестат зрелости.

— А если у меня будет два курса техникума и восемь классов, мне могут зачислить это за десятилетку?

— Конечно.

— Значит, сейчас для меня ничего не светит?

— Даже не пытайтесь. Приходите на будущий год в это же время.

Через год я явился снова и, естественно, хотел увидеть знакомое мне лицо. Но там, за столом, сидел мужчина.

— Вы кого-то ищете? — спросил он у меня, когда я растерянно оглядывался по сторонам.

— Да, мне нужна одна девушка.

— Какая?

— Которая в прошлом году сидела за этим столом.

— В прошлом году?

— Да.

— Фамилия?

— Фамилии ее я не знаю.

— А как ее зовут, знаете?

— Нет.

— Интересно. Так что вы хотите?

— Поступить в институт.

— Так зачем она вам? Давайте документы.

Я отдал справки.

— Что вы мне даете? Мне нужен ваш аттестат.

— Его у меня нет. Девушка, которую я ищу, в прошлом году сказала, что этих справок будет достаточно.

— Не может этого быть.

— Но она так мне сказала. Иначе бы я поступил в школу и за десятилетку сдал бы экстерном.

— Вот и надо было это сделать.

— Но девушка мне сказала...

— Что вы заладили одно и то же. Вы даже не знаете ее фамилии, кто она такая, какую должность она занимала.

— Что же мне делать?

— Зайдите к декану актерского факультета Сладкопещеву. Услышав эту фамилию, я несколько приободрился...

Далее настырный абитуриент уговорил декана. В приемной комиссии приняли его неполноценные документы, вступительные экзамены были успешно сданы. Однако один из членов приемной комиссии шепнул Максиму, что вряд ли его зачислят в студенты — все-таки нет у него необходимого среднего образования. Этот «доброжелатель» посоветовал просто-напросто купить у его знакомого аттестат зрелости. Что было делать? Родственники не одобрили бы подобную аферу, так что решение юноша принял самостоятельно. Совесть и разум противились обману, но... очень хотелось как можно быстрее заниматься любимым делом. Фальшивка была куплена и сдана в приемную комиссию. Были вывешены списки с фамилиями счастливых, принятых в институт. В их числе оказался и Макс Райкин. Он начал заниматься на курсе знаменитого Леонарда Вивьена. Все шло замечательно, но однажды во время репетиций его вызвал к себе декан актерского факультета, который, потрясая так называемым аттестатом зрелости, гневно спросил:

— Что это такое? Я ведь разрешил тебе сдавать экзамены по твоим документам, а это... короче, ты отчислен.

Потрясенный юноша вернулся на репетицию, за ним следовал декан, который и сообщил аудитории о своем решении. Проводивший занятия препода-

даватель спросил убитого горем Макса, мог бы он в сложившейся ситуации продолжать репетировать. «Я могу», — ответил тот и сразу включился в работу. Знаменитый Вивьен похвалил своего ученика. Он сказал, что настоящий артист выходит на сцену и работает, даже если он болен или пережил несчастье. Присутствовавший при этом декан велел Максиму уничтожить — съесть, сжечь или порвать купленный «документ». Бумажка была разорвана в мелкие клочья, а Максим восстановлен в правах студента. Всю оставшуюся жизнь Максим — а именно так он стал называть себя — вспоминал этот эпизод. В кошмарных снах он снова и снова переживал, страдал, а наяву испытывал стыд за единственный совершенный им несправедный поступок.

Учиться в институте, где все помнили, как формировался талант старшего Райкина, было непросто. Максим работал день и ночь, доказывая себе, преподавателям, родным и друзьям, что он актер милостью божьей. Студент Райкин успешно играл характерные и комедийные роли. В дипломном спектакле «Кьоджинские перепалки» он сыграл острокомедийную роль Судьи, а в выпускном спектакле «На дне» — Барона. В 1950 году выпускник Ленинградского Театрального института Максим Райкин был направлен на работу в прекрасный в те времена город Грозный, в русский драматический театр имени Лермонтова. За десять дней до отъезда он сделал мне предложение. Мы были знакомы и дружны с пятнадцати лет, и все эти годы он считал меня своей невестой. Свадьба была очень веселой. Старший Райкин блистал остроумием, искусно показывал смешные фокусы с цветными шариками. Это был незабываемый праздник. Утром одна наша веселая противная соседка сказала мне: «Господи, я так тебя понимаю! Я бы тоже вышла замуж за брата Райкина, даже если бы он был крокодилом, а этот-то, твой муж, он к тому же еще и красавец».

Я осталась заканчивать учебу в Институте Иностранных языков, а мой муж, он же красавец, начал работать в Грозном. В первый год работы на профессиональной сцене Максиму посчастливилось сыграть разнообразные и интересные роли в спектаклях «Аттестат зрелости», «Женихи», «Старая

сказка», «В середине века», а в начале следующего сезона ему предстояла уникальная работа над ролью Ивана Грозного в драме «Иван Грозный».

Летом Максим приехал в отпуск в Москву, и в это же время в Москву на гастроли приехал Ленинградский театр Эстрады и миниатюр под руководством Аркадия Райкина. Каждый день Максим ходил к брату в Театр на репетиции нового спектакля «Под крышами Парижа», для молодого артиста это были уроки актерского мастерства. Накануне премьеры произошло событие, круто изменившее не только театральную карьеру младшего Райкина, но и всю его жизнь. В тот день один из артистов театра подал заявление об уходе. За оставшиеся до премьеры считанные часы невозможно было сделать какие-либо замены или перестановки. Аркадий сказал, что спасти положение может только Максим, который за месяц наверняка уже выучил все роли и мизансцены. Максиму пора было возвращаться в Грозный, но разве мог он отказаться от предложения брата, который всегда был его кумиром и опорой.

Конечно, он остался с Аркадием, благодаря судьбу и ушедшего артиста за возможность работать в одном из самых интересных театров той поры.

С братом Аркадием

Так волею случая артист Максим Райкин превратился в артиста Максима Максимова. Он сам выбрал себе этот псевдоним. По паспорту Райкин, а по сцене Максимов — не брат, а только коллега, партнер великого Райкина. Немногие зрители знали об их родстве. Однажды их схожесть помогла создать очень интересную миниатюру «Без головы». На сцене в кресле сидит безголовый начальник, причем сначала голова была (голова Аркадия), а потом она пропала неизвестно куда. Аркадий выходит на авансцену, а человек без головы (туловище, руки и ноги Максима) продолжает сидеть в кресле и руководить, причем отсутствие головы у начальника никто не замечает. По смыслу это была замечательная сценка, а трюк — голова одного артиста, а туловище — другого — так и остался неразгаданным.

Ленинградский театр Эстрады и миниатюр был уникальным театром. Смешное и грустное нашей советской жизни, изъятые из нашего строя, прекрасно показывали в своих сатирических и юмористических сценках не только сам Райкин, но и все его партнеры. Однако этот театр был все же театром одного актера. Зрители шли на Райкина, хотели видеть именно его. Все остальные и все остальное было только фоном великого артиста. Актеров в этом театре всегда было немного — 12-14 человек. Они были заняты в каждом спектакле, но играли только роли второго плана, хотя в любом другом театре они могли быть солистами. Труднее всех в театре было работать жене Аркадия — артистке Роме и его брату Максиму. Чтобы избежать обвинений в семейственности (в советские времена признавались только рабочие династии), Аркадий давал им менее интересные роли.

Несмотря на отсутствие больших ролей и перспективы стать большим драматическим актером, Максим проработал в театре Райкина много лет. Как и другие актеры этого театра, он понимал, что работать рядом с таким мастером, быть его партнером — уже счастье. В золотой фонд Радио и Телевидения России вошли миниатюры, в которых Максим Максимов был партнером Аркадия Райкина: «Няня», «А Вас», «Дурочка» и многие другие. Театр Райкина месяцами гастролировал

по России, его спектаклями восхищались зрители Прибалтики, Дальнего Востока, Средней Азии и многих европейских стран. Для гастролей за рубежом актеры выучивали тексты своих ролей на языке страны, в которой они выступали. Райкин с партнерами был приглашен в Великобританию на съемки фильма Би-Би-Си «Все звезды мира». Немногие наши театры имели возможность увидеть другой мир и внести свой вклад в мировую культуру.

Жажда самостоятельного творчества привела к тому, что Максим стал писать стихи для детей. Стимулом для начинающего тридцатилетнего поэта было рождение сына.

Андрюша открывал рот и ел кашу, слушая произведение отца в его же исполнении. В разных городах, куда театр приезжал на гастроли, Максим выступал с чтением своих стихов на Радио и Телевидении. В Ленинграде и в Москве его авторские работы имели большой успех. Удачи привели к решению выступать самостоятельно, вне театра. Аркадий очень ревниво относился к концертной деятельности брата, спрашивал — что это ты там пишешь, с каким репертуаром выступишь на эстраде? Он боялся халтуры. Результат проверки творческих шагов Максима Максимова был неожиданным. Сценки и миниатюры, написанные и исполняемые Максимом в своих концертах, вошли в репертуар театра Райкина. Максим стал известным зрителям и слушателям как автор-исполнитель рассказов, миниатюр, детских стихов и взрослых басен. Он часто выступал на Радио в программе «Доброе утро», в телевизионной передаче «Вокруг смеха».

После тридцати лет служения в театре Аркадия Райкина, уже пожилым человеком, Максим ушел в самостоятельное плавание. Позади остались годы работы под псевдонимом. Максим Райкин занял свою нишу в искусстве. Он подготовил большой и разнообразный концертный репертуар для взрослых и для детей, давал сольные концерты как автор-исполнитель и выступал в сборных концертах, воплощались в жизнь его новые творческие идеи.

Такие известные композиторы, как Мажуков, Пресленев, Пономаренко, Аверкин, Журбин, создали песни на слова Максима Райкина. Позднее

многие его стихи, ставшие песнями, вошли в сборники песен «Припевки, шутки, прибаутки» композитора Аверкина и сборник «Планета детства» композитора Журбина. Популярны вокальные ансамбли «Апельсин», «Доктор Ватсон» и многие другие исполняли песни Максима Райкина. Начиная с 90-х годов звучат на радио его, ставшие шлягерами, песни «Хорошо ли, плохо ли?», «Лень», «Часы», «Ты мне, я тебе».

Рассказы Максима Райкина печатались в газетах «Культура», «Вечерняя Москва», в «Международной еврейской газете», в сборнике «Еврейские штучки».

О Максиме Райкине, талантливом и необыкновенно творческом человеке, были сделаны передачи на «Радио России», «Москва», телевизионные передачи на канале «Столица». В вышедшей в 1999 году полной аудиоверсии романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» он сыграл роль Профессора.

Максим Райкин написал десятки сказок, басен, детских пьес, эстрадных сценок и миниатюр, сюжетов для мультфильмов и киножурнала «Ералаш». Он успел составить сборники

80-е годы. Выступление на концерте с партнером — В.Н. Ляховицким

своих детских стихов «От А до Я», «Забавная Азбука», «Страшилище». Не успел он только увидеть выпущенную в сентябре 1999 года в издательстве «Новый Центр» свою книгу, которую посвятил внуку Андрею Райкину — книгу «Про то, про это». Это книга воспоминаний о семье, о театре Аркадия Райкина, о гастрольных поездках. Макс Райкин умер 20 июля 1999 года.

Для нас, его семьи, он жив. Страсть к творчеству унаследовали его сын Андрей Райкин — журналист с многолетним стажем работы и его внук — тоже Андрей Райкин, будущий музыкант.

Самсон МАДИЕВСКИЙ

СИОНИЗМ БЕЗ СИОНА

О книге А. Кухенбекера «Сионизм без Сиона. Биробиджан : Идея и история еврейского государства на Советском Дальнем Востоке». Берлин: «Метрополь», 2000.

Автор книги Антье Кухенбекер родилась в 1965 году. Окончила исторический факультет Гамбургского университета в 1994 году. Докторскую диссертацию, на основе которой написана рецензируемая монография, подготовила в Центре по изучению антисемитизма при берлинском Техническом университете. После защиты диссертации (1998) и выпуска книги (2000) участвовала в научном проекте «Процессы формирования наций в государствах — приемниках Советского Союза».

Книга немецкого автора посвящена одному из кажущихся парадоксов советской истории, существующему и сегодня, — Биробиджану (или, как он официально продолжает именоваться, «Еврейской автономной области Российской Федерации»). Области, где евреев сегодня, по-видимому, меньше, чем во многих других субъектах той же Федерации (хотя и там число их за последнее десятилетие резко сократилось).

О Биробиджане до сих пор написано немного. И не только потому, что советские архивы были недоступны, — не хватало, если можно так выразиться, нужного угла зрения на проблему. Ведь смысловое ядро ее — генезис и развитие самой идеи «социалистической еврейской автономии». И именно этот аспект проблемы поставила в центр своего исследования Антье Кухенбекер. Другие аспекты — история заселения Биробиджана, хозяйственное и культурное строительство, — по ее мнению, достаточно освещены в имеющейся литературе.

Автор задалась вопросами: почему коммунистическое руководство СССР попыталось осуществить сионистскую по сути идею «еврейской государственности», столь разительно противоречившую тезису о неизбежности ассимиляции евреев, сформулированному до революции В.И.Лениным и И.В.Сталиным? Почему ЕАО была создана в столь неподходящем, каза-

лось бы, для этой цели месте — далеко от основных центров расселения советских евреев, в краю, лишенном инфраструктуры, с неблагоприятным климатом? Далее, в чем заключалась национальная специфика ЕАО, какое реальное содержание скрывалось за названием «еврейская» в государстве, где иудаизм, как и другие религии, отвергался, существование еврейской нации отрицалось, а традиционная еврейская культура клеймилась как «буржуазная»? И наконец, насколько проект «еврейской автономии под знаком серпа и молота» был привлекателен для различных слоев еврейской ответственности за рубежом?

Рецензируемую книгу выгодно отличает от работ предшественников не только избранный угол зрения, но и широта подхода. Феномен ЕАО анализируется и в контексте сионистской идеи еврейской государственности, и как органическая часть истории евреев в СССР. Анализируется с учетом тогдашних представлений Советов об окружающем их мире и о самих себе. Экскурс автора в дореволюционную историю Бунда позволяет читателю понять, почему именно светская идишистская культура была объявлена национальной культурой советских евреев, центром которой должен был стать Биробиджан. Возникновение идеи еврейской автономии и ее реализация рассматриваются в контексте национальной и переселенческой политики

советского руководства. Обе волны чисток, затронувшие Биробиджан (1936-1938 и 1948-1953 гг.), освещаются под аналогичным углом зрения — что здесь было общего для всей страны и что специфичного, направленного против евреев. Только взгляд, выходящий за пределы области, и мог, по убеждению автора, дать должный масштаб и критерии оценок ее истории.

Угол зрения предопределил и структуру работы. Первая глава («Религия, народ или нация? «Еврейский вопрос» и ответы на него») посвящена духовно-исторической предыстории биробиджанского проекта. Здесь анализируются бундовская идея «национально-культурной автономии», сионистские и территориальные проекты создания еврейского государства, взгляды Ленина и Сталина на «еврейский вопрос». Во второй («Из местечка в город, от народа-парии к «экстерриториальному меньшинству»: еврейское население на пути интеграции в советскую систему») — рассмотрены экономическое и социальное положение еврейства после революции, национальная политика Советской власти в 20-е годы и роль в ней евкомов и евсекций. Третья глава («Борьба вокруг идеи еврейской советской республики: на следующий год в Крыму? На следующий год в Биробиджане!») освещает процесс создания еврейских земледельческих колоний на юге Украины и в Крыму и возникшие в ходе его проекты образования еврейской автономии. В главе четвертой («Дальний Восток вместо Ближнего: ЕАО и ее стилизации») исследованы пропагандистские ипостаси биробиджанского проекта: «жемчужина в тайге», «центр советской еврейской культуры», «красная Палестина», «родина еврейских пролетариев всех стран». Название пятой («Конец начинания: ни еврейская, ни автономная, — просто область») говорит само за себя.

Ядро источниковедческой базы исследования образуют документы из московских (ГАРФ, РЦХИДНИ, РГАЭ) и биробиджанского архивов. Используются и материалы архивов израильских — Центрального сионистского и Центрального архива истории еврейского народа. К сожалению, нигде — ни в Европе, ни в Америке — не

удалось до сих пор обнаружить архивы просоветских организаций помощи крымскому и биробиджанскому проектам (возможно, они были уничтожены сотрудниками этих организаций в период маккартизма).

Во время пребывания в Москве, Биробиджане и Израиле А.Кухенбекер встречалась и беседовала со многими современниками и участниками описываемых событий. Но их устные свидетельства используются ею с большой осторожностью — из опасения, как пишет автор, «ошибок памяти, идеологизированных интерпретаций прошлого и приукрашивания его — вплоть до сознательных фальсификаций». Они привлекаются только для иллюстрирования положений, установленных путем анализа документальных источников. В принципе, такой подход оправдан, если не забывать о двух вещах. Во-первых, некоторые из названных опасностей подстерегают историка и при использовании документов, особенно советского периода. Во-вторых, есть такая сторона исторического процесса, как психология людей, для научной реконструкции которой свидетельства современников — ничем не заменимый исторический источник (хотя, конечно, подходить к нему нужно, как и ко всем прочим видам источников, критически).

Итак, к каким выводам пришла А.Кухенбекер в итоге проведенного ею по-немецки основательного, дотошного исследования? Вкратце они выглядят так.

Идея создания еврейской советской республики, которую коммунистическое руководство СССР восприняло в середине 30-х годов, по-видимому, находилась в явном противоречии со сформулированной Лениным и Сталиным до революции теорией слияния этносов в гомогенную человеческую общность, которое закономерно произойдет в социалистическом будущем. Еще более явно противоречила она постулату о неизбежности и прогрессивности ассимиляции евреев при капитализме и, тем более, социализме. Однако ни от этой теории, ни от названного постулата большевики отказываться не собирались. Их национальная политика в 20-е и начале 30-х годов (утверждение советского федерализма, национальное строительство, корени-

зация) преследовала очевидные прагматические цели — укрепление своего господства над многонациональной страной. Как часть этой политики следует рассматривать и создание ЕАО.

Для того чтобы устранить хозяйственную нищету и социальное неполноправие («лишенцы») значительных слоев еврейского населения, решено было содействовать поселению евреев на землю (возможность вовлечь их в промышленность до начала форсированной индустриализации отсутствовала). На этой почве возникло редкое в истории временное совпадение целей различных национально- и социально-политических сил — советского руководства, еврейских национал-коммунистов и зарубежных еврейских организаций само- и взаимопомощи. Общим знаменателем их сотрудничества стала идея «продуктивизации» — приобщения евреев к производительному, в данном случае земледельческому труду. При этом каждая из сторон была движима собственными мотивами. Советское руководство стремилось пополнить валютные резервы и как-то решить проблему «лишенцев», интегрировать их в существующую экономическую и политическую систему. Руководители евсекций и ОЗЕТА (многие из них в прошлом были членами еврейских социалистических партий — Бунда, «Поалей Цион», «Фарейникте» и др.), разделяя вторую из этих целей, видели в земледельческой колонизации средство изжить антисемитский стереотип еврея, неспособного к производительному труду. Зарубежные еврейские организации помощи руководствовались чувствами национальной солидарности, заботой о благосостоянии соплеменников.

Программа еврейской земледельческой колонизации дала довольно впечатляющие результаты. Однако, когда речь зашла о создании в Крыму еврейской автономии, описанная выше временная коалиция интересов распалась. Советское руководство отвергло крымский проект в пользу биробиджанского. Большинство зарубежных организаций помощи («Агроджойнт», ОРТ, ЕКО), считая последний неперспективным, свернули свою деятельность в СССР.

Национал-коммунисты тоже были разочарованы. Идея создания еврейской республики в Крыму, считали

они, давала реальную возможность соединить коммунистический идеал с национальным, провести в жизнь старые антиассимиляторские взгляды и представления о еврейской нации, еврейской национальной культуре. Эти надежды развеялись и, по мнению А. Кухенбекер, не могли не развеяться. Ибо советское руководство отнюдь не было заинтересовано в создании полноценного, жизнеспособного еврейского политического и культурного образования — потенциально там могли бы развиться сепаратистские тенденции.

Создание же еврейской республики на Дальнем Востоке — в отдаленном, малонаселенном, непривлекательном районе — позволяло Кремлю избежать многих проблем. Прежде всего, столкновения интересов поселенцев и местного населения, затем — конфликтов компетенции между центром, с одной стороны, и украинским и крымско-татарским руководством, с другой. Следует учесть, что указанный район и так нуждался в притоке населения для хозяйственного освоения. Создание там еврейской автономии давало советскому руководству возможность избежать антисемитски мотивированных протестов, имевших место при еврейской колонизации Крыма («евреев в Крым, а русских в Нарым»), отвести от себя обвинения в покровительстве «своим», а с другой стороны — парировать упрек в дискриминации евреев, не имеющих в СССР своего национально-территориального образования.

Евреи за пределами СССР благожелательно восприняли создание ЕАО, особенно в свете нараставшей тогда угрозы со стороны нацизма. Но активный интерес и поддержка биробиджанского проекта исходили лишь от сравнительно неширокого слоя просоветской леволиберальной еврейской общественности Запада и созданных ею организаций (ИКОР, ПРОКОР, «Амбиджан»). К этому слою принадлежали и примерно 1,5 тысячи иммигрантов, прибывших в Биробиджан из Европы и Америки (в 1937-1938 гг. многие из них исчезли в ГУЛАГе).

Уже к концу 30-х годов стало очевидно, что для подавляющего большинства советских евреев Биробиджан не имеет какого-либо национального или культурного значения. (Этим в значительной мере и была обусловлена предпри-

ная попытка реанимировать крымский проект). Однако советское руководство не ликвидировало ЕАО, и не только потому, что такой шаг вызвал бы негативную реакцию за рубежом, но и потому, что Биробиджан выполнял определенную политико-пропагандистскую функцию. Его существование использовалось как доказательство того, что евреи в СССР находятся в равном положении с другими народами, имеют равные возможности национального развития, а непопулярность его среди советских евреев — как подтверждение тезиса об их стремлении к ассимиляции.

Ответ на вопрос, был ли биробиджанский проект успехом или неудачей, зависит, по мнению автора, от оценки намерений и целей инициаторов. Конечно, с точки зрения тех, кто стремился создать «социалистическую еврейскую республику на советской земле», дело кончилось полным провалом. Но в контексте советской внутренней и внешней политики аргументы критиков в значительной мере теряют свою убедительность. Резко порицавшаяся ими плохая организация заселения была не хуже, чем в других советских переселенческих проектах того времени. Критиковать же руководство СССР за то, что ЕАО не был придан «подлинно еврейский характер», вообще бессмысленно — это значит предполагать у него намерения,

которых изначально не было. Слабая эмоциональная привлекательность Биробиджана для советских евреев не рассматривалась в Кремле как недостаток. С точки зрения основных целей его внутренней и национальной политики — укрепления центральной власти, сдерживания национальных чаяний, подавления малейших намеков на сепаратизм — отсутствие национального содержания в ЕАО могло рассматриваться скорее как плюс.

Имевшую место в годы перестройки попытку «еврейского национального возрождения» в Биробиджане автор характеризует как «последнюю вспышку перед угасанием». Принятая в октябре 1991 г. областным советом ЕАО декларация с требованием вывода области из Хабаровского края и преобразования ее в Еврейскую автономную республику в составе РСФСР — поистине парадоксальный политико-психологический феномен. Волна репатриации, в ходе которой большинство еврейского населения Биробиджана, уже крайне немногочисленного (4% жителей области), переместилось в Израиль, поставила предпоследнюю точку в истории ЕАО. Последняя — преобразование в обычную область — пока заставляет себя ждать.

Самсон Мадиевский — историк и публицист. Живет в Германии

О РУКОПИСИ, КОТОРАЯ НЕ СГОРЕЛА

В канун Нового года, или тысячелетия, я пережил нечто вроде шока, увидав имя моего друга в рекламе книжного магазина «Барни & Нобл». Раскрыв наобум последний в двадцатом веке номер журнала «Нью-Йоркер», я не мог не обратить внимания на фотографию женщины с копной волнистых седых волос и пронизательным, почти завораживающим взглядом, от которого трудно оторваться. Я уже видел ее портреты на обложках книг (их у нее более тридцати) и на фотографиях разных лет, выставленных в галереях известных нью-йоркских фотографов. Сюзанна Зонтаг — королева интеллектуальной элиты Америки, законодательница ее мод и вкусов, писатель, эссеист, кино— и театральная режиссер. Лично меня ее статьи и книги особенно интересовали еще и потому, что Иосиф Бродский посвятил ей чудесные стихи — «Венецианские строфы». Под фотографией я прочел надпись, набранную крупным шрифтом: **ИЗ ЛЮБИМЫХ КНИГ XX ВЕКА СЮЗАН ЗОНТАГ, ОТКРЫТЫХ В ПЕРЕВОДЕ.**

Далее следовал список из десяти книг, написанных на разных языках. Четвертым в этом списке стояла повесть «Лето в Бадене» Леонида Цыпкина. Я никогда ранее не встречал Зонтаг, и как же мне захотелось поговорить с ней о книге моего друга, в судьбе которой я сыграл определенную роль. (19 лет назад мне удалось с помощью американских корреспондентов контрабандой перевезти его рукописи в Америку). Кто не верит в чудеса или чудесные совпадения? Через несколько дней я увидел Зонтаг за соседним столиком ресторана «Самовар» и подошел к ней. Упоминание о Цыпкине ее очень взволновало: «Вы — первый, кто может подтвердить, что я права, — сказала она. — Кому бы я ни говорила, что это великая книга, никто не верит, и о Цыпкине никто не слышал. Я нашла его книгу в Лондоне, в маленькой букинистической лавке, в

Америке ее не издавали. Что еще он написал? Переведено ли что-нибудь еще на английский? Расскажите все, что знаете об этом замечательном человеке.» Мне и в самом деле было что рассказать о Леониде Борисовиче.

Но простите за небольшое отступление. В молодости я в качестве репортера встречался и подолгу беседовал с людьми знаменитыми, но по неопытности и волнению не мог оценить важности тех моментов, не мог даже представить себе, насколько великими они станут впоследствии. Сейчас, когда я уже прожил долгую жизнь, когда все эти великие люди, с которыми свела меня судьба, ушли из жизни, я знаю — да это стало расхожей истиной, что они — гении: Шостакович, Рихтер, Джон Чивер, Джон Гилгуд, Тимофеев-Ресовский, Ландау, Бенджамин Бриттен...

Ныне каждый англичанин относится к Бриттену, как, скажем, русский — к Чайковскому. Не забуду встречу с ним в номере гостиницы «Украина», накануне его выступления в Большом зале консерватории. Дверь была приоткрыта, поскольку он знал, что я поднимаюсь к нему на лифте, а сам он сидел за столиком под абажуром и писал письма юным музыкантам, участникам знаменитого хора мальчиков, которые исполняли его произведения на фестивале в Олдерборо. На столе лежала раскрытая книга — «Давид Копперфильд». Бриттен сказал, что перечитывает роман Диккенса по крайней мере раз в три года: не только потому, что он прекрасен, но и потому, что он помогает ему лучше узнать самого себя и то, как изменились за эти годы его мысли и взгляды. «А у вас есть такая книга?» — неожиданно спросил он меня, и я, растерявшись, не знал, что ответить. Теперь, спустя много лет, я знаю, как ответить на этот вопрос. Именно такой книгой для меня стала повесть «Лето в Бадене». А между тем, при первом прочтении она мне, хоть и понравилась, но не произвела такого сильного впечатления, как на Сюзан

Зонтаг, да и мог ли я вообразить, что ее автора, с которым я встречался чуть ли не через день, когда-нибудь назовут в числе лучших писателей XX века, переведенных на английский.

С Леонидом Борисовичем мы, по всей вероятности, впервые встретились в «Абрашках», как мы тогда в шутку называли подмосковную деревню Овражки, окруженную лесом, где собирались отказники. Помимо откровенных бесед о делах «отказных», шахмат (нам давал сеанс одновременной игры чемпион СССР и в будущем — Америки, но такой же, как и мы, отказник — Борис Гулько), песен (там проводились регулярно фестивали еврейской песни, в которых принимали участие наши дети, в том числе и моя дочь), — я занимался чисто утилитарным делом: находил учеников для занятий английским языком, ибо «неотказникам» я не имел права преподавать по моральным и легальным соображениям, а уйдя с журналистской работы, прокормиться мог только уроками английского. Леонид Борисович стал лучшим моим учеником.

Он был на редкость пунктуальным и добросовестным, не опаздывал ни на минуту и всегда тщательно готовил домашние задания. Он прекрасно чувствовал слово — запоминал быстро, потому что находил интересные ассоциации и часто сам выдумывал каламбуры. Грамматику Л.Б. тоже раскалывал с легкостью, так что вскоре продвинулся настолько, что я стал задавать ему «топики», или темы для бесед. Первый топик был, естественно, о его семье. Он рассказывал, что медицина — «у него в крови»: его дед и отец были врачами в Минске, сам он занимался исследованиями в области медицины, был автором около ста статей, давно защитил докторскую, одним из первых в мире, за несколько лет до американцев, вводил вакцину против полиомиелита и проработал старшим научным сотрудником в Институте Полиомиелита больше 20 лет, пока его не заставили уйти из-за сына. Единственный сын его Михаил не пошел по стопам отца, он эмигрировал в Америку, где успешно занимался гуманитарными науками в Гарварде. Сына Л.Б. не видел несколько лет и уже почти потерял надежду увидеть, поскольку докторам наук разрешение на выезд в то время давали чрезвычайно редко.

Этот вводный «топик» мы прошли быстро, и, втайне желая узнать по-

больше о семье, в которой целых три поколения врачей, я предложил ему другую тему — «Семейная история», в которой он должен был рассказать о случае, сыгравшем важную роль в судьбе его семьи. Леонид Борисович пришел на следующий урок в особенно приподнятом настроении и с написанным текстом. То, что он прочитал, звучало столь драматично даже в упрощенном английском, что у меня мурашки пошли по коже. А рассказал он о том, как в начале 30-х годов его отца, известного хирурга-ортопеда, арестовали, и он прыгнул в пролет лестницы в здании минского НКВД, повредив себе позвоночник. Впоследствии я узнал, что он пересказывал отрывок из своей автобиографической повести «Мост через Нерочь», где разворачивается трагическая картина бегства сотен тысяч людей из Минска во время фашистского блицкрига, в июне 1941г. Ему и родителям чудом удалось уйти в последнюю минуту, выскользнуть из сжимавшегося кольца, а большинство родственников, включая бабушку, были убиты в минском гетто. 15-летним подростком Леонид Борисович пережил и пожары, и бомбежки, и расстрелы (НКВД-эшники, не имея возможности эвакуировать арестантов, расстреливали их на обочине минского шоссе, почти что на глазах у беженцев). А в толпе с ужасом рассказывали о фашистских зверствах по отношению к евреям, в частности, о пытках и убийстве известного минского врача Ойзермана: *«...профессора Ойзермана, так и не ушедшего из города, заставили чистить уборные голыми руками, и он, наверное, задыхался, а потом с ним сделали такое, о чем даже не говорили вслух, и только потом уж убили. И то же самое могли сделать с его отцом, хотя он, наверное, до этого покончил бы собой, потому что он уже пытался это сделать, когда мальчик был еще совсем маленьким, — отца привезли и положили на кровать с большим пружинным матрацем — у него был поврежден позвоночник — он бросился в пролет лестницы, когда его вели с допроса или на допрос — он дал такие фантастические показания, что даже там это показалось подозрительным — у него уже начался психоз, и его выпустили — он лежал на кровати, не замечая окружающих, и твердил, что он уже никогда не встанет».*

Наши разговоры продолжались по несколько часов, и я планировал день

так, чтобы после Леонида Борисовича не было никаких других учеников. Беседы наши чаще всего касались политики и положения отказников. Я удивлялся, как вообще он мог продолжать работать, будучи в отказе. Оказалось, что через некоторое время после увольнения с должности доцента, директор института Дроздов неожиданно взял его снова, но на унизи-тельную для него должность младшего научного сотрудника. Дело в том, что директор часто ездил на международные симпозиумы и опасался нелегальных запросов о Цыпкине, ученом с мировым именем, от иностранных коллег. Работа стала пыткой для Л.Б.: к исследованиям он не допускался, за исключением двух-трех смельчаков, никто на работе с ним не разговаривал и даже не здоровался. Такая мрачная ситуация на работе привела его к депрессии. Он признался, что страдал от депрессий и раньше и выходил из них только тогда, когда ему удавалось погрузиться в творчество. К счастью, именно с этим тревожным временем совпал расцвет его литературной деятельности.

Узнал я об этой «второй жизни» Леонида Борисовича, когда мы стали проходить «топик» «Му Hobby». Он сказал, что у него — по крайней мере, три хобби, а потом, после долгой паузы, признался, что главная его страсть — литература. Стихи он писал с детства, а к прозе перешел, когда ему перевалило за сорок и он, наконец, сбросил с себя бремя докторской диссертации. Печатались ли когда-либо его стихи или проза? Нет, до конца своих дней он не видел ни одной строчки своих художественных произведений в печати. «А кто же читал ваши сочинения?», — спросил я. «Жена, сын, еще два человека», — ответил он с грустью. «Хочу быть третьим», — пошутил я.

Читая рассказы, а затем и длинные биографические повести Л.Б., я прежде всего поражаюсь его абсолютной искренности, полному отсутствию желания что-нибудь приукрасить в своей жизни или представить себя более привлекательным. Наоборот, он подчеркивал свои недостатки и слабости. По-видимому, он и в самом деле писал, не думая о читателе и даже не надеясь на то, что это будет прочитано. Писал потому, что не мог не писать, ибо творчество помогало ему разобрататься в жизни, облегчить душевные страдания. Мне вспомнилось, как от-

ветил когда-то Шуман на вопрос, зачем он пишет музыку, которую публика не понимает: «Мне достаточно одного слушателя, мне достаточно ни одного слушателя». Впрочем, наверное, эту знаменитую фразу Шуман сказал в полемическом задоре, и нет, по-моему, художника, который совсем не стремился бы найти слушателя или узнать мнение других о своих произведениях. Л.Б. тоже не был исключением, просто ему удивительно не везло с критиками. В 1965 году он собирался пойти к А.Д. Синявскому, с которым договорился о встрече, но того как раз в тот день арестовали. Другой журнальный критик, которого Леониду Борисовичу порекомендовали как надежного, написал на рукописи: «Прекрасный рассказ, но кто же его напечатает?» Думаю, что это был действительно великолепный рассказ — со странным, можно сказать, кафкианским заголовком — «Тараканы». В нем выведены типичные совковые мешане, которые, обнаружив в квартире тараканов, изливают всю злость на соседку, интеллигентку «из бывших», которая якобы развела их и заразила весь дом. Они жалуются управдому и после многих дней волокиты добиваются, наконец, того, что дверь соседней квартиры взламывают и ... находят тело старушки, которая умерла давно и до которой, если бы не тараканы, никому из жильцов не было дела. Такой рассказ при советской власти и в самом деле никто бы не напечатал. Напечатали бы его за границей? Может быть, но в то время за границей печатали в первую очередь вещи явно антисоветские: Солженицына, того же Синявского, — а Леонид Борисович впрямую о политике не писал, боялся скандалов, боялся гребешных допросов, которые свели с ума его отца.

Я рассказал Л.Б., что у меня были связи с американскими корреспондентами и что через них мне уже удалось переправить несколько произведений друзей, в том числе и великолепный роман «Некто Финкельмайер» Феликса Розинера. И вот настал день, когда Леонид Борисович принес мне свое главное произведение — «Лето в Бадене», вещь, по его словам, настолько важную для него, что он готов был на любые жертвы, лишь бы рукопись попала в Америку, к сыну. В самом деле, книга эта — воплощенные всех трех страстей или хобби Леонида Борисовича, включая фотогра-

фии и ... личность Достоевского. Фотографией он занимался почти профессионально. Судя по другой автобиографической повести — «Норартакир», где он описывает путешествие по Армении, — он всегда имел при себе два фотоаппарата — для цветной и черно-белой пленки. Жизнь и романы Достоевского он знал, наверное, как никто другой. Но ему мало было просто знать, он должен был видеть все те места, которые описаны, как мы знаем, с величайшим реализмом в романах Достоевского. И вот Л.Б. едет в «командировки» в Петербург и снимает, например, дом старушки-процентщицы именно в то время дня и года, когда Раскольников идет ее убивать. Альбом с уникальными фотографиями он подарил музею Достоевского в Ленинграде, где прочел лекцию вскоре после окончания повести «Лето в Бадене», в центре внимания которой жизнь автора «Бесов». Л.Б. мечтал издать «Лето в Бадене» вместе со своими фотографиями в качестве иллюстраций, но даже без фотографий читатель словно воочию видит все описанное — так точны, я бы сказал, кинематографичны все сцены повести, будто писатель с помощью слов проявляет кадры, ярко запечатленные в его сознании. Прочтите хотя бы несколько строк начала повести — и вы увидите тот поезд, на котором автор направляется на встречу с образами своего любимого писателя, почувствуете стремительность его движения: *«Поезд был дневной, но была зима, самый разгар ее — конец декабря, кроме того, поезд шел в сторону Ленинграда — на север, поэтому за окнами быстро стало темнеть, — яркими огнями вспыхивали лишь уносившиеся назад, словно брошенные чьей-то рукой, подмосковные станции — дачные платформы, занесенные снегом, с чередой мелькающих фонарей, сливающихся в одну огненную ленту, — станции проносились с глухим грохотом, словно поезд шел по мосту, — грохот смягчался двойными рамами с мутными полузамерзшими стеклами, но огни станций все равно пробивались сквозь стекла и чертили огненную ленту, а там, дальше, угадывались необозримые снежные просторства, и вагон сильно качало из стороны в сторону...»*

Повторюсь: после первого прочтения повести впечатление у меня было сильное, но я не понял, что это — шедевр. Леонид Борисович ждал от меня

критики, и я заметил, что уж слишком странным представляется его синтаксис: отсутствуют абзацы и почти нет точек, вместо которых у него запятые с тире или просто тире.

Я тогда припомнил хлесткое выражение Бабеля: «Побольше точек! Это правило я вписал бы в правительственный закон для писателей». Он улыбнулся, но ничего не ответил. Сейчас, когда я прочел повесть по крайней мере в пятый раз, я понимаю, насколько сложен, оригинален и в то же время органичен ее синтаксис. Создается впечатление, что все сцены описаны на одном длинном дыхании. А главное, это поток сознания, — но не только героя рассказа, как мы это встречаем у Джойса, но и самого автора, за чьей быстрой мыслью, с неожиданными поворотами и ассоциациями, мы следим с неослабным вниманием.

О чем же эта повесть, какова ее основная тема? Как я понимаю, это попытка автора разобраться в себе, в причинах своей страстной привязанности к творчеству Достоевского, постараться ответить на несколько вопросов, мучивших его. Например, Леонид Борисович резко ставит вопрос о корнях антисемитизма Достоевского, отмечая парадокс: среди достоевсковедов и вообще людей, влюбленных в его творчество, особенно много евреев. Ответ его, на мой взгляд, не в бровь, а в глаз, хотя многим он может быть и неприятен. По мнению Л.Б., Достоевский ненавидел евреев потому, что, может быть, даже подсознательно ощущая себя изгоем, «униженным и оскорбленным», пытался отторгнуть те «еврейские черты», которые сам в себе чувствовал и презирал, но без которых, очевидно, не достиг бы таких высот. Вот два примера, которые дают нам понять ход мысли автора: *«В гостинице им то и дело попадались на лестнице жидочки, навязывавшие свои услуги и даже безжавшие за пролеткой, в которой ехали Анна Григорьевна и Федор Михайлович».* Это взято из дневника жены Достоевского. А вот описание Достоевского в Твери после сибирской каторги и ссылки, когда он не имел права жить в Петербурге: *«... он все бегал из одного ведомства в другое, затем на почту, посылал всемиростивейшие просьбы и ходатайства о выдаче разрешения на жительство в Санкт-Петербурге, прилагал врачебные справки, ... бежал ночью на станцию, отстоявшую в трех верстах от почтамта, — уже не молодой, с развевающимися по-*

лами вытертого сюртука, ...бросающийся из стороны в сторону, то вправо, то влево, к подъезжающим к Твери из Москвы или Петербурга, кланяющийся, громко говорящий, требующий, хватающий высокопоставленных господ за фалды фрака или мундира, просящий выслушать, умоляющий, хитро рассчитывающий свои ходы, как те жидки, которые преследовали его и Анну Григорьевну в Вильне...»

Как врач-психиатр, автор тонко подмечает болезненные симптомы в поведении Достоевского и ставит перед нами другой трудный вопрос: как эти отклонения в психике были связаны с гениальными прозрениями в его творчестве? Достоевский страдал несколькими недугами, в том числе, можно сказать, наркотической страстью к азартной игре в рулетку. В одной из центральных сцен повести мы следим за тем, как он проигрывает в Баден-Бадене все, включая заложненное обручальное кольцо жены, выбегает из игорного зала, вымаливает у Гончарова еще три золотых и, конечно, тут же проигрывает снова. Но падая в пропасть, он словно обретает новую силу и уверенность в своем превосходстве над окружающими. Невольно напрашивается параллель с его героем — Раскольниковым, который дерзнул испытать себя через преступление: «Он проиграл все три золотых сразу же, даже с какой-то лихорадочной готовностью, словно был одержим ненасытным желанием проигрыша или играл в поддавки — быстрота падения все более захватывала его, — если он не сумел преступить через какую-то черту в своем движении к вершине и катился теперь вниз, то неужели и здесь была какая-то черта, какая-то граница, за пределы которой ему не дано было ступить — ведь здесь не было никаких внешних обстоятельств — нужно было только отдаться этому движению, этой стихии, — закрыв глаза, он летел вниз, — знакомые лица, водившие свой хоровод, были теперь уже наверху — усмехаясь, они снова показывали на него пальцами... но, странное дело — хоровод их был жалок, — им не дано было испытать этого головокружительного движения, которому он отдался — унижительно только нечто промежуточное, среднее, цепляющееся за умеренность и благоразумие — именно такими они были, — только идея, всепоглощающая и захватывающая идея раскрепощает человека, делает его свободным и ставит его над всем...»

Заканчивается повесть реалистичным и в то же время просветленно-духов-

ным описанием смерти Достоевского. Когда я читаю эти пронизывающие строки, я невольно думаю, что, подобно Моцарту, Леонид Борисович писал собственный рекевием. «Лето в Бадене» стало его лебединой песнью. Повесть была закончена в начале 1981 года, а через несколько месяцев Леонид Борисович был на проводах нашей семьи. Приехав в Нью-Йорк, я попросил Евгения Рубина поместить «Лето в Бадене» в издававшейся им тогда «Новой Газете». Повесть стала печататься с продолжением в течение нескольких месяцев, с фотографиями Леонида Борисовича, как он об этом мечтал. Однако нетрудно сообразить, почему начало ее публикации совпало с окончательным увольнением Л.Б. О том, что произошло дальше, хорошо пишет Михаил Цыпкин, ныне профессор Института Военно-Морского флота США в Калифорнии, в предисловии к книге отца: «15 марта 1982 г. Дроздов вызвал его к себе и сообщил о немедленном увольнении. Было не на что жить, не на что надеяться. В этот день я позвонил отцу сказать о начавшейся публикации «Лета в Бадене», узнал о случившемся — и был поражен его голосом. Не было в нем ни нотки раздражения, что для отца в такой ситуации было непременно, говорил он со мной тихо и очень ласково. Как с маленьким. Это было в понедельник. На неделе я разговаривал о бедах моих родителей с коллегой, с которой вообще-то не был близок, и, неожиданно для самого себя, вдруг сказал: «Ты знаешь, я боюсь, что он этого не переживет». А в субботу мне позвонила мать... В этот день отец с утра сел работать, он решил зарабатывать техническими переводами. Мать купила ему на день рождения его мечту — многоцветную шариковую авторучку, — наверно, в помощь работе, — и пошла готовить любимое блюдо отца на обед.

Отец неважно себя почувствовал, прилег, еле успел договорить подошедшей матери: «Наташа, мне еще никогда так не было плохо и умер».

Он умер в день, когда ему исполнилось 56 лет. Его первая книга была издана в России незначительным числом экземпляров на средства сына в 1999г. Хочется надеяться, что в нашем новом столетии, подобно Сюзан Зонтаг, многие истинные ценители литературы назовут Леонида Цыпкина выдающимся писателем двадцатого века.

Азарий Мессерер — филолог, живет в Нью-Йорке (США)

Михаил ХЕЙФЕЦ

2000 – ЛЕТНЯЯ ДИСКУССИЯ

«Суд над Иисусом: еврейские версии и гипотезы». Издательство «Дат/Знание» (Москва — Иерусалим, 2000) выпустило мою книгу под таким названием. Некоторые соображения автора по острой теме вызвали интерес у читателей и критиков — мне довелось познакомиться с их любопытными отзывами. Видимо, я не сумел объяснить нечто важное, и это обстоятельство вынуждает снова сесть за клавиатуру компьютера и — написать новый текст.

Историческая фигура рабби Иешуа из Назарета, известного под эллинизированным именем Иисуса Христа, почти две тысячи лет не привлекала внимания еврейских законоучителей (соответственно — и еврейских историков тоже). Связано было столь долгое умолчание об Иисусе в религиозном еврейском истеблишменте с двумя факторами. Во-первых, на протяжении веков евреи рассматривали себя исключительно как конфессиональную группу («Израиль вне своей веры — не народ», — сформулировал догмат в X веке классик раввинистической литературы Саадия Гаон, отлучая и изгоняя из еврейства самых чистокровных членов общины по «расе», по крови — антиталмудистов, караимов). И потому любая информация, что могла напомнить народу об историческом бытии внутри еврейства каких-то религиозных сект, в частности, раннего христианства, сознательно исторгалась священнической элитой из национальной памяти. Кстати, наряду с христианством, в списке неизвестно куда пропавших сект оказались, например, саддукеи (*цдуким*), фарисеи (*прушим*), тем более — ессеи и иоанниты... А «Сыны Света» — те вообще были обнаружены историками лишь после того, как в 1948 г. в Иудейской пустыне были найдены кумранские рукописи. Если б не «Иудейская война» Иосифа Флавия, мы, возможно, вообще не имели бы представления о структуре, силе и влиянии множества сект в иудаизме в I веке н. э.!

И, конечно, тщательно замалчивалось существование христианства вну-

три иудаизма, их совместное бытие, длившееся почти век, — законоучители иудаизма старались прямо-таки стереть из памяти генетическое родство своей веры со всемирной «дочерней религией». По-человечески понятно: христианство, представленное народу как некая, пусть сектантская, но былая часть иудаизма, могло бы показаться соблазном для вероотступничества — для ухода каких-то групп униженных и страдающих евреев в среду, как тогда казалось, другой, победоносной и удачливой общины!

Даже отрицательной реакции на «дочернюю» религию, т. е. антихристианской полемики, в иудаизме старались не допускать. Обычно светские феодалы заставляли подвластных им еврейских богословов вступать в диспуты с католическими монахами: раввины проводили эти споры против еврейской воли, вопреки откровенно высказанному отвращению к насильственно навязываемому занятию. В еврействе христианскую троицу толковали как специфическую форму многобожия, язычества, с которой порядочному иудею прямо-таки зазорно вступать в какой бы то ни было религиозный диалог. В книге я цитировал такой фрагмент из воспоминаний знаменитого израильского прозаика и публициста Амоса Оза: «Мои пожилые родственники, проходя мимо церкви, обычно отворачиваются. Наверно, им становится неуютно при виде креста, и они нервничают, услышав колокольный звон. В детстве я расспрашивал их об Иисусе и получал уклончивые ответы.

Реакция моих теток на разговоры о Христе была такой же, как на разговоры о сексе — почему бы нам не смеяться тему и не поговорить о чем-нибудь более приятном?

Мне было восемь лет (то есть шел 1947 год новой эры — М.Х.), когда однажды, вернувшись из школы, я поведал бабушке, что Христос был евреем. Я ожидал немедленного опровержения, но бабушка печально заметила: «Жаль. Тысячелетиями мы, евреи, только и делаем, что платим за те беды, которые сами на себя навлекли».

Трудно иным художественным образом рельефней изобразить ту информационную пропасть, что веками отделяла евреев от их соседей-христиан! Бабушка Оза, российская старушка-еврейка, случайно, под конец жизни, узнала от школьника-внука, что в земной жизни Иисус Христос был, оказывается, евреем Иешуа из Нацерета, из городка, что в Галилее...

Впрочем, отсутствие интереса к соседям являлось в обеих религиозных общинах взаимным. Христиане, занятые внутриконфессиональными спорами (дохалкидонцев с халкидонцами, ариан с ортодоксами, католиков с православными, католиков с протестантами, православных и старообрядцев), были абсолютно равнодушны к сообщениям о себе пейсатых, странно одетых, диковинно молящихся «осколков навсегда погибшего мира» (так выразился историк А. Тойнби в 1930-х гг.!) И, кажется, единственным исключением, когда скрытно, но все же интересовались происходящим на «соседней улице», оказывались мистики — у христиан это обычно были масоны с их вниманием к загадкам еврейской каббалы, у евреев — каббалисты со своими нетрадиционными для иудаизма методами Богопознания.

Представляю вам и противоположный еврейскому, христианский пример непонимания соседней веры. Харьковский ученый, великолепный исследователь религии Иисуса и христианской мистики, говорил мне лично в 2000 году в Иерусалиме: «Я понимаю: Синедрион не мог не осудить на казнь человека, провозгласившего себя *Машиахом*». Это говорилось вполне убежденно и... на фоне красовавшегося повсеместно в сегодняшнем Израиле плаката, где был изображен Люба-

вический ребе Шнеерсон, покойный глава общины Хабад, сопровождаемый текстом: «*Ребе — машиах, мелех Израэль*» («Учитель — мессия, царь Израэля»), то есть тем самым изречением, что в форме латинской аббревиатуры «INRI» было прибито на дощечке к кресту казненного Иешуа!

То есть мы сталкиваемся с тем же юридическим казусом, что свершился в еврейской истории примерно два тысячелетия назад, однако никому в голову не пришло не то что думать о возможном покушении на жизнь ребе, а хотя бы осудить мессианские претензии покойного раввина публично, «с кафедры», в какой-то синагоге. Настолько нынешним сынам Израэля как бы само собой было ясно, что юридические претензии к ребе Шнеерсону невозможно формулировать! По Закону наказанию по суду (смертной казни) подлежит мошенник, тот, что сознательно обманывает своим мнимым «призванием» поверивших в него. Но если некий еврей искренно ощущает себя помазанником Божьим, *Машиахом*, то судить его вправе только Бог, а никак не земной еврейский суд.

Такая юридическая норма, к слову, зафиксирована и в христианских священных книгах, которые цитировал мне... да, тот самый харьковчанин: «Тогда начальник стражи пошел со служителями и привел их без принуждения, — говорилось об участии ближайших учеников Иисуса в «Деяниях апостолов». — Приведя же, их поставили в Синедрионе, и спросил их первосвященник, говоря, не запретили ли мы вам накрепко об имени сем? И вот вы наполнили Иерусалим учением вашим и хотите навести на нас кровь того человека. Петр же и апостолы в ответ сказали: должно повиноваться Богу больше, чем человекам. Бог отцов наших воскресил Иисуса, которого вы умертвили, повесив на дереве... Слышав это, разрывались они от гнева и замыслили умертвить их. Встав же в Синедрионе, некий фарисей, с именем Гамалиил, законоучитель, уважаемый всем народом, приказал вывести апостолов на короткое время, а им сказал: мужи Израильские! Подумайте сами с собой о людях сих, что нам с ними делать. Ибо незадолго перед сим явился Февда, выдавая себя за кого-то великого, и к нему пристало около 400 человек, но он был

убит, и все, которые слушались его, раскаялись и исчезли. После всего во время переписи явился Иуда Галилеянин и увлек за собой довольно народа, но он погиб, и все, которые его слушались, рассыпались. И ныне, говорю вам, отстаньте от людей сих и оставьте их; ибо если это предприятие и это дело — от человека, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его, берегитесь, чтоб вам не оказаться богопротивниками. Они послушались» (Деяния, 5: 26-40). Так авторитетнейший законоучитель первой половины I века, раббан Гамлиэль? изложил тогдашнему Синедриону норму еврейского права, которая действует в еврействе и по сегодняшний день. И говорится об этом, напоминаю, в христианском документе, который у людей этой конфессии считается безусловно священным, боговдохновенным. Тем не менее, мысль о том, что Синедрион осудил Иисуса якобы за то, что тот провозгласил себя Машиахом, Христом, выглядит общепринятой даже не в христианском простонародье — что с него-то возьмешь, — но среди богословов!

...Второе обстоятельство, обусловившее отсутствие в еврейской общине на протяжении примерно 1800 лет интереса к истории и фигуре Иешуа, — более общее. Евреи, согласно догматам веры, обычно не интересовались... национальной историей. Особенно той, что началась после гибели Храма в 70 г. н. э. Согласно основным представлениям иудаизма, национальная история в сей момент прервалась — до того мига, когда явится помазанник Божий и восстановит для евреев Храм в Иерусалиме. Всю лакуну в течение эпох между вторым и третьим Храмами надлежит еврею заполнять изучением Торы и совершенствованием своей жизни, согласно заповедям («мицвот»), готовя пришествие Машиаха в Его силе и славе, но не изучением ничтожных текущих мелочей «истории в изгнании». Не живая история, но искупление и изживание греха составляли смысл жизни еврейства после гибели Храма — не более того! Традиционное незнакомство с национальной историей достигает иногда у еврейства совершенно фантастических размеров — даже и сегодня, поражая наблюдателей этого, в целом все же образованного, народа. Приведу — опять-таки для наглядности — личный пример. Я, еврей и

историк по жизненному призванию, прибыв в Израиль в возрасте 46 лет, здесь, от дочки, вернувшейся из школы, впервые услышал основополагающий, фундаментальный термин еврейской истории — «Устная Тора»! С той поры я и выработал некий тест для осаживания самоуверенных и отнюдь не склонных признавать собственное историческое невежество «русских» евреев. Я обычно спрашиваю в ответ на их самоуверенные декларации: «А что такое — коробочный сбор?» Как правило — никто не знает... «А кто такой «нагид»? Тоже не знают. Даже что значит еврейская фамилия «Шапиро» — и этого не знают...

Изменения в еврейской социальной психологии, в частности, в отношении к Иисусу, замечаются лишь со второй половины XIX века, когда в Европе возникли национальные движения — и евреи оказались увлечены разворачивавшимися на их глазах великими драмами. Недаром первая в истории сионистская книга называлась — «Рим и Иерусалим» (написал ее Моше Гесс, в прошлом великий ассимилятор-социалист. Антиеврейская статья Карла Маркса, которую так любят цитировать современные юдофобы, являлась лишь смягченным, сглаженным переказом идей, присланных в редакцию «Новой Рейнской газеты» будущим пророком сионизма — Моше Гессом). Само название книги «Рим и Иерусалим» должно напоминать читателям о генетической связи еврейского национального движения с Рисорджименто итальянцев — мол, вместе с погибшим Римом должен воскреснуть и погибший Иерусалим!

Характерная деталь: сам манифест сионизма («Еврейское государство») Теодор Герцль сочинял под непрерывный аккомпанемент сочинений Вагнера, гениального певца германского национализма. То есть сионизм возник под аккомпанемент творений, которые, к слову, запрещено исполнять... в Израиле!

Ситуация с Иисусом поменялась лишь в конце XIX века, после возникновения сионизма. Сионизм обозначил духовную революцию в еврействе, смену главных национальных ориентиров целого народа. И не случайно первым автором в еврейской среде, сочинившим историческую монографию о жизни и учении рабби Иешуа из Галилеи, оказался основоположник сио-

нистской историографии и культурологии — Йосеф-Гдалиа Клаузнер. В 1922 году вышло в свет его сочинение — «Иешуа ха-Ноцри, змано, хайяв ве торато» («Иисус из Назарета, его время, жизнь и учение»). А самый великий философ еврейства в XX веке, первый президент Академии наук Израиля Мартин Бубер, видный исследователь духовного наследия хасидизма, высказал вслух то, что казалось неммыслимым услышать из уст еврея в прежние времена: «Я с юности (т. е. где-то с 90-х гг. XIX века, с эпохи зарождения сионизма — М. Х.) воспринимал Иисуса как моего великого собрата... Мое собственное, по-братски заинтересованное отношение становилось все прочнее и чище, и сейчас я смотрю на него более прямо, чем когда бы то ни было: убежден — ему подобает занять важное место в истории веры Израиля» («Два типа веры»).

В своей книге я старался обозреть главные еврейские источники, связанные с изложением и толкованием жизни и учения Иисуса из Назарета. В первых, это были Евангелия, которые сочинялись их авторами как произведения национальной еврейской литературы, т. е. не просто авторами-евреями, но, прежде всего, для своих соплеменников, для евреев же... Об этом мне, нынешнему израильянину, рассказала образная система этих книг. Далее я перешел к средневековым еврейским сочинениям на ту же тему, прежде всего, к так называемой талмудическо-мидрашистской «Легенде о повешенном». Разумеется, в ней отражена не историческая информация (даже если такая и могла сохраниться в те годы на неких еврейских пергаментах), но лишь народные мифы и сказания, связанные с именем Иисуса (вряд ли первую редакцию «Легенды» могли сочинить раньше V века, т. е. через громадный исторический промежуток после смерти заглавного героя. А окончательный текст формировался не раньше X века, то есть почти через тысячу лет после смерти Иешуа. В сущности, это сочинение вообще являлось откликом не на исторического Иисуса, а на феномен давно утвердившегося христианства). Тем не менее, мне казалось интересным выявить реформирование, преобразование в народном еврейском сознании сюжетов,

связанных с жизнью Иешуа-Иисуса, в двух направлениях — по сравнению с исходным источником, с Евангелиями. С одной стороны, евреями-мудрецами, знавшими, что в их среде было возможно, а что — вовсе нет, исправлены допущенные в христианской религиозной литературе юридические несурезицы в отношении иудейского права. То есть Иисус в талмудической версии оказался действительно виновен в богохульстве — ибо он произнес вслух тайное имя Божье. За это, а вовсе не за объявление себя Сыном Божьим, он мог подлежать смертной казни по еврейскому закону. (Никакое иное «злословие», никакая иная «хула» такого наказания по Торе не заслуживала!) Далее, судят Иешуа в талмудической «Легенде» только евреи, имен римлян там вообще не упоминают (еще бы!). Судит Иешуа еврейская царица по имени Елена, а не какой-то Пилат... Казнили его, естественно, не через распятие — то есть не по-римски, а повешением, т. е. по-еврейски. И т. д. — то есть все противоречия Евангелий с судебным правом Торы, разоблачавшиеся «библеистами» в XIX веке, были иудейскими сказителями исправлены почти на тысячу лет раньше «критиков христианства», возможно, даже в эпоху сочинения Талмуда. Но мы, однако, видим в талмудической версии и другую сторону. Сам образ заглавного героя сочинен авторами «Легенды» с необыкновенной симпатией и восхищением. Иешуа, хоть для евреев он, конечно, и мамзер, и еретик, выписан анонимными авторами великодушным, благородным, красноречивым, прекрасно образованным знатоком Торы...

Далее в книге я рассматривал труды современных еврейских историков — главное внимание было уделено работам заслуженного профессора Иерусалимского университета и лауреата премии Израиля в области иудаики Давида Флюссера, автора новаторских книг «Иисус», «Иисус в контексте истории», «Иудаизм и происхождение христианства», а также книге знаменитого в Израиле юриста, бывшего министра юстиции, члена Верховного суда и пр. Хаима Коэна — «Мишпато шель Иешуа ха-Ноцри» («Суд над Иисусом-Назарянином», в русском переводе — «Иисус: суд и распятие»).

* * *

Основная идея труда профессора Флюссера (по конфессии — верующего иудея) сводится к следующему сформулированному им для себя тезису: «Среди ученых я вовсе не единственный, кто на основании критического анализа источников пришел к выводу, что Иисус был верным своей религии евреем и что он был убит оккупационными властями в качестве такового. На протяжении человеческой истории подобная судьба постигла миллионы его собратьев по крови. Если моя книга хоть немного помогла читателю осознать, что жизнь Иисуса есть жизнь еврея, она тем самым облегчила правильное восприятие и слов Иисуса, и понимание его судьбы». (Переводчик и редактор книги на русском языке добавили от себя: «Иисус был великим религиозным реформатором, оставшимся внутри еврейской религиозной традиции. Но история распорядилась так, что христианское движение было выплеснуто из этой традиции»).

Хаим Коэн, хотя он и не верующий еврей, как Флюссер, а классический либерал, тоже согласен с этой идеей. Комментируя в книге труды обоих ученых мужей, я к обоим — присоединился...

Как раз по этому пункту и выразил мне свои сомнения Александр Этерман, известный в Израиле брокер, популярный экономический обозреватель, но одновременно автор оригинальных, всегда острых и обычно парадоксальных исторических трудов по древней еврейской истории. Он владеет ивритом и арамейским языком, много читает, часто комментирует специальную древнюю литературу евреев.

Начал он свои возражения моей книге с тезиса: неправильно связывать возникновение учения рабби Иешуа с естественной эволюцией в иудаизме, как об этом пишет профессор Флюссер. По оценке Этермана, доктрина Иешуа явилась неким оригинальным средневосточным вариантом, но не еврейской, а противостоявшей ей, эллинской религиозной традиции.

Что есть по сути, спрашивал он меня, еврейская религия? Прежде всего, вера общины, религия некоего связанного коллектива. Она соединяет людей водино догматикой, но, главное, все же ритуалом — в том ее пафос, в том движущий импульс. А чем был, напротив,

эллинизм? Он не сводился к чистому язычеству, к пантеону олимпийских богов, к мифологии древних греков, как думают выпускники российских средних школ. Истинная религия греков создавалась не только жрецами, но философами и, в первую очередь, школой Платона. В эллинизме с давних времен таилось тайное познание единобожия («Что Бог ни сказал, это не слова, а дела», — говорил Платон, и еврейский философ Аристобул объявил его последователем Моисея, а позднее Филон Александрийский толковал самые идеи Моисея в духе философии Платона). Но в отличие от иудаизма, в этой эллинской попытке Богопознания выявлялась личная, индивидуальная связь человека с Богом — вне общины, вне коллектива, вне земляков. То есть религиозный контакт ощущался «платонистами» напрямую — человек и Бог. Этот же контакт составляет кредо религиозной реформы Иисуса, констатировал Этерман, посему она явилась развитием идеи в рамках платоновского эллинизма, а не иудаизма.

Идея индивидуального Богопознания, привнесенная на Восток переселенцами-завоевателями эпохи эллинизма, продолжал Этерман, давно смущала умы верующих евреев. По его гипотезе, одним из первых евреев, соблазненных эллинами, стал, по-видимому, Ясон, сын Шимона-праведника. Именно от него пошло то направление в иудаизме, которое пыталось победить и изжить старую еврейскую коллективистскую традицию — накануне восстания Маккавеев. Именно с таким духом, с этими иудео-реформаторами и начинали войну повстанцы Хасмонеев, приравнявшие эллинизированных земляков к язычникам-сирийцам из войск Антиоха Эпифана, громившие их с той же страстью и яростью, как и иноземных врагов. При Маккавеех попытка эллинизации иудаизма потерпела поражение, напомнил мне Этерман, но Иешуа-то по сути повторял инициативу Ясона. И тоже потерпел поражение в борьбе — но исключительно поражение в среде собственно еврейства. Вот почему не осталось никаких свидетельств массового распространения учения Иешуа в еврейской общине — все галилейские новации земляками великого реформатора воспринимались лишь как некая эллинская ересь...

Его историческая победа состояла,

однако, полагает Этерман, в том, что — в противовес Платону и греческим его последователям — Иешуа создал не элитарную, пригодную лишь для философов и для утонченных мыслителей модель, но народный вариант религии личного единобожия. И потому, отторгнутая массами евреев, новая вера все же утвердилась среди эллинов римских провинций, как бы подготовленных своей философской традицией к восприятию идущих из Иудеи и Галилеи проповедей Нового Завета.

Надеюсь, теперь понятно, что именно отрицает — не столько в моей книге, сколько в трудах израильских профессоров, особенно Давида Флюссера, — израильский публицист Александр Этерман. Он не согласен с тем, что Иешуа жил и действовал в рамках иудейской религии своего времени, что погиб как сын своего народа, как еврей, истребленный оккупантами. Нет, по Этерману, Иешуа вышел за рамки еврейской традиции и потому-то был отторгнут земляками, сохранявшими верность общинно-ритуальной религии.

Что можно возразить на это рассуждение, обоснованное многими историческими фактами?

Первое. Вопрос об «иудаистичности» того или иного исторического персонажа я решал в книге в соответствии с еврейским Законом. Как известно, иудаизм отличается от других религий тем, что важнейшее, решающее место в нем занимает не мнение мудреца, а религиозный ритуал, поведение верующего. (Преимущество ритуала над догматикой или тем или иным толкованием священных текстов вообще составляет специфическую особенность всякой восточной религии — в отличие от вер европейского региона). Как раз в догматике и толкованиях знатоки Писания имеют в иудаизме огромную автономию, имеют право противоречить даже самым авторитетным мудрецам (не раз встречается в комментариях к Торе выражение: «Так говорил наш великий и мудрый господин и учитель, и он совершенно не прав»). Лишь соблюдение правил поведения верующего еврея целиком определяет или его принадлежность к иудейской общине, или разрыв с ней. Протицирую снова Амоса Оза: «Христос был еврейским неортодоксальным учителем, который хотел вернуть иудаизм к тому, что он считал его истоками, а может

быть, хотел продвинуть иудаизм к выводам, казавшимся ему логичными. Разумеется, он не был христианином... Выражаясь современным языком, он жил как еврей, стремящийся улучшить мир и усовершенствовать духовное наследие, и умер как еврей, отказавшийся идти проторенным путем...» Профессор Флюссер — напоминаю, еврей верующий — особо тщательно исследовал обвинения, высказывавшиеся фарисеями против Иисуса по части нарушений в поведении, — то есть в *кашруте* (ритуальной чистоте пищи) и субботнем покое. Он пришел к выводу: Иешуа ни разу не нарушил правил ни *кашрута*, ни субботнего покоя, ни иных норм поведения иудея. Его разногласия с иерусалимскими раввинами сводились лишь к разнице в иудейских и галилейских традициях, а его исцеления в субботу, которые инкриминировались фарисеями, являлись аргументами в религиозном споре на тему — что можно и что не дозволено делать в период субботнего покоя. Даже у лиц, признающих правоту фарисейских аргументов, а не норм Иисуса, поведение Иешуа ни в коей мере не считалось греховным, ибо спорить по вопросу о том, что позволено, а что не дозволяется в субботу, разрешено любым раввином по Закону Торы.

Теперь — о воздействию идей и догматов философского эллинизма на верование Иешуа. Невозможно оспаривать, что иудаизм действительно формировался как религия общины, как религия коллектива, а не личности. На ранних этапах иудаизм, видимо, сводился преимущественно к жертвоприношениям, в которых участвовали исключительно жрецы Храма. Но религия евреев эволюционировала, как эволюционирует и изменяется, приспособляясь к переходящим обстоятельствам, все сущее на Земле. Невозможно оспаривать огромное воздействие идей эллинизма, оказанное на иудаизм задолго до Иисуса. Возможно, например, что все возрастающая в религии иудеев роль молитвы — за счет жертвоприношения — возникла как раз под влиянием соседнего, эллинского культа устной речи! Возможно, что все возрастающая в еврействе роль письменности, ставшей в итоге почти всеобщим жизненным обычаем, возрастание значения Книги не только в храмовой службе, но в самом быту, — тоже сформировалось под влиянием эллинов,

по примеру всеобщего бытового культа гомеровских поэм, изучавшихся в эллинистических школах (об этих процессах пишет, например, профессор Колумбийского университета Э. И. Бикерман в монографии «Евреи в эпоху эллинизма», изданной по-русски в издательстве «Мосты культуры», М., 2000). Я же полагаю, что, как всякая великая религия, иудаизм состоял из многих ручейков, и разливались они потом по разным руслам. Мой источник, профессор Флюссер, уделил разнообразию иудейской веры в эпоху до падения Храма огромное внимание. Он показал, например, как из учения Антигона из Сохо выросла догматика идуизма (саддукейства), каким неоднородным во времена Иешуа было само фарисейство. Когда сегодня мы читаем проповеди Иисуса, то не находим никакой пропасти между тем, что говорил галилейский пророк, и тем, что тогда же провозглашали две (из семи существовавших) фракции фарисеев — «фарисеи любви Авраама» и «фарисеи страха Ионы». Нет, Флюссер не отождествляет учение фарисеев, позднее легшее в основу раввинистического иудаизма, с учением Иешуа, по его мнению, наоборот, новаторским вкладом Иешуа в иудаизм была проповедь любви, в первую очередь — к грешникам. Даже могучие моральные идеи великого рабби Гиллеля сводились к тому, что «не суди товарища своего, пока сам не побывал на его месте». Иисус же пошел много дальше — он проповедовал преимущественно перед праведниками: «Во врачех нуждаются не здоровые, а больные... Я пришел призвать не праведников, а грешников...» (Марк, 2:17). Но тем не менее, его учение не ощущалось современниками как нечто чуждое иудаизму. Это видно из многочисленных свидетельств христианских книг, никак не заинтересованных ни в отделении своих приверженцев от эллинов, ни, наоборот, в каком бы то ни было альянсе с храмовым иудаизмом. Отнюдь! Я выше упоминал о выступлении раббана Гамлиэля в защиту апостолов Иисуса на заседании Санхедрина (Синедриона — в русской традиции), но можно вспомнить и многие иные эпизоды. Например, выступление Павла перед судом, когда саддукеи захотели уничтожить этого апостола. Узнав, что среди судей есть фарисейская фракция, Павел «возгласил в синедрионе: мужи братия! я фа-

рисей, сын фарисея; за чаяние воскресения мертвых меня судят. Когда же он сказал это... собрание разделилось... Сделался большой крик; и, встав, книжники фарисейской стороны спорили, говоря: ничего худого мы не находим в этом человеке. Если же дух или Ангел говорил ему, не будем противиться Богу» (Деяния, 23:6-9). Также известно, что когда первосвященник инициировал казнь Иакова, брата Господня, через побиение камнями, то фарисеи — члены Синедриона принесли жалобу римским властям на нарушение законной процедуры суда, и первосвященник был смещен с должности за неверный приговор. Вряд ли это было бы возможным, если бы тогдашние иудеи ощущали в проповеди христиан нечто чуждое вере, нечто принципиально эллинское, а не иудейское...

Как вы поняли, у меня нет принципиальных разногласий с А. Этерманом: я согласен с его центральным тезисом, что иудаизм в дальнейшем развивался не в том потоке, куда устремилось христианство. И разницу он отметил точно: после падения Храма перед народом стояла задача выживания, и мудрецы-*таннаим*, а вслед за ними другие поколения раввинов, возвели вокруг евреев невидимую духовную стену, спасая свою общину от размывания в диаспоре и рабстве. Учение Иешуа противоречило интересам национальной жизни — и оно было отвергнуто общиной. Но, с моей точки зрения, его идеи никак не противоречили основному потоку иудаизма, поискам нравственности и правил поведения человека в страшном и жестоком реальном мире. А этот поиск был свойственен религиозным мыслителям в еврействе его времени, да и сам Иешуа обращался со своей проповедью прежде всего к землякам (учеников он наставлял идти прежде других к «погибшим овцам Дома Израилева»). Или — эпизод с некоей сиропиникиянской: «Просила Его, чтоб изгнал беса из ее дочери. Но Иисус сказал ей: «Дай прежде насытиться детям, ибо нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Она же сказала Ему в ответ: «...но и псы под столом едят крохи у детей». И сказал ей: «За это слово — пойдешь. Бес выйдет из твоей дочери» (Марк, 7:26-29).

Реальная, земная история сложилась так, что из котла идей, которыми в рав-

ной степени кипела духовная жизнь Эрец Исраэль в I веке нашей эры, еврейские мудрецы следующего века вынуждены были, по страшной жизненной необходимости, выбрать не тот поток, который исходил от Иешуа, с его максималистским нравственным императивом, возможным для осуществления разве что при пришествии Спасителя на землю (как известно, Спасителя постоянно, но тщетно ждали христиане в каждый «Страшный Год»), а совсем другую ветвь — общинную, сплывающую национальный коллектив кодексом нерасторжимых правил поведения. Но это, как говорится, другая история...

* * *

Другой отзыв пришел ко мне из России — из Карелии, из Петрозаводска. Вот что писал тамошний учитель литературы Вадим Слуцкий: «Я вчера кончил (собственно, вчера же и начал) читать «Суд над Иисусом». Хочу поделиться впечатлениями и сразу предупредить: я простой читатель...

Это оказалась книга не для меня. Хотя это очень хорошая книга. Но она специфическая, для историков, а я не историк. Ваша книга добросовестная и непредвзятая (на последнее обстоятельство я обратил внимание, потому что привык к предвзятости авторов из Израиля, а ваш подзаголовок «еврейские версии» возбудил у меня подозрения, что здесь будет то же самое. Оказалось — ничего подобного, хотя «версии» не могут быть «еврейскими», версии не имеют национальности. Теоретические взгляды Ландау или Эйнштейна не являются еврейскими и не были бы такими, даже если бы эти люди жили в Израиле. Ну, да ладно, это мелочь).

У вас подход очень профессиональный, мало человеческого. Представьте, что некто пишет книгу о прекрасной женщине, но не о поэзии, романтике ее красоты, а о геометрии ее тела. Он геометр, у него такие интересы! Вот такова и ваша книга.

И еще одно. Вы только в конце говорите о том, что мне представляется главным в этой теме. «Суд над Иисусом» и его распятие срежиссированы самим Иисусом. Только Он понимал, что происходит, и держал нити в своих руках — остальные были марионетками... Он был там единственным человеком, остальные — куклами. Вы же

пишете все, до последней страницы, только о куклах, об их мотивах, поведении. И ничего — о кукловоде. У вас получился «Суд над Иисусом» без самого интересного. Ведь это все сделал он, остальные — орудия в его руках (и Иуда в том числе)...

Такие вот мысли возникли после вашей книги. Все, повторяю, очень субъективно.

По сути, мой читатель Слуцкий тоже прав: я действительно не писал об Иисусе. Только в XX веке об основателе христианства написано, кажется, сто тысяч книг, есть даже целая отрасль науки — «христология». Меня же интересовала иная, более узкая тема: мнение моего народа об этом деле — о самом судьбоносном юридическом событии в истории человечества.

Именно потому я использовал термин «еврейские версии и гипотезы» — для меня это не версии, сочиненные авторами-евреями. Множество евреев высказывались о жизни и смерти Иисуса в странах диаспоры, но эти книги и статьи предназначались христианскому или светски-европейскому читателю и как род литературы меня не интересовали вовсе. Скажем, есть версия, высказанная евреем-ученым в диаспоре, что якобы на самом деле Иисус был вождем антиримского заговора, кем-то наподобие Иуды Галилеянина. Так модно в нынешних СМИ — в эпоху, когда любое национально-освободительное движение считается «прогрессивным», объявить симпатичного исторического деятеля вождем освободительного движения против империализма (в данном варианте — римского). Нет, я отобрал для книги лишь те сюжеты, которые евреи писали «для внутреннего круга», «для своих»: Евангелия, Талмуд, мидраши, сочинения израильских авторов, обращенные к ивритоязычному читателю...

Но, кроме этого частного, конкретного разногласия, возражу В. Слуцкому и принципиально.

Я думаю, что даже в точных науках те или иные «версии» или, как у них выражаются, модели имеют некий национальный оттенок. В силу своей необразованности не могу судить о специфике научного мышления упомянутых моим оппонентом Эйнштейна и Ландау, но думаю, что и на их открытия-версии наложен некий отпечаток «происхождения». Например, Эйнштейн

наверняка выражал в своих трудах некую ауру германской научной школы — недаром же французы так хотели, чтобы открытие специальной теории относительности было приписано в заслугу их гениальному соотечественнику Пуанкаре, а не «этому немцу». А Ландау, думается, был осенен традициями и методами советской научной школы! Повторяю, моих знаний не хватает, чтобы это доказать. Но, скажем, физик, разбирающийся в хитросплетениях «птичьего языка» своей науки, идет в этом вопросе гораздо дальше меня.

Профессор физики Иерусалимского университета Александр Воронель в статье «Теологические корни научного поиска» пишет, что, по его ощущению, «еврейский акцент» в точных науках, на наличии которого настаивали нацисты типа Ленарда («еврейская физика»), — этот акцент действительно существует! Он порождался тем, что евреи меньше, чем их оппоненты, были склонны подчинять придумываемые ими модели правилам строгой логики и ярче, чем другие, связывали наблюдаемые феномены с нарушениями тех правил мышления, что были выработаны греками для удобства наших рассуждений. Реальная-то природа не договаривалась с нами о соблюдении «нашей», но вовсе не ее, жизненной логики! «Мы видим, — говорит Воронель, — что по крайней мере в исходной позиции еврейское мышление было в чем-то противоположным аналитическому научному порядку и, в соответствии со спецификой объекта, на протяжении почти двадцати веков (в Библии, Талмуде и Каббале) отличалось нерасчлененным, синтетическим характером, который ближе к тому, что мы сейчас называем художественно-образным мышлением, чем к логическому строю теоретического мышления». Физик приводит те же примеры, что и г-н Слуцкий: «Теоретический вклад евреев в современную науку, будь то теории Н. Бора и М. Борна, К. Маркса и З. Фрейда, А. Эйнштейна и Н. Винера, с точки зрения логических обоснований отнюдь не безупречен. На хорошо знакомом нам материале советской науки мы видим, как проигрывают в логической завершенности идеи Л. Ландау на фоне идей Н. Боголюбова и как настолько же при этом они выигрывают в применении к физической реальности. Целая школа физиков, воспитанная на «Курсе

теоретической физики» Л. Ландау и Е. Лифшица настолько, что называет его просто «Книгой», воспринимает этот курс как «естественный разум», в то время как математики совершенно не могут понять возможности работать с таким несовершенным аппаратом» («В плену свободы»). Повторяю, я не имею права судить обо всем этом — но, видимо, вопрос более сложен, чем представляется моему читателю. Тут скрыта пока только решаемая проблема в науке, но не очевидная аксиома...

Зато по другой затронутой В. Слуцким проблеме я могу оппонировать более уверенно.

Я сознательно оговорил в книге, что ни в коей мере не затрагиваю вопросов, связанных с религией. Между тем, схема, предложенная мне читателем, носит как раз религиозный, давно поставленный в христианской экзегетике вопрос: был ли Иисус «кукловодом» в происходивших событиях, исполняли ли все остальные лишь его волю (или Божественный замысел)?

Тема действительно первостепенная: если Иисусу было предписано Божественной волей взойти на крест, чтоб искупить грехи человечества, то в чем тогда, например, предательство Иуды? Иуда помог исполниться воле Всевышнего, как помогли ей судьи Синедриона и Пилат... Могли ли смертные люди как-то уклониться от исполнения Божественного замысла, возложенного на них свыше? Упрекать их в чем-то — значит упрекать не их, кукол, которые были игрушками, пляшущими в руках Вышнего кукловода, но Его самого, задумавшего столь жестокий план для Своего сына...

Повторяю, в рамках христианской экзегетики вполне законна именно такая постановка вопроса. Но я-то — не христианин. Я — еврей. И искренно, а не в рамках, предписанных верой, думаю, что Бог, возможно, предопределил все, кроме одного-единственного фактора — кроме свободы воли человека. В том-то и отличие существа, в которое вдохнута душа, что ему дано свыше вечное и ежесекундное право выбора — и никто не может предвидеть заранее, как хомо сапиенс поведет себя, ибо человеческая воля — свободна и непредсказуема. Но потому-то свободный в выборе человек отвечает за каждый свой поступок и не вправе сваливать свое решение на судьбу или на Бога.

В описанном сюжете меня как раз интересовало свободное поведение персонажей. Иисус именно не был «кукловодом» в моем воображении, сознательно выбравшим для себя крест и муки. Нет, он молил Всевышнего избавить его от них! Он отказывался лукавить на суде, чтобы спасти свою жизнь, это правда, но это был его свободный выбор — он мог попытаться и спасти себя — мне виделось, что такой вариант мог стать для него возможным решением! Более того, он пытался спасти себя на суде Пилата, когда объяснял, что «Царствие мое не от мира сего, царствие мое есть царство истины!» Это была попытка опровергнуть обвинительный акт... Если отвлечься от религиозных толкований текста, которые занимают верующих, но не меня, светского историка, то эти слова подсудимого означали отказ от признания вины, попытку отвергнуть обвинение. Иисус, по моей оценке (и именно это я пытался изобразить в книге), вел себя, как нормальный политический заключенный: не стремился на муки или смерть, которые якобы были ему предписаны, желал спасти свою жизнь и свободу — однако ни в коем случае не ценой раскаяния, не ценой отречения от миссии.

Аналогичную судьбу и свободу выбора я наблюдаю в поведении остальных персонажей. Мне видится плодотворной гипотеза юриста Хаима Козна, что судьи Синедриона могли собраться вовсе не для того, чтобы осудить Иисуса на казнь. Тогда они не заседали бы ночью, что им запрещено законом, не в доме первосвященника, что делало любой приговор незаконным, не допрашивали бы его, что запрещено именно еврейским правом. Самое главное — если бы они стремились погубить его, то не отвели бы как недобросовестных всех свидетелей, о чем свидетельствуют Евангелия. По Козну, такие грубые нарушения закона допускаются еврейским правом лишь в одном-единственном случае: ради «*тикуах нефеш*», «спасения жизни еврея». Ради спасения жизни подсудимого позволено нарушать любые религиозные ограничения! (По Козну, они действовали в собственных политических интересах, а отнюдь не из симпатии к своему врагу, каким являлся Иешуа). Они уже почти все сделали для его оправдания... Оставалась лишь малость — нужно было, чтобы обвиняемый сам согласился им помочь. Чтобы он покался

и отрекся. Такая обычная, совершенно необходимая процедура на политических процессах... Нам ли, бывшим советским людям, ее не знать?

Да и Пилат, которому они его отдали, ибо для них он оставался юридически невиновным, тоже мог не осудить обвиняемого, а помиловать его. Ведь он обладал в провинции как наместник императора диктаторскими правами. Правда, тогда легко просчитывается дальнейшая судьба персонажей. Пилат, наверно, если бы он помиловал Иисуса, сложил бы голову на плахе на несколько лет раньше, чем, по-видимому, это случилось с ним в реальной истории. Ибо судьи Синедриона не упустили бы, конечно, повода, чтобы законно расправиться с ненавистным и высокомерным римлянином. Его, возможно, казнил бы император Тиберий за вынесение антигосударственного приговора. Ведь Иисус был, несомненно, виновен, по мнению Козна, но не с точки зрения еврейского права, а по римскому закону «Об оскорблении величества». Его поймали бы снова и точно распяли бы — по приговору следующего наместника императора. То есть итог исторической трагедии был бы тот же — но означен был неизбежный исторический финал не выбором обвиняемого, не его собственным сценарием (по Слуцкому), а другим — единственным, но необходимым жизненным условием: верностью харизматической личности своей миссии, как человек ее видел и понимал. Я отнюдь не отрицаю религиозного, неизбежного смысла происходившего (кто я такой, человек для религии посторонний, чтобы что-то в ней отрицать), но полагаю, что свобода воли каждого из персонажей исторической драмы сохранялась за ними на всем протяжении сюжета в полном объеме.

* * *

Когда теперь, задним числом, написав книгу и поспорив с первыми читателями, размышляю об Иисусе и вообще обо всем сюжете, вдруг показалось... Неожиданно и для меня самого: лучше всех угадывал характеры и мотивы действующих лиц не богослов. А мой коллега, писатель. Правда, гениальный писатель... Михаил Булгаков.

Михаил Хейфец — историк, писатель, журналист. В СССР был осужден за предисловие к самиздатскому сборнику И. Бродского. С 1982 года живет в Израиле

Технологическое образование для детей и взрослых

Старейшая еврейская образовательная сеть:
122 года работы — 60 стран — 300 тысяч студентов

Общество Ремесленного Труда (ОРТ) было основано в 1880 г. в Санкт-Петербурге для обучения еврейской молодежи сельскохозяйственному и ремесленному мастерству. До Октябрьской революции ОРТ открыл свои школы более чем в 300 городах Российской империи от Санкт-Петербурга до Одессы.

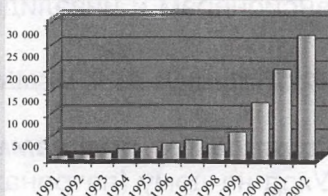
Деятельность ОРТа в СССР была прекращена в 1937-м и возобновлена в 1991-м году, когда в Москве открылось его аккредитованное представительство.

Сохранив первоначальную русскую аббревиатуру "ОРТ", Всемирный ОРТ стал расшифровывать свое название как "Образовательные Ресурсы и Технологический Тренинг" (*Organisation for Educational Resources and Technology Training*). В настоящее время ОРТ - старейшая и крупнейшая в мире неправительственная, неполитическая, нерелигиозная и некоммерческая образовательная организация, имеющая опыт работы более чем в 60 странах мира. Ежегодно в его школах и колледжах, институтах и учебных центрах обучается почти треть миллиона человек, а численность преподавателей достигает 10 тысяч.

Основной сферой деятельности ОРТа является продвижение технологического образования, главным образом, в сфере современных высоких технологий, в особенности, в области компьютерных и информационных технологий.

Эта работа ведется при поддержке местных властей. Заключены соглашения о сотрудничестве с министерствами образования России, Украины и Молдовы.

За два последних года ОРТ создал в России, Украине, Молдове, Белоруссии и Латвии около 20-ти Технологических центров, где проходят обучение около 20 тыс. учащихся.

Это и школы практически во всех крупнейших городах СНГ, конкурс в которых никогда не падает ниже 5 человек на место, и Технологический колледж в Москве, где с помощью высоких технологий изучают дизайн одежды, рекламный дизайн и экономику, и открытый в 2001 году Центр Профессиональной переподготовки для взрослых, который за первые 6 месяцев своей работы приближается к отметке 2 000 слушателей. Также, ОРТ участвует в реализации совместных проектов по повышению квалификации учителей в городах СНГ, реализуемых в сотрудничестве с рядом ведущих университетов СНГ и других организаций.

Являясь изначально организацией еврейской, ОРТ продолжает ей оставаться на протяжении всей своей более чем 120-тилетней истории.

Практически все проекты ОРТа включают в себя изучение предметов

еврейского цикла, таких как Иврит, еврейские история и традиции и др.

Преподавание ведётся с широким применением самых современных технологий, Интернета и мультимедийных средств. ОРТ также является создателем ряда мультимедийных продуктов, посвящённых еврейской тематике, таких как «Путешествие в мир Торы» и «Евреи Санкт-Петербурга. 300 лет истории».

В 2001 году Исследовательский отдел Всемирного ОРТа осуществил ряд методических разработок, наиболее удачной и популярной среди которых стал проект «Изучение Катастрофы Сквозь Призму Искусства» (*Holocaust through the Art*).

В этом году ОРТ СНГ и Балтии предложил свой, оригинальный подход к решению проблем дистанционного обучения через Интернет.

Давая возможность людям приобрести необходимые современные знания и навыки для успешной и достойной жизни, ОРТ на протяжении всей истории своего существования руководствуется главной идеей:

«Дай мне рыбу — и я буду сыт один день, научи меня ловить рыбу — и я буду сыт всю жизнь».

Представительство по странам СНГ и Балтии:

тел.: (095) 251-92-75

факс: (095) 973-14-10

<http://www.ort.ru>,

e-mail: info@ort.ru

Региональный офис:

Украина и Молдова:

тел.: (380 44) 241-76-64

ЕВРЕЙСКИЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ФОНД «ЯД ЭЗРА»

(Рука помощи)

Под патронажем «Джойнта»

*Фонд образован в 1991 году при Московской Хоральной синагоге. В числе учредителей фонда
Главный раввин России А. Шаевич.*

Задачи фонда:

Помощь малообеспеченным и нуждающимся,
одиноким и одинокопроживающим,
пенсионерам и инвалидам.

Благотворительные программы Фонда:

Социальные программы

Уход на дому (патронаж)

Бытовое обслуживание

Помощь в домах престарелых

Экстренная помощь

Программы питания и продовольственной помощи

Обеды на дому

Благотворительная столовая

Доставка продуктов для приготовления обедов.

Продовольственные посылки

Программы медико-социальной помощи

Врачебные консультации

Патронажные медицинские сестры

Уход за больными

Реабилитационное медицинское оборудование

Лекарства

Общинные программы

Клубы пенсионеров

Теплые дома

Дневной центр

Библиотека для слабовидящих (совместно с институтом Брайля)

**Комплексная программа социально-медицинского
обслуживания «Московская область»**

**Контактные телефоны: 978-3621, 978 — 6467, 972—0632,
факс: 9783737, e-mail: helphand@aha.ru**

ТЕ, КТО НЕСЕТ ДОБРО

У ИСТОКОВ ЕВРЕЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

Что должно произойти, чтобы человек нашёл своё предназначение? Говорят мудрецы, что для каждого человека есть своя буква в Торе и нужно совсем немного — найти её. А когда найдёшь, тогда и наступит момент самореализации. Наверное, это так, но я всё чаще думаю, а удалось ли бы многим людям обрести себя, если бы в конце 90-х не произошло то, что впоследствии с горьким юмором называли катастрофой и что, действительно, привело к социальной драме. Подвижка геологических пластов жизни общества, конец эпохи, распад привычного мира... И в этой ситуации одни рванулись в бизнес, другие уехали, третьи впали в депрессию.

В начале века в аналогичной обстановке высказался поэт: «Лицом к лицу лица не увидать...» Вот и сейчас мы ещё слишком погружены в живую ткань жизни и не можем до конца оценить, что происходило с нами и страной.

А тогда, в 1989г., в Московскую Хоральную синагогу пришла группа энтузиастов, которые понимали необходимость начать как-то помогать наиболее обездоленной части населения: инвалидам, престарелым, больным. Пройдёт время, будет писаться история еврейской благотворительности в России, и будущие историки по крупицам будут собирать имена и факты.

А начиналось всё с чувства. И этим чувством было стремление к справедливости. Не должно, не может быть так, чтобы люди, пережившие Холокост, потерявшие близких, здоровье, проработавшие всю жизнь, в старости остались неспособными удовлетворить элементарные потребности. Аналогичные чувства испытывали наши братья в других странах. И кажется вполне естественным, что эти два потока слились: материальные ресурсы, передаваемые от еврейских организаций Америки и Европы, и волонтеры, осуществляющие благотворительную помощь на местах.

И началась работа энтузиастов по выявлению нуждающихся, сбору средств, их распределению. Нужда была во всем: продукты, одежда, внимание и забота, — но скоро стало понятно, что в самом тяжёлом положении оказались одинокие, больные, пенсионеры и инвалиды. Необходимо было создавать патронажную службу. Такой формы социально-медицинской помощи в России просто не существовало, и опыта работы ни у кого не было.

Представители семнадцати еврейских организаций в ноябре 1991 года приняли

решение о создании еврейской благотворительной организации для помощи малообеспеченным, нуждающимся людям, и одним из учредителей этой организации была Люба Жолковская. Она лично обследовала несколько сот подопечных, помнила всех обращавшихся к ней за помощью по именам, знала их нужды. И, самое главное, ощущала всех обратившихся за помощью членами своей семьи. А в семье всё должно быть справедливо, и, значит, в первую очередь решаются самые насущные проблемы. «Мы — одна семья» — стало миссией «Яд Эзры», стилем отношений внутри коллектива. Чужой беды не было, — она становилась своей, всё пропускалось через собственное сердце, и каждый выплёскивал свою, многократно усиленную боль.

Когда вице-президент «Джойнта» Ральф Гольдман приехал в Москву, он нашёл активно работающий коллектив волонтеров, и выбор «Джойнта» был сделан.

Представители самого многочисленного отряда советской интеллигенции, инженеры (а, в основном, это были они), начавшие работать в социальной сфере, обнаружили такие нерастроченные запасы человеческого тепла, любви к людям, сострадания, которым могут позавидовать представители многих гуманитарных профессий. Это их усилиями был создан не унылый аналог «собеса», а совершенно новый тип социальной организации — Хесед, девизом которого являются три составляющие: Община, Идишкэйт, Волонтеры.

В сотнях писем, которые приходят в организацию, лейтмотивом звучит: спасибо вам, без вас мы бы не выжили.

И во всём этом, от истоков и до сегодняшнего дня, не поддающийся сухой арифметической оценке вклад Любви Зиновьевны Жолковской. Все благотворительные программы фонда, — а их сейчас 23, — она «ставила» лично и потом выпускала в самостоятельное плавание руководителей программ. Сейчас Любовь Зиновьевна — руководитель коллектива, состоящего из четырехсот сотрудников и девяти тысяч подопечных, заместитель председателя профессионального совета службы «Уход на дому», созданной ассоциацией Хеседов СНГ. Она широко известный и уважаемый в еврейской общине Москвы человек.

В еврейской традиции известно, что имя человека определяет его судьбу. Я расшифровываю **Л. З. Ж.** — **Любовь — Защитница Жизни.**

А.Кирнос,

Директор фонда «Яд Эзра»

А ВОЗМОЖНА ЛИ АКТИВНАЯ СЕКСУАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ДО СТА ЛЕТ?

**«Да! Возможна!» — отвечают специалисты
Международного медицинского центра «ОН-КЛИНИК»**

«Любовь движет этим миром» — так говорили древние. И хотя существует понятие романтической любви, сексуальное возбуждение и половая жизнь всегда были и остаются тем самым двигателем, в котором заключена ее сила.

Вы помните свой первый роман и глубокие интимные отношения с возлюбленной?

Это может быть совершенно разный опыт: от простого физического контакта или мимолетной связи на одну ночь до неожиданной встречи со своей судьбой. В любом случае это то время, когда вы по-настоящему любите и были любимы, ощущая приятное возбуждение и то восхитительное чувство, которое связано с возможностью давать и получать наслаждение. Да, вы были великаном, и весь мир у ваших ног.

Как ни странно, романтические трепетные отношения и чувства со временем куда-то уходят или проявляются все реже и слабее. После 20, 30 или 40 лет супружеской жизни между мужьями и женами от прежней романтики не остается и следа. Будничные хлопоты и каждодневная рутина, стрессы или затянувшаяся депрессия заглушили их сексуальные импульсы. К сожалению, никто не застрахован от импотенции, передаваемых половым путем инфекционных заболеваний, многочисленных воспалительных процессов.

Тот или иной недуг знаком не только мужчинам, но и представительницам прекрасного пола независимо от возраста, социального статуса и материального положения. Но в силу ряда психологических и физиологических причин, у мужчин про-

блемы с эрекцией имеют куда большее значение, чем возможные половые проблемы у женщин.

Если женщина сексуально безразлична или откровенно скучает, все равно она всегда может быть пассивным участником полового акта. Недостаточно возбужденный мужчина просто не сможет совершить половой акт. Редко встречаются мужчины старше 40 лет, которые хотя бы однажды не столкнулись с ситуацией, когда «дух силен, но плоть слаба».

Победить сексуальные расстройства и навсегда избавиться от тяжести большинства проблем интимного порядка вам помогут специалисты экстра-класса в области сексологии и урологии Международного медицинского центра «ОН-КЛИНИК».

По той или иной причине большинство мужчин и женщин, которым уже за 50, убеждают себя в том, что удивительные радости сексуальной жизни остались в далеком прошлом. Эти убеждения быстро рассеиваются после консультации с опытным **психоаналитиком, урогинекологом, урологом и врачом-сексологом**, работающими в «ОН-КЛИНИК»; также может оказаться полезной **психологическая консультация**. Для выяснения причин сексуальных нарушений в «ОН-КЛИНИК» проведут полное обследование мочеполовой системы на новейшем современном оборудовании, которым оснащен Медицинский центр «ОН-КЛИНИК», и назначат действительно эффективное, индивидуально подобранное лечение, проверенное и гарантированное многолетней мировой практикой.

А теперь несколько слов об «ОН-КЛИНИК»

«ОН-КЛИНИК» — один из крупнейших филиалов международной медицинской сети, где интересные новейшие разработки сочетаются с богатейшим опытом практической деятельности. В «ОН-КЛИНИК» в тесном сотрудничестве работают сексологи, урологи, гинекологи, проктологи, гастроэнтерологи, психотерапевты, эндокринологи, маммологи, дерматологи, аллергологи-иммунологи, офтальмологи, терапевты. Благодаря постоянному обмену опытом с зарубежными коллегами, высокой квалификации специалистов, а также использованию новейшей диагностической техники и уникальных методов лечения, «ОН-КЛИНИК» гарантирует своим пациентам медицинскую помощь на уровне мировых стандартов.

Детальное обследование, включающее в себя лабораторную, ультразвуковую диагностику, доплерографию, исследование силы мышц тазового дна на уникальном аппарате «ПРОКТОКОР» и т.д., позволяет с максимальной точностью установить диагноз. Методики лечения включают в себя фармакотерапию самыми современными препаратами ведущих зарубежных фармофирм, различные виды психотерапии парной и индивидуальной, новейшие физиотерапевтические процедуры, иглорефлексотерапию, развитие интимных мышц, массаж и многое другое.

«ОН-КЛИНИК» принимает своих пациентов в комфортабельном помещении в центре Москвы на Цветном бульваре, рядом с метро.

Мы гарантируем высокие результаты и полную анонимность обращения.

ВЫ УВЕРЕНЫ, ЧТО У ВАС НЕТ ИНФЕКЦИОННО- ВОСПАЛИТЕЛЬНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ, В ТОМ ЧИСЛЕ ПЕРЕДАЮЩИХСЯ ПОЛОВЫМ ПУТЕМ?

Прием ведет заслуженный деятель науки России, почетный член трех научных урологических обществ мира, профессор Пугачев Анатолий Георгиевич.

НЕ ПЕРЕЖИВАЙТЕ! Крупнейший Международный медицинский центр «ОН КЛИНИК», который успешно работает в 35 странах мира (100 филиалов), уже помог миллионам мужчин и женщин решить эти и другие медицинские проблемы: диагностика и лечение (у мужчин) простатитов, уретритов, циститов, аденомы простаты; (у женщин) кольпитов, вагинитов, циститов и других инфекционно-воспалительных заболеваний, в том числе передающихся половым путем (хламидиоз, микоплазмоз, трихомоноз, уреаплазмоз, гарднереллез, герпес и др.); **удаление папиллом, кондилом, бородавок** и прочее.

О ваших инфекциях не узнает никто, кроме вас. (Полная анонимность.)

УНИКАЛЬНАЯ ДИАГНОСТИКА И ЛЕЧЕНИЕ СЕКСУАЛЬНЫХ РАССТРОЙСТВ У МУЖЧИН И ЖЕНЩИН

Широкий спектр услуг гинеколога, уролога, сексолога, психотерапевта, дерматолога, косметолога, проктолога, гастроэнтеролога, илореплекстерапевта, офтальмолога, аллерголога, иммунолога, невролога, терапевта, маммолога, эндокринолога.

- Профилактические осмотры женщин с применением новейших и точных методов лабораторного исследования, УЗ-диагностика и т.д.
- Лечение любых инфекционно-воспалительных заболеваний, передающихся половым путем, и заболеваний органов мочеполовой системы.
- Подбор индивидуальных методов контрацепции.
- Лечение бесплодия.
- Решение проблем климактерического периода.
- Диагностика и лечение мастопатии у женщин, гинекомастии у мужчин.
- Диагностика доброкачественных и злокачественных образований молочной железы.
- Лечение нарушений менструального цикла.
- Диагностика и лечение миомы матки, эндометриоза.
- Диагностика патологии шейки матки (включая кольпоскопию, цитологию).
- Выявление и лечение эндокринных заболеваний (сахарный диабет, избыточная масса тела, заболевание щитовидной железы, гипопифиза, надпочечников) с применением новейших методик и препаратов.
- Диагностика и лечение гормональных нарушений, в том числе и в сексуальной сфере (климакс, бесплодие, нарушение половой функции и др.).
- Лечение синдрома хронической усталости.
- Диагностика и лечение кожных заболеваний (бактериальные, вирусные инфекции, поверхностные и глубокие микозы и др.).

ЗАЧЕМ ТЕРПЕТЬ НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ МУКИ, КОГДА МОЖНО ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ГЕМОРРОЯ И АНАЛЬНЫХ ТРЕЩИН

Быстро, без операции, без боли и без госпитализации и еще получить от крупнейшего Международного медицинского центра «ОН КЛИНИК» гарантию на лечение – 3 года.

Врачи – проктологи, гастроэнтерологи, диетологи из 100 филиалов «ОН КЛИНИК» 35 стран мира разработали авторские уникальные методики лечения: **геморроя, анальных трещин и заболеваний желудочно-кишечного тракта, которые позволяют избавиться от этих мучительных, неприятных заболеваний.**

Прием ведет доктор медицинских наук Загрядский Е. А.

В «ОН КЛИНИК» проводятся все виды диагностических обследований, в том числе ректороманоскопия, аноскопия, гастроскопия, колоноскопия, УЗ-диагностика, микробиологическое исследование кала и т.д.

ПОЧЕМУ НАДО ДОВЕРИТЬ СВОЕ ЗДОРОВЬЕ ПРОФЕССИОНАЛАМ «ОН КЛИНИК»

- ◆ Первая частная клиника в России, специализирующаяся на решениях мужских и женских деликатных проблем (6 лет в России, 11 лет за рубежом)
- ◆ Высококвалифицированные врачи с мировым именем
- ◆ Уникальные методики обследования и лечения
- ◆ Удобное месторасположение – в центре города, рядом со станцией метро
- ◆ Высокий уровень обслуживания
- ◆ Обеспечение экстренной помощью 24 часа в сутки
- ◆ Анонимность обращения гарантирована
- ◆ Доступные цены, система скидок и поэтапная оплата курса лечения.

Прием ведут врачи – урологи, гинекологи, проктологи – как мужчины, так и женщины.

Международный медицинский центр «ОН КЛИНИК» на Цветном бульваре:
(095) 258-2526 (многоканальный), 208-5074, 208-8396.
www.onclinic.ru e-mail: onclinic@yahoo.com Ежедневно с 9.00 до 24.00. Любая форма оплаты.

Книги издательства ДААТ/Знание Иерусалим – Москва

- «Горские евреи. История, этнография, культура», 1999
- «Литература Агады». Серия «Библиотека еврейской классики», 1999
- Дж. Грин. «Холокост», роман (перевод с англ.), 2000
- М. Хейфец. «Суд над Иисусом, Еврейские версии и гипотезы», 2000
- Дж. Шредер. «Шесть дней творения и Большой Взрыв». Серия «Библия и современная наука», 2000
- Р. Булка. «Почтение отцов. Современный комментарий» (пер. с англ.), 2001
- С. Резник. «Растление ненавистью. Кровавый навет в России», 2001
- М. Каплан. «Евреи в современном мире. Иудаизм как развивающаяся цивилизация» (пер. с англ.), 2001
- Е. Цейтлин. «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти», 2001
- Э. Факкенгейм. «Что такое иудаизм?», 2002
- Г. Адельшин. «Космос: всеобщая подчиненность и свобода», 2002
- А. Юдина. «Второе дыхание», лирическая поэтическая подборка, 1999

Адрес: 127322, Москва, ул. Яблочкова, д. 23, кв. 41
Телефон: (095) 210-4019, E-mail: alyud@ru.ru